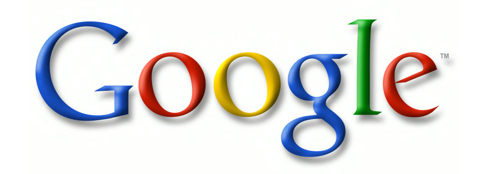

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

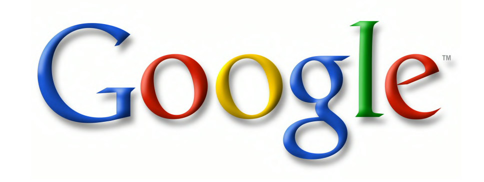
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

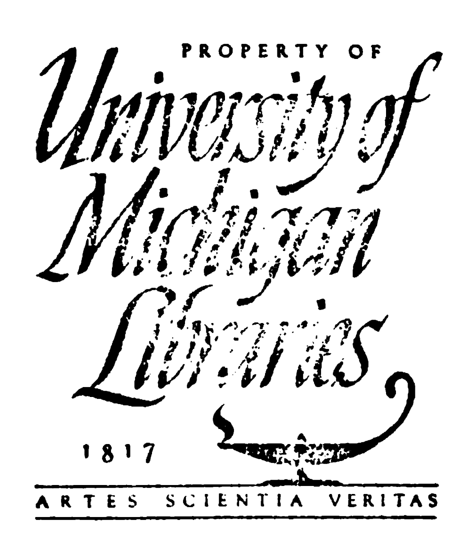
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

C 508,374

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

#14

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VII.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ.

Съ 17 таблицами.

НОВАЯ СЕРІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

…TED IN RUS…

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XI.... .... 3 р. - к.

Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. Тт. III, IV, VII, VIII—по 3 р.; IX и X по 15 р.. 42 » — »

Записки Имп. Русск. Арх. Общества. Новая серія, т. I—2 р. 50 к., Т. II—3 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—5 р., т VI—4 р., т. VII. 4 р.. 26 » 50 »

Труды Восточнаго Отдѣленія. Т. XI—2 р. 50 к., т. XIII—2 р. 50 к., т. XIV—3 р., т. XVI—2 р., т. XVII—2 р. 50 к., т. XX—3 р. 15 » 50 »

Записки Восточнаго Отдѣленія т. I—4 р., т. II—4 р., т. III—4 р., т. IV—4 р., т. V—4 р., т. VI—4 р., т. VII—4 р., т. VIII—4 р.............................. .... 32 » — »

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Т. III—2 р. 50 к., т. IV—4 р. (Тт. I и II въ продажѣ нѣтъ)......... 6 » 50 »

Древности Россійскаго Государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Вып. I—III—18 р. и IV—12 р............. .... 30 » — »

Сказанія о свят. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго списка XVI вѣка, съ предис. **И. И. Срезневскаго**. .... 6 » — »

Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губ., соч. архим. **Макарія**........................ .... 3 » — »

Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. прот. П. И. Соловьевымъ. Съ указателемъ **П. И. Савваитова**................ 1 » 50 »

Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи. **Б. Кене**.................................... 1 » — »

Жизнь и труды П. С. Савельева. **В. В. Григорьева**..... .. 2 » — »

Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прозоровскаго**, изд. 2-е..... [illegible]

Словарь джагатайско-турецкій, **В. В. Вельяминова-Зернова**.. . [illegible]

Записка для обозрѣнія русскихъ древностей.............. — » 20 »

О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ архимандр. **Антонина**.. .... 1 » 50 »

Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo. Zapiski

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VII.

Съ 34 таблицами.

НОВАЯ СЕРІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

DK
30
.R97
n.s.
v.7
no.3-4

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

Slavic Lang
Harvard
8.16.54
88814

СОДЕРЖАНІЕ VII-го ТОМА ЗАПИСОКЪ.

Мы только-что вознесли горячія молитвы къ Всевышнему объ упокоеніи души въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III, подъ Высочайшимъ покровительствомъ котораго наше Общество имѣло счастіе состоять съ 5 декабря 1881 года.

Да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ объ усопшемъ высокомъ нашемъ покровителѣ.

Мы пережили необыкновенно скорбное время. Преждевременная кончина возлюбленнаго Монарха повергла въ глубокую печаль и Старый и Новый Свѣтъ. Россія потеряла Государя, который, вступивъ на престолъ при самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ, въ теченіе почти 14-ти лѣтъ своего царствованія неуклонно стремился къ осуществленію тѣхъ мѣропріятій, которыя Имъ были намѣчены въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 года и которыя Онъ признавалъ устоями для правильнаго развитія Россіи, а именно: къ искорененію гнусной крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія и къ водворенію порядка и правосудія въ дѣйствіяхъ учрежденій, дарованныхъ Его родителемъ нашему Отечеству.

Не намъ, современникамъ этого спокойнаго и счастливаго царствованія, имѣвшаго постоянно главною цѣлью мирное преуспѣяніе дорогой сердцу Монарха Россіи, ея могущество и славу, судить, на сколько и какъ все это было достигнуто и исполнено. Справедливая оцѣнка такъ неожиданно прерваннаго царствованія принадлежитъ будущимъ изслѣдователямъ, и исторія произнесетъ надъ нимъ свой безпристрастный судъ. Но мы имѣемъ неоспоримое право сказать, что Императоръ Александръ III

оставилъ своему Преемнику Имперію успокоенною отъ умственной смуты, упорядоченною въ финансовомъ отношеніи, охраняемою на границахъ вновь сооруженными крѣпостями, защищаемою войскомъ, снабженнымъ улучшеннымъ оружіемъ, сильною въ политическомъ мірѣ.

Европа лишилась строгаго поборника правды, энергически отстаивавшаго ея спокойствіе, этотъ дорогой даръ для народнаго благосостоянія, ни разу не подумавшаго обнажить мечъ, не смотря на вызывающія дѣйствія нѣкоторыхъ державъ, даже тѣхъ, которыя считались нами дружественными, съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ устранявшаго всѣ ихъ мелкія интриги, которыя, наконецъ, принуждены были разсѣяться и исчезнуть передъ миролюбивою политикою Государя. И когда послѣ ряда лѣтъ Европа пришла къ сознательному убѣжденію, что въ скромномъ кабинетѣ Аничкова или Гатчинскаго дворца сосредоточиваются нити международнаго порядка и мира, что здѣсь ровно бьется пульсъ ея жизни, то она, почти всегда къ намъ несправедливо враждебная, невольно преклонилась передъ обаятельною личностью Русскаго Царя и единодушно признала въ Немъ вершителя судебъ міра. Въ исторіи многихъ европейскихъ государствъ, несомнѣнно, будетъ отведена сочувственная страница изображенію царствованія Императора Александра III и тому, чѣмъ они были обязаны Его политикѣ, благодаря которой Россія среди европейскихъ державъ заняла, въ этотъ сравнительно краткій періодъ времени, высокое и подобающее ей мѣсто.

Усвоенное какъ у насъ, такъ и за границею покойному Императору названіе Миротворца имѣло основаніемъ Его нравственное величіе, Его правду, которую Онъ проводилъ и въ жизни, и въ политикѣ. Изъ Его рескрипта вдовѣ С. М. Соловьева ясно видно и то значеніе, какое имѣлъ въ Его глазахъ нашъ историкъ, и причина глубокаго уваженія покойнаго Государя къ Своему наставнику, отъ котораго Онъ, какъ Самъ выразился, „усвоилъ всегда памятныя наставленія въ исторіи нашего отечества“. Государь уважалъ Сергѣя Михаиловича за то, что онъ былъ человѣкъ добра и чести, горячо принимавшій къ сердцу и въ прошедшихъ и въ настоящихъ судьбахъ Россіи все, что относится

къ ея славѣ, хранившій въ душѣ своей святую вѣру и преданность церкви, какъ драгоцѣнный залогъ блага народнаго. Всѣ эти качества, признанныя покойнымъ Государемъ въ С. М. Соловьевѣ, Онъ Самъ въ высшей степени проявлялъ во всемъ и всегда, и по Своему непреклонно твердому, мужественному и вмѣстѣ кроткому характеру, и по гармоническому соединенію гражданскихъ доблестей и семейныхъ добродѣтелей, и по Своей преданности ученію православной церкви Онъ сталъ дорогъ и близокъ сердцу каждаго русскаго.

Въ дѣятельности почившаго Государя есть еще черта, которая намъ, членамъ Археологическаго Общества, особенно цѣнна и которая, будучи открыта для всѣхъ, невольно заставляетъ передъ Нимъ преклоняться — это любовь Его къ отечественной исторіи, уваженіе къ памятникамъ старины, благоволительное покровительство изслѣдователямъ нашего прошлаго. Еще бывъ Наслѣдникомъ Престола, Онъ принялъ званіе Почетнаго Предсѣдателя въ основанномъ въ 1866 году Русскомъ Историческомъ Обществѣ. Въ собраніяхъ этого Общества, происходившихъ въ Аничковомъ дворцѣ, немногочисленные его члены читали свои сообщенія, по поводу которыхъ нерѣдко происходилъ живой обмѣнъ мыслей, причемъ много интереснаго и наставительнаго было высказываемо и Самимъ Государемъ. По вступленіи на Престолъ, Государь оставилъ за Собою предсѣдательство въ Обществѣ и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ выслушивалъ біографіи выдающихся русскихъ дѣятелей, предназначавшіяся для издаваемаго Обществомъ біографическаго словаря. Мѣткія замѣчанія, которыя дѣлалъ Государь по окончаніи чтенія этихъ біографическихъ очерковъ, показывали близкое знакомство Его съ отечественною исторіею.

Почившій Государь Императоръ принялъ подъ Свое покровительство наше Общество во вниманіи того, что оно много потрудилось для уясненія прежнихъ судебъ нашего Отечества и его памятниковъ, и выразилъ готовность оказывать содѣйствіе полезной его дѣятельности. Когда въ средѣ нашего Общества возникла мысль объ изслѣдованіи древняго городища въ Старой Ладогѣ, извѣстнаго подъ названіемъ Рюриковой крѣпости, единственнаго и драгоцѣннаго памятника древняго русскаго военнаго зод-

чества, и когда это было доведено до свѣдѣнія Государя, Онъ пожаловалъ на этотъ предметъ 2.000 р., а когда былъ поднятъ вопросъ объ охраненіи этого памятника отъ разрушительнаго вліянія времени, Его Величеству благоугодно было пожаловать изъ Своихъ средствъ 6.000 р. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ покойный Государь благоволительно отнесся къ ходатайству нашего Августѣйшаго Предсѣдателя о дарованіи Обществу приличнаго помѣщенія, и Ему мы обязаны назначеніемъ помѣстительной квартиры, въ залѣ которой происходитъ настоящее собраніе. Наконецъ, припоминаю еще и то, какъ милостиво были приняты въ Бозѣ почившимъ Императоромъ изданія нашего Общества, поднесенныя Ему особою депутаціею изъ нашихъ сочленовъ.

Императорскій Россійскій Историческій музей въ первопрестольной столицѣ, возникшій подъ покровительствомъ Государя Императора, бывшаго въ то время еще Наслѣдникомъ Престола, обязанъ щедротамъ Монарха своимъ настоящимъ положеніемъ. На средства, пожалованныя Государемъ лично отъ Себя съ цѣлью изучить древности Кавказа, напечатаны четыре объемистые выпуска матеріаловъ по археологіи Кавказа, богатые содержаніемъ и свидѣтельствующіе о неустанной дѣятельности Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой. По ея же иниціативѣ Государь обратилъ особенное вниманіе на древній Херсонесъ и на запискѣ графини, въ которой она ходатайствовала спасти этотъ замѣчательный памятникъ отъ окончательной гибели, представленной Министромъ Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее воззрѣніе, Государьсо изволилъ начертать: „Это необходимо сдѣлать, чтобы не прослыть за варваровъ. Поговорите объ этомъ дѣлѣ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и представьте Мнѣ заключеніе и какъ можно скорѣй, чтобы спасти все, что можно спасти". Противъ же мѣста записки, гдѣ говорилось о трудности будущимъ изслѣдователямъ производить работы въ испорченномъ хищниками Херсонесѣ, Государь написалъ: „Съ радостію поддержу ихъ". Вслѣдствіе доклада Министра Народнаго Просвѣщенія, раскопки были переданы въ вѣдѣніе Императорской Археологической Коммиссіи съ строгимъ запрещеніемъ производить ихъ кому бы то ни было, и когда, по прошествіи

пяти лѣтъ со времени этой передачи, Государь въ 1893 году посѣтилъ Херсонесскій музей, то нѣсколько часовъ посвятилъ на обозрѣніе собранныхъ въ немъ предметовъ и изволилъ выразить Свое удовольствіе словами: „Теперь виденъ порядокъ“.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ интересомъ покойный Государь обозрѣвалъ ежегодныя выставки Археологической Коммиссіи, на которыхъ были представляемы предметы, найденные при раскопкахъ въ теченіе года. Онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе цѣлыхъ собраній, желая ихъ сохранить для Россіи. Такъ, между прочимъ, въ 1884 году поступило въ эрмитажъ богатое собраніе Базилевскаго, въ 1886 году былъ пріобрѣтенъ извѣстный Голицынскій музей, а весною 1893 года была куплена коллекція предметовъ древности, найденныхъ, главнымъ образомъ, на югѣ Россіи, у извѣстнаго коллектора Лемме. Щедрою рукою Онъ отпускалъ также средства на возстановленіе и поддержаніе памятниковъ старины, которые безъ этого пришли бы въ окончательное разрушеніе.

Боюсь утомить ваше вниманіе даже краткимъ перечисленіемъ всего того, что сдѣлано покойнымъ Государемъ на пользу изученія отечественныхъ древностей, но не могу пройти молчаніемъ, что и среди тяжелыхъ трудовъ по управленію государствомъ покойный Монархъ находилъ время читать историческія сочиненія и документы. Въ моей памяти навсегда сохранятся Его разговоры со мною, которыми я былъ удостоиваемъ, когда имѣлъ счастіе подносить Его Величеству тома „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Изъ словъ Государя я видѣлъ, что Онъ читалъ не только письма Державнаго Преобразователя Россіи, но и объяснительныя къ нимъ примѣчанія. Помню также, съ какимъ вниманіемъ Онъ выслушивалъ мои объясненія о содержаніи новыхъ, представляемыхъ на Его Августѣйшее воззрѣніе, изданій Археографической Коммиссіи. И многихъ другихъ лицъ, работавшихъ въ области отечественной исторіи, Государь Императоръ нерѣдко удостоивалъ Своею бесѣдою. Такая любовь Государя къ прошлому нашего Отечества, о которой всѣ знали, естественно должна была имѣть и, смѣло скажу, положительно имѣла благотворное вліяніе на разработку отечественной исторіи.

Потомство съ благодарностью будетъ всегда обращаться къ свѣтлымъ годамъ царствованія Императора Александра III, когда миръ и тишина господствовали у насъ и въ Европѣ, и желать, чтобы ничто ихъ не нарушало, а историкъ отечественнаго просвѣщенія съ чувствомъ благоговѣйной признательности будетъ указывать на то, что̀ совершено въ теченіе этого времени на пользу изученія родной старины и исторіи Россіи, поучительные уроки которой покойный Вѣнценосецъ всегда памятовалъ и не упускалъ изъ вида.

Да будетъ вѣчная память Царю Миротворцу и покровителю отечественной старины, которую онъ любилъ отъ глубины своей русской души!

IX.

Сибирскія древности.

Изъ путевыхъ записокъ В. В. Радлова.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Десять лѣтъ тому назадъ, академикъ В. В. Радловъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Aus Sibirien“, два тома записокъ, веденныхъ имъ во время научнаго путешествія по Сибири въ 1865 и 1866 годахъ. Седьмая глава второго тома этого замѣчательнаго труда посвящена сибирскимъ древностямъ, и я полагаю, что окажу услугу русскимъ археологамъ, представивъ, съ одобренія автора, русскій переводъ этой главы, съ воспроизведеніемъ соотвѣтственныхъ таблицъ нѣмецкаго, не всѣмъ доступнаго, изданія.

Гр. А. Бобринской.

Ноябрь 1894 г.

Сибирскія древности.

Описаніе могилъ; надгробные камни; каменныя могилы долины Енисея; каменныя могилы на Алтаѣ; каменныя могильныя насыпи; земляные могильные холмы.— Изслѣдованіе каменныхъ могилъ въ долинѣ Енисея и на Алтаѣ. — Изслѣдованіе каменныхъ могильныхъ холмовъ въ Уйменской степи и на Берелѣ. — Изслѣдованіе земляныхъ могильныхъ холмовъ.—Причина разрушенія могилъ.—Древности мѣднаго періода.—Переходъ отъ мѣднаго періода къ желѣзному; древнѣйшій и новѣйшій желѣзные періоды.—Попытки вывести нѣкоторыя заключенія изъ сопоставленія остатковъ древней культуры Сибири съ Сибирью до-исторической.

Лишь только, переправившись черезъ Уралъ, перейдешь въ бассейны Тобола и Иртыша, повсюду встрѣчаются громадные могильные холмы прежнихъ временъ, расположенные группами въ обширной степи, на высокихъ береговыхъ грядахъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Оби эти могилы

становятся многочисленнѣе. Въ сѣверной Киргизской степи типъ ихъ мало измѣняется, хотя къ западу отъ верховьевъ Иртыша многіе изъ могильныхъ холмовъ состоятъ уже не изъ земляной насыпи, а изъ нагроможденныхъ полевыхъ камней. Напротивъ, въ рѣчныхъ долинахъ Алтая, по верховьямъ Енисея и въ Абаканской степи встрѣчаются многочисленные могильники, обставленные и украшенные стоячими обломками скалъ. Всѣ эти могильники свидѣтельствуютъ о значительномъ населеніи, обитавшемъ здѣсь въ прежнее время, населеніи, которое, судя какъ по самымъ могиламъ, такъ и по найденнымъ въ нихъ древнимъ предметамъ, успѣло уже отчасти достичь весьма значительной степени развитія.

Но прежде нежели перейти къ описанію этихъ предметовъ древности и попытаться сдѣлать выводъ о степени развитія прежнихъ обитателей Сибири, я обращусь къ описанію наружнаго вида могильныхъ холмовъ и начну съ могилъ у Енисея и на Алтаѣ, такъ какъ эти могилы, благодаря камнямъ, которыми онѣ украшены, представляютъ одинъ общій типъ.

Въ степи, расположенной высоко надъ уровнемъ рѣки Абакана, а также по притокамъ этой рѣки, по верховьямъ Енисея, къ югу отъ Красноярска и до нѣдръ Саянскаго хребта, равно какъ и въ степяхъ по берегамъ обоихъ Іюсовъ, вплоть до самаго Кузнецкаго Алатау встрѣчаются могильники весьма различныхъ размѣровъ (заключающіе отъ 10 до 200 могилъ каждый). Эти могильники расположены преимущественно на болѣе возвышенныхъ пунктахъ, гдѣ грунтъ каменистый и не подверженъ наводненію. Отдѣльно взятыя могилы очень разнообразны, какъ по величинѣ, такъ и по наружному виду. Онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующіе, ясно различаемые, типы:

1) Могилы квадратныя; сверху большею частью плоскія, прикрытыя лишь совершенно незначительной холмообразной насыпью, вышиною не болѣе одного или двухъ аршинъ. Тамъ, гдѣ существуютъ такія возвышенности, онѣ насыпаны изъ грунтовой земли и мелкихъ камней и обставлены какъ бы оградой изъ ряда вкопанныхъ въ землю перпендикулярныхъ толстыхъ каменныхъ плитъ, высота коихъ нерѣдко достигаетъ $1^1/_2$ саженъ, при ширинѣ отъ 3 до 6 вершковъ. Плиты часто закопаны въ землю вглубь до 1 аршина и укрѣплены въ грунтѣ посредствомъ небольшихъ обломковъ скалъ. Благодаря этому, плиты не могли никоимъ образомъ быть сдвинуты съ вертикальнаго ихъ положенія, развѣ лишь если камни, укрѣпляющіе ихъ, были удалены при

позднѣйшемъ вскрытіи могилы. Такого рода квадратныя могилы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Абаканской степи. Онѣ особенно характерны недалеко отъ устьевъ Аскыса, близъ каменнаго изображенія Куртуякъ-Ташъ. Здѣсь вертикальныя каменныя глыбы достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Доставка ихъ, вѣроятно, была сопряжена съ значительными затрудненіями, такъ какъ никакихъ скалъ по близости не существуетъ. Квадратныя могилы не отличаются большими размѣрами; я не встрѣтилъ ни одной могилы этого рода, сторона квадрата которой превышала бы 4 или 5 саж. Слѣдуетъ еще замѣтить, что вертикальныя глыбы бо̀льшею частью представляютъ изъ себя гладкія плиты, образующія стороны квадрата.

2) Довольно высокіе могильные холмы отъ 1 до $1^1/_2$ саж. высоты и отъ 10—25 саж. въ діаметрѣ. Эти надмогильные холмы насыпаны изъ грунтовой земли, на что указываютъ выемки въ землѣ, находящіяся бо̀льшею частью по сторонамъ кургана. На такихъ могильныхъ холмахъ поставлены вертикально обломки скалъ, образующіе прямоугольники. Эти каменныя плиты на всѣхъ могилахъ почти одинаковой величины, но высота ихъ не всегда пропорціональна высотѣ надмогильнаго холма. Такъ, нѣкоторые менѣе высокіе холмы обставлены каменными плитами большихъ размѣровъ, тогда какъ на другихъ, очень высокихъ могилахъ поставлены плиты только въ нѣсколько футовъ высоты. На многихъ могилахъ эти каменныя плиты достигаютъ сажени высоты. Способъ укрѣпленія плитъ въ землѣ совершенно такой же, какъ и у квадратныхъ могилъ, но самая постановка ихъ отличается отъ постановки на квадратныхъ могилахъ тѣмъ, что здѣсь всѣ плиты поставлены въ одномъ направленіи, т.-е. съ востока на западъ; поэтому на восточной и западной сторонахъ прямоугольника плиты стоятъ ребромъ. Прямоугольникъ направленъ короткими сторонами къ сѣверу и югу, а длинныя стороны его, которыя почти всегда вдвое болѣе короткихъ, обращены къ востоку и западу. Длинныя стороны заключаютъ большею частью отъ 12 до 18 каменныхъ плитъ, тогда какъ на короткихъ сторонахъ ихъ расположено, въ большинствѣ случаевъ, отъ 3 до 8. Подобные надмогильные холмы съ высокими каменными глыбами я встрѣтилъ въ четырехъ или пяти мѣстахъ на Абаканѣ и въ Іюсской степи, недалеко отъ Кизильской Управы. Вообще же этого рода могилы попадаются довольно рѣдко.

3) Главную массу могилъ составляютъ могилы, ограниченныя прямоугольниками, составленными изъ 10 камней. Эти прямоугольники, расположены точно такъ же, какъ и только что описанные, т.-е. короткими

сторонами къ сѣверу и югу. Камни, окаймляющіе прямоугольники, на каждой могилѣ почти равной высоты, торчатъ изъ земли иногда на аршинъ, бо́льшей же частью высота ихъ не превышаетъ $^1/_2$ арш. и даже менѣе. Камни эти—преимущественно плиты или очень грубо-обтесанные обломки скалъ. Они расположены по сторонамъ прямоугольника слѣдующимъ образомъ: четыре камня стоятъ по угламъ его, на короткихъ сторонахъ помѣщено только по одному, а на длинныхъ—по два камня. Разстояніе между камнями всюду одинаково, такъ что короткія стороны относятся къ длиннымъ, какъ 2 : 3. Эти надмогильные прямоугольники рѣдко стоятъ одиноко, бо́льшей частью они расположены рядами, числомъ отъ 2 до 4 и соприкасаются между собой короткими сторонами. Во многихъ большихъ могилахъ, окаймленныхъ десятью камнями, къ востоку отъ двухъ среднихъ камней восточной длинной стороны, расположены еще два камня, благодаря чему подлѣ большого могильнаго прямоугольника образуется еще другой маленькій квадратъ. Кромѣ того, встрѣчаются большія вертикальныя, болѣе или менѣе хорошо обтесанныя каменныя глыбы или столбы, находящіеся большею частью въ разстояніи отъ 10 до 50 шаговъ къ западу отъ могилъ. Столбы эти прозваны русскими обитателями маяками. Путешественники считаютъ ихъ указателями пути или могильными камнями. Я, съ своей стороны, считаю ихъ жертвенниками, имѣющими связь съ вышеописанными могилами, такъ какъ эти столбы постоянно расположены къ западу отъ нихъ. При мнѣ изслѣдованы были многіе изъ этихъ маяковъ, но ничего подъ ними не найдено, кромѣ полевыхъ камней, служащихъ для прикрѣпленія ихъ къ грунту; земля всюду крѣпкая, нетронутая и грунтовая. Точно также мною изслѣдованы многіе изъ вышеописанныхъ прямоугольниковъ, обставленныхъ четырьмя камнями и пристроенныхъ къ восточной сторонѣ могилъ, но и въ нихъ я ничего не нашелъ, а потому и эти квадраты причисляю къ жертвенникамъ.

4) Прямоугольныя ровныя могилы, окаймленныя только однимъ рядомъ камней, зарытыхъ въ землю. Эти могилы расположены въ рядъ одна подлѣ другой, такимъ образомъ, что камни одной ограничиваютъ въ то же время и слѣдующую могилу. Размѣры прямоугольниковъ различны, самые большіе имѣютъ 4 саж. длины и отъ $2^1/_2$ до 3 саж. ширины; большинство: $4^1/_2$ арш. длины и отъ 2 до $3^1/_2$ арш. ширины, наконецъ, наименьшіе 1 арш. длины и $^3/_4$ арш. ширины. Длинныя стороны всегда обращены къ сѣверу и югу, короткія — къ востоку и западу. Расположены могилы группами отъ 10 до 25 могилъ, сплетенныхъ между собой. Иногда онѣ расположены по три въ рядъ, сопри-

касаясь длинными сторонами и образуя прямоугольникъ большихъ размѣровъ. Камни, окаймляющіе всѣ эти могилы, зарыты въ землю и торчатъ надъ поверхностью земли. Это большею частью каменныя плиты, отъ 6 до 10 вершк. высоты, отъ 1 до 1½ арш. длины и отъ 2 до 4 вершк. толщины, соприкасающіяся между собой короткими сторонами.

5) Круглыя, плоскія могилы, обставленныя камнями, въ видѣ круга. Въ Абаканской степи эти могилы очень рѣдки; я нашелъ всего три такія могилы по нижнему теченію Абакана, между тѣмъ какъ четыреугольныя могилы мнѣ попадались тысячами. Круглыя могилы у Абакана имѣли отъ 5—6 саж. въ діаметрѣ. Онѣ совершенно плоски, безъ всякой могильной насыпи. Камни, обыкновенныя неотесанныя булыги, зарыты въ землю и едва виднѣются. Всѣ эти могилы носятъ ясные слѣды прежнихъ раскопокъ. Въ самомъ Алтаѣ, т.-е. въ чрезвычайно плодоносныхъ долинахъ лѣвыхъ притоковъ Катуньи и правыхъ притоковъ Иртыша, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются значительныя кладбища, состоящія изъ могилъ, которыя украшены камнями, вкопанными въ землю. Всѣ эти могилы совершенно однородны съ могилами на Енисеѣ, т.-е. плоски и круглы; въ видѣ единичныхъ исключеній попадаются и низкіе надмогильные холмы съ каменными кругами. При этомъ нужно замѣтить, что могилы въ нѣдрахъ Алтая, т.-е. по нижнему теченію Катуньи, на Ангодаѣ, Уруссулѣ и на Чуѣ бо̀льшею частью занимаютъ очень небольшое пространство. Точно также и на Уименѣ діаметръ круглыхъ каменныхъ могилъ не превышаетъ 3 или 4 саж. Гораздо значительнѣе круглыя могилы на Бухтармѣ и въ бассейнѣ верховьевъ Иртыша. Я встрѣчалъ ихъ къ западу, почти до города Сергіополя, и по Иртышу, почти до гор. Семипалатинска. Между послѣдними попадались многія насыпи вышиною въ нѣсколько футовъ.

Кромѣ этихъ круглыхъ каменныхъ могилъ, я встрѣтилъ на Ангодаѣ, Уименѣ и Чуѣ прямоугольники, обставленные камнями. Здѣсь они также расположены были рядами, но, сколько я изъ нихъ ни изслѣдовалъ, ни при одномъ не удалось мнѣ найти могильную яму, что даетъ мнѣ право причислять эти прямоугольники къ числу жертвенниковъ.

Во время моего путешествія въ Кобдо я встрѣтилъ во многихъ мѣстахъ западной части Монгольской степи каменныя могилы, которыя по формѣ своей однако отличаются какъ отъ могилъ на Иртышѣ, такъ и отъ могилъ на Енисеѣ и на Алтаѣ. А именно:

1) Между станціями Боробургазунъ и Бьелю, по ту сторону Кошъ-Дабы, въ долинѣ рѣки Сакъ. Эти могилы состоятъ изъ вкопанныхъ въ землю камней, расположенныхъ въ видѣ большого круга, въ серединѣ котораго нагромождена небольшая груда булыгъ. Наружный кругъ имѣлъ въ діаметрѣ отъ 4 до 6 саж., а внутренній могильный холмъ — отъ 2 до 3 саж. Высота этого послѣдняго равнялась 1—1½ арш. Всѣ могильные холмы имѣли правильную форму и нигдѣ не оказывалось слѣдовъ прежняго вскрытія.

2) Въ равнинѣ Окату, а также и Кобдо, мнѣ встрѣтились могилы трехъ родовъ построенія: a) круглыя груды камней, бо́льшею частью нагроможденныхъ изъ обломковъ скалъ большого размѣра, b) четыреугольныя могилы изъ вкопанныхъ въ землю камней, по серединѣ коихъ насыпанъ низкій могильный холмъ изъ болѣе крупныхъ булыгъ, c) узкія прямоугольныя могилы, состоящія изъ 3 или 4 параллельно вкопанныхъ въ землю камней.

3) Къ востоку отъ Мо́стю-Булэкъ двѣ большія каменныя могилы, состоявшія изъ большого круга. Въ составъ этого послѣдняго входили 10—12 меньшихъ каменныхъ круговъ, а каждый изъ маленькихъ заключалъ въ себѣ 6 камней. Въ серединѣ одной изъ могилъ находилось пять холмовъ, наваленныхъ изъ бо́льшихъ булыгъ; четыре меньшіе расположены были по угламъ квадрата, а пятый, значительно бо́льшій, находился въ серединѣ его. Другая могила состояла изъ могильнаго холма, окруженнаго каменнымъ кругомъ, а этотъ, въ свою очередь, окруженъ былъ цѣлымъ поясомъ мелкихъ каменныхъ круговъ.

4) На Конго-Шурукѣ могилы такія же, какъ и описанныя мною въ пунктѣ 2-мъ.

5) Къ западу отъ города Кобдо встрѣчаются одновременно какъ круглыя каменныя могилы съ одной только грудой камней, такъ и могилы, состоящія изъ пяти каменныхъ возвышеній, описанныя мною въ пунктѣ 3-мъ. Было еще много могилъ, состоящихъ только изъ 5 камней, изъ которыхъ четыре расположены были по угламъ квадрата, а пятый въ центрѣ его.

Потанинъ встрѣчалъ такого рода могилы, называемыя монголами „керексурами“, по всей западной части Монгольской степи. Судя по рисункамъ Потанина, наружный видъ всѣхъ этихъ могилъ очень схожъ съ тѣми, которыя видѣлъ я. Всѣ онѣ, безъ исключенія, состоятъ изъ бо́льшихъ или меньшихъ, нагроможденныхъ изъ булыгъ, надмогильныхъ холмовъ, и окружены рядами вкопанныхъ въ землю камней.

Помимо упомянутыхъ мною каменныхъ круговъ, Потанинъ указы-

ваетъ еще на другія фигуры, образуемыя вкопанными въ землю камнями, но описаніе ихъ завлекло бы меня слишкомъ далеко.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ каменныхъ могилъ, на Алтаѣ, въ Киргизской степи и вообще во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ южной части Западной Сибири, вплоть до Урала встрѣчается множество кладбищъ, заключающихъ каждое могильныя насыпи бóльшихъ или меньшихъ размѣровъ. Они сооружены бóльшею частью изъ грунтовой земли, вслѣдствіе чего въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ состоитъ изъ чернозема или глины, курганы насыпаны изъ одной земли, наоборотъ, тамъ, гдѣ почва каменистая, напр., вблизи горъ и въ долинахъ рѣкъ, тамъ насыпи изъ земли и камней. Только въ Уйменской степи, на Алтаѣ, а также по всей западной части Киргизской степи и въ среднемъ хребтѣ горъ Абаканской степи, встрѣчаются могильные холмы, насыпанные исключительно изъ полевыхъ камней, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ черноземный и куда, слѣдовательно, приходилось доставлять камни на довольно далекое разстояніе. Въ Киргизской степи, а также въ южной Сибири попадаются отдѣльные могильные холмы, высота которыхъ достигаетъ 20 арш., въ діаметрѣ же они имѣютъ до 50 арш. и даже больше.

Въ Киргизской степи мнѣ попадались отдѣльныя высокія могилы другого устройства. Такъ, напримѣръ, около города Капала находятся три громадные могильника: изъ нихъ одинъ обставленъ двумя каменными кругами, діаметромъ до 100 арш., другой же окруженъ квадратнымъ рвомъ. Около середины западной стороны квадрата ровъ прерывается и тутъ образуется какъ бы дорожка къ кургану, шириною около 4—5 арш.

На Каркарѣ (къ востоку отъ Иссикула) я нашелъ два могильные холма значительной высоты, расположенные по направленію съ востока на западъ. Восточная могила была на $1^1/_2$ саж. ниже западной и отъ нея шли къ сѣверу и югу два полукруглые вала, вышиною до 10 арш.

Какъ на Алтаѣ, такъ и въ западной части Киргизской степи могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, достигаютъ значительной высоты; діаметръ ихъ часто равенъ 15—20 аршинамъ. Въ средней же части горнаго хребта Абаканской степи высота этихъ каменныхъ могильныхъ насыпей очень незначительна, не свыше 1 арш., а въ діаметрѣ только 1—2 саж.

Онѣ образуютъ здѣсь тѣсныя кладбища, содержащія часто до сотни могилъ, характерной чертой которыхъ является то, что онѣ всегда рас-

положены попарно, причемъ каждая пара состоитъ изъ круглой и продолговатой насыпи.

Во время моего путешествія по южной Сибири и Киргизской степи я изслѣдовалъ много могилъ въ разныхъ мѣстахъ, а именно: въ продолженіе 1862 г. въ Кулундской степи, близъ города Семипалатинска, къ сѣверу отъ города Капала, къ востоку отъ Коксуйской станицы, на рѣкѣ Карбарѣ, къ востоку отъ Иссыкула и, наконецъ, въ долинѣ Или, близъ города Вѣрнаго. Въ 1863 г. — на лѣвомъ берегу Абакана, у устьевъ рѣки Еси, на разстояніи около 20 верстъ внизъ по теченію Абакана, у перваго Катшинскаго аула; близъ Абаканской Управы, на рѣкѣ Іюсь, къ сѣверу отъ Кизильской Управы, на рѣкѣ Аскысъ, на рѣкѣ Чердатъ (между Чулымомъ и Кіей). Въ 1865 году — на самомъ Алтаѣ, по рѣкамъ Уруссулѣ и Ангодаѣ, въ Чуйской степи, въ Уйменской степи, въ окрестностяхъ деревни Катанда и въ Берельской степи, на верховьяхъ Бухтармы. Въ 1866 г. — въ Барабинской степи, къ югу и къ сѣверу отъ города Каинска, въ Киргизской степи между озеромъ Чаны и городомъ Павлодаромъ, около озера Сары-Ёзекъ, въ городѣ Семипалатинскѣ и у города Кокбекты.

Раскопки всѣхъ этихъ могилъ ясно доказали, что мы имѣемъ дѣло съ памятниками четырехъ культурныхъ эпохъ:

1) Всѣ могилы въ долинахъ Енисея и на Алтаѣ, а также многіе изъ могильныхъ холмовъ въ Киргизской степи, у Кулунды и въ Барабинской степи принадлежатъ мѣдному или бронзовому періоду.

2) Могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, въ Уйменской степи, на Бухтармѣ и въ восточной Киргизской степи, а также большая часть могильныхъ насыпей южной Сибири должны быть отнесены къ древнѣйшему желѣзному періоду.

3) Малые могильные насыпи въ Абаканской степи, прозванные туземцами „Киргизскими могилами“, принадлежатъ къ болѣе новому желѣзному періоду.

4) Могилы на Чердатѣ моложе по времени; я заключаю это изъ того, что въ нихъ найдена была однажды монета XVII-го столѣтія.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію культурнаго состоянія этихъ четырехъ эпохъ я считаю необходимымъ упомянуть о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено изслѣдованіе древностей Сибири. Благодаря этимъ затрудненіямъ правильныя и успѣшныя раскопки могилъ почти невозможны. Причина этого заключается въ томъ обстоятельствѣ, что во многихъ могилахъ въ древности зарыты были богатые золотые клады; это и побуждало обитателей Сибири въ теченіе цѣлыхъ столѣтій испы-

тывать свое счастье по части раскопки могилъ. Благодаря путевымъ замѣткамъ Мессершмита, мы имѣемъ возможность судить о способѣ, которымъ производилось въ прошломъ столѣтіи это исканіе кладовъ.

Вотъ что пишетъ Мессершмитъ, между прочимъ, подъ 25 мая 1721 г.: „Тѣ русскіе, которые поселились вдоль по Оби, живутъ гораздо лучше. Ихъ называютъ ишимцами. Это именно тѣ самые, которые выходятъ на „promiselle“, т.-е. на выкопку золота и серебра, находимаго ими въ языческихъ гробницахъ. Впервые открыли это русскіе, жившіе на рѣкѣ Ишимѣ; продолжая заниматься этимъ промысломъ, они подвигались все дальше, пока, наконецъ, не дошли до Оби. Ибо, всѣ прочіе чужестранцы, откуда бы они ни приходили, изъ Тобольска-ли, Тара-Нарима, Казани или Соликама, разъ только они поселились здѣсь на Оби, въ слободѣ, получали названіе ишимцевъ. Въ этой Чанской слободѣ 150 человѣкъ жителей; они занимаются земледѣліемъ и торговлей мѣхами. Особенно же много они наживаютъ степными раскопками. Съ послѣднимъ снѣжнымъ путемъ они отправляются на 20—30-дневное путешествіе по степи и пустынѣ; изъ всѣхъ окрестныхъ деревень собирается 2—3 сотни человѣкъ, которые раздѣляются на отдѣльные отряды и направляются въ разныя стороны, но не отдаляются при этомъ другъ отъ друга больше, чѣмъ на такое разстояніе, при коемъ они всегда могутъ имѣть между собою сообщеніе, на случай нападенія калмыковъ или казаковъ. Въ такихъ, довольно частыхъ столкновеніяхъ, многіе изъ обитателей слободы лишаются жизни. Лишь только они усматриваютъ гдѣ-нибудь такіе холмы, набросанные надъ языческими могилами, они тотчасъ же принимаются за раскопку ихъ. Нерѣдко они трудятся понапрасну и находятъ только всякаго рода мѣдь и латунь или желѣзныя вещи; это, конечно, плохо вознаграждаетъ ихъ за труды; иногда же они находятъ много золота и серебра, порою даже до 5, 6 и 7 фунтовъ, то меньше, то больше. Золото это заключается въ убранствѣ лошадиной сбруи, принадлежностяхъ упряжи, идолахъ и другихъ предметахъ“.

Насколько основательно велись эти́ роскопки, доказываетъ слѣдующая замѣтка въ томъ же дневникѣ, за 28 ноября 1725 г. „Лейтенантъ Рудольфи сообщаетъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ вокругъ Оби существовало много языческихъ гробницъ, изобиловавшихъ золотомъ и серебромъ; въ настоящее время эти могилы до того изрыты русскими, что нужно имѣть большое счастье, чтобъ найти въ нихъ нѣкоторые, хотя бы незначительные, предметы“.

Миллеръ, посѣтившій Сибирь въ 1735 г., разсказываетъ о вскры-

тіи могилъ слѣдующее: „Могилы на Иртышѣ, Тоболѣ, Оби и Енисеѣ стали впервые подвергаться раскопкамъ русскихъ крестьянъ въ началѣ нашего столѣтія, послѣ того, какъ отсюда удалились калмыки и киргизы. Я засталъ въ Сибири еще многихъ лицъ, которыя въ прежнее время кормились такой работой, хотя въ мое время никто этимъ уже не занимался, потому что всѣ могилы, въ которыхъ надѣялись найти клады, были уже раскопаны. Подобно тому, какъ отправляются партіями на соколиную охоту, такъ и они собирались здѣсь большими группами, съ цѣлью, раздѣливъ между собой работу, скорѣе покончить съ нѣсколькими могилами заразъ. До моего пребыванія въ Сибири еще никто не рѣшался отправиться на раскопки въ западную сторону отъ Иртыша, потому что эту мѣстность почти постоянно объѣзжаютъ казаки. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи здѣсь найдется еще много драгоцѣнностей“ [1]).

[1]) Въ путевыхъ запискахъ Джона Белла, англичанина, принимавшаго участіе въ посольствѣ Л. В. Измайлова, посланнаго Петромъ Великимъ въ Пекинъ въ 1719 году, говорится: «...На разстояніи восьми или десяти дней пути отъ Томска находится въ степи большое количество могилъ и кладбищъ древнихъ героевъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ пали въ бою. Эти могилы легко распознаются, благодаря насыпаннымъ надъ ними землянымъ холмамъ и камнямъ. Когда именно и между кѣмъ происходили эти сраженія въ столь сѣверной странѣ—неизвѣстно. Барабинскіе татары передавали мнѣ, что Тамерланъ или, какъ они его называютъ, Тимыръ-Анъ-Сакъ, имѣлъ частыя стычки съ калмыками въ этой странѣ, которую онъ тщетно пытался завоевать. Много лицъ отправляются каждое лѣто изъ Томска и другихъ мѣстъ къ этимъ могиламъ, которыя они раскапываютъ и гдѣ находятъ, промежъ пепла мертвыхъ порядочное количество золота, серебра, мѣди, а иногда и драгоцѣнные камни, но преимущественно рукоятки саблей и предметы вооруженія. Они находятъ также украшенія сѣдлъ и уздечекъ и прочія части лошадинаго убранства и даже кости лошадей, а иногда и кости слоновъ. Изъ сего, казалось бы, что когда хоронился какой-либо полководецъ или знатная особа, то вмѣстѣ съ нимъ хоронились въ той же могилѣ все его оружіе, его любимый конь и служители. Этотъ обычай сохранился у калмыковъ и другихъ татаръ и до сего дня и, повидимому, онъ очень древній. Судя по большому количеству могилъ, казалось бы, что многія тысячи убиты въ этихъ степяхъ, ибо населеніе продолжало выкапывать подобныя сокровища въ теченіе многихъ лѣтъ и все же еще находятъ ихъ неисчерпаемыми. Правду сказать, работа ихъ иногда прерывается партіями калмыковъ, которые отбиваютъ у нихъ добычу, такъ какъ ненавидятъ, чтобы прикасались до останковъ мертвыхъ.

Я видѣлъ нѣсколько штукъ вооруженія и другихъ примѣчательностей, выкопанныхъ изъ этихъ могилъ, въ особенности вооруженнаго мужчину верхомъ, вылитаго изъ мѣди, прекрасныхъ очертаній и выдѣлки; также изображенія оленей, вылитыхъ изъ чистаго золота, которые были разсѣчены посерединѣ и пробуравлены нѣсколькими маленькими отверстіями, соотвѣтственно назначенію ихъ служить украшеніями колчана или лошадиной упряжи.

Въ бытность мою въ Томскѣ, одинъ изъ такихъ копателей могилъ разсказывалъ мнѣ, что однажды они наткнулись на остроконечный сводъ, гдѣ они нашли останки человѣка при его лукѣ, стрѣлахъ, копьѣ и другомъ оружіи, лежащихъ вмѣстѣ на серебряномъ столѣ. При соприкосновеніи къ трупу—онъ распался въ пыль. Цѣнность стола и оружія была весьма значительна». (*John Bell*. Travels from St.-Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. London. 1764). *Переводчикъ*.

Къ сожалѣнію, пожеланіе Миллера не осуществилось. Произведенныя мною раскопки могилъ въ Киргизской степи ясно доказали мнѣ, что могилы въ этой мѣстности точно также основательно изрыты, какъ и на Оби, Алтаѣ и Енисеѣ. Такъ какъ этотъ же фактъ замѣчается и къ югу отъ Капала, у Вѣрнаго и на Иссыкулѣ, то можно заключить, что не только русскіе, но и прежніе обитатели Киргизской степи занимались такимъ откапываньемъ сокровищъ. Посему, изслѣдователь старины долженъ считать за счастье, если между сотнями могилъ онъ встрѣчаетъ одну или двѣ, наружный видъ которыхъ не носитъ слѣдовъ прежняго вскрытія, и если ему удается между десяткомъ такихъ могилъ найти хоть одну, уцѣлѣвшую отъ разграбленія.

Бронзовый и мѣдный періодъ.

Въ Абаканской и Іюсской степяхъ мною вскрыто было болѣе 30 каменныхъ могилъ, причемъ найдена только одна нетронутая могильная яма; точно также и на Алтаѣ я встрѣтилъ только двѣ непотревоженныя каменныя могилы этого періода, очень незначительной величины. Несмотря на это, мнѣ удалось путемъ изслѣдованія уже вскрытыхъ могилъ получить довольно ясное представленіе о способѣ устройства всѣхъ каменныхъ могилъ описываемаго періода.

Могильныя ямы всѣхъ этихъ могилъ углублены въ землю аршина на $1^1/_2$ и до 3-хъ и расположены бо̀льшею частью посреди надмогильнаго холма или прямоугольника. На Алтаѣ глубина могильныхъ ямъ часто не превышаетъ $1^1/_2$ арш., такъ какъ, благодаря каменистому грунту, болѣе глубокое выкапываніе могилъ здѣсь затруднительно. Въ могилахъ, окаймленныхъ прямоугольниками изъ десяти камней, средніе камни, повидимому, служили границами собственно могильной ямы, такъ что края ея приходятся на линіи, соединяющей четыре средніе камня. Ширина могильной ямы равна, приблизительно, одной трети длинной стороны большого могильнаго прямоугольника, вслѣдствіе чего она измѣряется въ своемъ протяженіи, сообразно величинѣ наружнаго прямоугольника. Длина могильной ямы, наоборотъ, всегда равна $2^1/_2$— 3 арш. и совершенно независима отъ величины могилы. Длинная сторона здѣсь повсюду параллельна короткимъ сторонамъ наружнаго прямоугольника, т.-е. она направлена съ востока на западъ.

Дно могильной ямы либо просто утрамбовано, либо же выложено тонкими каменными плитами. На дно ямы положены покойники, головою къ востоку. У остова, найденнаго мною на Іюсѣ, голова была наклонена на бокъ, руки вытянуты вдоль туловища, а большіе пальцы

подняты кверху. Вершка на четыре надъ головой, по направленію къ сѣверу, находится глиняный сосудъ конической формы. Остовы, лежащіе, такимъ образомъ, на днѣ могилы, прикрывались либо толстымъ слоемъ дерева, либо нѣсколькими большими каменными плитами, толщиною часто въ 2—4 верш. Затѣмъ, могильную яму наполняли различной величины полевыми камнями и сверху засыпали ее обломками скалъ или землей.

Относительно устройства могильныхъ ямъ, въ большихъ квадратныхъ могилахъ на Абаканѣ, я не могу дать никакихъ указаній, такъ какъ не вскрывалъ ни одной изъ такихъ могилъ. Только въ одной единственной прямоугольной могилѣ на Іюсѣ я встрѣтилъ, кромѣ большой могильной ямы посреди прямоугольника, еще вторую, меньшую, въ южной части его.

Обѣ ямы были прикрыты большими скалистыми плитами. Въ двухъ другихъ могилахъ мною найденъ былъ, въ головахъ, къ востоку отъ могильной ямы, маленькій гробъ, составленный изъ каменныхъ плитъ, приблизительно въ 1 арш. длиною. Внутри лежали разбитыя дѣтскія кости. Эти каменные гробы только на $^1/_2$ арш. углублены были въ землю.

Тѣ прямоугольники, которые обставлены рядами камней, не обнаруживаютъ такого правильнаго расположенія могильныхъ ямъ; здѣсь большею частью посрединѣ находится одна могильная яма, весьма различныхъ размѣровъ, въ которой похоронено отъ 1 до 3-хъ человѣкъ.

Покойники прикрыты здѣсь маленькими каменными плитами, а нерѣдко и слоями дерева. Въ одной изъ такихъ могилъ я нашелъ гробъ, правильно построенный изъ каменныхъ плитъ. Глубина этихъ могильныхъ ямъ не превышаетъ $1^1/_2$ арш.

Въ бóльшихъ могильныхъ ямахъ подъ могильными прямоугольниками часто находились остатки отъ 3 до 5 труповъ. Но наибольшее количество скелетовъ нашелъ я въ большой могильной ямѣ на Іюсѣ; тутъ было 22 черепа, изъ коихъ много дѣтскихъ. Судя по найденнымъ здѣсь же мѣднымъ предметамъ — тутъ похоронены были только женщины.

Каменныя могилы на Алтаѣ построены совершенно такъ же, какъ и на Енисеѣ. Близъ города Сергіополя мнѣ удалось изслѣдовать нѣсколько могилъ этого періода и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могильная яма состояла изъ ящика, сложеннаго изъ каменныхъ плитъ и глубиною въ 1 арш. Дно его составляла твердо утрамбованная земля; надъ каменными плитами, покрывавшими ящикъ, навалены были большіе обломки скалъ и сверху насыпанъ невысокій могильный холмъ.

Въ городѣ Семипалатинскѣ я вскрылъ пять могилъ бронзоваго періода; въ могильной ямѣ одной изъ нихъ, глубиною въ $1^1/_2$ арш., нашелся человѣческій остовъ, положенный, очевидно, на лѣвый бокъ; ноги его были немного согнуты. Точно опредѣлить положеніе остова было невозможно, такъ какъ кости почти совсѣмъ истлѣли. Подлѣ скелета лежалъ мѣдный ножъ.

Мѣдные ножи я нашелъ и въ отдѣльныхъ могильныхъ холмахъ въ Барабинской и Калундской степяхъ, но такъ какъ эти могилы подверглись вскрытію уже въ прежнее время, то я ничего не могъ заключить относительно ихъ устройства. По наружному своему виду эти курганы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые я вскрывалъ до сихъ поръ, и которые, судя по найденнымъ мною въ нихъ предметамъ, принадлежатъ желѣзному періоду. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что населеніе сѣверныхъ степей въ періодъ желѣзный сооружало только земляные могильные холмы, такъ какъ для постройки могилъ у нихъ не находилось нужнаго матеріала—камней и обломковъ скалъ.

Я не рѣшаюсь положительно утверждать, что каменныя могилы западной Монголіи принадлежатъ желѣзному періоду, такъ какъ объ изслѣдованіи могилъ въ этой мѣстности еще до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Во всѣхъ описанныхъ здѣсь мною каменныхъ могилахъ, найдены ясные слѣды предметовъ, вылитыхъ изъ бронзы или мѣди. Это обстоятельство даетъ намъ право полагать, что тѣ народы, которые оставили послѣ себя эти надмогильные памятники, вѣроятно, еще не знали выдѣлки и употребленія желѣза.

Найденныя въ этихъ могилахъ мѣдныя и бронзовыя вещи и многочисленныя находки, такой же утвари, сдѣланныя обитателями окрестныхъ мѣстностей на своихъ пашняхъ позволяютъ намъ составить довольно полную картину степени образованія и культурнаго развитія народовъ мѣднаго періода.

Выдѣланные изъ мѣди и бронзы предметы этой древнѣйшей культурной эпохи южной Сибири представляютъ изъ себя всевозможнаго рода орудія и принадлежности ежедневной жизни, а именно: оружіе: кинжалы, стрѣлы, наконечники копій; орудія: ножи, серпы, рѣзцы, топоры, иглы, шилы, буравы; лошадиная сбруя: пряжки, стремена, уздечки; предметы роскоши: серьги, пряжки, пуговицы, браслеты, зеркала, различныя украшенія въ видѣ изображеній животныхъ; посуда: котлы и чарки.

Кромѣ мѣди, народы мѣднаго періода, несомнѣнно, были знакомы

и съ золотомъ; изъ него богатые люди изготовляли себѣ украшенія. Мнѣ лично удалось найти только въ одной могилѣ бронзоваго періода дѣтскую серьгу изъ крѣпкой золотой проволоки. Однако, въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится много такихъ украшеній изъ массивнаго золота, которыя по формѣ совершенно схожи съ мѣдными предметами, найденными мною въ Абаканской степи. Кромѣ того, и Витценъ даетъ намъ указанія о существованіи золотыхъ вещей въ ту эпоху.

Судя по тому, что богатствомъ золотыхъ и мѣдныхъ рудъ отличаются только Алтай и Саянскій хребетъ, мы можемъ a priori заключить, что древніе обитатели этихъ мѣстностей сами выдѣлывали вышеназванные предметы изъ мѣди и золота, и къ тому же сами добывали себѣ эти металлы. Такое заключеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Алтайскомъ районѣ встрѣчается безчисленное множество такъ-называемыхъ Чудскихъ копей; это, остатки шахтъ, въ которыхъ древніе обитатели добывали себѣ мѣдь. Находимые здѣсь всюду каменные молоты и каменные ломы самымъ нагляднымъ образомъ, мнѣ кажется, доказываютъ, что древніе горнопромышленники еще не были знакомы съ добываніемъ и обработываніемъ желѣза.

При эксплоатаціи копей, эти рудокопы слѣдовали по направленію жилъ руды, идущихъ изъ глубины земли вплоть до верхняго ея слоя. Всѣ шахты книзу уже, чѣмъ наверху, такъ какъ недостатокъ въ орудіяхъ заставлялъ горнопромышленниковъ работать большею частью на поверхности земли. Глубина шахтъ нигдѣ не превышетъ 7 саж.

Эти древніе горнопромышленники очевидно уже умѣли подпирать свои шахты; во многихъ изъ нихъ встрѣчались, у потолка камеры, деревянныя подпоры; впрочемъ, въ этомъ искусствѣ они, повидимому, не были очень опытны: шахты нерѣдко проваливались и засыпали рудокоповъ. Доказательствомъ этому служатъ частыя находки въ провалившихся копяхъ — скелетовъ съ еще уцѣлѣвшими при нихъ кожаными мѣшками, наполненными рудою.

Многочисленность этихъ Чудскихъ копій указываетъ на такое общее распространеніе разработки рудъ и на такое обильное добываніе мѣди, что мы вправѣ заключить, что народъ этотъ добывалъ мѣдь не только для своего употребленія, но добытымъ металломъ производилъ еще обширную торговлю. Ремесло рудокопа, должно быть, было здѣсь въ большомъ почетѣ. Это доказываетъ намъ, съ одной стороны, мѣдная статуетка, изображающая такого рудопромышленника и находящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а съ другой стороны — тотъ фактъ, что

повсюду, гдѣ обиталъ этотъ народъ, встрѣчается безчисленное множество острыхъ топориковъ, столь маленькихъ и такъ тонко отдѣланныхъ, что, повидимому, они служили лишь украшеніемъ палокъ. Притомъ, нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о такой тщательной и изящной работѣ, что, вѣроятно, не могли принадлежать простымъ рудокопамъ. Что этотъ народъ добывалъ себѣ золото, видно изъ того, что во многихъ золотыхъ россыпяхъ въ Киргизской степи и на Кузнецкомъ Алатауѣ, часто находятъ въ золотоносномъ пескѣ на нѣсколько саженей вглубь отъ верхняго слоя земной поверхности—мѣдныя орудія и оружіе. Я самъ присутствовалъ при нахожденіи мѣднаго оружія на пріискѣ близъ Кокбекти, а на Кіѣ мнѣ продали два большіе мѣдные кельта, которые, какъ говорили, найдены были въ золотоносномъ пескѣ и, вѣроятно, служили для отбиванія щебня.

Для плавки мѣдной руды устроены были особенныя плавильныя печи, слѣды которыхъ еще и теперь встрѣчаются на Алтаѣ, въ Саянскомъ хребтѣ и въ восточной части Киргизской степи, напр. при впаденіи рѣки Шульбы въ Иртышъ, и въ Каркаралинскомъ округѣ.

Добытый такимъ образомъ чистый металлъ изъ плавильныхъ печей въ необработанномъ видѣ разносился во всѣ части страны и тамъ подвергался обработкѣ искусныхъ мастеровъ. Такъ, напр., я находилъ почти всюду на Абаканѣ, Енисеѣ, на Оби и по ея истокамъ, на Иртышѣ и даже въ Барабинской степи—маленькіе кусочки мѣди, заканчивающіеся обломаннымъ остріемъ; въ нихъ ясно можно было узнать остатки металла, образующіеся при отверстіяхъ плавильныхъ формъ.

Изъ одного лишь бѣглаго упоминанія собранныхъ мною древностей, видно, что какъ на Алтаѣ, такъ и въ Енисейской степи встрѣчается бронза весьма различныхъ сплавовъ. Съ цѣлью узнать, случайна-ли эта разница въ составѣ, или она зависитъ отъ степени познаній въ дѣлѣ отливки металла, я попросилъ г. Генриха Струве анализировать нѣкоторые изъ найденныхъ мною бронзъ. Результатъ этого изслѣдованія г. Струве помѣстилъ въ бюллетенѣ Петербургской Академіи Наукъ (1866, томъ IX).

Химическій анализъ четырехъ бронзовыхъ ножей, принадлежащихъ къ древностямъ Абаканской долины—далъ слѣдующій результатъ.

	1	2	3	4
Мѣдь.	90,20	88,67	93,00	90,00
Олово	9,64	10,10	6,35	0,32
Желѣзо.	0,05	0,28	0,18	0,34
Итого . . .	99,89	99,53	99,66	99,43

Эта таблица, по мнѣнію Струве, доказываетъ, что ножъ № 4 слѣдуетъ считать выдѣланнымъ изъ чистой мѣди, а небольшое количество остальныхъ примѣсей надо приписать случайности. №№ же 1, 2 и 3 состоятъ изъ чистой бронзы съ очень маленькой примѣсью желѣза. Струве сравниваетъ съ результатомъ своего анализа, — анализы Алтайскихъ бронзъ Гёбеля, произведенные послѣднимъ надъ обломками бронзовыхъ сосудовъ и фигуръ. Получилось:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.
1)	80,27	19,66	—
2)	73,0	26,74	—
3)	87,97	9,38	2,5
4)	91,50	6,75	1,75

На основаніи анализа, произведеннаго Фелленбергомъ надъ 180-ю древними бронзами, г. Струве заключаетъ, что въ составъ бронзъ древнѣйшаго мѣднаго періода, назначавшихся для оружія, ножей и тому подобныхъ предметовъ, находимыхъ у свайныхъ построекъ и, которые должны были отличаться крѣпостью—входило 10% олова, а остальное составляла мѣдь. Если же предметъ долженъ былъ служить предметомъ украшенія, то прибавлялся свинецъ, или еще чаще — олово; благодаря этому, сплавъ легче плавился и поддавался обработкѣ. Съ этими выводами, основанными г. Струве на отдѣльныхъ анализахъ Фелленберга, совпадаютъ и изслѣдованія бронзъ, найденныхъ въ Кельтійскихъ надмогильныхъ холмахъ въ Мекленбургѣ Фр. Гебелемъ. Вышеупомянутое, въ высшей степени интересное изслѣдованіе Струве ясно доказываетъ, что народы древнѣйшаго мѣднаго періода, населявшіе Алтай и Саянскій хребетъ, обладали въ дѣлѣ сплава металловъ опытностью и познаніями. Насколько значительны были эти познанія, доказываетъ замѣчательная прочность нѣкоторыхъ изящно выдѣланныхъ бронзовыхъ ножей и кинжаловъ, при изготовленіи которыхъ плавщики, конечно, прилагали больше вниманія и старанія, такъ какъ за эти издѣлія полагалась и бóльшая плата.

Отливка нѣкоторыхъ лучшихъ издѣлій замѣчательно хороша. Тщательная и тонкая обработка отдѣльныхъ украшеній объясняется тѣмъ, что наилучшіе предметы послѣ плавки подвергались шлифовкѣ и полировкѣ. Въ общемъ, плавка очень чистая и глядкая, и свидѣтельствуетъ о необыкновенной ловкости плавщика. Такъ, между сотнями металлическихъ издѣлій, попадавшихся мнѣ на глаза, только 2 предмета обнаруживали недостатки въ плавкѣ: а именно, оставшіеся послѣ нея отверстія, пришлось загладить, заливъ ихъ растопленной

красной мѣдью. Одинъ изъ этихъ предметовъ былъ котелъ, вѣсомъ въ 70 ф. Въ болѣе грубой выдѣлкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, на мой взглядъ, еще вовсе нѣтъ непремѣннаго указанія на болѣе древнюю эпоху ихъ изготовленія. Такъ, напр., я нашелъ въ одной и той же могилѣ два ножа, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ очень грубо, а другой, наоборотъ, замѣчательно тонко отдѣланъ.

Большинство металлическихъ издѣлій отличается богатой орнаментикой, наведенной съ большимъ вкусомъ. Эта орнаментика состоитъ: 1) изъ прямыхъ линій, т.-е. линій параллельныхъ и линій пересѣкающихся подъ разными углами; изъ зубьевъ, фестоновъ, соединенныхъ точками (или составленныхъ изъ точекъ), 2) изъ круговыхъ линій, полукруговъ, квадратовъ и концентричныхъ круговъ, 3) изъ кривыхъ линій. Послѣднія имѣютъ всегда форму животныхъ, какъ-то: свитыхъ змѣй, вогнутыхъ птичьихъ клювовъ, птичьихъ головъ и шей, и другихъ звѣриныхъ головъ. Очень часто украшенія представляютъ собой изображенія цѣлыхъ животныхъ или части ихъ. Отличительной чертой орнаментики этого періода является стремленіе, какъ можно точнѣе изобразить природныя очертанія звѣрей, такъ чтобы съ перваго взгляда можно было узнать животное. Всякія ненатуральныя искривленія, всякіе фантастическіе изгибы, или изображенія миѳическихъ чудовищъ—чужды орнаментикѣ того времени.

Если теперь разсмотримъ различныя металлическія издѣлія бронзоваго періода въ отдѣльности, то мы найдемъ особенно богатый выборъ среди различныхъ острыхъ орудій и издѣлій для рѣзанія, а изъ нихъ больше всего двуострыхъ кинжаловъ и мечей.

У всѣхъ этихъ предметовъ рукоятка и лезвіе сдѣланы изъ одного куска. Рукоятки ножей и кинжаловъ очень коротки; это приводитъ къ заключенію, что орудія эти предназначались для очень маленькихъ рукъ. Ножи самой простой работы состоятъ изъ полосы мѣди или бронзы, отъ 3 до 5 верш. длины и отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ в. ширины. Полосы эти съ одной стороны толще, чѣмъ съ другой; одинъ конецъ заостренъ, а на другомъ сдѣлано отверстіе или ушко. Острый конецъ съ одной стороны отшлифованъ на $1^1/_2$—2 в., а другая, нешлифованная сторона, служила рукоятью ножа. Усовершенствованіе и украшеніе этихъ ножей производилось такимъ образомъ: остріе на спинкѣ ножа закруглено; часть, предназначенная для рукояти, сдѣлана уже и круглѣе, отверстіе или ушко замѣнено круглымъ кольцомъ, около $^1/_2$ в. въ діаметрѣ. Рукоятка правильно закруглена, приспособлена для удобнаго захвата рукою, и снабжена выпуклыми или плоскими ажурными узорами.

Верхняя часть рукоятки украшена изображеніями змѣиныхъ головъ, птичьихъ клювовъ и даже цѣлыхъ животныхъ.

Между сотнями такихъ бронзовыхъ ножей, попадавшихся мнѣ на глаза, я отмѣтилъ всего лишь одинъ, на концѣ рукояти котораго не было ни отверстія, ни ушка, изъ чего мы вправѣ заключить, что эти ножи носились на поясѣ, къ которому привѣшивались посредствомъ ремней или шнурковъ. Кинжалы, весьма различные по величинѣ, имѣютъ отъ 3—6 верш. длины. На концѣ ихъ рукоятокъ только изрѣдка встрѣчаются кольца, изъ чего мы выводимъ, что и эти кинжалы носились у пояса. Въ общемъ они выдѣланы тоньше и чище, нежели ножи. Сверху—рукоятки оканчиваются кнопкой, а между рукоятью и лезвіемъ, съ двухъ сторонъ выдаются острія, благодаря которымъ рука могла устоять на мѣстѣ, при нанесеніи удара. Рукоять либо совершенно гладкая, либо снабжена продолговатыми полосами. Лезвіе съ обѣихъ сторонъ постепенно сливается въ остріе, и снабжено обыкновенно бороздами для стока крови. Украшенія находятся либо у кнопки, или же между рукоятью и лезвіемъ. У одного, очень изящно выработаннаго кинжала, мною самимъ найденнаго, на концѣ рукоятки были двѣ загнутыя назадъ змѣиныя головы, а между рукоятью и лезвіемъ—два чрезвычайно тонко выдѣланныхъ животныхъ. Нѣкоторые ножи совершенно своеобразной формы, рукоять и лезвіе образуютъ тупой уголъ; эти ножи, вѣроятно, служили орудіемъ для рѣзьбы по дереву. Для просверленія дерева употреблялись рѣзцы.

Въ то время, какъ ножи и кинжалы попадаются во всѣхъ могилахъ, мѣдные наконечники стрѣлъ въ общемъ гораздо рѣже, а наконечники копій совсѣмъ рѣдки. Наконечники стрѣлъ большею частью снабжены отверстіями, при помощи которыхъ они насаживались на древко.

Чаще встрѣчаются костяные наконечники. Мнѣ попадались наконечники копій двухъ родовъ: сердцевидный, вершковъ въ 8 длиною, и другой — той же длины, но въ видѣ ланцета. Первый былъ алтайскаго происхожденія, второй изъ Киргизской степи. Кромѣ мѣдныхъ наконечниковъ копій употреблялись и костяные. Я лично нашелъ такой экземпляръ въ могилѣ мѣднаго періода на Абаканѣ.

Почти въ такомъ же изобиліи, какъ орудія для рѣзанія, находимъ мы мѣдные и бронзовые кельты, весьма различные по сплаву и величинѣ; они частью выдѣланы совсѣмъ грубо, частью же такъ тонко, что нельзя не предположить, что такіе кельты служили лишь предметами украшенія. Нѣкоторые изъ кельтовъ, вѣроятно, употреблялись какъ

топоры, другіе какъ оружіе, наконецъ третьи—какъ заостренные молотки для отбиванія руды въ золотопромывальняхъ. Кельты эти, безъ сомнѣнія прикрѣплены были къ короткому концу колѣнообразнаго древка. Что касается формы кельтовъ, то длина ихъ обыкновенно въ $1^1/_2$ раза больше ширины; иногда ширина у лезвія равна ширинѣ верхняго конца, иногда же у лезвія она меньше, изрѣдка лишь встрѣчаются такіе кельты, которые у лезвія расширяются. По обѣимъ сторонамъ верхняго конца этихъ орудій придѣланы два ушка, а иногда и одно, помѣщенное на серединѣ широкой стороны, изъ чего можно заключить, что кельты привязывались къ рукояткѣ. Только на нѣкоторыхъ, очень небольшихъ кельтахъ оказывались отверстія въ широкой сторонѣ, по которымъ можно видѣть, что къ древку они прикрѣплялись гвоздями или штифтами. Отверстія для вставки рукоятки большею частью продолговатыя; круглыя попадались лишь очень рѣдко.

Кельты Алтая и Киргизской степи по формѣ своей отличаются отъ кельтовъ долины Енисея. Эти послѣдніе большею частью лопатообразны. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть очень большая мѣдная сѣчка, по формѣ схожая съ нашимъ топоромъ и, вѣроятно, служившая оружіемъ, что можно заключить какъ по вѣсу ея, такъ и по чрезвычайно тщательной отдѣлкѣ.

Изъ острыхъ орудій мнѣ удалось собрать довольно большую коллекцію шильевъ; изъ нихъ многія такъ тонки и малы, что надо предположить, что они замѣняли иглы при сшиваніи кожи и тканей. Большая часть этихъ шилъ четырехугольна и снабжена сверху маленькой кнопкой. Иглы съ ушками мнѣ не нопадались ни разу. Одно, чрезвычайно твердое четырехгранное бронзовое шило снабжено было солиднымъ большимъ кольцомъ, поперегъ котораго, по всей вѣроятности, вставлялось круглое древко. Это шило отличалось остротой и могло служить буравомъ. Другое, круглое очень тщательно выдѣланное шило, нарисованное на таблицахъ Палласа, можетъ быть, представляло изъ себя большую иглу, служившую предметомъ украшенія для зашпиливанія одежды.

Буравовъ съ винтообразной насѣчкой изъ мѣди я не находилъ; во всякомъ случаѣ, бронза для такой цѣли была бы слишкомъ мягкимъ веществомъ.

Очень часто и почти во всѣхъ мѣстностяхъ попадались острые молоты, весьма различной величины и прочности. Самые простые изъ нихъ состоятъ изъ круглаго обуха, верш. въ 2—4 длиною, заостреннаго съ одного конца и округленнаго съ другого. Верш. на $1^1/_2$ отъ

задняго конца въ обухѣ находится круглое отверстіе, въ которое могло вставляться древко, толщиною въ палецъ.

Въ молоткахъ большихъ размѣровъ эти отверстія замѣнены длиннымъ цилиндромъ въ $^1/_2$—$1^1/_2$ в. длиною, въ который вставлялось древко. У нѣкоторыхъ изъ этихъ молотковъ остріе четырехъ или шестигранное и, кромѣ того, тщательно заострено, а на оборотной сторонѣ находятся украшенія, въ видѣ изображеній животныхъ, большею частью одного или двухъ такъ-называемыхъ каменныхъ барановъ. Нѣкоторые молотки такой крѣпкой работы, что вполнѣ могли служить рабочимъ орудіемъ или оружіемъ; другіе же такъ тонки, что употреблялись, вѣроятно, только какъ украшеніе или предметъ роскоши. При помощи маленькихъ топоровъ, производились, можетъ быть, рисунки и помѣтки на скалахъ.

Лошадиная упряжь встрѣчается рѣдко. Мнѣ удалось найти только части двухъ удилъ; кромѣ того, на Абаканѣ найденъ кусокъ красной мѣди, который считаю за часть стремени. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находятся еще двое мѣдныхъ удилъ, найденныхъ на Алтаѣ.

Изъ орудій мною найдены на Абаканѣ еще 2 мѣдныхъ серпа, которые, очевидно, насаживались на древко и прикрѣплялись къ нему ремнемъ. На поляхъ Алтая и Киргизской степи, на Енисеѣ и у Абакана часто находили мѣдные котлы всегда одной и той же формы. Украшенія, выведенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, ясно показываютъ, что котлы эти относятся къ бронзовому періоду. Они состоятъ большею частью изъ собственно сосуда, въ видѣ пустого полу-ядра или кубка и ножки, въ формѣ усѣченнаго пустого конуса, прикрѣпленнаго къ котлу по срединѣ дна. Котелъ и подножка постоянно вылиты изъ одного куска. Вдоль бортовъ котлы всегда снабжены двумя вертикальными ушками, болѣе или менѣе изукрашенными. Верхній бортъ сосудовъ либо ровный, либо выгнутый, или же снабженъ украшенной каймой. У нѣкоторыхъ котловъ, пониже борта, находились шнурообразныя украшенія.

Самый большой котелъ я нашелъ въ Шуйской волости, къ югу отъ Минусинска; онъ вѣсилъ 75 фунтовъ. Форма котла показываетъ, что народы бронзоваго періода не были знакомы съ употребленіемъ треножника, но вставляли въ огонь самые котлы. Такого рода котелъ, найденный въ скиѳской могилѣ, выставленъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Металлическіе предметы украшенія, относящіеся къ бронзовому періоду, очень разнообразны. Это, во-первыхъ, украшенія, носившіяся на

тѣлѣ: серьги золотыя и мѣдныя съ сердоликовыми и металлическими бусинами; иглы и фибулы съ изящными кнопками, въ формѣ звѣриныхъ головъ, четвероногихъ животныхъ или птицъ; поясныя пряжки съ золотыми и мѣдными украшеніями; украшенія для поясовъ и ремней, представляющія изъ себя рельефное изображеніе животныхъ: козловъ, оленей, козъ. Ко внутренней части ихъ придѣланы ушки, при помощи которыхъ украшенія прикрѣплялись къ ремнямъ; наконецъ, золотыя и мѣдныя пуговицы, причемъ послѣднимъ, бо̀льшею частью, придана форма по̀лыхъ сегментовъ круга.

Весьма обыкновенный и распространенный предметъ украшенія составляютъ совершенно круглые щиты, въ центрѣ которыхъ находится съ одной стороны ушко. Съ другой стороны они гладко отшлифованы. Меньшіе изъ этихъ предметовъ украшенія, діаметръ которыхъ доходитъ отъ 1 до 2 верш., я бы причислилъ къ украшеніямъ одежды, бо̀льшіе же, діаметромъ отъ 3 до 5 в., къ зеркаламъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ придѣлана сбоку ручка или ушко, доказательство того, что они носились на шнурахъ; на другихъ же зеркалахъ придѣлана по срединѣ одной изъ поверхностей, большая пуговка, прикрѣпленная къ щитамъ посредствомъ трехъ или четырехъ мѣдныхъ штифтиковъ. У одного изъ зеркалъ, изображенныхъ на рисункахъ Палласа, вмѣсто этой кнопки помѣщена фигура барана. На одномъ изъ найденныхъ мною зеркалъ обратная сторона была тщательно разукрашена, у другого на ней помѣщалась выпуклая кайма.

Въ одной могилѣ на берегу Іюса, въ которой, какъ уже выше замѣчено, нашлось 22 женскихъ и дѣтскихъ остововъ, мною найдена была очень изящно сдѣланная мѣдная подставка; на нее ставился сосудъ съ закругленнымъ или заостреннымъ дномъ; можетъ быть, онъ служилъ свѣтильникомъ. Подставка была сдѣлана въ видѣ ковша или котелка и состояла изъ трехъ круговъ, соединенныхъ между собою тремя перекладинами. На верхней каймѣ, надъ этими перекладинами, помѣщены были изображенія трехъ дикихъ козловъ.

Кромѣ этихъ предметовъ украшенія, часто находятъ еще мѣдные колокольчики, въ видѣ полу-ядра, украшенные фигурами дикихъ козъ и оленей. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ сохраняются пять подобныхъ экземпляровъ, найденныхъ на Алтаѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ около 4 верш. вышины. Трудно угадать, каково было назначеніе ихъ. Въ числѣ украшеній заслуживаетъ еще особаго вниманія: 1) найденная на Алтаѣ большая плитка, шириною въ 2 в. и почти въ 4 в. длиною, на коей изображенъ охотникъ съ двумя собаками; 2) вылитая изъ

мѣди статуэтка рудокопа. Оба вышеупомянутые предмета также находятся въ Эрмитажѣ.

Кромѣ этихъ металлическихъ издѣлій, во всѣхъ могилахъ встрѣчаются обломки глиняныхъ сосудовъ; всѣ они, безъ исключенія, даже въ богатыхъ могилахъ выдѣланы изъ темно-сѣрой, дурно обожженой глины и притомъ сдѣланы такъ плохо и неправильно, что мы вправѣ заключить, что сосуды эти вылѣплены руками, безъ помощи гончарнаго станка. Многіе изъ нихъ по формѣ напоминаютъ молочные горшки, еще до сихъ поръ употребляемые въ Сибири, а именно: отъ маленькаго, круглаго дна поднимаются выпуклыя боковыя стѣнки, кверху постепенно расширяющіеся. Сосуды, которые находилъ я у изголовья покойниковъ—остродонны и, вѣроятно, ставились на деревянныя или металлическія подножки. Нижняя часть этихъ глиняныхъ сосудовъ большею частью совершенно гладкая; украшенія размѣщены только вдоль верхняго борта и состоятъ большею частью изъ треугольниковъ, зубцовъ, параллельныхъ линій, дырочекъ, точекъ и другихъ рисунковъ, выведенныхъ по мягкой глинѣ, при помощи остраго орудія, и занимающихъ нѣсколько дюймовъ въ ширину.

Всѣ глиняныя издѣлія этого періода, которыя попадались мнѣ на глаза, указываютъ на то, что народы, о которыхъ идетъ рѣчь, не прилагали къ изготовленію подобныхъ глиняныхъ издѣлій такого старанія, какое замѣтно въ выдѣлкѣ издѣлій металлическихъ. Но, можетъ быть, я случайно напалъ на дурно обработанные глиняные сосуды, ибо невозможно предположить, чтобы люди, которые въ состояніи были отливать изъ металла такія изящныя и со вкусомъ сдѣланныя вещи, не умѣли выдѣлывать ничего другого, кромѣ описанныхъ грубыхъ глиняныхъ издѣлій.

Кажется, что искусство пряденія хорошо было знакомо народамъ бронзоваго вѣка. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, удалось найти маленькій кусокъ ткани, принадлежащій несомнѣнно къ тому времени. Я нашелъ его въ глазницѣ черепа нетронутой могилы на берегахъ Іюса. Ткань была довольно грубая; нельзя было различить, изъ какого вещества она была сдѣлана. Судя по общему строенію, это, очевидно, была ручная пряжа, весьма схожая со той тканью, которую киргизы и теперь изготовляютъ изъ верблюжьей шерсти, при помощи воткнутыхъ въ землю палокъ.

На нѣкоторыхъ большихъ камняхъ каменныхъ могилъ встрѣчаются рисунки, которые, несомнѣнно, высѣчены ударами остраго, твердаго орудія. Въ прежнее время такіе рисунки должны были быть гораздо много-

численнѣе, такъ какъ большинство изъ нихъ въ теченіе столѣтій раздроблялись и уничтожались, благодаря вывѣтриванію поверхности камней. Они повсюду выполнены явно тождественнымъ образомъ съ приложеніемъ однообразной техники. Кромѣ того, они вполнѣ сходны какъ по наружному виду, такъ и по способу ихъ выполненія съ тѣми рисунками, которые встрѣчаются въ большомъ количествѣ на многихъ гладкихъ утесахъ на берегахъ Енисея и въ Іюсской степи. Вслѣдствіе этого мы безусловно можемъ отнести къ бронзовому періоду всѣ рисунки, исполненные вышеуказаннымъ способомъ. Эти рисунки представляютъ грубыя изображенія людей стоящихъ, лежащихъ, падающихъ, людей съ поднятыми кверху руками (очевидно, молящихся), звѣрей, деревьевъ, луны и солнца. Между нимя находятся также непонятныя изображенія, въ которыхъ я склоненъ признать знаки собственности. Человѣческія фигуры всѣ почти, безъ исключенія, изображены пѣшими, только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются всадники. Изъ животныхъ легко узнать лошадей и животныхъ съ рогами (быковъ?). Однажды я даже видѣлъ изображеніе человѣка верхомъ на рогатомъ животномъ. Значеніе изображеній не поддается разбору; во всякомъ случаѣ, эти изображенія—не праздная забава, такъ какъ выполненіе ихъ, при недостаткѣ острыхъ желѣзныхъ орудій, должно было стоить значительнаго труда.

Кромѣ этихъ, только что упомянутыхъ рисунковъ на камнѣ и на скалахъ, мы встрѣчаемъ еще и другіе слѣды скульптурнаго искусства въ бронзовую эпоху. Нѣкоторыя плиты скалъ (маяки), стоящія вблизи каменныхъ могилъ, снабжены извѣстною орнаментаціею, другія представляютъ болѣе или менѣе хорошо исполненныя статуи, изображающія человѣческія фигуры, подобно тѣмъ, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ южной Россіи. Русскіе называютъ такія статуи каменными бабами.

Одна статуя, найденная Мессершмидтомъ на Акъ-Іюсѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по внѣшнему виду, каменнымъ бабамъ южно-русскихъ степей; она держитъ въ правой рукѣ надгробную урну. У каменныхъ могилъ на Енисеѣ и въ Абаканской степи находятся, на сколько мнѣ извѣстно, еще до сего дня слѣдующія статуи:

1) Куртуякъ-Ташъ (камень старухи), какъ его нынѣ называютъ абаканскіе татары. Онъ находится у устьевъ рѣки Аскысъ, на Абаканѣ, и стоитъ подлѣ квадратной могилы съ исполинской оградой. Камень образуетъ почти четырехгранную призму и очень грубо обтесанъ; единственно только верхній его конецъ изображаетъ человѣческую голову.

Лицо этой головы отлично выполнено и ясно показываетъ черты старой женщины, несмотря на то, что рѣзкость чертъ значительно сглажена отъ вывѣтриванія камня. Эта статуя еще и нынѣ служитъ для обывателей предметомъ извѣстнаго поклоненія. Ей приносятъ жертвы, смазывая камень жиромъ. Во время посѣщенія этой мѣстности Мессершмидтомъ (въ 1722 г.) Куртуякъ-Ташу приносилось открытое поклоненіе; нынѣ этого уже нѣтъ. Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя Мессершмидтомъ, отъ 18 августа 1722 г.: „Статуя Куртуякъ высѣчена изъ сѣраго песчаника и вкопана въ землю въ косомъ направленіи (камень и до сихъ поръ стоитъ косо, т.-е. нѣсколько наклонно впередъ). Сзади, на спинѣ, можно было видѣть спускающуюся густую косу, подобно тѣмъ, какія носятъ и до сего дня калмыкскія и татарскія женщины“ (теперь косы уже нельзя различить). „Кромѣ этого, на камнѣ нельзя было замѣтить никакой надписи. Мы наблюдали за тѣмъ, какъ татары, язычники изъ Ысъ-Белтыра, клали многочисленные поклоны передъ этимъ камнемъ, причемъ каждый объѣзжалъ камень три раза. Послѣ такой церемоніи татары приносили въ жертву камню часть своей провизіи, или клали ее у пьедестала, въ травѣ, чтобы статуя могла воспользоваться провизіей по своему желанію. На мой вопросъ, какъ они могли быть настолько глупы, чтобы предполагать, что этотъ безжизненный камень достоинъ такого почитанія, и что неужели они не видятъ, что хищныя птицы, лисицы и т. д. пожирали потомъ ихъ жертвы,—они отвѣчали, что слышали отъ предковъ, что Куртуякъ была нѣкогда знатной матроной, которая обращена въ камень Кайраханомъ или всемогущимъ Богомъ, въ воспоминаніе чего ей и воздаютъ еще подобныя почести. При этомъ, они, однако, не отрицали, что иногда хищныя птицы и пожирали ихъ жертвоприношенія. Изъ всего вышесказаннаго я еще не съумѣлъ разобрать, не дошло-ли до этого народа отъ іудеевъ преданіе объ обращеніи Лотовой жены въ соляной столбъ, или, можетъ быть, какъ полагаютъ многіе изъ нашихъ европейскихъ ученыхъ, эти народы въ большой Татаріи суть остатокъ выродившейся отрасли Израиля, хотя и нельзя сдѣлать еще какого-либо правдоподобнаго предположенія въ этомъ направленіи“.

2) Кысъ-ташъ (дѣвичій камень)—каменная плита, около $1^1/_2$ арш. вышиною, овальной формы, на гладкой сторонѣ которой довольно грубо высѣчено рельефное изображеніе лица дѣвушки. Это изображеніе находится въ настоящее время на могилѣ на Еси. Что изображенное здѣсь лицо должно представлять дѣвушку, татары заключаютъ изъ того, что съ обѣихъ сторонъ лица висятъ косы, на подобіе того, какъ

до сихъ поръ зачесываютъ волосы дѣвицы у Абаканскихъ татаръ. Этотъ дѣвичій камень, какъ мнѣ разсказывалъ старикъ, прежде стоялъ въ другомъ мѣстѣ и поставленъ здѣсь лишь лѣтъ 50 тому назадъ.

3) Недалеко отъ Кушъ-таша стояли три каменныя плиты, на узкихъ переднихъ сторонахъ которыхъ были изображены лица, на одной же изъ гладкихъ сторонъ были рисунки. Въ прежнее время эти три камня стояли прямо и въ рядъ, отстоя одинъ отъ другого, приблизительно, на 1 сажень. Около 20 лѣтъ тому назадъ, произведены были мѣстнымъ начальникомъ, по высшему приказанію, раскопки подъ этими камнями; но подъ ними найдены были только семь глиняныхъ сосудовъ.

4) Въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ устьевъ Аскыса находится грубо высѣченный изъ гранита баранъ, туловище котораго сохранилось хорошо, но голова сильно испорчена. Эта каменная глыба лежитъ теперь на высокой могилѣ, но первоначально она, очевидно, стояла не здѣсь.

5) Барна-Куртуякъ (старикъ рѣки Барна), описанный Мессершмидтомъ 21 іюля 1722 г. такимъ образомъ: „недалеко отъ рѣки Барна мы напали на четыреугольный коричневый булыжникъ, установленный здѣсь влѣво отъ песчаной дороги и имѣвшій нѣкоторое сходство съ изображеніемъ человѣка; благодаря его древности нельзя было, однако, уже распознать, кого именно онъ долженъ былъ изображать“ (камень находится не очень далеко отъ такъ называемаго Боглія озера).

6) Косанъ-Кушъ-Ташъ (камень Косанъ-Кушъ). Мессершмидтъ переводитъ Хансенъ дѣвичій камень (я думаю, что Косанъ-Кушъ есть имя героя). Въ горахъ Кара и Акъ-Іюссовъ. Описанъ Мессершмидтомъ 20 іюля 1722 г.: „Косанъ-Кушъ-Ташъ находится слѣва отъ дороги, въ пріятной, совершенно поросшей березами долинѣ. Этотъ камень имѣлъ, приблизительно, до $5^{1}/_{2}$ футовъ въ вышину. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и представляетъ, по моему мнѣнію, китайца (??); лицо его обращено къ югу, правая рука держитъ урну, въ видѣ чайнаго блюдечка, лѣвая же рука ухватила полу платья. Онъ опоясанъ по бедрамъ и съ обѣихъ сторонъ на поясѣ у него висѣло по мѣшечку. Голова была покрыта какъ бы шапкой, изъ подъ которой видѣлись только уши. Шапка эта, какъ кажется, была случайно отбита и наставлена снова, но не закрѣплена желѣзнымъ болтомъ; послѣднимъ, однако, не слѣдовало бы пренебрегать, такъ какъ онъ здѣсь вставленъ былъ не безъ намѣренія и причины. Усы были схожи съ польскими усами. Борода же была довольно длинна и рѣдка, такъ что можно было ясно видѣть, что эта статуя была не женская, а мужская. Мимо проѣзжающіе татары весьма почитаютъ эту статую и никогда не преминутъ

засвидѣтельствовать ей свое суевѣрное поклоненіе, посредствомъ жертвоприношеній изъ всякаго рода явствъ, говядины, кореньевъ и т. п. Я нашелъ въ травѣ, у подножія, или пьедестала, очень много сараны или radices Silii reflexi; а также замѣтилъ, что ротъ статуи былъ совершенно измазанъ жиромъ и масломъ и блестѣлъ на солнцѣ, какъ будто бы онъ былъ налакированъ".

7) Монументъ на Бюрѣ. Описанъ Мессершмидтомъ 4 августа 1722 г.: „Я узналъ, что на потокѣ Бюръ, недалеко отъ Іюсъ-Сагайской юрты, долженъ находиться прекраснѣйшій монументъ съ неизвѣстными письменами. Вслѣдствіе сего, я тотчасъ же приготовился ѣхать туда, чтобы во-очію убѣдиться въ этомъ. Камень стоялъ на обширной плоскости, не болѣе чѣмъ на пару мушкетныхъ выстрѣловъ отъ мѣста, гдѣ я въ прошломъ году остановился въ Іюсъ-Сагаѣ, хотя здѣсь никто мнѣ не сообщилъ о немъ. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и поднимается вверхъ на подобіе венгерской сабли. Высота его надъ уровнемъ грунта—125 дюймовъ, ширина—31 дюймъ (Zoll, собственно, рейнская фортификаціонная мѣра). Камень представлялъ на заостренной оконечности большую татарскую голову (или лицо), направленную къ югу. На западной поверхности вырѣзаны всякія безформенныя фигуры, но вовсе нѣтъ буквъ; сѣверный острый уголъ закругленъ и совершенно сглаженъ, также и восточный".

Въ Алтайскомъ округѣ мнѣ извѣстны только два фигурные столба, которые находились до семидесятыхъ годовъ въ Барнаульскомъ музеѣ. Оба были высѣчены изъ гранита, около $1^1/_2$ арш. высоты и 8 верш. ширины. На передней сторонѣ были вырѣзаны 2 фигуры, которыя держали надгробныя урны. Лицо одной имѣло большіе усы и отчетливо видимую бородку, другая была безбородая и посему, вѣроятно, представляла женщину.

Въ Киргизской степи я видѣлъ три каменныя статуи, которыя находились у большого могильнаго памятника, къ югу отъ города Аягузъ (Сергіополь), на возвышенности, на правомъ берегу рѣки Аягуза. Киргизское сказаніе сопоставляетъ эти статуи съ разсказомъ о Козы-Кёрпёшъ, и считаетъ мужскую фигуру изображеніемъ самого Коза-Кёрпёша, женскую же фигуру—за его возлюбленную, Баянсулу, и другую женскую фигуру—за свояченицу его. Очевидно однако, что эти три каменныя фигуры не имѣютъ ничего общаго съ памятникомъ Козы-Кёрпёша, который, безъ сомнѣнія, представляетъ большой киргизскій памятникъ, можетъ быть, XVII или XVIII столѣтія; тогда какъ фигуры навѣрно старѣе его болѣе, нежели на тысячелѣтіе. Фигуры, несомнѣнно,

поставлены на этомъ именно мѣстѣ позднѣе; нижняя ихъ часть отломана, и мы въ настоящее время видимъ ихъ прислоненными къ боковой стѣнкѣ могилы, справа отъ входа. Мужская фигура имѣетъ 2 арш. 7 верш. длины и 10 верш. ширины; одна женская: 1 арш. 5 верш. длины и 10 верш. ширины, другая—1 арш. 5 верш. длины и 11 верш. ширины.

Всѣ три фигуры держатъ въ обѣихъ рукахъ, ниже груди, продолговатыя могильныя урны. На платьяхъ ясно видна круглая вырѣзка для шеи. На женскихъ фигурахъ надѣты острыя шапочки съ висящими по бокамъ кисточками и, кромѣ того, по обѣ стороны лица висятъ косы. На мужской фигурѣ надѣта круглая шапка, опускающаяся до середины лба и два раза загнутая надо лбомъ. Такъ какъ эти статуи сдѣланы довольно хорошо, то можно легко распознать типическую особенность формы лица: это—широкія лица съ удлиненными, но не косо направленными глазами.

О каменныхъ памятникахъ монгольскихъ степей Потанинъ сообщаетъ, что они состоятъ частью изъ необтесанныхъ, частью же изъ обтесанныхъ глыбъ скалъ и представляютъ подобіе человѣческихъ фигуръ. Монголы называютъ всѣ эти каменныя глыбы „киша-тшило". Потанинъ встрѣтилъ, напр., необтесанныя киша-тшило на Буянту, недалеко отъ города Кобдо, гдѣ они стоятъ подлѣ четыреугольныхъ гробницъ.

Такія киша-тшило встрѣчаются весьма часто въ западной части монгольской степи. Они расположены частью неправильными группами, частью же правильными рядами. (Можетъ быть, эти киша-тшило—суть четыреугольныя каменныя гробницы?). Обтесанныя киша-тшило состоятъ большею частью изъ четыреугольныхъ каменныхъ столбовъ и плитъ, на которыхъ можно разглядѣть очень неясные знаки (круги и черты).

Изъ несомнѣнно стоячихъ изображеній Потанинъ указываетъ на слѣдующія: 1) гладкіе камни съ лицами, рельефно изображенными на одной сторонѣ (подобно Кушъ-Ташу на Ыси), въ долинахъ Кіани и Кандагатая; 2) грубая фигура, высотою въ 1 метръ, изъ сѣраго гранита, на Дайнъ-Гулѣ; голову можно ясно различить. Тогда какъ оба первыя лица вовсе не имѣютъ бороды, и поэтому, очевидно, изображаютъ женщинъ, на послѣдней ясно видны слѣды усовъ и бороды; 3) очень грубо сдѣланныя фигуры на озерѣ Кара-Узу, между рѣками Буянта и Кобдо,—двѣ стоячія, третья лежачая; послѣдняя фигура имѣла свыше 5 арш. длины. Фигуры гладко обтесаны; руки держатъ могиль-

ныя урны. Видны слѣды пояса; очень неправильно выдѣланная голова съ особенно длиннымъ подбородкомъ и носомъ. На головѣ — слѣды шапки. У лежащей фигуры шапка, длиною въ 1/2 арш.; 4) въ разстояніи одной версты къ югу отъ Кобдо есть четыреугольный столбъ съ хорошо сдѣланной головой; на груди могильная урна; рукъ не видно; лобъ низкій и носъ длиный; слѣды усовъ и бороды. Высота—7 футовъ и 10 англійскихъ дюймовъ, ширина—1 футъ 11 дюймовъ.

Кромѣ этихъ фигуръ, которыя совершенно сходны съ каменными изображеніями на Алтаѣ и въ южной Сибири, Потанинъ упоминаетъ еще о большомъ каменномъ изображеніи на Дайнъ-Гулѣ. Оно называется киргизами Дайнъ-Батырь, и урангайцами—Олдзе-Дайнъ. Высота его—150 центим., ширина—38 центим. Оно представляетъ обтесанный съ четырехъ сторонъ камень и большую голову, высотою въ 56 центим. Форма лба и косое направленіе глазъ ясно указываютъ на монгольскій типъ. На лицѣ, кромѣ того, замѣтны только усы. Такой ясно выраженный монгольскій типъ, слѣдовъ котораго вовсе нѣтъ на другихъ фигурахъ, даетъ поводъ предполагать, что эта каменная фигура принадлежитъ другому, гораздо болѣе позднему времени, нежели вышеописанныя каменныя фигуры. Потанинъ хвалитъ, кромѣ того, аккуратную ея работу и говоритъ, что эта статуя хорошо сохранилась. Повидимому, она еще въ настоящее время пользуется особымъ почитаніемъ обывателей, такъ какъ надъ нею выстроено нѣчто въ родѣ деревяннаго балдахина, и внутри его натянутъ шнуръ, обвѣшанный кусками шелка.

Вышеописанныя многочисленныя древности бронзоваго періода даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о степени культуры этого народа. О знакомствѣ его съ горнымъ дѣломъ, отливкой металловъ и прочими искусствами, я уже говорилъ. Затѣмъ я коснусь еще остальной жизни и промысловъ этого народа.

Первый вопросъ, который невольно намъ представляется, это: принадлежатъ-ли упомянутыя древности кочующему народу, или мы здѣсь имѣемъ дѣло съ народомъ осѣдлымъ? Я полагаю, что народъ бронзоваго вѣка мы должны признать осѣдлымъ народомъ. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, столь повсемѣстно развитое занятіе горнымъ промысломъ и отливкою металловъ; а затѣмъ и тотъ фактъ, что между древностями, лишь крайне рѣдко попадается конская сбруя, и что рисунки на скалахъ почти безъ исключенія представляютъ пѣшихъ людей. Далѣе, въ пользу осѣдлости этого народа говорятъ многочисленные слѣды древнихъ оросительныхъ сооруженій, которые мы встрѣчаемъ въ столь многихъ мѣстахъ, какъ напр., на лѣвомъ берегу Аба-

кана, на правомъ берегу Енисея, въ Уймонской степи, и, наконецъ, тотъ фактъ, что каменныя могилы находятся большей частью вблизи плодородныхъ, годныхъ для земледѣлія, равнинъ. Эти послѣднія обстоятельства, а равно и почти повсемѣстныя находки мѣдныхъ серповъ указываютъ на то, что древніе обитатели этихъ мѣстъ много занимались земледѣліемъ.

Весьма распространено должно было быть у народовъ бронзоваго періода занятіе охотой. Это доказываютъ не только охотничьи сцены, которыя часто встрѣчаются изображенными на рисункахъ, вырѣзанныхъ на скалахъ, но и наклонность этихъ народовъ украшать свои ножи и т. п. преимущественно изображеніями звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Наконецъ, на тоже самое указываютъ многочисленныя стрѣлы и копья, какъ литыя, такъ и вырѣзанныя изъ кости. Снабженные этими орудіями, упомянутые народы убивали, какъ намъ доказываютъ ихъ орнаменты, медвѣдей, оленей, дикихъ козловъ и аргали, которые въ большомъ числѣ обрѣтались въ сосѣднихъ горахъ. Что эти народы употребляли при охотѣ и собакъ, видно изъ изображенія охотника съ двумя собаками, найденнаго на Алтаѣ, и изъ многихъ украшеній на кинжалахъ.

Наименѣе ясную картину можемъ мы себѣ составить о томъ, въ какомъ размѣрѣ существовало скотоводство у этихъ народовъ, и какихъ домашнихъ животныхъ они при себѣ имѣли и разводили.

Лошадь была имъ очевидно знакома. Это доказываютъ орнаменты и рисунки на скалахъ и, кромѣ того, найденныя мѣдныя уздечки. Они пользовались этими лошадьми для ѣзды верхомъ и были знакомы съ уздечкой и стременами, что видно изъ рисунковъ на скалахъ и изъ найденной мѣдной конской сбруи. Баранъ и козелъ были имъ, безъ сомнѣнія, знакомы, что доказываютъ высѣченный изъ камня баранъ и многіе орнаменты. Достовѣрно неизвѣстно, были-ли они знакомы съ быками, потому что я нигдѣ не встрѣчалъ, ни на рисункахъ на камнѣ, ни на орнаментахъ изображенія животнаго, которое несомнѣнно представляло бы быка, а между тѣмъ голова быка такъ характерна, что его легко узнать даже въ самомъ грубомъ начертаніи. Если на одномъ рисункѣ, на камнѣ—на Іюсѣ, и вырѣзанъ всадникъ, сидящій на рогатомъ животномъ, то я, однако, предполагаю, что здѣсь изображенъ всадникъ на сѣверномъ оленѣ, можетъ быть, представитель какого-нибудь сосѣдняго племени обитателей лѣсовъ. Кромѣ этихъ звѣрей, названные народы знали еще собаку и курицъ, что доказываетъ мѣдная

игла, головка которой представляетъ курицу, изображенную со всѣми ея типическими признаками.

Еще менѣе указаній даютъ намъ древности бронзоваго періода относительно одежды и жилища этихъ народовъ. Рисунки на камнѣ нигдѣ не обнаруживаютъ ясныхъ признаковъ платья на изображенныхъ здѣсь людяхъ. Точно также и охотникъ, изображенный на вышеупомянутой мѣдной пластинкѣ, а равно весьма изящно сдѣланная статуэтка рудокопа кажутся почти совершенно голыми. На статуэткѣ рудокопа ясно замѣтенъ кожаный передникъ, которымъ покрыты бедра этого работника. Такъ какъ климатическія условія края не даютъ возможности предположить, чтобы люди ходили неодѣтыми, то мы должны допустить, что ихъ платья очень тѣсно прилегали къ тѣлу, и что они не носили длинныхъ одѣяній. Знакомство съ ткаными матеріями и употребленіе ихъ для одежды доказывается найдеными въ одной изъ могилъ на Іюсѣ слѣдами ткани. Каменныя статуи указываютъ на то, что эти люди стягивали части своего одѣянія вокругъ таліи поясомъ. Что такіе пояса часто были кожанные, доказываютъ намъ поясныя пряжки и предметы, служившіе очевидно украшеніями поясовъ съ остріями и петлями. На головахъ, мужчины носили, какъ показываютъ изображеніе охотника и статуэтка рудокопа, то острыя шапочки, то, судя по нѣкоторымъ каменнымъ изображеніямъ Козанъ-Кушъ-Таша на Іюсѣ и каменному изображенію мужчины у могильнаго памятника Козы-Керпеша на Аягузѣ,—ермолки, плотно охватывавшія голову. Женщины точно также носили, судя по каменнымъ изображеніямъ на Аягузѣ, острыя шапки съ висячими по бокамъ клапанами. На шапкѣ рудокопа виденъ спускающійся на затылокъ кусокъ кожи. Такимъ образомъ острая шапка могла быть по формѣ похожа на киргизскій малахай. Рудокопъ носитъ, повидимому, кожаную сумку, которая виситъ черезъ плечо на ремнѣ; она могла, можетъ быть, служить для собиранія кусковъ руды, хотя для такого назначенія она не довольно объемиста. Каменныя фигуры показываютъ, что мужчины отростали короткую бороду и довольно густые усы, а женщины носили волосы, заплетенные въ косы, висящія по обѣ стороны лица, на шеѣ и на груди. О жилищѣ этихъ народовъ, уцѣлѣвшіе памятники древности не даютъ намъ никакихъ данныхъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ рисунковъ, изображающихъ ихъ дома; во всякомъ случаѣ они не имѣли никакихъ постоянныхъ каменныхъ построекъ, такъ какъ отъ таковыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Я прежде держался того мнѣнія, что народы бронзоваго періода,

обитавшіе въ Алтаѣ и вокругъ него, принадлежали къ угро-самоѣдской отрасли, такъ какъ эти народы нынѣ занимаютъ весь сѣверъ западной Сибири и слѣдовательно, они должны были прежде другихъ покинуть Алтай. Теперь же, послѣ основательнаго изученія сообщеній китайцевъ о народахъ южной Сибири, я вынужденъ признать этотъ прежній свой взглядъ ошибочнымъ. Китайцы указываютъ, какъ я уже выше изложилъ, на рядъ сибирскихъ народовъ, которые въ началѣ VII столѣтія отправляли посольства къ китайскому двору; между ними были очевидно обитатели окрестностей Алтая и степей, расположенныхъ къ сѣверу отъ него по *Дубѣ* и *Билѣ* или *Гелочѣ*. Первые, какъ я уже выше указалъ, суть безъ сомнѣнія самоѣды-оленники и предки тубинцевъ, койбаловъ, маторовъ и татаръ Чернолѣсья Если такой многочисленный народъ, какъ Дубо, еще въ VII столѣтіи находился на столь низкой ступени развитія, то невозможно допустить, чтобы часть народа, жившая въ степи нѣсколько столѣтій ранѣе, достигла той высокой степени развитія, какой достигли народы бронзоваго періода. Что обитатели Алтая занимались обработкой металловъ еще въ половинѣ VI вѣка, доказывается разсказомъ китайцевъ объ отвѣтѣ, данномъ Шуань-шуанскимъ владѣльцемъ Тамину, князю Тукіу. Послѣдній считалъ въ числѣ своихъ подданныхъ народы старѣйшаго бронзоваго періода, обитавшіе къ сѣверу на Алтаѣ и занимавшіеся горнымъ промысломъ. Когда Таминъ просилъ руки дочери владѣтеля Шуань-Шуана, то послѣдній будто бы гнѣвно отвѣтилъ посланнику: «какъ ты, мой литейщикъ металла, осмѣливаешься дѣлать мнѣ такое предложеніе». Что Тукіу сами не занимались плавленіемъ металловъ, можетъ быть положительно выведено изъ того, что они описаны, какъ кочующій народъ, занимающійся скотоводствомъ.

Въ противоположность этому, Била или Гелочи еще въ VII вѣкѣ находились на весьма низкой ступени развитія. Они обитали въ бревенчатыхъ домахъ и занимались земледѣліемъ; слѣдовательно, они не были коннымъ народомъ. Показаніе, что Гелочи стригли волосы и носили шапки изъ березовой коры, повидимому, находитъ подтвержденіе въ головныхъ покровахъ каменныхъ изображеній бронзоваго вѣка. Точно также указаніе, что они держали лошадей, но на нихъ верхомъ не ѣздили, говоритъ въ пользу того, что Била именно и были тѣмъ народомъ, который оставилъ послѣ себя памятники бронзоваго періода.

Кромѣ того, китайцы называютъ Била народомъ, схожимъ съ Хакасами, изъ чего можно заключить, что первые также имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. При этомъ, они должны были говорить другимъ язы-

комъ, нежели Хакасы, слѣдовательно, не на тюркскомъ языкѣ, на которомъ Хакасы, безъ сомнѣнія, выражались уже въ VII столѣтіи. Если бы Била говорили на какомъ-либо самоѣдскомъ нарѣчіи, то китайцы, безъ сомнѣнія, упомянули бы объ этомъ и сказали бы о нихъ совмѣстно съ Дубо. Такъ какъ мы находимъ на Енисеѣ и къ сѣверу отъ Алтая слѣды довольно значительнаго въ древности народа, енисейцевъ (Ассанцевъ, Аринцевъ, Сагайцевъ, Коттовъ), которые еще послѣ многихъ столѣтій отчасти вели осѣдлую жизнь и занимались до самаго XVII вѣка обработкой металловъ, вслѣдствіе чего и получили названіе кузнецовъ (татаръ-кузнецовъ) и далѣе, такъ какъ всѣ тѣ народы, которые въ настоящее время сократились до нѣсколькихъ лишь сотъ семействъ, говорятъ на своемъ собственномъ языкѣ, не принадлежащемъ къ урало-алтайскому нарѣчію, то мы должны предположить, что въ самое раннее время, вокругъ Алтая, въ западной Монголіи, въ Тарбагатаѣ, въ восточной Киргизской степи и въ южной Сибири жили народы енисейскаго племени, которые по типу лица вполнѣ отличались отъ сосѣднихъ народовъ урало-алтайской вѣтви. Западная часть этихъ енисейцевъ, племена хакасовъ, подчинились сначала тюркскому вліянію, остались кочующими и восприняли очень рано тюркскій языкъ. Напротивъ того, западные енисейцы поселились въ богатыхъ рѣчныхъ долинахъ и въ степяхъ и достигли здѣсь значительной степени культуры, какъ показываютъ памятники бронзоваго періода. Притѣсненные южными сосѣдями, впервые тронулись, конечно задолго до Рождества Христова, племена угро-самоѣдовъ и направились частью южнѣе Алтая на западъ, частью же были оттѣснены въ лѣса Саянскихъ горъ и двинулись къ востоку отъ Алтая на сѣверъ. Часть ихъ, Дубо, осталась въ лѣсистыхъ горахъ. Достигли ли эти угро-самоѣды ранѣе прочихъ высшей степени культуры, никакимъ образомъ узнать нельзя; въ VI столѣтіи они жили совершенно такимъ же образомъ, какъ нынѣшніе самоѣды-сѣверно-оленники. Часть енисейцевъ, вѣроятно, была уничтожена вторженіемъ угро-самоѣдовъ, потому что они были однимъ изъ древнѣйшихъ вполнѣ миролюбивыхъ, занимающихся промышленностью народовъ Когда именно первыя отрасли тюрковъ, Тукіу, привели западныхъ енисейцевъ подъ свое подданство, опредѣлить исторически невозможно; но это должно было случиться очень рано и, вѣроятно, какъ мы это позднѣе увидимъ, въ ту эпоху, когда народы бронзоваго періода начали обрабатывать и желѣзо. Къ началу VI столѣтія они были очевидно уже давно подданными Тукіу. Въ позднѣйшее время, енисейцы, конечно, никогда уже не могли подняться до степени самостоятельнаго народа, но все болѣе

и болѣе сливались со своими тюркскими властителями, пока, наконецъ, уцѣлѣли только немногочисленныя ихъ отрасли на Кузнецкомъ Алатаѣ, на верховьяхъ Томи, Абакана и по среднему Енисею. Древній языкъ сохранили только Котты, Арины, Ассане и енисейскіе Остяки, тогда какъ Сагайцы, Белтиры и кузнецкіе кузнецы-татары, уже въ XVI столѣтіи говорили только по тюркски. Вслѣдствіе частаго смѣшенія, у всѣхъ племенъ енисейскаго происхожденія отличительныя черты расы (бѣлокурые волосы и голубые глаза) были въ XVI столѣтіи уже утеряны.

Когда именно енисейцы бронзоваго періода познакомились съ желѣзомъ и познакомились-ли они съ нимъ сначала посредствомъ торговли, или научились добывать его съ помощью Тукіу, вошедшихъ въ сношеніе съ Китаемъ,—конечно, не можетъ быть опредѣлено, но можно утверждать, что именно они имѣли уже желѣзное оружіе. Правда, я нигдѣ не встрѣчалъ въ могилахъ бронзоваго періода даже слѣдовъ желѣза, но въ степяхъ Абакана, на Енисеѣ и на Алтаѣ были найдены кинжалы и ножи, выкованные изъ желѣза, но до мельчайшихъ подробностей схожіе по формѣ съ ножами мѣднаго и бронзоваго періода. Желѣзные ножи этого рода подражаютъ почти всѣмъ формамъ мѣдныхъ; часто они представляютъ просто желѣзныя полосы, длиною не болѣе 3 или 4 вершковъ, одинъ конецъ которыхъ заостренъ, а другой закругленъ и снабженъ дыркой, или же это маленькіе, острые ножи, сдѣланные точно также изъ одного куска желѣза, до половины отшлифованнаго и на концѣ рукоятки снабженнаго наконечникомъ, напоминающимъ петлю. Въ-третьихъ, есть ножи, сработанные очень изящно; рукоятка, длиною около 2 вершковъ, узка, края закруглены; на концѣ рукоятки находится кольцо. Лезвіе шире и заканчивается острымъ кончикомъ, тогда какъ спинка ножа приближается мягкимъ изгибомъ къ острію. У одного, найденнаго мною желѣзнаго ножа этого періода, рукоятка и клинокъ образуютъ тупой уголъ, точно также, какъ у вышеописаннаго бронзоваго ножа, который, очевидно, употреблялся, какъ рабочее орудіе.

У желѣзныхъ кинжаловъ этого рода мы находимъ также почти всѣ формы кинжаловъ мѣднаго періода; у нихъ у всѣхъ клинокъ и рукоятка выкованы изъ одного куска. Даже украшенія подражаютъ украшеніямъ бронзовыхъ кинжаловъ, съ тою разницей, что они уже не представляютъ фигуръ животныхъ, но состоятъ изъ простыхъ извилистыхъ линій. Причина этого легко понятна: работники хотя и умѣли вырѣзывать въ литейной формѣ тонкіе рисунки орнаментовъ и послѣ отливки исправлять эти орнаменты посредствомъ шлифовки, но не умѣли

выковывать подобные рисунки и довольствовались подражаніемъ формамъ орнаментовъ въ общемъ видѣ. Это самымъ нагляднымъ образомъ видно при сравненіи бронзоваго кинжала, на концѣ котораго двѣ звѣриныя головы образуютъ кольцо рукоятки, съ желѣзнымъ кинжаломъ, имѣющимъ подобную же рукоятку. Я нашелъ только одинъ кинжалъ этого періода, который имѣлъ до того тонкую желѣзную рукоятку, что въ подобномъ видѣ онъ не могъ быть годенъ къ употребленію и долженъ былъ непремѣнно быть еще снабженъ на рукояткѣ деревяннымъ черенкомъ или обвернутъ кожей или ремнемъ.

Перейдемъ теперь къ гробницамъ и древностямъ второго культурнаго періода южной Сибири, который, въ противоположность бронзовому и мѣдному періодамъ, мы назовемъ желѣзнымъ періодомъ. Къ этому періоду слѣдуетъ причислить всѣ остальныя могилы, выше нами описанныя, за исключеніемъ каменныхъ могилъ, а именно всѣ кучкообразныя или холмообразныя могилы на югѣ и большую часть земляныхъ могилъ на сѣверѣ. Такъ какъ земляные холмы по наружному виду всѣ похожи одинъ на другого, то по общему ихъ виду мы отнюдь не можемъ опредѣлять періодъ ихъ сооруженія. На югѣ однако мы встрѣчаемъ несомнѣнно два рѣзко отличающіеся вида каменныхъ холмообразныхъ могилъ: 1) большія насыпныя каменныя могилы юго-западнаго Алтая (Уймонская степь и Бухтарма) и Тарбагатая и 2) маленькія насыпныя каменныя могилы на среднемъ хребтѣ и по окрайнамъ Абаканской степи, которыя татарскими обывателями Абаканской степи называются киргизскими могилами.

Древнѣйшій желѣзный періодъ на южномъ Алтаѣ.

Какъ я уже объяснялъ выше, могилы этого періода отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тотъ могильный холмъ, который имѣетъ болѣе или менѣе значительные размѣры, насыпанъ изъ маленькихъ, очевидно, намѣренно разбитыхъ кусковъ скалъ. Вѣтру возможно было здѣсь наполнить землею и пылью промежутки въ наружномъ каменномъ покровѣ лишь до половины высоты холма, такъ что только эта часть, засыпанная землею могла обрости травою; поэтому болѣе высокіе могильные холмы этого періода получаютъ своеобразный, характеристическій наружный видъ. Верхняя же часть могильнаго холма состоитъ изъ голыхъ камней и возвышается какъ скалистая вершина горы надъ нижней частью, образующей окружность, обросшую зеленью. Эти большія насыпныя каменныя могилы указываютъ въ общемъ лишь из-

рѣдка на слѣды прежнихъ раскопокъ, такъ какъ такія раскопки, какъ мы увидимъ далѣе, сопряжены были съ немалыми затрудненіями. Небольшое же количество золота, находимое въ такихъ могилахъ, не заслуживало, конечно, труда заниматься раскопкою.

Я предпринялъ изслѣдованіе могилъ этого періода на двухъ пунктахъ: 1) въ Уймонской степи и 2) на Бухтармѣ, недалеко отъ устьевъ рѣки Берели. Недалеко отъ деревни Катанда, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки верхней Катанды, находятся четыре весьма значительные могильника. Первый могильникъ, на лѣвомъ берегу нижней Катанды, заключаетъ 30 — 40 могилъ, холмы которыхъ состоятъ изъ наваленныхъ большихъ камней. Могильные холмы всѣ невелики и имѣютъ отъ 1 до 5 саж. въ діаметрѣ. Сбоку отъ этого могильника расположенъ рядъ каменныхъ круговъ; каждый изъ нихъ состоитъ изъ большихъ неотесанныхъ глыбъ булыжника, до половины вкопанныхъ въ землю. Второй могильникъ расположенъ въ разстояніи около 2 верстъ отъ деревни въ большой равнинѣ между верхней и нижней Катандой. Этотъ могильникъ состоялъ изъ большаго кургана, высотою въ 1 саж. и діаметромъ въ 14 саж., насыпь котораго была сравнена и состояла изъ большихъ булыжниковъ. Вокругъ этихъ зеленыхъ могильныхъ холмовъ расположены были около 20 меньшихъ могилъ съ могильными холмами, наваленными изъ камней. Рядомъ со вторымъ могильникомъ замѣтны были ясные слѣды большихъ каналовъ, при помощи которыхъ прежніе обитатели, очевидно, искусственно орошали свои поля, расположенныя въ отдаленной части долины. Третій могильникъ размѣщенъ былъ на правомъ берегу верхней Катанды и весьма схожъ съ первымъ; наконецъ, четвертый могильникъ расположенъ былъ на берегу самой Катуньи, къ западу отъ устья Катанды, и состоялъ изъ небольшого числа незначительныхъ могилъ съ каменными холмами.

Изслѣдованіе перваго могильника отъ 18 до 20 іюня 1865 г.

Въ первый день я началъ съ изслѣдованія нѣсколькихъ каменныхъ круговъ, состоявшихъ изъ семи камней. Я приказалъ раскопать на 1½ саж. въ глубину все внутреннее пространство трехъ круговъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ діаметрѣ около сажени. Грунтъ состоялъ изъ однородной твердой глины, въ которой замѣтно было симметрическое отложеніе слоевъ. Это наглядно доказывало, что грунтъ былъ здѣсь нетронутъ и что, слѣдовательно, каменные круги служили не гробницами, но, по всей вѣроятности, мѣстами жертвоприношеній.

Послѣ полудня я приступилъ къ вскрытію четырехъ совсѣмъ маленькихъ холмиковъ, наружный видъ которыхъ нѣсколько отличался отъ прочихъ. Они состояли изъ груды камней и земли, а на восточной сторонѣ окружности, немного наклонно къ востоку, былъ врытъ въ землю каменный столбъ, высотою отъ 6 до 8 верш. Въ одномъ изъ такихъ холмовъ найдены были подъ камнями желѣзныя лошадиныя удила, въ другомъ желѣзный ножъ; но такъ какъ и подъ этими холмами нигдѣ не было обнаружено могильныхъ ямъ, то я ограничился раскопкой грунта лишь на $^1/_2$ саж. въ глубину.

19 и 20 іюня я изслѣдовалъ 8 насыпныхъ могилъ, вышиною въ $^1/_2$ арш. и діаметромъ въ 1—2 саж., наружный видъ которыхъ не представлялъ никакихъ слѣдовъ прежнихъ раскопокъ. Четыре изъ нихъ оказались однако уже прежде взрытыми. Изъ остальныхъ же—три были не тронуты и совершенно одинаковаго построенія, а именно: могильный холмъ высотою въ $^1/_2$ арш., нигдѣ не поросшій травою, состоялъ изъ мелко-разбитыхъ камней безъ примѣси земли. На $^1/_4$ арш. ниже уровня грунта земля была выкопана и углубленіе наполнено точно такими же камнями. Затѣмъ въ серединѣ холма показалась четыреугольная могильная яма, длиною въ 1 саж. и шириною почти въ два аршина, наполненная смѣсью глины съ большими булыжниками. Въ западной части могилы, обращенной длинными сторонами къ востоку, было гораздо больше камней и они были бо̀льшей величины, чѣмъ въ восточной ея части. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. въ могилѣ были почти одни только камни. Подъ ними въ одной могилѣ находились двѣ лежащія на боку лошади, головами обращенныя къ востоку; во второй могилѣ— двѣ лошади и жеребенокъ, положенные точно такимъ же образомъ, а въ третьей—три лошади. Въ каждой могилѣ у одной изъ лошадей замѣчались около морды остатки желѣзной узды. Подъ лошадьми лежалъ слой маленькихъ камней, а подъ ними находилась нетронутая твердая земля, т.-е. дно могилы. На сѣверной сторонѣ могила была вырыта шире и опускалась глубже въ землю. Углубившись съ сѣверной стороны еще на $^1/_2$ арш. мы натолкнулись на цѣлый рядъ послѣдовательныхъ спинныхъ позвонковъ барана, а затѣмъ на 3 человѣческіе скелета. Эти послѣдніе лежали на спинѣ, головой къ западу, отъ 270° до 275°; руки были плотно прижаты къ тѣлу, а большіе пальцы подняты кверху. Спинной хребетъ барана былъ положенъ на грудь покойниковъ. Судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, два остова были мужскіе, третій же женскій. Первый мужской скелетъ былъ длиной въ 2 арш. 7 верш., второй—2 арш. 8 в., а женскій—2 арш. 4 в.

Подлѣ этого послѣдняго найдены были мѣдныя серьги, а на черепѣ — слѣды головнаго убора изъ ткани, украшенной мѣдными бляшками, сбоку желѣзный кельтъ и рыбьи кости; на пальцѣ правой руки сломанное серебряное кольцо и круглый просверленный камень, вѣроятно, отъ веретена; на ногахъ—остатки обуви (чулокъ) съ мѣдными украшеніями. Подлѣ мужскихъ же остововъ, по правую и лѣвую сторону, около рукъ найдены точильный камень, желѣзныя и костяныя стрѣлы, ножи, остріе копья и обломки лука. Въ послѣдній день я открылъ еще большую, круглую насыпанную изъ камней могилу, высотою въ 1 аршинъ и діаметромъ въ 3 саж. Здѣсь, на $1^1/_2$ арш. глубины, мы нашли лошадиный скелетъ, положенный головою къ востоку. Еще аршиномъ глубже оказались завернутые въ мѣхъ штаны и чулки. Первые были изъ ткани, ручной работы, чулки же изъ войлока, со стеганными подошвами. Нѣкоторыя части этихъ одеждъ хорошо сохранились, благодаря тому, что были завернутыми въ мѣхъ, который имѣлъ видъ пучковъ волосъ, моментально обращавшихся въ пыль отъ соприкосновенія съ воздухомъ.

Изслѣдованіе второго могильника отъ 21 до 29 іюня.

При болѣе точномъ осмотрѣ большого кургана этого могильника, оказались въ трехъ или четырехъ мѣстахъ ясные признаки прежней попытки вскрыть могилу. Однако, по моему мнѣнію, эти раскопки были очень незначительны, и я полагалъ, что *бугровщики* (вскрыватели могилъ) не дошли до основанія изслѣдуемой громадной могилы. Такъ какъ остовы, найденные въ маломъ курганѣ, положены были по направленію съ запада на востокъ, то я рѣшился разобрать камни могильнаго холма траншеей шириною въ 7 саж. Эту траншею я провелъ на разстояніи 11 саж. въ длину. Между камнями могильнаго холма мы нашли кости, по крайней мѣрѣ, шести лошадей и нѣсколько поломанныхъ человѣческихъ костей. Кромѣ того: 6 желѣзныхъ удилъ, различныя желѣзныя и костяныя стрѣлы, желѣзный и мѣдный ножи, желѣзный заступъ, желѣзную саблю, множество голубыхъ стеклянныхъ бусъ и два сердцевидныхъ сердолика, служившихъ, очевидно, принадлежностями серегъ. Всѣ эти предметы были разбросаны какъ попало, слѣдовательно, были выброшены изъ могильной ямы прежними вскрывателями могилы.

Срыть могильный холмъ удалось быстро, благодаря тому, что камни были невелики и свободно лежали одинъ на другомъ. Мы срыли курганъ въ 3 дня. Въ серединѣ его, подъ могильнымъ холмомъ, мы нашли

могильную яму, длиною въ 2 саж. и въ $2^1/_2$ шириною, наполненную землею и большими каменными глыбами. На аршинъ въ глубину мы безъ затрудненія могли вынуть содержимое ямы. Здѣсь, однако, наша работа внезапно остановилась. Дно оказалось совершенно замерзшимъ и со всѣхъ сторонъ сочилась въ яму вода. Выкачать изъ ямы воду и пробить мерзлую землю ломами оказалось дѣломъ настолько труднымъ, что въ продолженіе цѣлаго дня намъ удалось проникнуть глубже въ грунтъ лишь на $^1/_2$ арш. Поэтому я приказалъ части рабочихъ добыть сухихъ дровъ, разложить ихъ на днѣ могильной ямы, зажечь и затѣмъ удалить растаявшій верхній слой земли. Потомъ яму опять нагрѣвали, и т. д. Работа эта подвигалась, конечно, очень медленно, потому что въ ямѣ то и дѣло попадались громадные обломки скалъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось возможнымъ извлечь содержимое ямы, не попортивъ его при вынутіи. На глубинѣ 2 саж. подъ землей мы нашли между камнями сначала разбросанныя кости человѣка и лошадей и желѣзныя удила съ большими кольцами. Около $^1/_2$ арш. глубже наткнулись на построенные вдоль по стѣнамъ могильной ямы четыреугольные лѣса изъ дерева породы лиственныхъ деревъ; по западной и восточной сторонамъ эти описываемые лѣса состояли изъ прямыхъ другъ на друга положенныхъ брусковъ, длиною въ 1 арш.; на сѣверной же и южной сторонахъ (длинныхъ сторонахъ могильной ямы) они состояли изъ длинныхъ балокъ, положенныхъ крестъ на крестъ подъ острымъ угломъ. Деревянная крыша этихъ лѣсовъ обнаружена только въ сѣверной части; южная половина крыши была несомнѣнно снята при прежнемъ вскрытіи могилы. На $1^1/_2$ арш. ниже крыши могильная яма была наполнена громадными каменными глыбами, между которыми встрѣтились неправильные куски березовой коры и лохмотья вышитой кожи. По удаленіи этихъ камней мы наткнулись на двѣ объемистыя балки, которыя лежали поперегъ ямы и были вставлены въ лѣса. На западной балкѣ лежала связка кожи, покрытая ледяною корою вершка въ три толщиной. Я приказалъ перерубить балку и вмѣстѣ со льдомъ достать ее изъ ямы. Когда ледъ растаялъ, передъ нами оказалась одежда изъ собольяго мѣха, похожая на фракъ, покрытая шелковой матеріей и украшенная по краямъ кожей и кусочками золота. Прежніе вскрыватели очевидно дошли только до сихъ поръ, такъ какъ подъ балкой оказался нетронутый пластъ березовой коры, покрывавшій всю могильную яму. Немного ниже поперечной балки найдено было въ кускѣ льда промежъ березовой коры свернутое платье, сшитое изъ горностаеваго мѣха, выкрашеннаго въ зеленый и красный цвѣта; платье было украшено пу-

говицами и золотыми пластинками, рукава его были длинные, узкiе. воротникъ высокiй; въ платьѣ былъ завернутый камзолъ изъ горностаеваго мѣха и прикрѣпленные къ шелковой лентѣ вырѣзанные изъ дерева лошади и фантастическiе звѣри; затѣмъ чаша и нѣсколько рельефныхъ изображенiй фантастическихъ животныхъ въ видѣ оленей и медвѣдей. Послѣ того, какъ весь слой березовой коры былъ вынутъ, мы достигли дна могильной ямы на глубинѣ свыше 3 саж. Нижняя часть ямы была наполнена водой и не замерзла. На днѣ могильной ямы, по направленiю съ востока на западъ, стояли два стола о четырехъ ножкахъ; на каждомъ изъ этихъ столовъ лежалъ скелетъ, безъ всякихъ украшенiй, головою къ востоку. Столы были очень чисто выдѣланы съ помощью топора, но не струганы, и окаймлены бортомъ высотою около 1 дюйма. Столъ, бортъ и ножки, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, сдѣланы изъ одного куска дерева; вокругъ ножекъ сѣвернаго стола были прикрѣплены мѣдные обручи, шириною около $2^1/_2$ верш. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ въ могильную яму протекали грязь и вода, то лишь съ трудомъ удалось собрать въ могилѣ золотыя пластинки и отдѣльные куски одежды. Скелеты оказались совершенно истлѣвшими и отъ прикосновенiя распадались въ пыль. Точную длину этихъ остововъ опредѣлить было невозможно; приблизительно, она доходила отъ 2 арш. 5 верш. до 2 арш. 7 верш. По моему мнѣнiю, эта могила была раньше вскрыта до поперечной балки и разграблена; вѣроятно, всѣ принадлежащiе покойнику предметы и лошади находились надъ поперечной балкой. Это доказывается тѣмъ, что въ верхней части могильной ямы и могильнаго холма найдены разбросанныя лошадиныя кости и желѣзные предметы, которые при разграбленiи оставлены въ могилѣ, какъ ненужные.

Кромѣ большой могилы, я приказалъ вскрыть на второмъ могильникѣ еще 9 малыхъ могилъ, изъ которыхъ четыре оказались нетронутыми. Во всѣхъ четырехъ, судя по найденнымъ предметамъ, были мужскiе скелеты. Первая могила лежала къ востоку отъ большого кургана. Устройство ея было такое же, какъ у могилъ перваго могильника. На глубинѣ 2 арш. мы наткнулись на остовъ лошади, лежащiй головою къ востоку; около него были желѣзныя удила, стремя и желѣзная пряжка; на $^1/_2$ арш. глубже — мужской скелетъ, длиною въ 2 арш. $7^1/_2$ верш. Слѣва отъ него лежалъ прямой, острый мечъ, 17 трехгранныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и нѣсколько наконечниковъ изъ кости. На груди лежали нѣсколько кусковъ ткани и, нѣсколько выше, спинные позвонки барана. Около головы находился ма-

ленькій серебряный сосудъ съ ручкою. Всѣ кости лежали совершенно въ порядкѣ, только голова находилась на правой сторонѣ остова, у ложныхъ реберъ.

Вторая могила отличалась тѣмъ, что здѣсь какъ лошадь, такъ и трупъ мужчины положены были головою къ западу. У скелета мужчины, кромѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ стрѣлъ, находились еще огниво и красный камень, служившій очевидно кресаломъ.

Въ третьей и четвертой могилѣ, которыя по своему устройству не отличались отъ вышеописанныхъ, нашлись, кромѣ украшеній лука и желѣзныхъ стрѣлъ, еще желѣзный кельтъ и вырѣзанная изъ кости поясная пряжка.

Въ пятой, совсѣмъ маленькой могилѣ, насыпь которой не превышала 2 арш. въ діаметрѣ, на глубинѣ $^1/_2$ арш. ниже уровня земли былъ зарытъ баранъ.

Изслѣдованіе могильника въ Берельской степи, расположеннаго по верховьямъ Бухтармы, недалеко отъ берега, съ 12 іюля до 9 августа 1865 г.

На разстояніи около шести верстъ ниже устья рѣки Береля, отрасли сѣверныхъ горъ образуютъ маленькое плоскогоріе, лежащее на 30—40 саж. выше уровня Берельской степи. На этомъ плато расположены недалеко отъ южной окраины его, около 20 довольно значительныхъ могильныхъ холмовъ, насыпанныхъ изъ большихъ камней. Бо́льшая часть этихъ могильныхъ холмовъ имѣла болѣе 8 саж. въ діаметрѣ. Только 4 кургана насыпаны вблизи рѣки, остальные всѣ—около $1^1/_2$ верстъ далѣе къ сѣверу. Я вскрылъ здѣсь 4 кургана у рѣки и, кромѣ того, три кургана во второй группѣ. Одинъ изъ кургановъ, у самой рѣки, имѣлъ отъ $2^1/_2$ до 3 саж. высоты и болѣе 14 саж. въ діаметрѣ. Онъ былъ насыпанъ совершенно правильно, и нигдѣ не видно было слѣдовъ прежняго вскрытія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что здѣсь похоронена принцесса, сидящая на золотомъ стулѣ. Могильный холмъ былъ столь значителенъ, что я рѣшился снять его цѣликомъ. Чтобы срыть этотъ холмъ, который весь состоялъ изъ камней, мы должны были работать до 23 іюля. Камни были насыпаны правильными рядами; сначала рядъ плоскихъ, потомъ рядъ круглыхъ камней; пространство между круглыми камнями было наполнено рѣчными камнями. Между камнями могильнаго холма находились скелетъ лошади, желѣзныя удила и два желѣзныхъ стремени. Я не могу съ

точностью утверждать, лежали-ли кости животнаго въ правильномъ положеніи. Рабочіе скрыли отъ меня эту находку, и желѣзные предметы были мнѣ доставлены только на слѣдующій день послѣ нахожденія ихъ. Когда мы достигли до уровня земли, то по серединѣ холма обнаружилась большая могильная яма въ $3^1/_2$ саж. длины и 3 саж. ширины. Хотя вся земля здѣсь совершенно замерзла, однако можно было ясно распознать могильную яму, потому что она была наполнена пескомъ и глиной. Только при помощи огня возможно было углубляться въ крѣпко замерзшій грунтъ. Работа здѣсь также шла крайне медленно; до 28 іюля мы раскопали могильную яму только на $2^1/_2$ саж. На этой глубинѣ въ южной части ямы мы наткнулись на рядъ балокъ. Въ верхней части могильной ямы до глубины 1 саж. не было и слѣда камней, но затѣмъ показались, какъ въ западной, такъ и въ восточной частяхъ отдѣльныя громадныя каменныя глыбы. 29 іюля я приказалъ равномѣрно расчищать всю могилу, и въ южной части ея мы нашли пластъ бревенъ, а въ сѣверной—пластъ березовой коры. По удаленіи послѣдняго оказалось, что вся сѣверная часть наполнена была скелетами лошадей. Здѣсь лежало 16 лошадей, всѣ головами къ востоку, въ 4 ряда, по 4 лошади въ каждомъ ряду. У первыхъ двухъ рядовъ мы нашли желѣзныя удила. Эти восемь лошадей были покрыты густымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ березовой коры и дерева и по большей части обложенныхъ золотыми пластинками; особенно много такихъ золотыхъ пластинокъ находилось въ первомъ ряду. Подъ лошадьми былъ твердый грунтъ. Невозможно было точно опредѣлить положеніе лошадей и украшеній, благодаря тому, что снѣгъ, таявшій на боковыхъ стѣнкахъ, стекалъ внизъ и постоянно наполнялъ могилу жидкимъ слоемъ грязи, толщиною въ нѣсколько дюймовъ. На слѣдующій день я приказалъ очистить и убрать прочь слой бревенъ въ южной части могильной ямы. Мы нашли здѣсь на восточномъ и западномъ концахъ 4 тщательно обтесанныя перекладины, между которыми лежали вдѣтыя одна въ другую соединенныя доски. Потомъ оказалось, что по серединѣ находилась половина выдолбленнаго ствола дерева, имѣвшаго $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ, и что къ этому стволу прикрѣплены были двѣ доски. Все это было сдѣлано изъ лиственницы и прикрыто березовой корой. По удаленіи верхняго слоя этой коры оказалось, что на четырехъ углахъ выдолбленнаго ствола дерева придѣланы были четыре вылитыя изъ мѣди птицы, съ каждой стороны по одной птицѣ, съ поднятыми и по одной съ опущенными крыльями. По обѣ стороны выдолбленнаго ствола находились два прямо-

угольника, тщательно составленные изъ каменныхъ плитъ. Когда дерево и камни были удалены, то открылась прямоугольная могильная яма нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели деревянная крыша, наполненная на глубинѣ около 1^1/$_2$ арш. ниже этой крыши глиной и рѣчными камнями. Подъ деревянной крышей былъ совершенно истлѣвшій остовъ лошади. Здѣсь земля уже не была замерзшей. На глубинѣ 10^1/$_2$ арш. ниже поверхности земли я наткнулся на человѣческія кости, а именно кости рукъ и ногъ, которыя лежали однако не въ длину могилы, но поперекъ ея. Кости рукъ находились прямо подъ сѣвернымъ краемъ могильной ямы. Я приказалъ изслѣдовать всю сѣверную стѣну, но нашелъ только остатки еще двухъ или трехъ реберъ. Кости такъ пострадали отъ сырости, что когда ихъ вынули изъ могилы, представляли только пыль и осколки. Подлѣ человѣческихъ костей нашлись остатки мѣдныхъ и небольшого числа золотыхъ пластинокъ. Въ юго-восточномъ углу могилы, на уровнѣ скелета мы нашли еще кучку угля и пепла. Подъ человѣческими костями былъ каменистый грунтъ, очевидно дно склепа. Такъ какъ въ послѣдніе дни была дождливая погода, то края могильной ямы начали обсыпаться, почему 8 августа мы вынуждены были прекратить работу. Во всякомъ случаѣ сама могила мнѣ кажется разграбленною; невѣроятно, чтобы это случилось ночью во время моихъ работъ, такъ какъ часть человѣческихъ костей лежала въ порядкѣ, и кромѣ того я помѣстилъ часового у могилы. Можетъ быть, могила была ограблена уже въ то время, когда она сооружалась.

Всѣ остальные меньшіе могильные холмы, вскрытые мною въ Берельской степи, оказались построенными такъ же, какъ и могила на Катандѣ. Во всѣхъ могилахъ находились лошади,—въ одной даже цѣлыхъ пять,—зарытыя вездѣ арш. на 1^1/$_2$ выше людей. Слѣдуетъ еще замѣтить, что во многихъ могилахъ найдены были серебряныя украшенія, затѣмъ очень хорошо сдѣланная глиняная посуда, ножъ въ ножнахъ, другой ножъ и кинжалъ, сдѣланные совершенно по образцу ножей и кинжаловъ мѣднаго періода, но изъ желѣза; желѣзная рукоятка была только покрыта тонкой золотой пластинкой. У одного остова найденъ былъ длинный мечъ съ желѣзною рукояткой и кольцомъ, сдѣланной по образцу рукоятокъ кинжаловъ мѣднаго періода, и куски желѣзнаго панцыря изъ продолговатыхъ пластинокъ, которыя были, повидимому, укрѣплены на кожѣ.

Земляные могильные холмы, вскрытые мною къ сѣверу отъ Алтая въ Кулундѣ, въ Барабинской степи и у Барнаула, по своему устройству сходны по большей части съ могилами болѣе древняго желѣзнаго

періода, съ тою только разницею, что здѣсь въ меньшихъ могилахъ не встрѣчается скелетовъ лошадей, а если они и находились, то они лежали подлѣ человѣческихъ остововъ. Судя по предметамъ, найденнымъ въ этихъ могилахъ, можно заключить, что онѣ относятся ко времени позднѣйшему, чѣмъ насыпныя могилы южнаго Алтая. Подлежитъ еще сомнѣнію, чтобы онѣ принадлежали одному и тому же народу, такъ какъ характеристическіе признаки южнаго желѣзнаго періода отсутствуютъ.

Слѣдуетъ описаніе вскрытія нѣкоторыхъ могилъ, дабы дать возможность сравнить ихъ устройство съ построеніемъ насыпныхъ могилъ южнаго Алтая.

1. Вскрытіе могилы въ Кулундѣ.

Круглый земляной могильный холмъ, вышиною въ 1 саж., равномѣрно обросшій травою, въ діаметрѣ около 16 арш. Сверху могильный холмъ нѣсколько сглаженъ, но снаружи не замѣтно однако никакихъ признаковъ прежняго вскрытія. Изслѣдованіе производилось 14 и 15 мая 1862 г. Весь могильный холмъ состоялъ изъ такой же глинистой земли, какъ и окружающая степь. Мы провели по серединѣ кургана траншею, шириною около 3 арш., въ главномъ направленіи отъ сѣвера къ югу. Когда могильный холмъ былъ срытъ, мы наткнулись на грунтовую землю, отличаемую тѣмъ, что всюду, вмѣсто желтой глины, показался черноземъ. Только по серединѣ раскопа замѣтенъ былъ прямоугольникъ желтаго цвѣта; это и была могильная яма. Длина ея равнялась $3^{1}/_{2}$ арш.; ширина — 3 арш. Она находилась въ западной части кургана и вдавалась только на $^{1}/_{2}$ арш. въ восточную половину. На глубинѣ немного болѣе чѣмъ 1 сажени мы напали на слой древеснаго угля, покрывавшаго равномѣрно все дно могильной ямы. Толщина слоя угля была не болѣе дюйма. Когда этотъ слой былъ удаленъ, мы наткнулись на слой досокъ, положенныхъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу; доски были толщиною вершка въ три и выструганы такъ, что онѣ приходились плотно одна къ другой и вмѣстѣ образовали полъ. Послѣ того, какъ этотъ рядъ досокъ былъ снятъ, мы нашли второй слой такихъ же досокъ, соединенныхъ между собою, которыя лежали по направленію отъ востока къ западу. Ниже послѣдняго слоя дерева находились въ южной части скелетъ лошади и рядомъ съ нимъ два человѣческіе остова, лежащіе въ сѣверо-восточномъ направленіи (70^{0}). Человѣческіе скелеты лежали на спинѣ; руки были протянуты вдоль

туловища; большіе пальцы обращены кверху, голова къ востоку. Длина перваго остова: 2 арш. 5 верш., второго—2 арш. $6^1/_2$ верш. У сѣвернаго скелета лежалъ около праваго плеча, крючекъ отъ удочки, около лѣваго — 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго; по обѣ стороны локтя лежало по стремени, на серединѣ тѣла—мѣдная пряжка, съ лѣвой стороны таза книзу — желѣзный мечъ (прямой, съ однимъ лезвеемъ, украшенный головкой; рукоятка была обернута кожей), на пальцахъ лѣвой руки было 2 мѣдныя кольца, подлѣ лѣвой руки лежалъ ножъ. Около южнаго скелета былъ воткнутъ надъ головой наконечникъ копья (безъ древка), сбоку, ниже лѣваго плеча, находился желѣзный мечъ; между ногами 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго. У остова лошади находились во рту остатки желѣзной уздечки, на головѣ кусочки желѣзной сбруи, съ обѣихъ сторонъ—по желѣзному стремени.

2. Вскрытіе могилъ у Барнаула.

Не разграбленными оказались только совсѣмъ незначительные курганы, большею частью только въ $^1/_2$ арш. высоты и отъ 2 до 3 саж. въ діаметрѣ. Въ августѣ 1862 г. я вскрылъ 4 изъ этихъ холмовъ. Посреди каждаго кургана находилась прямоугольная могильная яма, длиною около 3 арш.; три такихъ ямы были шириною въ $1^1/_2$ арш., четвертая же въ $2^1/_2$ арш. Глубина нигдѣ не превышала $1^1/_2$ арш. Внутри двухъ могилъ встрѣтился слой дерева, около 2 верш. толщиною, который покрывалъ однако только половину дна могильной ямы. Въ третьей изъ этихъ маленькихъ могильныхъ ямъ найденъ былъ лишь слой березовой коры, а равно и въ четвертой могилѣ. Ниже слоя дерева или березовой коры находились человѣческіе скелеты; въ двухъ могилахъ оказалось даже по два рядомъ лежащихъ остова (могила 1-я: направленіе скелета — головою къ NO 85^0; могила 2-я: — NO 72^0; могила 3-я: оба остова—NO 73^0; могила 4-я: оба скелета—NO 77^0). Всѣ остовы лежали на спинѣ, съ головою, согнутой на бокъ, и руками, вытянутыми вдоль туловища. На груди каждаго скелета лежало 4—5 спинныхъ позвонковъ барана. Длина костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. $5^1/_2$ верш. У двухъ покойниковъ на туловищѣ лежали мѣдныя пряжки и подлѣ нихъ—ножи, судя по чему можно заключить, что это были мужскіе скелеты; кромѣ этого я нашелъ лишь незначительные предметы украшенія.

3. Вскрытіе могилъ въ Барабинской степи.

1 іюня 1866 г. у деревни Кызырь, въ 25 верстахъ отъ Убинскаго озера, встрѣтились нѣсколько могильниковъ, состоящихъ отъ 10 до 25 могильныхъ холмовъ. Самый большой изъ нихъ былъ высотою въ 1 арш. и имѣлъ 3 саж. въ діаметрѣ. На этихъ могильникахъ я работалъ 5 дней и приказалъ вскрыть въ трехъ различныхъ мѣстахъ 26 кургановъ. Здѣсь могильныя ямы были всюду отъ 1 до 2 арш. глубины. Работа была очень затруднительна, такъ какъ могильные холмы и верхняя часть могильной ямы состояли изъ земли твердой, какъ камень, такъ что пришлось разбивать ее ломами, но на 1 арш. ниже уровня почвы земля стала иловатой и вода наполнила въ короткое время могильную яму до половины. Несмотря на это, можно было съ точностью опредѣлить, что бо́льшая часть скелетовъ были обращены головою къ востоку; только два остова лежали головами къ западу. Около головы каждаго отдѣльнаго костяка находился желѣзный кельтъ, но на туловищѣ около рукъ лежали у мужчинъ мечи, стрѣлы, остатки украшеній лука, а у женщинъ—ножи. Кромѣ того, подлѣ всѣхъ скелетовъ оказались разныя украшенія изъ мѣди и желѣза. У женщинъ были около ушей стеклянныя бусы, а на груди мѣдныя пряжки или пластинки. Около двухъ мужскихъ остововъ найдены остатки стремянъ и лошадиныя удила. Кости совершенно истлѣли и всѣ металлическіе предметы были такъ испорчены сыростью, что ихъ можно было вынуть изъ земли только раскрошенными. Длина мужскихъ костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. $5^1/_2$ верш. Скелеты женщинъ не были длиннѣе 2 арш. 2 верш.; при большинствѣ остововъ я замѣтилъ спинные позвонки барановъ. Не всѣ костяки были покрыты березовой корой, нѣкоторые были только засыпаны землей. Около другихъ опять нашлись маленькіе куски древеснаго угля. Къ сожалѣнію я могу сообщить только такія незначительныя свѣдѣнія о могилахъ сѣвернаго желѣзнаго періода, потому что большинство могилъ этого періода, которыя я вскрылъ на сѣверѣ Алтая и въ Киргизской степи, уже прежде были разграблены. Это явленіе, особенно часто у могилъ, сколько-нибудь выдѣляющихся своею величиной. Что касается до вскрытыхъ мною совершенно незначительныхъ, маленькихъ могилъ этой мѣстности, то онѣ всѣ имѣли такое же устройство, какъ и выше описанныя могилы въ Барнаулѣ и въ Барабинской степи. Принадлежатъ ли эти могилы тому же народу, что и большая могила Кулунды, которую я прежде описалъ, утверждать не могу.

Устройство послѣдней имѣетъ сходство съ устройствомъ насыпныхъ могилъ сѣвернаго Алтая; напротивъ того, остальныя могилы могли точно также быть сооруженными другими народами, можетъ быть, потомками енисейцевъ бронзоваго вѣка. Во всякомъ случаѣ, оружіе встрѣчается въ нихъ рѣже, чѣмъ въ южныхъ могилахъ.

Перейдемъ теперь къ могиламъ позднѣйшаго желѣзнаго періода, которыя опять-таки представляютъ совершенно опредѣленное, весьма характерное устройство.

Могилы новѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка на Абаканѣ.

Къ могиламъ этой эпохи я отношу всѣ маленькія насыпныя могилы, находящіяся въ могильникахъ среднихъ горъ Абаканской степи и которыя народное преданіе называетъ киргизкими могилами.

Эти могильныя насыпи имѣютъ большею частью только $1^1/_2$ саж. въ діаметрѣ и лежатъ, плотно примыкая одна къ другой, группами отъ 60 до 80 могилъ въ каждой. Можно ясно различить, что маленькіе могильные холмы бо́льшею частью расположены попарно, причемъ одинъ изъ этихъ холмовъ постоянно круглый, а другой овальной формы. Я замѣтилъ такого рода могильники только на среднемъ Абаканѣ; туземцы увѣряютъ однако, что они встрѣчаются повсюду на береговыхъ горахъ Абакана и Енисея въ великомъ множествѣ. Малая величина этихъ могилъ, незначительное количество находимыхъ въ нихъ благородныхъ металловъ, значительное отдаленіе отъ рѣки и скрытое ихъ положеніе служатъ причиной того, что мѣстные жители мало обращали на нихъ вниманія, и что самая лишь незначительная часть такихъ могилъ носитъ слѣды прежняго вскрытія. Между Койбалами, какъ сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ провожатыхъ, распространенъ взглядъ, что это поля битвъ дикихъ киргизовъ, которые похоронили здѣсь своихъ мертвыхъ; но изслѣдованіе большого числа этихъ могилъ нагляднѣйшимъ образомъ доказало, что всѣ эти разсказы ни на чемъ не основаны, потому что здѣсь всюду найдены скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и повсюду трупы были похоронены въ величайшемъ порядкѣ, чего, очевидно, не могло бы быть, еслибъ эти могилы насыпаны были послѣ сраженія. Я занялся изслѣдованіемъ многихъ подобныхъ киргизскихъ могилъ въ 7 верстахъ отъ устьевъ Аскыса.

Расположеніе раскопанныхъ мною могилъ было слѣдующее: между первыми грядами пограничныхъ горныхъ отроговъ, на высотѣ 100 футовъ надъ степью и на разстояніи около 50 шаговъ одинъ отъ другого, находились два могильника. Западное кладбище состояло, приблизительно,

изъ 80 кургановъ, тогда какъ восточное заключало въ себѣ не болѣе 30. Я началъ съ изслѣдованія западнаго могильника и вскрылъ навѣрно половину находившихся тамъ холмовъ, причемъ выбиралъ такіе, которые не обнаруживали слѣдовъ прежняго вскрытія. При изслѣдованіи этихъ могилъ оказалось, что постоянно два холма образовали одну могилу. По удаленіи камней продолговатаго холма обнаруживался слой валуновъ или рыхлой земли, около $^1/_2$ арш. толщиною, подъ которымъ находились скелеты, не глубже, чѣмъ на 1 арш. ниже уровня земли. Незначительная глубина могильныхъ ямъ, казалось, находилась въ зависимости отъ качества грунта, который былъ такъ твердъ, что мои рабочіе только топорами или ломами могли разбивать его. Пластъ глины, въ которомъ лежали кости, былъ такъ твердъ, что я принужденъ былъ выкапывать каждую отдѣльную кость острымъ ножомъ; благодаря этому, только въ нѣкоторыхъ могилахъ мнѣ удалось точно опредѣлить положеніе скелета. Всѣ остовы лежали на спинѣ, по направленію съ востока на западъ, головою къ западу. Голова немного согнута на бокъ и руки прижаты къ туловищу, причемъ большіе пальцы направлены кверху. Нигдѣ около этихъ костяковъ не нашлось остатковъ платья или утвари; только около ногъ можно было всегда замѣтить остатки дерева, можетъ быть представляющіе дощечку, о которую опирались ноги покойника.

Второй, круглый могильный холмъ не заключалъ скелета, но зато прикрывалъ посуду и оружіе, положенные въ могилу покойнику. По удаленіи камней этого могильнаго холма нужно было еще выкопать $^1/_2$ арш. твердой глины и на этой глубинѣ находился глиняный сосудъ съ узкой шейкой, вышиною въ $^1/_2$ арш., прикрытый гладкимъ камнемъ. Подобные глиняные сосуды всегда пусты; они заключали, вѣроятно, напитокъ, данный покойнику съ собой въ могилу. По вынутіи глинянаго сосуда оказывался слой отчасти жженыхъ, отчасти нетронутыхъ костей животныхъ, бóльшею частью барановъ, рѣже — лошадей и рогатаго скота. Между этими костями находимы были многіе желѣзные предметы, какъ, напр., топоры, кельты, ножи, острія стрѣлъ, стремена, уздечки. Могильные холмы, заключавшіе въ себѣ такіе предметы, находились то къ востоку, то къ западу отъ холма, заключавшаго скелетъ.

Во всѣхъ могилахъ западнаго могильника я встрѣтилъ исключительно только предметы, выдѣланные изъ желѣза и при этомъ только такіе, которые очевидно служили оружіемъ или орудіями, употреблявшимися мужчинами. Иначе было въ восточномъ могильникѣ, который я вслѣдъ затѣмъ изслѣдовалъ.

Здѣсь я тщетно искалъ нетронутыхъ могильныхъ холмовъ: всѣ холмы были раскопаны, хотя мною вскрыто ихъ болѣе тридцати. Несмотря на это, можно было ясно различить, что и здѣсь каждая могила состояла изъ двухъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ только скелетъ взрослаго или ребенка, безъ всякихъ предметовъ; другой же заключалъ могильную яму съ предметами, положенными для покойника. Тогда какъ въ первомъ могильникѣ встрѣчались исключительно желѣзное оружіе или орудія, въ восточномъ могильникѣ я нашелъ лишь остатки украшеній, сдѣланныхъ изъ мѣди, серебра и золота; изъ нихъ оказались вполнѣ хорошо сохранившимися: 1) очень изящная золотая серьга (по отдѣлкѣ нѣсколько схожая съ прекрасными золотыми украшеніями, изображенными на рисункахъ Витцена); 2) двѣ серебряныя серьги; 3) многочисленныя тонкія серебряныя пластинки выдавленной работы, которыми, очевидно, покрытъ былъ мѣдный или деревянный предметъ. Нигдѣ не встрѣтилось слѣдовъ тѣхъ высокихъ, прекрасно сдѣланныхъ глиняныхъ вазъ, которыя попадались въ западномъ могильникѣ; вмѣсто нихъ, во всѣхъ могильныхъ ямахъ оказались черепки маленькихъ некрасивыхъ горшковъ, большею частью выдѣланныхъ просто руками. Кромѣ того, во всѣхъ могильныхъ ямахъ, гдѣ оказались какіе-нибудь предметы, находились кости животныхъ, по большей части барановъ.

Изслѣдованія этихъ могилъ ясно показываютъ, что народы болѣе ранняго желѣзнаго періода хоронили мужчинъ и женщинъ въ различныхъ мѣстахъ. Маленькія дѣти, повидимому, хоронились вмѣстѣ съ женщинами, мальчики же постарше, напротивъ, съ мужчинами. Я нашелъ между могилами, гдѣ были похоронены мужчины, два скелета мальчиковъ, никакъ не старше 12—14 лѣтъ. Мужчинамъ клались въ могилу только оружіе и орудія изъ желѣза; кромѣ того, говядина, предназначавшаяся въ пищу во время пути, и большой сосудъ съ водкой. Вмѣстѣ съ женщинами хоронились ихъ украшенія и, кромѣ того, горшки съ мясомъ.

Если сравнить устройство этихъ могилъ новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ съ могилами древнѣйшаго періода на южномъ Алтаѣ, то несмотря на большое различіе, можно найти и сходные признаки. Тогда какъ въ могилахъ древнѣйшаго періода лошадь и человѣкъ хоронились хотя и въ одной могилѣ, но въ различныхъ частяхъ ея, мы здѣсь встрѣтили полное раздѣленіе могилы на двѣ части, которое, однако, легко могло постепенно развиться изъ прежняго способа погребенія.

Прежде нежели перейти къ описанію степени культурности народовъ желѣзнаго періода, я здѣсь укажу еще устройство могилъ позднѣйшаго желѣзнаго періода.

Къ сѣверу отъ города Маріинска, на берегу верховьевъ Кыи и рѣчки между Кыей и Чолымомъ я напалъ на земляные могильные холмы, которые большею частью расположены были тѣсными группами по берегу рѣки. Эти незначительные холмы обнаруживали во многихъ мѣстахъ слѣды прежнихъ раскопокъ, въ особенности вблизи русскихъ селеній, но, однако, никто изъ поселенцевъ не помнилъ, чтобы здѣсь производились раскопки. Только въ двухъ мѣстахъ на моемъ пути въ Чердатъ эти могилы казались нетронутыми, и поэтому я предпринялъ раскопки лишь въ этихъ мѣстахъ. Могильники здѣсь такъ часты, что повидимому, народъ, оставившій послѣ себя эти надгробные памятники, прожилъ въ этой мѣстности долгое время. Многіе изъ могильныхъ холмовъ, находятся теперь въ густомъ лѣсу, и кое-гдѣ на нихъ выросли сосны.

Положеніе и устройство этихъ могилъ слѣдующее: на берегу рѣки, обыкновенно на болѣе высокихъ мѣстахъ или на окраинѣ заросшихъ лѣсомъ склоновъ, расположены кладбища, состоящіе изъ 10—40 холмовъ, занимающіе часто площадь длиною въ 100 — 200 шаговъ. Холмы бо̀льшею частью имѣютъ отъ 1 до 3 арш. высоты и отъ 3 до 6 арш. въ діаметрѣ. Форма ихъ совершенно закругленная, какъ форма сегментовъ шара и они лежатъ такъ близко одинъ отъ другого, что края ихъ часто соприкасаются. Я предпринялъ изслѣдованіе этихъ могильныхъ холмовъ на Улу-Кіелѣ, около 60 верстъ отъ Маріинска и на рѣкѣ Чердатѣ. Такъ какъ холмы эти исключительно земляные, то производить раскопки было не трудно; въ короткое время мнѣ удалось вскрыть большое количество могильныхъ холмовъ и такимъ образомъ представить себѣ ясную картину ихъ устройства.

Скелеты были здѣсь положены на землю, головами къ востоку, а ногами къ западу, руки были плотно прижаты къ туловищу, и большіе пальцы обращены кверху. Обыкновенно верхняя часть тѣла и въ особенности руки были прикрыты слоемъ березовой коры. У головы или у ногъ покойника поставлены были то котелъ изъ желѣза или листовой мѣди, то глиняный сосудъ. Затѣмъ на трупъ клались продольно доски, толщиною въ 2—3 вершка, послѣ чего покойника засыпали землею, которая вплоть около трупа утаптывалась какъ можно тверже. Этотъ способъ погребенія вполнѣ, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ устройству могилъ желѣзнаго періода въ сѣверной степи, съ тою только

разницею, что тамъ покойника клали не прямо на грунтовую землю, а на дно могильной ямы.

На Чердатѣ встрѣтились нѣсколько могильныхъ холмовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку скелетовъ. Въ одномъ изъ холмовъ лежали два остова, одинъ на другомъ, раздѣленные только слоемъ березовой коры. Нижній скелетъ положенъ, какъ обыкновенно, головою къ востоку, а верхній какъ разъ наоборотъ, головою къ западу. Нижній костякъ, судя по бывшимъ около него предметамъ, былъ скелетомъ мужчины, а верхній—женщины. Въ другомъ могильномъ холмѣ положены три остова. Нижній лежалъ опять головою къ востоку, а верхніе, раздѣленные слоемъ земли въ 4—5 вершк. толщиною, — одинъ головою на сѣверъ, а другой на юго-западъ. Скелеты всѣ были средней величины, женскіе отъ 2 арш. до 2 арш. 3 вершк., мужскіе не длиннѣе 2 арш. 6 вершк. Всѣ остовы были похоронены вмѣстѣ съ платьями и украшеніями; подлѣ нихъ лежали оружіе и инструменты. О древности этихъ могильныхъ холмовъ, которые никакимъ образомъ не могутъ принадлежать предкамъ нынѣ живущихъ въ этой мѣстности куярыкъ-татаръ, можно судить по древнимъ русскимъ мѣднымъ монетамъ, найденнымъ въ одной могилѣ и относящимся къ первой половинѣ XVII столѣтія.

Если мы сравнимъ устройство могилъ желѣзнаго періода съ описываемыми китайцами погребальными церемоніями Уйгуровъ, Тукіу и Хакасовъ, то мы увидимъ только нѣкоторое сходство съ описаніемъ погребенія у Уйгуровъ. Здѣсь говорится: „мертвыхъ хоронятъ они въ вырытыхъ могилахъ“. Если китайцы и разсказываютъ, что мертвые хоронятся въ стоячемъ положеніи а вокругъ нихъ кладется все ихъ оружіе, какъ будто бы они были живы, то первое, вѣроятно, ошибочно, и эта ошибка произошла вслѣдствіе разсказовъ, что Уйгуры хоронили вмѣстѣ съ покойникомъ все то оружіе и ту утварь, которыя онъ употреблялъ при жизни; повѣствователь, вѣроятно, прибавилъ по ошибкѣ, что покойникамъ придавали и положеніе живого человѣка. Описаніе похоронныхъ торжествъ Тукіу заключаетъ навѣрное также многія ложныя данныя. Ложно во всякомъ случаѣ то, что говорится о сожиганіи труповъ, потому что я никогда не слыхалъ, чтобы на Алтаѣ, въ Киргизской степи и въ округѣ Енисея найдены были погребальныя урны съ сожженными человѣческими костями. Напротивъ того,—описанія обильныхъ жертвоприношеній животныхъ во время погребенія правдивы; я вспоминаю, что въ одной могилѣ мы нашли 16 лошадей. Точно также справедливо, что вещи, принадлежавшія покойнику, кла-

лись въ шатеръ (?) вмѣстѣ съ трупомъ. Показаніе, что тѣ люди, которые умирали весною и лѣтомъ, хоронились только тогда, когда листья на деревьяхъ желтѣли и опадали, а умершіе осенью и зимою хоронились весною, когда листья и цвѣты начинали распускаться, дозволяетъ предположить двойную похоронную церемонію, что отчасти разъясняетъ устройство двойныхъ могилъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ южномъ Алтаѣ. Если это мое предположеніе вѣрно, то покойника хоронили тотчасъ же послѣ смерти, и тогда насыпалась половина могилы. Нѣсколько же мѣсяцевъ позднѣе, можетъ быть при случаѣ весенняго или осенняго празднествъ, происходило большое жертвоприношеніе и погребеніе множества верховыхъ животныхъ. Если въ одномъ китайскомъ описаніи говорится: „на мѣстахъ погребенія они ставятъ изображенія мертвыхъ и на этихъ каменныхъ изображеніяхъ обозначаютъ всѣ сраженія, въ которыхъ покойникъ участвовалъ при жизни; когда онъ убилъ только одного человѣка, то они ставятъ только одинъ камень; на нѣкоторыхъ могилахъ стоятъ до 100 и болѣе камней“ — то это просто ошибка, происшедшая вслѣдствіе разсказовъ путешественниковъ о надгробныхъ памятникахъ; могильные камни принадлежатъ къ гораздо болѣе раннему періоду. Такія перестановки фактовъ мы встрѣчаемъ часто. Я напомню сообщеніе Рубруквиса въ 1259 году, который, отправляясь къ Менги-Хану, на своемъ пути встрѣтилъ въ южной Россіи надгробные памятники и приписалъ ихъ Куманамъ, тогдашнимъ обитателямъ этихъ мѣстностей. Онъ говоритъ такъ: „Куманы сооружаютъ большой могильный холмъ надъ мертвыми и ставятъ на немъ статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую въ рукѣ передъ животомъ сосудъ“. Каменныя бабы, которыя онъ тутъ очевидно описываетъ, принадлежатъ къ періоду, на многія столѣтія предшествовавшему переселенію въ Европу тюркскихъ народовъ.

Очень темны свѣдѣнія китайцевъ о погребеніи умершихъ у древнихъ Хакасовъ: „при погребеніи они не царапаютъ себѣ лица (какъ Тукіу), но обертываютъ трупъ три раза и плачутъ. Затѣмъ они его сожигаютъ и хоронятъ кости черезъ годъ. Позднѣе они справляютъ въ опредѣленное время похоронныя торжества“. Что должны означать слова: „они обертываютъ трупъ три раза и хоронятъ кости черезъ годъ?“ Я думаю, что описаніе обряда слѣдуетъ понимать такъ: трупы сначала хоронились безъ всякихъ предметовъ украшенія и при этомъ въ честь душъ умершихъ сожигались извѣстныя части жертвеннаго животнаго (это доказываютъ сожженныя кости барана, найденныя около труповъ въ могилахъ новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ). За-

тѣмъ, черезъ годъ, нроисходило жертвенное пиршество, во время котораго зарывали въ землю утварь покойника и насыпали надъ нимъ могильный холмъ.

У насъ имѣются такія богатыя коллекціи древностей желѣзнаго вѣка южной Сибири, что не трудно составить себѣ довольно точное понятіе объ исторіи развитія культуры описываемаго народа. Особенно интересны мои изслѣдованія большихъ насыпныхъ могилъ на Катандѣ и Бухтармѣ, такъ какъ эти послѣднія принадлежатъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка. Я нашелъ здѣсь подлѣ желѣзныхъ ножей и оружія, которые по формѣ относятся къ позднѣйшему желѣзному періоду, мечъ, кинжалъ и ножъ, которые по формѣ были совершенно сходны съ предметами древнѣйшаго бронзоваго періода, а именно рукоятка и клинокъ сдѣланы были изъ одного куска. У кинжала кольцо на оконечности рукоятки представляло даже плетеніе двухъ змѣиныхъ головокъ. Послѣдній фактъ заставляетъ меня предположить, что могилы, заключавшія въ себѣ это оружіе, сооружены были въ то время, когда далѣе къ сѣверу на Алтаѣ происходилъ переходъ отъ бронзовой культуры къ желѣзной культурѣ; но такъ какъ мы видѣли при описаніи могилы на Катандѣ, что устройство насыпныхъ каменныхъ могилъ вполнѣ отличается отъ устройства могилъ бронзоваго періода то мы вправѣ предположить, что народъ, который оставилъ послѣ себѣ насыпныя могилы, въ эпоху начала желѣзнаго періода передвинулся съ юга въ южный Алтай. До середины Иртыша этотъ народъ, кажется, не дошелъ, такъ какъ уже подлѣ Усть-Каменогорска и въ Кокбекты я нигдѣ не находилъ насыпанныхъ изъ камней могилъ. Такъ какъ эти новые пришельцы, очевидно, были чисто кочующимъ народомъ, занимавшимся только скотоводствомъ (что доказывается множествомъ лошадей, похороненныхъ въ большихъ могилахъ), то мы можемъ предположить, что они пріобрѣтали свои металлическіе товары съ сѣвера отъ побѣжденнаго ими народа бронзоваго періода.

Древнія вещи желѣзнаго періода, сдѣланныя изъ металла, доказываютъ намъ, что народы этого періода съ самаго начала знакомы были съ мѣдью, желѣзомъ, золотомъ и серебромъ. Что эти металлы добыты и обработаны были на самомъ Алтаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; мѣдь и золото уже въ теченіе многихъ вѣковъ добывались и обработывались на Алтаѣ; желѣзо же и серебро въ первое время желѣзнаго вѣка ввозились, вѣроятно, путемъ торговли, но позднѣе они во всякомъ случаѣ добывались на Алтаѣ, какъ доказываютъ обнару-

женныя во многихъ мѣстахъ слѣды начатыхъ работъ въ серебряныхъ копяхъ и встрѣченные мною кое-гдѣ желѣзные шлаки.

Что касается обработки золота въ древнѣйшій желѣзный періодъ, то она производилась совершенно своеобразно. А именно, золото раскатывалось на тонкіе листы, и этими тонкими золотыми пластинками покрывались различныя украшенія и пуговицы. Я нашелъ большое количество такихъ золотыхъ пластинокъ на Катандѣ и на Берелѣ. Ими были покрыты рукоятки желѣзныхъ ножей и кинжаловъ, которые, по формѣ, принадлежали къ древнѣйшему времени: доказательство, что тогда еще не умѣли золотить и серебрить желѣзо. Деревянныя и мѣдныя пуговицы также покрывались золотыми листиками; тонкія золотыя пластинки прикрѣплялись также на бортахъ и кожаныхъ обшивкахъ платья, равно какъ и вырѣзанныя изъ золотыхъ пластинокъ изображенія звѣрей—тигра, кошекъ, змѣй, а также и людей, всадниковъ; арабески, вырѣзанныя изъ березовой коры, тоже покрывались такими золотыми листами. Какъ показываютъ маленькія дырки по краямъ нѣкоторыхъ этихъ пластинокъ, онѣ пришивались нитками къ вышеназваннымъ предметамъ. Отъ позднѣйшаго времени желѣзнаго періода остались очень изящныя золотыя издѣлія, напримѣръ найденная мною на Абаканѣ золотая серьга и изображенные Витценомъ найденные въ западной Сибири золотые предметы. Отъ позднѣйшаго періода остались также обдѣланныя въ золото желѣзныя оправы на возжахъ и сѣдлахъ.

Серебро употреблялось сначала для украшенія ремней и сѣделъ, затѣмъ для колецъ и серегъ изъ серебряной проволоки для болѣе бѣдныхъ людей. Въ позднѣйшее время имъ также покрывалось желѣзо. Кромѣ того, съ самаго начала изготовлялись серебряные сосуды различной формы, часто выработанные съ большимъ вкусомъ и украшенные изящной гравировкой.

Желѣзо пріобрѣло съ самаго начала большое значеніе и при изготовкѣ инструментовъ и оружія, требующихъ большой крѣпости, совершенно вытѣснило мѣдь и бронзу. Какъ я уже упомянулъ выше, желѣзные ножи и кинжалы, точно также какъ и мѣдные, выковывались сначала цѣликомъ изъ желѣза, но позднѣе поняли, что такая обработка желѣза, при большой крѣпости этого металла, была безполезна, почему стали выковывать клинки съ тонкими остріями, которыя затѣмъ вправлялись въ деревянныя и костяныя ручки. Желѣзныя издѣлія древнѣйшаго періода, большею частью, такъ пострадали отъ сырости почвы, что мы не въ состояніи опредѣлить ни умѣнья ковать, ни степени изящества формъ, ни качества стали. Изъ ножей и наконечниковъ стрѣлъ новѣйшаго желѣзнаго

періода нѣкоторые прекрасно сохранились; отличная ихъ работа и качество стали приводятъ насъ въ изумленіе. Эти оружія были цѣликомъ выдѣланы изъ стали и обладали большой крѣпостью. Мнѣ пришлось видѣть много крайне изящно и со вкусомъ сдѣланныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Особенно много желѣзныхъ орудій было найдено на поляхъ на Енисеѣ. Русскіе жители увѣряли, что эти предметы для нихъ совершенно безполезны, такъ какъ русскіе кузнецы не могли ихъ передѣлать; хотя это оружіе и ножи и очень тверды, но какъ только ихъ положатъ въ печь, желѣзо становится мягкимъ и ломкимъ и никакъ не поддается обработкѣ.

Г. Струве любезно изслѣдовалъ также нѣсколько желѣзныхъ ножей и стрѣлъ древнѣйшаго и новѣйшаго желѣзнаго періода. Результатъ его химическаго анализа слѣдующій: „всѣ желѣзные предметы сдѣланы изъ чистаго желѣза, безъ примѣси постороннихъ металловъ. Конечно, они всѣ содержатъ небольшое количество угля и кремня. Чтобы опредѣлить чистоту этого сорта желѣза еще количественнымъ анализомъ, одинъ ножъ древнѣйшаго періода былъ подвергнутъ анализу, и оказалось, что на 100 частей приходилось 99,43 части желѣза, слѣдовательно, здѣсь оказалось превосходное полосовое желѣзо, которое легко поддавалось ковкѣ“. Ни одинъ изъ очень твердыхъ предметовъ новѣйшаго желѣзнаго періода, къ сожалѣнію, не былъ подвергнутъ г. Струве количественному анализу, а къ этимъ предметамъ и относятся преимущественно показанія русскихъ крестьянъ.

Изъ желѣзныхъ предметовъ этого періода мнѣ пришлось видѣть: 1) лошадиную сбрую и приборъ для верховой ѣзды: уздечки (въ древнѣйшій періодъ большею частью съ бо̀льшими и мѐньшими боковыми кольцами, въ новѣйшій періодъ съ кольцами и отростками длиною отъ $2^1/_2$ до 3 вершковъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, въ большинствѣ случаевъ очень хорошей и изящной работы); круглыя и четыреугольныя пластинки для украшенія нагрудника и ремней для хвоста (въ позднѣйшее время обложенныя серебромъ и золотомъ); заклепки и кольца отъ задней части сѣдла для прикрѣпленія ремня (по-татарски—канчуга); стремена (большею частью съ очень широкими подножками и круглыми штангами. Верхняя петля, черезъ которую протягивается ремень, обыкновенно очень широка. Подножка часто прорѣзной работы. Одно только изъ найденныхъ мною стремянъ оказалось обложеннымъ серебромъ). 2) Рабочіе инструменты: кельты (которые отличаются отъ кельтовъ мѣднаго періода, главнымъ образомъ, тѣмъ, что задняя часть кельта открыта), лопаты, рѣзцы, буравы, топоры и инструменты для

спайки (вообще эти орудія встрѣчаются въ могилахъ лишь изрѣдка; они найдены только въ одной могилѣ на Абаканѣ; чаще въ могилахъ на Барабѣ и подлѣ Барнаула). 3) Острыя орудія и оружіе: ножи (почти во всѣхъ могилахъ, самой разнообразной величины. Въ могилахъ древняго періода я нашелъ много ножей въ деревянныхъ ножнахъ; можетъ быть, они были китайской работы, такъ какъ китайцы еще теперь изготовляютъ подобные футляры съ нѣсколькими ножами. Ножи новѣйшаго періода имѣютъ прямую спинку и отчасти похожи на ножи сартовъ); кинжалы (очень рѣдко, только въ одной могилѣ древняго желѣзнаго періода); мечи (встрѣчаются очень часто, почти всегда болѣе аршина длиной, съ узкими клинками, почти прямые, объ одно лезвее; остріе нѣсколько согнуто назадъ; рукоятка меча изъ желѣза или мѣди, по большей части изображающая розетку; только въ одной болѣе древней могилѣ на Берелѣ я нашелъ болѣе длинный, широкій мечъ съ желѣзною рукояткой, а вмѣсто головки, съ большимъ кольцомъ); острія копій (вообще рѣдки; по большей части эти острія длинны; нѣкоторыя сдѣланы очень искусно); острія стрѣлъ (самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ: шиловидныя, ланцетовидныя, листовидныя, треугольныя, спереди переходящія въ остріе, шириною отъ $^1/_4$ до $2^1/_2$ дюймовъ. Особенно характеристичны трехгранныя стрѣлы, найденныя на Абаканѣ—страшное оружіе). 4) Панцыри (встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, состоятъ изъ искусно выкованныхъ прямоугольниковъ, которые нашиты на матерію или кожу (нижнее платье). 5) Огниво. 6) Сельскохозяйственные инструменты: серпы и плуги (изъ послѣднихъ я нашелъ одинъ на Абаканѣ, который совершенно походилъ на плуги сартовъ). 7) Предметы украшенія: пряжки разной величины, застежки и украшенія для поясовъ, аграфы.

Такимъ образомъ, желѣзо значительно вытѣснило изъ употребленія мѣдь и бронзу, такъ что какъ одна, такъ и другая, стали употребляться только при изготовленіи сосудовъ, для оправы и украшеній. Изъ мѣди и бронзы приготовлялись преимущественно оправы ремней для упряжи и поясовъ, затѣмъ поясныя пряжки и приборы, аграфы, серьги, кольца, оправы для бусъ, бубенчики, браслеты, ожерелья, маленькія статуэтки. Описывать различныя формы было бы слишкомъ долго; я удовольствуюсь нѣсколькими рисунками. Эти предметы иногда сдѣланы грубо, иногда же снабжены очень тонкими и полными вкуса украшеніями. Особенно хорошо сдѣланы нѣкоторыя большія поясныя пряжки. Для болѣе грубыхъ работъ пользовались обыкновенно чистой мѣдью, а для болѣе тонкихъ употребляли желтоватый сплавъ, который состоялъ изъ мѣди съ

сильной примѣсью олова и свинца (20%, какъ показываетъ анализъ Гебеля), такъ какъ такой сплавъ легче растапливался, а былъ болѣе удобенъ для обработки. Замѣчательный сплавъ представляетъ бронза нѣкоторыхъ украшеній новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, а именно: 89,70% мѣди, 0,63% олова и 9,10% желѣза. Эта бронза была очень тверда и ломка; изломъ мелко-зернистый, сѣраго цвѣта; такого рода бронзу, по словамъ Струве, приготовлять очень трудно и она встрѣчается рѣдко. Кромѣ бронзы, для приготовленія предметовъ украшенія, употреблялся еще бѣловатый металлъ, составъ котораго мнѣ неизвѣстенъ. Я самъ находилъ подобныя украшенія на Енисеѣ, а въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится богатая коллекція древностей изъ подобнаго металла, найденныхъ на Алтаѣ. Зеркала желѣзнаго періода встрѣчаются повсюду съ разнообразными украшеніями. Они отлиты изъ различныхъ металлическихъ сплавовъ, большею частью бѣловатаго или сѣрожелтаго цвѣта. Зеркала съ весьма изящно украшенными спинками найдены были Мессершмидтомъ. Особенно хорошо одно изъ нихъ, съ котораго снятъ Мессершмидтомъ рисунокъ; оно сдѣлано изъ стали (?) и снабжено богатой орнаментикой. Всѣ зеркала, которыя я самъ находилъ или видѣлъ, имѣютъ въ центрѣ задней части ушко для прикрѣпленія ремня. Палласъ приводитъ выше рисунки двухъ зеркалъ съ рукоятками. Рисунки оборотныхъ сторонъ этихъ зеркалъ, какъ мнѣ кажется, ясно указываютъ на ихъ китайское происхожденіе.

Кромѣ здѣсь перечисленныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ металла, мы находимъ почти во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка украшенія, вырѣзанныя изъ кости или дерева. Особенно часто встрѣчаются костяныя поясныя пряжки съ костяными или желѣзными язычками. Многія изъ такихъ украшеній также находятся въ Эрмитажѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ высшей степени тонко и тщательно вырѣзаны и украшены рельефными арабесками. На костяныхъ или деревянныхъ пластинкахъ очень часто вырѣзаны изображенія звѣрей, которыя отличаются отъ такихъ же изображеній бронзоваго періода тѣмъ, что это не копіи съ настоящихъ формъ животныхъ, а различныя изображенія фантастическихъ чудовищъ: лошади съ птичьими головами, птицы съ головами тигровъ, тигры съ хвостами, на концѣ которыхъ изображены змѣиныя или птичьи головки, лоси или олени, у которыхъ на рогахъ находятся птичьи головы, а морды оканчиваются птичьимъ клювомъ и т. п. Это, очевидно, изображеніе миѳическихъ звѣрей, можетъ быть, животныхъ-идоловъ. Къ послѣднему предположенію меня склоняетъ въ особенности тотъ фактъ, что, какъ я уже выше упомянулъ, въ большой

могилѣ на Катандѣ въ слоѣ березовой коры, около $1^1/_2$ арш. надъ скелетами были найдены завернутыя въ платье разнообразныя рѣзныя издѣлія изъ дерева, которыя, очевидно, служили не украшеніемъ, но имѣли религіозное значеніе. Тамъ было много нашитыхъ на шелковую ленту вырѣзанныхъ изъ дерева статуэтокъ лошадей, натуральныхъ формъ; копыта ихъ были украшены золотыми пластинками. У одной изъ лошадей была птичья голова съ сильно изогнутымъ клювомъ. Затѣмъ нѣчто вродѣ чаши, на днѣ которой были изображены два сплетенные между собою вытянувшіеся тигра съ хвостами, снабженными птичьими головами, и фантастическій лось исполинской величины, противъ котораго изображенъ былъ естественный медвѣдь.

Кромѣ изображеній фантастическихъ животныхъ, орнаментика желѣзнаго вѣка отличается еще въ особенности употребленіемъ арабесокъ и изогнутыхъ линій, заимствованныхъ, очевидно, у растеній, тогда какъ мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ предметъ бронзоваго вѣка, который имѣлъ бы подобнаго рода украшенія. Во всѣхъ могилахъ желѣзнаго вѣка мы находимъ глиняные сосуды, но и эти уже въ древнѣйшій періодъ рѣзко отличаются отъ глиняныхъ издѣлій бронзоваго вѣка. Въ южномъ Алтаѣ и на Бухтармѣ находятся въ могилахъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка очень хорошо обожженные глиняные сосуды, которые отличной обработкой самой глины и искусствомъ обжиганія далеко превосходятъ грубыя глиняныя издѣлія бронзоваго вѣка. Но еще гораздо бо̀льшій шагъ впередъ въ выдѣлываніи глиняной посуды обнаруживаютъ могильныя урны новѣйшаго періода желѣзнаго вѣка на Абаканѣ. Форма ихъ по бо̀льшей части исполнена со вкусомъ; онѣ сдѣланы изъ прекрасно обработанной и хорошо промытой сѣро-синей глины, и такъ хорошо обожжены, что при ударѣ издаютъ чистый, почти металлическій звонъ. Народы новѣйшаго желѣзнаго періода должны были обладать хорошими печами для обжиганія сосудовъ, потому что стѣнки сосудовъ, толщиною часто въ 3—4 линіи, всѣ, безъ исключенія, равномѣрно обожжены, тогда какъ сосуды съ болѣе тонкими стѣнками древнѣйшаго желѣзнаго періода на поверхности обожжены сильнѣе, чѣмъ въ серединѣ. Глазированныхъ сосудовъ я не встрѣтилъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка ни на Енисеѣ, ни въ южномъ Алтаѣ, но на Алтаѣ я нашелъ бусы изъ стекла и глины, которыя были покрыты искусственною глазурью. Я полагаю, что эти глазированныя издѣлія не были изготовлены на Алтаѣ, но привезены съ юга торговцами.

Означенныя здѣсь древности позволяютъ намъ составить довольно ясное понятіе о жизни и занятіяхъ народовъ древняго желѣзнаго пе-

ріода на Алтаѣ и въ восточной Киргизской степи. Мы имѣемъ, очевидно, здѣсь дѣло съ чисто кочующимъ народомъ, какъ описываютъ намъ китайцы Тукіу, Хакасовъ и Уйгуровъ. Большое количество разнообразнаго оружія, каковы мечи, копья, кинжалы, стрѣлы и т. д., которое встрѣчается во всѣхъ могилахъ этой эпохи, указываетъ намъ нагляднѣйшимъ образомъ, не на миролюбивый, промышленный народъ, какимъ, очевидно, былъ народъ бронзоваго вѣка, но, наоборотъ, на народъ воинственный, который своими дикими набѣгами безпокоилъ всѣхъ своихъ сосѣдей и приводилъ ихъ въ ужасъ, т.-е. на народъ, съ которымъ были очень схожи описанные китайцами тюркскіе народы. Можно сравнить то, что китайцы говорятъ о Тукіу: „изъ оружія они имѣютъ луки изъ рога и свистящія стрѣлы, копья, сабли и мечи. Тукіу весьма ловко стрѣляютъ съ горы внизъ. Грабежи и набѣги они предпринимаютъ обыкновенно передъ полнолуніемъ". О Хакасахъ, которые если и не были тюркскимъ народомъ, то все-таки очень рано перемѣшались съ тюрками и переняли тюркскіе нравы, китайцы говорятъ слѣдующее: „На войнѣ они употребляютъ луки и стрѣлы. Всадники прикрываютъ руки и ноги маленькими деревянными щитами. Они имѣютъ войско въ 80.000 человѣкъ, которое состоитъ подъ высшимъ начальствомъ трехъ полководцевъ. Мужчины выѣзжаютъ на войну верхомъ, вооруженные луками и копьями". Предметы, найденные въ могилахъ желѣзнаго періода, подтверждаютъ эти указанія объ оружіи древнихъ тюркскихъ народовъ, такъ какъ въ древнихъ могилахъ на Берелѣ находятся даже остатки панцырныхъ пластинокъ. Древнія кольчуги, найденныя въ различныхъ мѣстностяхъ на Алтаѣ, очевидно, относятся не къ этому періоду, но гораздо позднѣе привезены изъ другихъ странъ, такъ какъ, по формѣ, онѣ совершенно схожи съ кольчугами, которыя изготовлялись въ южной части Азіи. Столь воинственный народъ, какъ Тюрки, навѣрно постоянно носили свое оружіе какъ украшеніе, и поэтому вовсе не удивительно, что оружіе, постоянно сопровождавшее мужчину, хоронилось вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы и за гробомъ оно могло ему служить охраной и защитой. Мечи древнихъ Тюрковъ были длиною до 1 арш. 8 вершк., съ однимъ лезвіемъ и немного согнутые. Копья представляли древко длиною въ нѣсколько аршинъ, на концѣ котораго прикрѣплено было, большей частью ланцетообразное, желѣзное остріе, т.-е. они имѣли такой же видъ, какъ „найзы" нынѣшнихъ киргизъ-кайсаковъ. Стрѣлы и кинжалы этого періода я уже подробнѣе описалъ выше. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что мечи, кинжалы и острія стрѣлъ встрѣчаются только въ могилахъ древнѣйшей эпохи же-

лѣзнаго вѣка, тогда какъ въ могилахъ новѣйшей эпохи на Абаканѣ изъ оружія находятся только острія стрѣлъ.

Отсюда можно заключить, что Тюрки послѣдней эпохи уже не представляли значительнаго народа, вооружавшаго большія войска противъ врага. Разнообразныя формы наконечниковъ стрѣлъ, описанныя мною выше, доказываютъ намъ, что древнія тюркскія племена употребляли это оружіе не только на войнѣ, но и на охотѣ. Нѣкоторыя наконечники до того малы, что они, очевидно, служили для охоты на маленькихъ звѣрей, какъ-то: бѣлокъ, горностаевъ, соболей, куницъ и лисицъ, шкуру которыхъ старались по возможности менѣе испортить. Для такой же цѣли могли служить также тупыя деревянныя и костяныя стрѣлы. Что эти звѣри дѣйствительно убивались, доказываютъ намъ найденныя въ могилахъ на Катандѣ платья и данныя китайскихъ хроникъ. Стрѣлы съ широкимъ разрѣзомъ служили, очевидно, для охоты на птицъ: гусей, утокъ и лебедей, а также глухарей и тетеревей, которыя въ большомъ количествѣ проводятъ лѣто на южномъ Алтаѣ, въ Саянскихъ горахъ и въ прилегающихъ степяхъ. Очень хорошее изображеніе охотничьихъ сценъ представляетъ серебряный кубокъ съ Енисея, извѣстный намъ по рисунку Мессершмидта. На немъ изображены нѣсколько всадниковъ, которые охотятся верхомъ. Одинъ стрѣляетъ въ птицу, пролетающую надъ его головой, второй держитъ на лѣвомъ кулакѣ охотничью птицу, три другихъ всадника стрѣляютъ въ различныхъ положеніяхъ въ убѣгающихъ отъ нихъ антилопъ, тогда какъ шестой всадникъ стрѣляетъ въ хищнаго звѣря, повидимому, преслѣдующаго его. Эти охотничьи картины пополняются еще рисунками на камнѣ на Іюсѣ, которыя сходны съ вышеписанными изображеніями бронзоваго періода, но отличаются отъ нихъ вѣрностью передачи и очевидно вырѣзаны на камнѣ съ помощью острыхъ желѣзныхъ инструментовъ. По характеру своему эти рисунки схожи съ рисунками вышеописаннаго серебрянаго кубка, такъ что мы можемъ приписать ихъ народамъ позднѣйшаго желѣзнаго вѣка на Енисеѣ. Наряду съ другими охотничьими сценами здѣсь представлены: охотники верхомъ, вооруженные лукомъ и стрѣлами, которые гонятся за козлами, оленями, лосями и лисицами. Одинъ изъ всадниковъ преслѣдуетъ описываемыхъ звѣрей и посылаетъ имъ съ лошади смертоносную стрѣлу, причемъ онъ, повидимому, стоитъ на стременахъ. Въ другомъ мѣстѣ представлена охота на хищныхъ звѣрей. Здѣсь мы видимъ тигровъ, рысей, волковъ и медвѣдей. Но на этихъ дикихъ звѣрей охотникъ не отваживается нападать, сидя на конѣ, такъ какъ въ такомъ положеніи онъ не можетъ стрѣлять навѣрняка, а каждая

не попавшая стрѣла можетъ стоить ему жизни; онъ сходитъ съ лошади, подкрадывается къ звѣрю на разстояніе выстрѣла, опускается на правое колѣно, упираетъ локоть лѣвой руки на лѣвое колѣно, натягиваетъ правой рукой тетиву до уровня плеча, а лѣвой рукой придерживаетъ лукъ и посылаетъ, такимъ образомъ, страшному врагу смертельную стрѣлу.

Особаго вниманія заслуживаетъ то, что во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго періода находится большое количество лошадиныхъ скелетовъ. Такъ, мы нашли, какъ я уже замѣтилъ, 16 лошадиныхъ остововъ въ большой могилѣ Берельской степи; въ другихъ могилахъ по 8, 6 и 4 лошади, даже въ небольшихъ могилахъ на Катандѣ встрѣчалось по 2 и 3 лошади. Этотъ фактъ, также какъ и рисунки на камнѣ этого періода, на которыхъ никогда не бываютъ изображены пѣшіе люди, а исключительно всадники, доказываетъ намъ, что народы древняго желѣзнаго періода были несомнѣнно верховымъ народомъ; точно также и китайскія хроники съ древнѣйшихъ временъ изображаютъ намъ тюркскіе народы, какъ конныя племена. Это не должно насъ удивлять, такъ какъ всюду, гдѣ даже и въ позднѣйшее время выступаютъ Тюрки, они являются въ видѣ конныхъ ордъ, равнымъ образомъ, какъ и всѣ оставшіеся въ степяхъ западной Азіи Тюрки-киргизы, Кара-киргизы, Кара-калпаки и Туркмены до сихъ поръ остались настоящимъ коннымъ народомъ; даже и оттѣсненныя на югъ Сибири тюркскія племена не измѣнили этого образа жизни, что доказываютъ намъ какъ могилы новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, въ которыхъ повсюду находится лошадиная упряжь, такъ и образъ жизни и нравы алтайцевъ и качинцевъ. Само собою разумѣется, что конные народы снабжали своихъ покойниковъ принадлежностями верховой ѣзды и лошадиною упряжью для далекаго загробнаго путешествія.

Изъ древностей, найденныхъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка, видно, что народы желѣзнаго вѣка искони были знакомы съ сѣдлами и стременами. Я самъ нашелъ пару стремянъ въ древней могилѣ на Бухтармѣ, а въ большой могилѣ на Катандѣ встрѣтились между вышеописанными статуэтками, вырѣзанными изъ дерева, лошадки съ сѣдлами на спинѣ, передняя часть которыхъ была покрыта золотыми листиками. Копыта этихъ лошадей были также покрыты золотыми листиками. Это, можетъ быть, указываетъ на то, что древнѣйшіе народы желѣзнаго вѣка въ дѣйствительности украшали, такимъ образомъ, копыта своихъ лошадей. Что они украшали разнообразнымъ способомъ лошадиную сбрую, доказываютъ намъ не только шнурки съ нанизанными зубами кабана,

которые мы находимъ въ нѣкоторыхъ могилахъ на Бухтармѣ на шеѣ лошадиныхъ скелетовъ, но и деревянныя, покрытыя золотомъ украшенія изъ большой могилы на Берелѣ, которыя, очевидно, прикрѣплялись къ лошадинымъ гривамъ. Мнѣ не удалось опредѣлить, подковывали-ли они лошадей и въ древнѣйшее время, такъ какъ въ древнѣйшихъ могилахъ я нигдѣ не находилъ слѣдовъ подковъ. Но что позднѣе, народы желѣзнаго вѣка имѣли обыкновеніе подковывать лошадей, доказывается найденными въ одной могилѣ на Абаканѣ кусками подковы, состоящей изъ тонкой желѣзной пластинки съ отверстіями для гвоздей, похожей на подковы, нынѣ употребляемыя въ Китаѣ. Кромѣ того, встрѣчаются всякаго рода уздечки съ большими боковыми кольцами, въ позднѣйшихъ же могилахъ съ красивыми и разнообразными по формѣ боковыми штангами. Къ кольцамъ уздечекъ были прикрѣплены боковые ремни, а къ нимъ ремни поперечные. Эти ремни были частью прямо связаны съ кольцами уздечки, частью же посредствомъ металлической оправы. Всѣ ремни уздечки были обложены металлическими украшеніями, которыя въ древнѣйшія времена состояли у богатыхъ изъ нашитыхъ тонкихъ золотыхъ листиковъ или массивной серебряной оправы, прикрѣпленныхъ серебряными гвоздиками; у болѣе бѣдныхъ — изъ такой же, но мѣдной оправы. Въ позднѣйшій періодъ употреблялась также желѣзная оправа ремней, выложенная золотомъ или серебромъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ богатые киргизы еще до сихъ поръ. На лобныхъ и носовыхъ ремняхъ лошадиной уздечки часто прикрѣплялись круглыя пластинки съ маленькими бубенчиками. Сѣдла народовъ желѣзнаго вѣка имѣли, очевидно, спереди широкій и высокій деревянный бортъ, какъ дѣлаются теперь китайскія сѣдла. У людей богатыхъ этотъ бортъ былъ украшенъ металлической оправой, которая, разумѣется, соотвѣтствовала оправѣ ремней. На задней части сѣдла, какъ доказываетъ найденная металлическая оправа, съ древнѣйшихъ временъ придѣлывались два ремня, которые кольцами соединялись съ подхвостникомъ; позднѣе вошли въ употребленіе нагрудники, (что доказываютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ три металлическіе прибора, укрѣпленные въ большомъ кольцѣ), которые чаще встрѣчаются въ абаканскихъ могилахъ новѣйшаго періода. Подпруга, удерживающая сѣдло, была узкая, такая точно, какъ еще нынѣ употребляется у конныхъ народовъ Азіи; это доказываютъ намъ найденныя подлѣ скелетовъ лошадей пряжки для подпруги. Найденныя между лошадиными остовами въ большой могилѣ на Берелѣ украшенія изъ березовой коры, покрытыя золотыми листочками, мнѣ кажется, указываютъ на то, что на спину лошади клались

чепраки, украшенные золотыми листочками. Стремена имѣютъ въ большинствѣ случаевъ очень узкую дужку, но широкую подножку, которая въ позднѣйшій періодъ желѣзнаго вѣка часто была богато изукрашена.

Главное занятіе этого коннаго народа было, очевидно, скотоводство, которое дозволяло имъ вести кочующую жизнь. Кромѣ лошадей, они держали, какъ доказываютъ намъ рисунки на камнѣ на Іюсѣ и Енисеѣ, овецъ, козъ, рогатый скотъ и верблюдовъ. То же самое сообщаютъ намъ китайцы о Хакасахъ. „Ихъ лошади высоки и сильны; наилучшими считаются тѣ, которыя любятъ драться между собою. Они содержатъ также верблюдовъ и быковъ, и быковъ болѣе, нежели барановъ. Богатые люди обладаютъ многими тысячами скота". О Тукіу сообщается только, что они приносятъ въ жертву барановъ и лошадей. Но затѣмъ объ образѣ жизни ихъ говорится: „Хотя никто изъ нихъ не имѣетъ постояннаго мѣстожительства, но каждый обладаетъ своимъ участкомъ земли". Я уже упомянулъ, что эти участки земли опредѣлялись, вѣроятно, только для зимняго мѣстопребыванія. Пастбища каждаго отдѣльнаго аула были, какъ еще нынѣ у кочующихъ киргизовъ, повсюду раздѣлены посемейно. Народы, занимающіеся скотоводствомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ разсказываютъ китайцы о Хакасахъ, могутъ вообще вести только кочующій образъ жизни, такъ какъ иначе ихъ стада скоро должны были бы страдать отъ недостатка травы. О жизни этихъ древнихъ кочевниковъ китайцы разсказываютъ (очень подробно, по поводу описанія нравовъ древнихъ Каотше-уйгуровъ) такъ: „Каотше кочуютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ больше воды и травы". При этихъ кочевыхъ переходахъ Каотше употребляютъ высокія двуколесныя телѣги, что, по показанію китайцевъ, было причиною даннаго имъ имени Каотши (высокія повозки). Что народы желѣзнаго вѣка также употребляли подобныя телѣги, доказываетъ намъ рисунокъ на камнѣ недалеко отъ Іюса, который представляетъ закрытую телѣгу съ двумя высокими колесами, запряженную верблюдомъ.

Кромѣ скотоводства, народы желѣзнаго вѣка занимались еще земледѣліемъ, какъ и до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ тюркскіе кочующіе народы. Они обработывали подобнымъ же образомъ свои поля по близости зимней стоянки и оставляли на нихъ часть своихъ слугъ и кліентовъ, тогда какъ сами со своими стадами переходили кругомъ съ одного пастбища на другое. На мѣстѣ зимней стоянки Хакасы строили себѣ, по показанію китайцевъ, хижины изъ березовой коры (такъ-называемые алатшикъ-уй нынѣшнихъ тюрковъ), тогда какъ лѣтомъ они жили въ палаткахъ изъ войлока. Насколько у древнихъ Тюрковъ было распро-

странено обыкновеніе постоянной зимней стоянки, доказываетъ намъ, между прочимъ, также тотъ фактъ, что нынѣ живущіе осѣдло Узбеки долины Серафа повсюду называютъ свои деревни кишлакъ (т.-е. зимней стоянкой). Болѣе точныя свѣдѣнія о земледѣліи у древнихъ Тюрковъ даютъ намъ китайцы только относительно Хакасовъ, которые, по ихъ словамъ, сѣяли просо, ячмень, пшеницу и гималайское жито. Посѣвъ происходилъ у нихъ на третьемъ мѣсяцѣ, а жатва на девятомъ. Что земледѣліе у Хакасовъ не было распространено, видно изъ слѣдующаго показанія китайцевъ, которое, впрочемъ, нельзя принимать буквально: „они питаются говядиной и кобыльимъ молокомъ, только амо (полководецъ) ѣстъ кушанье изъ хлѣба". Я понимаю это такъ, что только богатые люди (какъ и теперь еще у киргизовъ) могли заниматься хлѣбопашествомъ, такъ какъ они одни были въ состояніи оставлять лѣтомъ на обработанныхъ поляхъ юрты и рабочихъ и прокормить послѣднихъ.

О занятіи земледѣліемъ и употребленіи овощей народами желѣзнаго вѣка свидѣтельствуютъ найденные во многихъ мѣстахъ плуги и серпы, также какъ и круглые каменные жернова ручныхъ мельницъ и шероховатыя каменныя плиты для растиранія зеренъ. Употребленіе ручныхъ мельницъ у Хакасовъ подтверждается китайскими хрониками. Найденные въ Абаканской степи, на Уйманѣ и на Бухтармѣ остатки древнихъ каналовъ для искусственнаго орошенія степей могутъ, конечно, принадлежать и народамъ желѣзнаго вѣка; но мнѣ кажется неправдоподобнымъ, чтобы кочующіе народы часто предпринимали столь значительныя сооруженія для орошенія; вѣроятно, они при случаѣ пользовались постройками прежнихъ обитателей (бронзоваго вѣка).

По показанію китайцевъ, Хакасы занимались также рыболовствомъ. Что рыболовство практиковалось у народовъ желѣзнаго вѣка, доказываютъ намъ найденныя въ древнихъ могилахъ на южномъ Алтаѣ рыбьи кости, а также и желѣзный инструментъ съ крюкомъ, который я нашелъ на Абаканѣ и въ которомъ я склоненъ признать гарпунъ.

То, что китайцы сообщаютъ объ одеждѣ Хакасовъ, соотвѣтствуетъ вообще одѣянію народовъ желѣзнаго вѣка. Это доказываютъ платья, найденныя мною въ могилахъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка на Катандѣ и, благодаря льду, хорошо сохранившіяся.

Первое изъ этихъ платьевъ — круглый плащъ съ длинными, но такими узкими рукавами, что мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы туда можно было просунуть руки. Плащъ былъ подбитъ собольимъ мѣхомъ, который на иныхъ мѣстахъ сохранился въ совершенной цѣлости. По-

крышка была изъ маленькихъ горностаевыхъ мѣховъ волосами наружу. Эти горностаевые мѣха окрашены были въ красную краску и нарѣзаны подковообразными и четыреугольными кусками, между которыми нашиты были полосы того же мѣха, выкрашенныя въ зеленый цвѣтъ. На узкихъ подковообразныхъ зеленыхъ мѣховыхъ полосахъ, которыя сходились одна съ другой верхушками, были нашиты въ разныхъ мѣстахъ до одиннадцати круглыхъ деревянныхъ пуговицъ, покрытыхъ золотыми листиками. Зубцы, вшитые между подковами, были прикрѣплены очень узкими кожаными ремнями, на которыхъ на каждомъ зубцѣ нашиты были 16 маленькихъ четыреугольныхъ золотыхъ листиковъ. Вокругъ шеи и на переднихъ сторонахъ плаща нашиты были на разстояніи 4—5 вершковъ 14 рядовъ четыреугольныхъ, плотно одна къ другой прилегающихъ деревянныхъ пуговицъ; онѣ точно также были покрыты золотыми листиками такимъ образомъ, что 4 пуговицы прикрывались однимъ золотымъ листомъ. Восемь рядовъ точно такихъ же пуговицъ окружали лишній край одежды. На плечахъ находились точно такія же полосы, состоящія изъ 5 рядовъ пуговицъ, на концахъ рукавовъ полосы изъ 8 рядовъ и на наружномъ швѣ рукава отъ плеча до низу—2 ряда подобныхъ пуговицъ. Точно такія же тонкія полосы изъ пуговицъ шли изъ подмышекъ и отъ средней части воротника на спинѣ до нижняго широкаго рубца.

Вторая часть одежды—замѣчательной формы, напоминающей нашъ фракъ. Она была точно также подбита собольимъ мѣхомъ, но покрышка была изъ темной шелковой матеріи (цвѣтъ ея могъ, впрочемъ, потемнѣть отъ долгаго лежанія). Передняя часть этой одежды представляетъ куртку, достигающую почти до таліи, безъ воротника и съ острымъ вырѣзомъ, доходящимъ до середины груди. Около бедеръ спина куртки удлиняется, и эта полоса, шириною около $1^1/_2$ фута, доходитъ до лодыжекъ. Верхняя одежда вокругъ шеи и весь край платья были обшиты кожаной полосой, шириною въ $1^1/_2$ вершка, которая съ обѣихъ сторонъ была обшита тонкими пилообразными золотыми зубчиками. На свободномъ мѣстѣ между этими золотыми зубцами были нашиты попарно на кожаную полосу маленькіе круглые золотые листики, отстоящіе другъ отъ друга на 1 дюймъ. Подобная же кожаная полоса шла отъ плеча черезъ грудь до наружнаго края ворота и точно также черезъ спину на высотѣ лопатокъ. Рукава были обшиты точно такими же кожаными полосами. Книзу отъ плечъ на наружномъ швѣ рукава и отъ лопатки на спинномъ швѣ шли нашитыя кожаныя полосы вдвое меньшей ширины, обшитыя только пилообразными золотыми полосками.

Третьей частью одежды былъ нагрудникъ, который точно также былъ подбитъ соболемъ и покрытъ шелковой матеріей; онъ имѣлъ форму трапеціи и былъ обшитъ просто кожаной полосой, бортъ которой былъ украшенъ тонкой золотой полоской. На углахъ узкаго верхняго края были прикрѣплены короткіе ремни или ленты, которые завязывались вокругъ шеи, тогда какъ на нижнихъ углахъ были прикрѣплены болѣе длинныя ленты, завязывавшіяся вокругъ таліи. Китайцы намъ разсказываютъ, правда, про Хакасовъ, что у нихъ только женщины носили шелковыя и шерстяныя одежды, но мнѣ кажется, однако, что всѣ здѣсь описанныя, найденныя въ одномъ мѣстѣ, части одежды принадлежали мужскому одѣянію, такъ какъ нагрудникъ, безъ сомнѣнія, могъ принадлежать только мужчинѣ. Что болѣе бѣдные люди носили овечьи шубы, какъ китайцы сообщаютъ намъ о Хакасахъ, доказывается остатками подобной шубы, найденными въ маленькой могилѣ на Катандѣ. Форму этой шубы, къ сожалѣнію, нельзя было разсмотрѣть, такъ какъ кожа совершенно истлѣла, и только маленькіе обрывки уцѣлѣли. Въ мѣху шубы сохранились отдѣльные куски штановъ. Они были сдѣланы изъ довольно грубой ткани ручной работы, по своему строенію схожей съ вытканнымъ изъ верблюжьей шерсти армякомъ киргизовъ. Хорошо сохранился нижній край одной штанины; онъ былѣ такъ узокъ, что слѣдуетъ предположить, что эти штаны носились въ узкихъ сапогахъ. Съ одной стороны снизу штаны были вырѣзаны, и вырѣзъ, также какъ и весь нижній край, обшитъ былъ тонкимъ шнуромъ, концы котораго висѣли и служили, вѣроятно, для того, чтобы подвязывать нижній край панталонъ у лодыжки. Шнурокъ, которымъ панталоны были обшиты внизу и на поясѣ, какъ можно ясно различить на нѣкоторыхъ кускахъ, былъ сплетенъ, а не скрученъ. Въ другой могилѣ тамъ же былъ найденъ войлочный сапогъ или чулокъ, подошва котораго, сдѣланная изъ очень тонкаго войлока, была насквозь простегана. Верхняя часть голенища, которое было длиною, приблизительно, отъ $1^1/_2$ до 2 пядей, была загнута на 1 верш. ширины. Кромѣ этихъ платьевъ около двухъ женскихъ скелетовъ нашли на шеѣ остатки узкихъ (шириною около 1 верш.) стоячихъ воротниковъ изъ весьма тонкой матеріи, на которой нашиты были рядами маленькіе круглые и овальные мѣдные листики. Послѣдніе частію были такой же формы и величины, какъ нѣкоторые золотые листики, найденные въ большой могилѣ.

Я не нашелъ ни въ одной могилѣ желѣзнаго періода слѣда шапокъ или другихъ головныхъ уборовъ. Зато я встрѣтилъ въ одной могилѣ на Бухтармѣ вырѣзанную изъ золотого листа фигуру всадника,

у коего, повидимому, на головѣ была остроконечная шапка, которая по длинѣ почти равнялась половинѣ туловища; точно также и одинъ изъ всадниковъ, нарисованныхъ на камнѣ (на Іюсѣ), носилъ на головѣ остроконечную шапку. Въ свою очередь, китайцы приписываютъ такія же шапки Хакасамъ. Наконецъ, этимъ показаніямъ соотвѣтствуютъ и острыя шапки на головахъ трехъ всадниковъ на вышеупомянутомъ серебряномъ сосудѣ, знакомомъ намъ по рисунку Мессершмидта; только эти шапки гораздо короче, нежели шапки на рисункѣ на камнѣ. Къ этому я еще прибавлю, что нога вышеназваннаго всадника въ рисункѣ на камнѣ на Іюсѣ, сверху до низа покрыта косыми полосами; по моему мнѣнію, это—изображеніе мѣховыхъ сапогъ, которые дѣлались изъ шкуры козули и поэтому были полосатые. Такіе сапоги носятъ многіе алтайцы еще и теперь поверхъ длиннаго мѣхового чулка.

Предметы украшенія изъ золота, серебра, бронзы и мѣди, которые только въ небольшомъ количествѣ найдены въ изслѣдованныхъ мною могилахъ, какъ я уже упомянулъ, суть слѣдующіе: пуговицы, оправы поясовъ, аграфы, поясныя пряжки, металлическія пластинки, нашитыя на платья, кольца, серьги, маленькіе бубенчики и металлическія украшенія для волосъ. Я съ намѣреніемъ употреблялъ въ своемъ изложеніи выраженіе: народы желѣзнаго вѣка, потому что мое изслѣдованіе могилъ и видѣнныя мною древности еще недостаточны для того, чтобы спеціализировать эти народы. Повидимому, народы желѣзнаго вѣка, обитавшіе на югѣ, которые оставили по себѣ большія каменныя насыпныя могилы, были тюркскими народностями, также какъ и тѣ народы, которые соорудили позднѣе могилы на Енисеѣ, енисейскіе киргизы или потомки подчинившихся тюркскому вліянію Хакасовъ, такъ какъ послѣдніе отъ VI до XVII столѣтія обитали безпрерывно въ долинахъ и степяхъ на верхнемъ Енисеѣ и на Абаканѣ. Точно также могилы восточныхъ киргизскихъ степей къ сѣверу до средняго Иртыша кажутся мнѣ насыпными тюркскими племенами. Но что касается до могилъ желѣзнаго вѣка на сѣверномъ Алтаѣ, между Иртышемъ и Чолымомъ и въ рѣчныхъ бассейнахъ Тобола, Ишима, нижняго Иртыша и Тары, то остались-ли онѣ отъ тюркскихъ народовъ, или онѣ были сооружены угро-самоѣдскими племенами или енисейцами, этого я не могу ни въ какомъ случаѣ утверждать или оспаривать. Для рѣшенія этого вопроса требуются еще многія изслѣдованія и вскрытія могилъ, которыя должны быть предприняты, главнымъ образомъ, на нижнемъ Иртышѣ, въ бассейнѣ Тобола, въ сѣверной киргизской степи, въ об-

ласти средней Оби и на Томи. Точно также важны были бы изслѣдованія могилъ монгольскихъ степей и, наконецъ, изслѣдованія обширныхъ могильниковъ между Бухтармой, Норъ-Зайсаномъ и городомъ Сергіополемъ.

Между тѣмъ какъ тюрки Средней Азіи, благодаря сближенію съ южными культурными народами, достигли болѣе высокой степени государственнаго развитія, у сѣверныхъ ихъ братьевъ и у подчиненныхъ имъ племенъ угро-самоѣдовъ и енисейцевъ, отрѣзанныхъ отъ всякаго болѣе близкаго сношенія съ сосѣдями, прежняя степень культуры упадала все ниже и ниже; они распались на мелкія племена, которыя въ непрерывныхъ распряхъ и борьбѣ, сами себя уничтожали и, наконецъ, дошли до той степени ничтожности, на которой застали ихъ русскіе въ Сибири въ XVII столѣтіи. Съ упадкомъ политическаго значенія этихъ народовъ и степени ихъ культуры, уменьшались, конечно, и богатство, и рабочая сила, такъ, что вскорѣ они не были уже въ состояніи сооружать своимъ покойникамъ высокіе могильные памятники. Наконецъ, у нихъ совершенно исчезло обыкновеніе насыпать могильные холмы, и они заимствовали способъ погребенія отчасти у магометанъ, отчасти у монголовъ. Напротивъ того, кажется, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири обычай сооруженія кургановъ сохранился долѣе, нежели въ другихъ, по крайней мѣрѣ, я могу это утверждать относительно одной мѣстности, гдѣ этотъ обычай сохранился еще до XVII столѣтія. Я говорю о мѣстности на Чолымѣ, къ сѣверу отъ Маріинска, гдѣ я нашелъ въ большомъ количествѣ уже описанныя могилы новѣйшей эпохи.

Степень культурнаго развитія обитателей Чолыма въ XVI и XVII вѣкахъ была, приблизительно, та же, на которой находятся и теперь большинство обитателей южной Сибири. Судя по предметамъ, найденнымъ въ могилахъ, этотъ народъ умѣлъ выдѣлывать мелкія вещи изъ мѣди и желѣза, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые ножи, желѣзныя стрѣлы и котлы, выкованные изъ листового желѣза, сдѣланы были на мѣстѣ. Но, повидимому, металлы, обрабатываемые ими, туземцы не сами добывали, а получали въ видѣ полосъ и листовъ черезъ посредство русскихъ купцовъ. Прочіе предметы изъ желѣза, мѣди и латуни, очевидно, привезены изъ Россіи. Къ нимъ я причисляю нѣкоторые ножи, топоры, ножницы и т. д., а также всѣ предметы украшенія, перстни и серьги изъ желтой мѣди, латунные аграфы, пряжки, металлическія и стеклянныя бусы и т. д.

Найденное въ изобиліи оружіе (костяные и желѣзные наконеч-

ники стрѣлъ) доказываетъ намъ, что эти народы занимались охотой, которая и до сихъ поръ еще составляетъ главное занятіе обитателей этой области. Что у нихъ, кромѣ того, были лошади, употреблявшіяся ими для верховой ѣзды, свидѣтельствуютъ найденныя въ могилахъ уздечки. Былъ-ли у нихъ и другой скотъ, нельзя рѣшить на основаніи изслѣдованія могилъ этой эпохи. Занимались-ли они земледѣліемъ и какимъ образомъ занимались—также нельзя сказать положительно; я нигдѣ не находилъ серповъ; хотя иные бо̀льшіе желѣзные кельты, очевидно, мѣстнаго издѣлія, могли служить и заступами для разрыхленія земли.

Въ такомъ случаѣ древніе обитатели Чолыма обработывали землю такимъ же способомъ, какъ татары Чернолѣсья. Маленькіе желѣзные кельты такой же формы, по всему вѣроятію, служили для выкапыванія корня кандыка и луковицъ породы лилій, которые составляютъ съ древнѣйшихъ временъ главный предметъ питанія самоѣдскихъ племенъ. Изъ желѣзныхъ инструментовъ я нашелъ, кромѣ того, еще рѣзецъ и нѣсколько кельтовъ меньшаго размѣра, служившихъ, очевидно, для выдѣлки деревянныхъ чашъ. Подобныя деревянныя чаши, снабженныя иногда ручкой, и служившія, очевидно, для питья, я находилъ въ нѣкоторыхъ могилахъ. Я находилъ также, хотя и весьма разрозненно, обломки глиняныхъ сосудовъ, но только въ могильныхъ насыпяхъ, такъ что они относятся, вѣроятно, къ позднѣйшему времени. Тотъ фактъ, что древніе обитатели Чолыма, вмѣсто прежней глиняной посуды, клали въ могилу котлы изъ листового желѣза или мѣди и деревянныя чаши для питья, служитъ доказательствомъ того, что этотъ народъ уже не умѣлъ выдѣлывать глиняной посуды. Относительно котловъ слѣдуетъ еще замѣтить, что мѣдные котлы сдѣланы цѣликомъ изъ одного куска, желѣзные же состоятъ изъ двухъ частей, боковъ и дна, причемъ эти части прикрѣплены одна къ другой посредствомъ толстыхъ заклепокъ. Въ одной только могилѣ я нашелъ желѣзный чешуйчатый панцырь. Онъ былъ подбитъ красной шерстяной матеріей, цѣлые куски которой хорошо сохранились. Эта шерстяная матерія была очень груба и схожа съ шерстяными тканями русскихъ крестьянъ, что даетъ возможность признать эту ткань продуктомъ мѣстнаго производства. Кусокъ полотна, который оказался въ женской могилѣ на Чердатѣ, безъ сомнѣнія, привезенъ русскими купцами.

Объ одѣяніи обитателей Чолыма, судя по найденнымъ при скелетахъ остаткамъ, можно съ увѣренностью сказать только слѣдующее: какъ женщины, такъ и мужчины носили шапки изъ оленьяго мѣха;

главною же частью ихъ одежды была шуба изъ мѣха звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Сапоги ихъ дѣлались изъ мѣха или изъ кожи и доходили почти до колѣна; на подошвѣ и на пяткѣ были прикрѣплены куски березовой коры, которые по большей части представляли единственные остатки сапогъ, совершенно уничтоженныхъ временемъ. Женщины носили серьги и кольца на пальцахъ, на шеѣ же часто носилось желѣзное кольцо, на которомъ прикрѣплены были длинные шнурки съ бусами. Также и на косѣ прикрѣплялись стеклянныя бусы. Съ лѣвой стороны женщины носили, кромѣ того, аграфъ или крючекъ, на которомъ висѣло украшеніе изъ бусъ; на этомъ же крючкѣ висѣлъ карманъ съ принадлежностями шитья, наперсткомъ и ножницами. Мужчины носили поясъ съ металлической оправой или безъ нея, и съ лѣвой стороны ножъ, всунутый въ деревянныя ножны. На рукахъ мужчинъ встрѣчались также кольца изъ латуни съ поддѣльными камнями или безъ камней.

Такъ какъ устройство могилъ на Чолымѣ совершенно сходно съ устройствомъ могилъ древнихъ народовъ бронзоваго вѣка и, кромѣ того, именно въ мѣстахъ нахожденія этихъ могилъ названія рѣкъ указываютъ на то, что здѣсь жили впослѣдствіи енисейцы, то мы вправѣ признать эти могилы за могилы древнихъ Ариновъ, которые себя считаютъ непосредственными преемниками народовъ бронзоваго періода. Въ одной изъ прежнихъ моихъ статей о коренныхъ обитателяхъ Сибири, напечатанной въ „Живописной Россіи“, я держался того мнѣнія, что это были угро-самоѣды, оставившіе послѣ себя какъ могилы древняго бронзоваго періода, такъ и могилы на Чолымѣ, тогда какъ енисейцы жили прежде самоѣдовъ въ дикомъ состояніи въ горахъ Алтая, и не оставили никакихъ слѣдовъ культуры. По болѣе тщательномъ изученіи китайскихъ источниковъ я измѣнилъ это свое мнѣніе, и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что китайскіе анналы уже въ VII столѣтіи говорятъ о самоѣдахъ, какъ объ обитателяхъ лѣсовъ, питающихся кореньями, и даютъ имъ то же самое имя, какое носятъ еще до сего дня ихъ потомки, живущіе въ Саянскихъ горахъ, а именно Дубо (Туба). Въ то же время китайцы разсказываютъ о сѣверныхъ сосѣдяхъ живущихъ на Енисеѣ киргизовъ, о Гелочи, и описываютъ ихъ, какъ родственныхъ бѣлокурымъ киргизамъ и какъ земледѣльческій культурный народъ. Но такъ какъ Гелочи на Алтаѣ явственно описываются, какъ бѣлокурый народъ, говорящій на другомъ языкѣ (какъ киргизы, говорящіе по-тюркски), и такъ какъ племена азіатскаго плоскогорія, называемые китайцами бѣлокурыми народами, повидимому, всѣ исчезли,

то гораздо правдоподобнѣе, что всѣ эти племена принадлежали къ племени енисейцевъ, которые и по языку совершенно отличались отъ черноволосыхъ урало-алтайцевъ. Другаго доказательства, кромѣ вышеприведеннаго, у меня нѣтъ, и мое предположеніе, что енисейцы суть потомки прежнихъ культурныхъ обитателей Сибири, есть только гипотеза, которая, можетъ быть, имѣетъ нѣкоторую правдоподобность. Еслибъ было доказано, что народы, которые уже на Алтаѣ достигли значительной степени развитія, въ позднѣйшее время двинулись на западъ и перешли за Уралъ, то эти племена могутъ точно также имѣть родство и съ бѣлокурыми финнами. Возможно даже, что нѣкоторыя индо-германскія отрасли, какъ полагаетъ Риттеръ, проникли до азіатскаго плоскогорья, и такимъ образомъ германцы или славяне и на сѣверномъ краѣ азіатскаго плоскогорія достигли извѣстной степени культуры, но впослѣдствіи были вполнѣ уничтожены надвинувшимися съ юга ордами. Но до тѣхъ поръ, пока въ пользу послѣдняго предположенія нельзя будетъ привести другихъ доказательствъ, кромѣ обозначенія „бѣлокурый“ и „голубоглазый“,—я буду считать свое предположеніе наиболѣе вѣроятнымъ. Къ сожалѣнію, едва-ли окажется когда-либо возможность разрѣшить вопросъ о происхожденіи древнѣйшихъ обитателей Сибири.

X.

Описаніе монетъ, поступившихъ въ мое собраніе въ 1892 и 1893 гг.

Дѣйств. чл. Х. Х. Гиля

(Табл. XVIII—XX).

Въ дополненіе къ изданнымъ мною въ 1891 г. „Новымъ пріобрѣтеніямъ моего собранія“ изданы нынѣ на прилагаемыхъ трехъ таблицахъ важнѣйшія монеты древнихъ колоній сѣвернаго берега Чернаго Моря, пріобрѣтенныя мною въ послѣдніе два года. Особенно значительно увеличился рядъ монетъ Ольвіи (небольшая золотая, 8 серебряныхъ, 21 бронзовая), Тиры (2 автономныя, 9 императорскаго періода), Херсонеса (8 серебряныхъ, 69 бронзовыхъ).

Изъ царскихъ монетъ наиболѣе замѣчательны: золотой статеръ Миѳрадата Эвпатора безъ имени ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ, до сихъ поръ нигдѣ не описанный, 9 тетрадрахмъ того же царя и, наконецъ, золотой статеръ Миѳридата, сына Аспурга, существующіе 2 единственныхъ золотыхъ статера котораго, оба находятся въ моемъ собраніи.

Ольвія (Olbia).

№ 1. AU. 2,1 гр. Голова Димитры съ ниспадающими волосами и въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, влѣво.

Обр. Дельфинъ влѣво, внизу ΟΛ.

Бурачковъ, Общій каталогъ, IV, 45. Орѣшниковъ, Описаніе монетъ гр. Уварова, I, 160; Beschr. d. ant. Mnzn. d. berl. Samml. II, 18.

№ 2. AR. 12,14 гр. Голова Димитры съ волосами, завязанными въ пучекъ и частью свѣшивающимися по сторонамъ головы, влѣво; на шеѣ ожерелье.

Обр. ΟΛΒΙΟ. Орелъ съ приподнятыми крыльями, сидящій на дельфинѣ, ³/₄ влѣво; голова обращена назадъ. Подъ правымъ крыломъ монограмма ΡΑ.

Подобная монета изображена въ моихъ „Kleine Beiträge", I, 2, съ монограммою, состоящею изъ тѣхъ же буквъ, но иначе составленныхъ.

№ 3. AR. 9,75 гр. Голова молодого Иракла въ львиной шкурѣ, вправо.

Обр. ΟΛΒΙΟ. Палица влѣво, подъ нею ΠΥΑ и Θ.

Изображенная монета у Бурачкова, IV, 41 имѣетъ контромарки.

№ 4. AR. 3,38 гр. Голова Аполлона въ вѣнкѣ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ΟΛΒΙΟ. Лира; слѣва Γ, справа Υ, внизу ΘΑ.

Бурачковъ, V, 81. На другомъ подобномъ экземплярѣ моего собранія, на лицевой сторонѣ находится обыкновенная Ольвійская контромарка—голова въ шлемѣ.

№ 5. AR. 3,37 гр. Монета, подобная предъидущей, но расположеніе буквъ на обратной сторонѣ, около лиры, иное: слѣва Γ, справа Α, внизу ΥΘ.

Орѣшниковъ, о. с. I, 42.

№ 6. AR. 8,46 гр. Голова молодого Иракла, какъ на монетѣ № 3, но съ контромаркой съ изображеніемъ головы въ шлемѣ.

Обр. ΟΛΒΙΟ. Палица влѣво, подъ нею

Γ (Α)
ΙΜΕ

Бурачковъ, стр. 49 (съ 2-мя контромарками); Орѣшниковъ, I, 32.

№ 7. AR. 3,51 гр. Лицевая сторона сходна съ №№ 4 и 5, но имѣетъ двѣ контромарки: одна—голова въ шлемѣ, другая—голова въ лучезарномъ вѣнцѣ (Геліосъ?)

Обр. ΟΛΒΙΟ. Лира, слѣва Γ, справа Α, внизу монограмма, какъ на № 6.

Другой экземпляръ моего собранія имѣетъ на лиц. стор. только одну контромарку—голова въ шлемѣ.

№ 8. AR. 7,28 гр. Голова молодого Иракла въ львиной шкурѣ, влѣво; сзади контромарка съ изображеніемъ головы въ шлемѣ.

Обр. ΟΛΒΙΟ, Вѣнокъ изъ двухъ колосьевъ, надъ нимъ ΕΔ(ΝΙ).

Изданная у Sestini, Museo Chaudoir, pl. I № 13 и находящаяся теперь въ Эрмитажномъ собраніи, подобная монета съ тѣмъ же именемъ чиновника, имѣетъ въ срединѣ вѣнка изображеніе палицы.

№ 9. AR. 4,73 гр. Голова Иракла, подобная предъидущей и съ тою-же контромаркой, но вправо.

Обр. Вѣнокъ изъ колосьевъ, въ которомъ неясная надпись, вѣроятно, ΟΛΒΙΟ, подъ нею ΕИΔ(?).

Монета, къ сожалѣнію, плохо сохранившаяся, не издана.

№ 10. AE. Голова Димитры влѣво.

Обр. Дельфинъ влѣво, подъ нимъ ΟΛΒΙΟ, вверху монограмма ΔΕ и звѣзда.

Не издана.

№ 11. AE. ΟΛΒΙΟΠΟ(ΛΕΙΤ)ωΝ. Голова Аполлона въ вѣнкѣ, вправо; передъ нею лукъ, сзади моґрамма ☧.

Обр. Орелъ съ приподнятыми крыльями и съ обращенною назадъ головою, 3/4 влѣво (стоитъ на дельфинѣ); ЄΠΙΦΑ.... ΟΔ; ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

Тира (Tyras).

№ 12. AE. CЄΒΦΟVΛΠΛΑVΤΙΛΛΑ. Голова Плаутиллы съ частью драпировки, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ΤVΡΑΝΩΝ. Сидящая влѣво Кибела въ башенной коронѣ, держащая въ правой рукѣ патеру, опираясь лѣвою на тимпанъ; сзади трона Δ; ободокъ изъ точекъ.

Бурачковъ, XII, 69.

№ 13. AE. ΤΚΜΑΚЄΑVΑΛΕΣΑΝΔΡΟC. Бюстъ Александра Севера въ панцырѣ и вѣнкѣ вправо; надъ плечомъ контромарка съ изображеніемъ виноградной кисти; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ΤVΡΑΝ(ω)Ν. Императоръ на конѣ, вправо; подъ поднятою переднею правою ногой лошади—полумѣсяцъ и звѣзда, между ногами, внизу, Δ; ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

№ 14. AE. Контромарка ΤΥ, отчеканенная на монетѣ Θеодосіи (Лиц. ст. монеты—голова Аѳины въ шлемѣ, обр.—горитъ и ΘΕΥ).

Монета пріобрѣтена мною въ Одессѣ; женщина, продавшая ее мнѣ, говорила, что нашла ее въ Ольвіи. Принадлежитъ-ли контромарка Ольвіи или Тирѣ, рѣшить, покуда, трудно. Другую подобную же монету я видѣлъ въ собраніи Одесскаго Музея.

Херсонесъ (Chersonesus).

№ 15. AR. 3,83 гр. Голова Артемиды въ вѣнкѣ, вправо; сзади шеи видѣнъ лукъ и колчанъ.

Обр. Артемида въ короткой одеждѣ, съ колчаномъ за плечами, оперлась правою колѣнкой на упавшаго оленя, котораго она пронзаетъ копьемъ, которое она держитъ въ правой рукѣ. Въ откинутой назадъ лѣвой рукѣ богини—лукъ. Вся группа влѣво. Передъ головой оленя ΧΕΡ, подъ чертою ΥΜΝοΥ.

Бурачковъ, XIV, 1.

№ 16. AR. 3,97 гр. Лиц. и обр. стороны сходны съ предъидущими, но на обратной сторонѣ имя города стоитъ сзади богини.

Не издана.

№ 17. AR. 2,36 гр. Лиц. и обр. стороны сходны съ предъидущими, но внизу обр. стороны ΜΕΝΕCΤΡΑ.

Бурачковъ, XIV, 2.

№ 18. AR. 2,02 гр. Голова Артемиды, подобная предъидущимъ.

Обр. ΜΕΝΕΣΤΡ(Α). Колчанъ съ прикрѣпленнымъ къ нему лукомъ, тетивою вверхъ, внизу ΧΕΡ.

Бурачковъ, XIV, 23, но имя города вверху, а имя чиновника внизу.

№ 19. AE. Сосудъ съ двумя ручками, напоминающій по формѣ кратеръ, среди ободка изъ точекъ.

Обр. Палица влѣво, надъ нею ΧΕΡ; все среди лавроваго вѣнка.

№ 20. AE. Лиц. и обр. стороны подобны предъидущимъ, но буквы крупнѣе и палица обращена вправо.

Бурачковъ, XV, 74. Г. П. Алексѣевъ, О Херсонесскихъ монетахъ (Спб. 1886 г.), табл. II, 10 и 11.

№№ 21—31. AE. Голова льва, вправо.

Обр. № 21. Звѣзда о шести лучахъ, между ними, вверху, ΧΕΡ.
„ № 22. Звѣзда о пяти лучахъ, между ними, внизу, ΧΕΡ.
„ № 23. Звѣзда о шести лучахъ, вверху ΧΕΡ, внизу три шарика.
„ № 24. Подобная предъидущей, но три шарика вверху, надпись ΧΕᑯ внизу.
„ № 25. Тоже, между лучами ᒣΧΕΡ.
„ № 26. Звѣзда о шести лучахъ, одинъ лучъ короче. ΧΕΡΓ.
„ № 27. Тоже, вверху ΧΕΡᒍ.
„ № 28. Тоже, внизу ᒣΧΕΡ.
„ № 29. Тоже, внизу ΧΕΡΓ.

Обр. № 30. Звѣзда о шести лучахъ; внизу ΧΕ.

„ № 31. Звѣзда о 12 лучахъ, изъ нихъ шесть короче; надписи нѣтъ.

№№ 32—34. AE. Голова льва влѣво.

Обр. № 32. Здѣзда о шести лучахъ, вверху ΧΕΡ.

„ № 33. Тоже, вверху ΧΕ.

„ № 34. Тоже, вверху Χ.

№ 35. AE. Бородатая голова (Зевса?) въ вѣнкѣ вправо, съ контромаркою ΦΡ, часто встрѣчающеюся на херсонесскихъ монетахъ.

Обр. ΧΕΡϹΟ ΝΗϹΟΥ Молнія.

Не издана.

№ 36. AE. Голова Аполлона въ вѣнкѣ, вправо, передъ нею звѣзда о шести лучахъ и надпись ΧΕЬ(Р?); ободокъ изъ точекъ.

Обр. Артемида, впрямь, бѣгущая влѣво (отъ зрителя), мечущая поднятою правою рукою копье и держащая въ лѣвой, опущенной, лукъ; слѣва монограмма ΦΡ; ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

№ 37. AE. ΕΙΡΗΝΗϹ ϹΕΒΑϹΤΗϹ. Голова Аполлона въ повязкѣ вправо, впереди лира, сзади пальмовая вѣтвь; ободокъ изъ точекъ.

Обр. Идущая вправо Артемида Ταυροπόλος (бычьи рога замѣтны), держащая въ лѣвой протянутой рукѣ лукъ, а въ правой, поднятой, дротикъ или стрѣлу. Впереди ΧΕΡ, сзади ΕΤΟΥϹ ΡΚ (120-го года).

См. А. Орѣшниковъ, Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья, стр. 26, гдѣ монета упомянута безъ описанія. 120-й годъ херсонесской эры по Бёку долженъ соотвѣтствовать 84-му году по Р. Х. Недавно А. Л. Бертье-Делагардъ вновь занялся изслѣдованіемъ надписи имп. Зенона (см. Зап. Од. Общ., т. XVI, стр. 45 и слѣд.), заключающей, какъ извѣстно, 512-й годъ эры, считаемой за херсонесскую, и годъ индикта. Путемъ тщательнаго изслѣдованія спорнаго вопроса о годѣ индикта, читаемаго не всѣми учеными одинаково, и по другимъ соображеніямъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что эра Херсонеса начиналась или въ Апрѣлѣ 25-го или въ Апрѣлѣ 24-го года до Р. Х., слѣдовательно, по послѣднему изслѣдованію, монета наша чеканена въ 95 или 96 г. по Р. Х.

№ 38. AE. Контромарка съ головою Артемиды съ лукомъ и колчаномъ сзади, влѣво, причеканенная на лицевой сторонѣ монеты Кюме (Cyma Aeolidis).

Монета найдена въ Херсонесѣ, но у Міоннэ, Suppl. VI, p. 13

№ 106, издана подобная монета съ такою же контромаркой, но лошадь обращена въ противоположную сторону; принадлежитъ-ли контромарка Херсонесу или Кюме, сказать трудно.

Пантикапея (Panticapaeum).

№№ 39—42. AR. Шкура головы льва, впрямь.

Обр. ΠANTI. Голова барана во вдавленномъ квадратѣ, вправо.

Вѣсъ монеты № 39—1,05 гр. (другой экземпляръ моего собранія вѣситъ 1,14 гр.).

„ „ № 40—0,89 гр.

„ „ № 41—0,44 гр.

„ „ № 42—0,22 гр.

Кёне, Опис. муз. кн. Кочубея I, стр. 333 съ рис., вѣситъ 1,45 гр.; Бурачковъ, XIX, 20, вѣс. 0,3 гр.

№ 43. AU. 9,08 гр. Бородатая голова Пана съ козлиными ушами и въ плющевомъ вѣнкѣ влѣво.

Обр. Π A N (ΠAN) Крылатый и рогатый грифонъ, съ копьемъ въ пасти, стоящій на колосѣ влѣво.

Этотъ экземпляръ сходенъ съ изданными мною въ „Новыхъ пріобрѣтеніяхъ“ 1891 г. на табл. IV №№ 22—23, но лучшаго стиля и вѣситъ болѣе, изъ чего я заключаю, что онъ чеканенъ ранѣе тѣхъ.

№ 44. AU. 8,45 гр. Лиц. и обр. стороны подобны предъидущимъ, но у Пана человѣчьи уши. Я долженъ сознаться, что долго былъ не увѣренъ въ подлинности этого статера, но, увидѣвъ во время послѣдней моей поѣздки за границу въ берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ совершенно такой же экземпляръ монеты, чеканенной тѣмъ же штемпелемъ, но изъ серебра, я уже не сталъ сомнѣваться, что обѣ эти монеты фальшивыя. Находящійся въ мюнхенскомъ собраніи статеръ, другого штемпеля, съ головою Пана съ человѣчьими ушами, также фальшивый. Судя по необыкновенному сходству моего статера съ уваровскимъ (см. Опис. мон. гр. Уварова, № 384), на которомъ голова Пана имѣетъ козлиныя уши,— надобно предположить, что этотъ послѣдній служилъ оригиналомъ моему экземпляру.

№ 45. AR. 2,42 гр. Бородатая голова Пана съ козлиными ушами, влѣво.

Обр. ΠANTI. Левъ, идущій влѣво.

Кёне, Опис. Муз. кн. Кочубея, стр. 343, № 13. Бурачковъ, XIX, 29.

№ 46. AR. 0,56 гр. Безбородая голова Пана вправо.

Обр. Π^{A}N Передняя часть крылатаго грифона вправо.

Впервые издана въ каталогѣ Лемме (Paris, 1872), табл. I № 30. Бурачковъ, XX, 87.

№ 47. AR. 2,3 гр. Голова Аполлона въ вѣнкѣ вправо.

Обр. Орелъ съ полуприподнятыми крыльями, вправо; передъ нимъ ΠΑ(Ν).

№ 48. AR. 1,92 гр. Подобная предъидущей.

Обр. ΠΑΝΤΙΚΑΠ(ΑΙΤΩΝ). Передняя часть бѣгущей вправо лошади.

Монеты этого типа, много разъ изданныя, не особенно рѣдкія, довольно сильно варируются въ вѣсѣ; я издалъ самые легкіе экземпляры моего собранія. Лучшіе экземпляры типа № 47 вѣсятъ: 3,72 и 2,93 гр., и типа № 48: 2,73; 2,68; 2,67 и 2,19 гр.

№ 49. AR. 3,56 гр. Бюстъ Артемиды съ лукомъ и колчаномъ за плечами, вправо.

Обр. ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ Пасущійся олень вправо, сзади монограмма Миѳрадата [монограмма].

Подобную монету съ такимъ же расположеніемъ монограммы, но болѣе плохой сохранности, я издалъ въ своей брошюрѣ „Ueber die bosporanischen Münzen“ (S.-Petersburg, 1884).

№ 50. AR. 1,72 гр. Голова юнаго Діониса въ вѣнкѣ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ Ѳирсъ, подъ нимъ монограмма [монограмма].

Подобныя монеты описаны Подшиваловымъ „Beschr. d. uned. u. wenigbekannten Mnzn. v. Sarmatia, таб. I, 12. Бурачковымъ, Общій каталогъ, XXI, 101 и Giel, Kl. Beitr. табл. I, № 11—голова лицевой стороны всюду описана, какъ Аполлона, но изображеніе ѳирса на обр. сторонѣ, показываетъ, что голова должна изображать Діониса.

№№ 51—52. AR. 4,13 и 4,1 гр. Голова Аполлона въ вѣнкѣ вправо.

Обр. ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ Лукъ въ колчанѣ.

Обѣ эти монеты, хотя пріобрѣтенныя отдѣльно въ Керчи, повидимому, принадлежатъ къ тому же кладу, который былъ мною описанъ въ „Новыхъ пріобрѣтеніяхъ“ №№ 37—48.

Фанагорія (Phanagoria).

№№ 53 и 54. AR. 1,47 и 1,75 гр. Безбородая юная голова (Фанагора?) въ пилосѣ, влѣво.

Обр. ФА. Голова быка съ частью шеи влѣво, сзади хлѣбное зерно.

Обѣ монеты не изданы.

Цари Понта и Воспора.

Миөрадатъ Эвпаторъ (Mithradates Eupator).

121—63 до Р. Х.

№ 55. AU. 8,44 гр. Голова царя въ повязкѣ вправо.

Обр. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ Пасущійся влѣво олень, передъ нимъ звѣзда въ полумѣсяцѣ, сзади монограмма [монограмма], внизу годъ ΕΣ (205 = $^{93}/_{92}$ до Р. Х.); вокругъ всего плющевый вѣнокъ.

Этотъ неизданный статеръ имѣетъ самый ранній годъ изъ всѣхъ изданныхъ до сего времени золотыхъ статеровъ и пополняетъ серію монетъ царя съ однимъ именемъ Эвпаторъ. Драхма съ такою же надписью съ годомъ ΒΣ (202) и тетрадрахмы того же года и съ тѣми же монограммами, какъ нашъ статеръ, изданы, Ѳ. Ренакомъ въ „Revue Num.", 1887, pl. IV, 6, также Кёне въ „Berl. Bl." II, pl. XXI, 3 и Подшиваловымъ „Rois du Bosphore cimm.", pl. II №№ 16 и 17.

№ 56. AU. 8,47 гр. Изображенія обѣихъ сторонъ тѣ же, но надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ; сзади оленя монограмма [монограмма] и надъ нею Γ, внизу монограмма [монограмма].

Статеры съ первой изъ этихъ монограммъ, по Ренаку, чеканены въ Пергамѣ и буква, стоящая надъ нею, означаетъ годъ; первый годъ соотвѣтствуетъ $^{89}/_{88}$ г. до Р. Х., слѣдовательно, нашъ статеръ чеканенъ въ $^{87}/_{86}$ г. до Р. Х. До сихъ поръ съ годомъ Γ (3) извѣстны были только тетрадрахмы.

№ 57. AR. 16,69 гр. Изображенія обѣихъ сторонъ и надпись тѣ же, какъ на № 56, но передъ оленемъ звѣзда въ полумѣсяцѣ и монограмма вторая того же номера, сзади него годъ ΓΚΣ (223 = $^{74}/_{73}$ до Р. Х.), внизу монограмма [монограмма] и подъ нею Γ, т.-е. 3-й мѣсяцъ.

Съ этимъ мѣсяцемъ у Ренака („Rev. Num." 1887) не описана.

№ 58. AR. 16,56 гр. Тѣ-же изображенія и надпись; передъ оленемъ звѣзда въ полумѣсяцѣ, сзади него годъ ΕΚΣ (225 = $^{72}/_{71}$ до Р. Х.), внизу монограмма [monogram] и подъ нею Δ, т.-е. 4-й мѣсяцъ.

Тетрадрахмы съ этой монограммой до сихъ поръ неизвѣстны.

№ 59. AE. Бюстъ Посейдона въ повязкѣ, съ трезубцемъ на плечѣ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. Дельфинъ вправо, надъ нимъ монограмма Миөрадата Эвпатора [monogram], внизу Ε (5-й годъ).

Подшиваловъ, „Beschr. d. uned. Mnzn." III, 53, Бурачковъ, XXIV, 19; Подшиваловъ „Monnaies des rois", p. 20, pl. II, 20.

Асандръ (Asander).

44—16 до Р. Х.

№ 60. AU. 8 гр. Голова царя въ повязкѣ вправо.

Обр. ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΣΑΝΔΡΟΥ Крылатая Ника съ вѣнкомъ въ правой рукѣ и съ пальмовою вѣтвью въ лѣвой, стоящая на передней части корабля влѣво; передъ нею годъ ΣΙ (16 = 29 до Р. Х.).

Статеръ съ тѣмъ же годомъ находится въ Парижскомъ собраніи, но годъ изображенъ такъ: ΙΣ.

Полемонъ II (Polemo II).

38—63 по Р. Х.

№ 61. AR. 3,57 гр. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ. Голова царя въ повязкѣ вправо.

Обр. надпись ΒΑΣΙΛΙΣΑ (sic) / ΤΡΥΦΑΙΝΑ, окруженная царскою повязкою, среди поля монеты; ободокъ изъ точекъ.

Монеты Полемона II съ именемъ царицы Трифены въ именительномъ падежѣ, но безъ ея портрета до сихъ поръ не изданы.

Миөридатъ, сынъ Аспурга (Mithridates III).

$^{39}/_{40}$—46 по Р. Х.

№ 62. AU. 7,85 гр. Голова Гая Калигулы въ вѣнкѣ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Крылатая Ника съ вѣнкомъ въ правой рукѣ и съ пальмовою вѣтвью въ лѣвой, идущая влѣво; по сторонамъ ея годъ C—ΛΤ (336 = $^{39}/_{40}$ по Р. Х.); ободокъ изъ точекъ.

О важномъ значеніи для хронологіи династовъ Воспора этого, теперь перешедшаго въ мою собственность, статира, см. мои „Новыя пріобрѣтенія".

Рискупоридъ I (Rhescuporis I).

69?—$^{91}/_{92}$ по Р. Х.

№ 63. AU. 7,85 гр. Голова Веспасіана въ вѣнкѣ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. Голова Тита въ вѣнкѣ вправо; сзади монограмма [монограмма], внизу годъ ΔΟΤ (374 = $^{77}/_{78}$ по Р. Х.); ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

Савроматъ I (Sauromates I).

$^{93}/_{94}$?—$^{123}/_{124}$ по Р. Х.

№ 64. AE. ....CAVPOMATOV Курульное кресло съ лежащимъ на немъ вѣнкомъ; справа жезлъ.

Обр. ΤΕΙΜΑΙ ΒΑCΙΛΕѠC CAVPOMATOV (надпись начинается на верху и читается справа налѣво, при чемъ буквы C, Є и Р обращены въ обратную сторону). Щитъ на копьѣ; слѣва шлемъ и голова лошади, справа—голова человѣка и мечъ; внизу знакъ цѣнности ΚΔ (24); ободокъ изъ точекъ.

Эта неизданная монета точно скопирована съ извѣстныхъ бронзовыхъ монетъ Котиса I и, вѣроятно, принадлежитъ къ первому году правленія Савромата I.

№ 65. AE. (ΤΙΒΕΡΙΟC ΙΟVΛΙΟC ΒΑ)CΙΛΕVC CAVPOMATHC. Царь въ длинной одеждѣ, сидящій на курульномъ креслѣ, вправо; въ лѣвой рукѣ держитъ скипетръ, украшенный человѣческимъ бюстомъ, правая лежитъ на колѣнѣ, подъ ногами подушка.

Обр. Τ(ΙΒΕΡΙΟV ΙΟVΛΙΟV? ΒΑCΙΛΕѠ)C CAVPOMATOV. Курульное кресло, на немъ вѣнокъ, слѣва щитъ и копье, справа скипетръ съ человѣческимъ бюстомъ, внизу знакъ цѣнности ΜΗ (48); ободокъ изъ точекъ.

Монета такого-же типа, но съ иною надписью, описана у Бурачкова XXVIII, 153.

№ 66. AE. Лиц. сторона подобна предъидущей.

Обр. ΤΕΜΑΙ (sic) ΒΑϹΙΛΕѠϹ ϹΑ(ΥΡΟΜΑ)ΤΟΥ. Круглый щитъ на копьѣ, слѣва лошадиная голова и сѣкира, справа шлемъ и мечъ, внизу знакъ цѣнности ΜΗ (48); ободокъ изъ точекъ.

Изображена на табл. XV, 101 неизданнаго соч. кн. Сибирскаго о воспорскихъ монетахъ.

№ 67. AE. ΤΙΒΞΡΙΟ.......... ΑΟΛΕΟϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Курульное кресло и проч., какъ на № 65.

Обр. ΤΕΙΜΑΙ ΒΑϹΙΛΕѠϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Щитъ на копьѣ, слѣва шлемъ и мечъ, справа голова лошади и сѣкира, внизу знакъ цѣнности ΜΗ (48); ободокъ изъ точекъ.

Схожа у Бурачкова, XXVIII, 161; но съ правильною надписью на лиц. ст., тогда какъ на нашей варварская; о монетахъ съ подобными легендами см. А. Орѣшниковъ, Матеріалы по древн. нум. Черном. поб., стр. 21.

№ 68. AE. (ΤΙ. ΙΟΥ)ΛΙΟΥ ΒΑϹΙΛΕѠϹ(ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ). Бюстъ царя въ повязкѣ вправо.

Обр. Идущая влѣво Ника съ вѣнкомъ въ правой рукѣ и съ вѣтвью въ лѣвой, по сторонамъ ея знаки цѣнности ΜΗ; все окружено вѣнкомъ и ободкомъ изъ точекъ.

Не издана.

Савроматъ II (Sauromates II).

174/175—210/211 по Р. Х.

№ 69. AE. ΒΑϹΙΛΕѠϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюстъ царя въ повязкѣ вправо.

Обр. Ираклъ, со львиной шкурой на плечѣ, съ палицею въ поднятой правой рукѣ; лѣвою укрощаетъ поднявшуюся на дыбы лошадь Діомеда; сзади Иракла звѣздочка, сзади лошади Β; ободокъ изъ точекъ.

П. О. Бурачковъ описываетъ въ общемъ каталогѣ (№ 267, стр. 277; табл. XXX, 238) подобную монету слѣд. образомъ: „Ираклъ.... готовится нанести ударъ Ортрусу, собакѣ Геріона, поднявшейся передъ нимъ на заднія ноги“. Очевидно, такое описаніе дано вслѣдствіе неудовлетворительной сохранности монеты.

№ 70. AE. ΒΑϹΙΛΕѠϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюстъ царя въ повязкѣ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. Щитъ на копьѣ, слѣва лошадиная голова и сѣкира, справа шлемъ и мечъ, внизу знаки цѣнности ΜΗ (48); ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

№ 71. АЕ. Сходна съ предъидущею.

Обр. Щитъ на копьѣ, слѣва отъ копья мечъ, знаки цѣнности МН и курульное кресло, справа шлемъ, лошадиная голова и сѣкира; ободокъ изъ точекъ.

Не издана.

№ 72. АЕ. Какъ на предъидущей монетѣ, но передъ бюстомъ царя розетка.

Обр. Какъ на № 70, но иного штемпеля.

Cat. of. Br. Mus., Pontus etc. pl. XVI, 5.

Рискупоридъ V (Rhescuporis V).

$^{318}/_{319}$—$^{341}/_{342}$ по Р. X.

№ 73. АЕ. ΒΑϹΙΛΕ(V?)Ϲ ΡΙϹΚΟVΠΟΡΙϹ. Бюстъ царя вправо, впереди розетка.

Обр. Голова римскаго императора вправо, передъ нимъ орелъ влѣво, сидящій на шарѣ, съ вѣнкомъ въ клювѣ; ободокъ изъ точекъ.

Монеты послѣднихъ воспорскихъ царей безъ годовъ до сихъ поръ не были извѣстны. Что же касается надписей, находящихся на лицевой сторонѣ этихъ варварскихъ монетъ Рискупорида V-го, то въ моемъ собраніи находятся слѣдующія ихъ разновидности:

ΒΑϹΙΛΕVϹ	ΡΗϹΚΟVΠΟΡΙ	ΒΑϹΙΛΕωϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡΙΔΟϹ
ΒΑϹΙΛΕVϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡΙϹ	ΒΑϹΙΛΕωϹ	ΡΙϹΚωΠΟΡΙ
ΒΑϹΙΛΕVϹ	ΡΙϹΚΟVΠωΡΙΔΟ	ΒΑϹΙΛΕΟϹ	ΗϹΚΟVΠΟΡΙϹ
ΒΑϹΙΛΕVϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡ	ΒΑϹΙΛΕΟϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡΙϹ
ΒΑϹΙΛΕVϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟ	ΒΑϹΙΛΕΟϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡ
ΒΑϹΙΛΕωϹ	ΡΗϹΚΟVΠΟΡΙϹ	ΒΑϹΙΛΕΟϹ	ΡΙϹΚΟVΠΟΡΙ
ΒΑϹΙΛΕωϹ	ΡΗϹΚΟVΠΟΡΙΔΟϹ		

Свинцовые знаки.

Ольвія.

№ 74 Голова Димитры въ покрывалѣ влѣво.

Обр. ΟΛΒΙΟ. Орелъ на дельфинѣ, схожій какъ на монетѣ № 2.

Миѳрадатъ Эвпаторъ.

№ 75. Лиц. и обр. стороны сходны съ №№ 57 и 58, но сзади оленя годъ ΒΙΣ (212 = $^{86}/_{85}$ до Р. X.), подъ нимъ монограмма ΑΚ, впе-

реди звѣзда въ полумѣсяцѣ, ниже монограмма ΓΘΡ; подъ надписью IB (12-й мѣсяцъ).

Подобная серебряная литая тетрадрахма издана въ кат. собр. гр. Уварова № 512.

№№ 74 и 75, по моему, безъ сомнѣнія, оба древніе и, по словамъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, найдены: первый въ Ольвіи, а второй въ Керчи.

Херсонесъ.

№№ 76, 77, 78. Голова Гермеса въ петасѣ вправо.

Обр. Черепъ быка, между рогами котораго протянуто ожерелье изъ бусъ, оканчивающееся кистями.

№№ 79 и 80. Голова Артемиды съ колчаномъ вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. Какъ на предъидущихъ монетахъ, но надъ черепомъ быка № 79 буква ΔΙ. надъ № 80—ΙΣ.

№ 81. Дельфинъ вправо.

Обр. Какъ на №№ 76—78.

№ 82. Два дельфина вправо.

Обр. Тоже.

№ 83. Роза или цвѣтокъ balaustium съ почкою.

Обр. Тоже, какъ на предъидущихъ.

Подобные свинцовые знаки изданы частью П. О. Бурачковымъ въ Общемъ каталогѣ табл. XV; они довольно часто встрѣчаются, но обыкновенно плохой сохранности; найдены въ Херсонесѣ; поэтому, безъ сомнѣнія, принадлежатъ этому городу (см. также „Матеріалы", изд. Археол. Комм. № 7, стр. 41). Означаютъ-ли буквы ΔΙ и ΙΣ цифры или начальныя буквы именъ, сказать не могу; экземпляры съ другими буквами мнѣ неизвѣстны.

XI.

Бронзовый коптскій сосудъ.

Дѣйств. члена В. Г. Бока.

Сосудъ, снимокъ котораго изображенъ ниже, былъ пріобрѣтенъ для меня въ 1891 г., въ Луксорѣ, В. С. Голенищевымъ у араба, нашедшаго его на лѣвомъ берегу Нила, около Мединетъ-Абу. Вся эта мѣстность, гдѣ расположены были древнія Ѳивы, изобилуетъ остатками памятниковъ христіанскаго церковнаго и домашняго обихода.

Часть храма Мединетъ-Абу была приспособлена христіанами для церкви; вокругъ храма, а позже постепенно и на мѣстѣ развалинъ самого храма, возникло большое коптское селеніе съ монастыремъ. Ближе къ горамъ, около Deir-el-Medinet, Deir-el-Bahari видны развалины христіанскихъ церквей; наконецъ, около Ассассифа и el-Gourna расположено множество древнихъ египетскихъ могильныхъ пещеръ, которыя служили монахамъ жилищами и мѣстами богослуженія. На этомъ же городищѣ прежнихъ Ѳивъ найдены были въ 60-хъ годахъ г. Фортнумомъ нѣсколько бронзовыхъ предметовъ, какъ-то: крестовъ, браслетъ, кадило, лампа, пиксида, сосудъ для вина и другихъ. Они описаны каноникомъ Рокомъ въ „Archeological Journal", 1868 г. Насколько мнѣ извѣстно, это почти единственные коптскіе памятники, когда-либо описанные [1]).

Описанію нашего коптскаго сосуда я позволю себѣ предпослать нѣсколько словъ о томъ, что понимается теперь подъ именемъ коптскаго искусства, насколько оно изслѣдовано; постараюсь показать, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ и представляетъ-ли оно въ настоящее время достаточно самостоятельныхъ данныхъ для обособленія его въ отдѣльную самобытную отрасль въ исторіи искусства. Подъ именемъ

---

[1]) Есть еще краткое описаніе деревяннаго рельефа изъ церкви Al Mu'allakah въ Старомъ Каирѣ, описанный Gréville Chester. Archeol. Journal Vol. XXIX, 1892. Слѣпокъ съ этого рельефа сдѣланъ мною и хранится въ Имп. Эрмитажѣ.

„коптскій" принято подразумѣвать все то, что относится къ христіанамъ въ Египтѣ; слово это, по обычному объясненію, возникло вслѣдъ за покореніемъ Египта арабами, которые называли туземцевъ и все туземное киптъ; вслѣдствіе порчи, это слово превратилось въ гоптъ, коптъ [1]). Для удобства и мы будемъ называть всѣхъ христіанъ Египта коптами и все, что относится къ нимъ—коптскимъ.

До сихъ поръ всѣ изслѣдованія египетскаго искусства сосредоточивались на языческомъ періодѣ его исторіи; христіанскій Египетъ интересовалъ ученыхъ исключительно со стороны исторической и церковной, такъ какъ Египетъ, или, точнѣе, собственно Александрія служила первоначальнымъ центромъ разработки христіанской догматики [2]).

Большимъ подспорьемъ при этихъ изслѣдованіяхъ служитъ изученіе памятниковъ коптской литературы, число которыхъ значительно увеличилось въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, благодаря находкамъ, сдѣланнымъ въ старыхъ монастыряхъ и церквахъ верхняго Египта и Фаюма. Изученіе этихъ памятниковъ коптской литературы, въ связи съ изданіемъ какъ самыхъ подлинниковъ, такъ и ихъ переводовъ, много содѣйствовало разъясненію религіознаго міровоззрѣнія коптовъ, ихъ обычаевъ и пополнило нѣкоторые пробѣлы въ исторіи христіанства въ Египтѣ. Разработкѣ коптской литературы посвящены труды Amélineau, Bouriant, Revillout, Hyvernat, Steindorff, О. Э. Лемма и другихъ. Изученіе же коптскаго искусства оставалось до послѣдняго времени совершенно внѣ сферы дѣятельности изслѣдователей. Правда, были сдѣланы нѣкоторыя попытки изученія коптскихъ миніатюръ (Келлеръ (Ирландскія рукописи), В. В. Стасовъ и проф. Тикканенъ) [3]), но подробное обслѣдованіе другихъ памятниковъ

---

[1]) Есть еще и другія объясненія происхожденія слова коптъ; нѣкоторые производятъ его отъ имени миѳическаго египетскаго царя Kbtun, сына Мизраима; другіе—отъ слова якобитъ, которымъ называли тогда монофизитовъ, для отличія ихъ отъ православныхъ, грековъ-мелькитовъ, т.-е. царскихъ. Изъ всѣхъ объясненій раціональнѣе принять первое, такъ какъ при покореніи страны завоеватели обыкновенно прежде всего узнаютъ названіе цѣлой страны, цѣлаго народа, а не какого-либо мѣстечка, не игравшаго въ данномъ случаѣ никакой роли, или какого-либо легендарнаго царя. Нѣкоторую еще вѣроятность имѣетъ происхожденіе имени коптовъ отъ слова якобитъ, такъ какъ именно якобиты призвали къ себѣ на помощь арабовъ для борьбы противъ ненавистнаго ига грековъ. Но и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть происхожденіе имени «копты» отъ киптъ, такъ какъ это родовое собирательное наименованіе, а не названіе одной секты, про которую могли, можетъ быть, знать одни только начальники арабскихъ полчищъ.

[2]) См. библіографію этого отдѣла у Jolowicz, Bibliotheca Aegyptiana. Repertorium etc. Leipzig, 1858, supplem. 1861.

[3]) Трудъ проф. Тикканена не изданъ по независящимъ отъ него причинамъ.

коптскаго искусства и особенно тканей было предпринято лишь въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря открытію узорчатыхъ тканей въ древнехристіанскихъ кладбищахъ Египта профессоромъ Масперо въ 1881 г. [1]). Ткани эти, распространившіяся скоро по всѣмъ музеямъ Европы, послужили темой изслѣдованій нѣсколькимъ ученымъ: Масперо, Карабачеку, канонику Францу Боку, Риглю, Герспаху, В. В. Стасову, Форбу, Форреру, Госсу и др. [2]).

Спросъ на эти ткани побудилъ жителей Египта заняться розысканіемъ христіанскихъ древностей, и тогда на ряду съ тканями стали находить разные предметы церковнаго и житейскаго обихода, надгробныя плиты и другіе предметы. Съ тѣхъ поръ начали появляться работы о коптской архитектурѣ, скульптурѣ и о нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ христіанскаго періода [3]). Но все это лишь первые шаги на широкомъ поприщѣ изученія древнехристіанскаго искусства въ Египтѣ, которые даютъ намъ до сихъ поръ мало точныхъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, долина Нила представляетъ неисчерпаемый источникъ для изученія христіанскаго искусства, не тронутый до сихъ поръ ни одной опытною и энергичною рукою [4]). Христіанскіе памятники остаются не только не изслѣдованными, но даже указанія на мѣстонахожденіе ихъ скудны и разбросаны по сочиненіямъ путешественниковъ и изслѣдователей Египта (Ванслебъ, Пококъ, Соннини, Бельзони, Denon, Curzon, Вилькинсонъ и проч., или въ путеводителяхъ Мурей, Бедекеръ, Изамберъ). Нѣтъ спеціальныхъ путеводителей для указанія коптскихъ памятниковъ, какъ нѣтъ нигдѣ ни въ какомъ европейскомъ музеѣ правильно организованнаго отдѣла коптскихъ древностей [5]). Каждому желающему изучить эти памятники предоставляется самому разыскивать ихъ на мѣстѣ.

Первый починъ изученія коптской архитектуры принадлежитъ Бутлеру, который въ двухъ томахъ своего изслѣдованія: The coptic

---

[1]) Maspéro. Fouilles exécutées en Egypte de 1881—1885. Bullet. de l'Institut Egypt. 1885, № 6. — Его-же. Fouilles exécutées en Egypte de 1885—1886. Bullet. de l'Institut Egypt. 1886, № 7.

[2]) Списокъ трудовъ, посвященныхъ разработкѣ коптскаго искусства, помѣщенъ въ прилагаемомъ библіографическомъ указателѣ.

[3]) См. въ библіографическомъ указателѣ работы Butler, Gayet, Strzygowsky, Michon, Erman, Steindorff, C. Schmidt, Forrer и др.

[4]) Розовъ. Христіанская Нубія. Кіевъ, 1890.

[5]) Попытки выдѣлить предметы коптскаго искусства въ самостоятельный отдѣлъ можно видѣть въ Берлинскомъ королевскомъ музеѣ (египетскій отдѣлъ) и въ British Museum (зало древностей христіанскихъ и отчасти египетскій отдѣлъ).

churches (1884) [1]) представилъ, между прочимъ, подробное описаніе осмотрѣнныхъ имъ церквей и монастырей Каира и оазиса Сетс. Но имъ описаны не самые старинные архитектурные памятники коптскаго періода, и потому въ трудѣ Бутлера нельзя найти, такъ сказать, генезиса коптской архитектуры. Собственно начало изученія коптскаго искусства положилъ Gayet въ своемъ трудѣ о коптскихъ надгробныхъ плитахъ, и въ сдѣланномъ имъ впервые краткомъ описаніи Ассуанскаго монастыря [2]). Весь верхній Египетъ и Нубія изобилуютъ остатками памятниковъ христіанской архитектуры: это или самобытные коптскіе памятники, или памятники языческіе, примѣненные къ христіанскому культу. Только подробное изученіе этого, пока еще сырого матеріала архитектурнаго, скульптурнаго и живописнаго, въ соединеніи съ разработкою доступныхъ историческихъ свѣдѣній о коптахъ могли бы пролить свѣтъ на вопросъ о происхожденіи и послѣдовательномъ развитіи коптскаго искусства. Пока же приходится довольствоваться имѣющимся на лицо одностороннимъ источникомъ для изученія коптскаго искусства—именно коптскими тканями. При этомъ слѣдуетъ прибавить, что ткани эти, по своей многочисленности, представляютъ богатый и удобный матеріалъ для изслѣдованія разнородныхъ теченій въ коптскомъ искусствѣ и для опредѣленія отличающихъ его особенностей. Къ сожалѣнію, раскопки могилъ, въ которыхъ эти ткани встрѣчаются, производятся не археологами, а хищниками-арабами. Нельзя, напримѣръ. быть увѣреннымъ, что та или другая покупаемая ткань найдена въ опредѣленномъ некрополѣ, а между тѣмъ, надо обратить вниманіе на то, что коптскія ткани являются, по большей части, повидимому, произведеніями „кустарной“ промышленности и представляютъ типы очень различные, какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ, и что, поэтому, для правильнаго изученія ихъ, весьма важно знать въ точности мѣсто ихъ происхожденія [3]). Кромѣ того, до сихъ поръ не имѣется точныхъ данныхъ для хронологическаго опредѣленія времени производства тканей. Единственнымъ руководствомъ въ этомъ отношеніи могутъ служить нѣкоторыя историческія соображенія о ходѣ развитія христіанства въ Египтѣ и данныя, почерпнутыя изъ характера орнаментаціи тканей.

---

[1]) Стасовъ, В. В. Коптская и эѳіопская архитектура. Вѣстникъ изящн. искусствъ, III, 1885.

[2]) Gayet. Monuments Coptes au Musée de Boulaq, 1889. — Его-же. La sculpture Copte. Gaz. des B. Arts. 1892.—Его-же. Le Deïr d'Assuan. Journ. de l'Architecture, № 14, 17 et 18, 1892.

[3]) Труды VIII археол. съѣзда 1890 г. въ Москвѣ, мой рефератъ: Коптскія узорчатыя ткани.

При изученіи разнородныхъ памятниковъ коптскаго искусства, прежде всего слѣдуетъ обратиться къ прошлому египтянъ и попытаться установить, въ какой степени ихъ языческая культура перешла въ новую жизнь и уцѣлѣла въ памятникахъ христіанской эпохи. Извѣстно, насколько консервативна египетская культура и какъ ревниво египтяне ее охраняли. Покорители ихъ, исключая арабовъ, не могли не считаться съ этимъ консерватизмомъ и строили египтянамъ обширные храмы, стараясь не отступать отъ древне-египетскаго канона. Сила и авторитетъ древней религіи были настолько велики, что сами римляне восприняли отъ египтянъ много религіозныхъ вѣрованій и связанныхъ съ ними обрядовъ [1]). Египтяне же если и перенимали отъ своихъ покорителей внѣшнія стороны ихъ культуры (напримѣръ, форму одежды, образцы орнаментаціи, нѣкоторые предметы обихода), то въ существѣ, они оставались вѣрны своей религіи, своей культурѣ, своимъ преданіямъ и обычаямъ.

Въ этомъ отношеніи одна лишь Александрія составляла исключеніе: она была международнымъ центромъ и жители долины Нила въ первыя столѣтія по Р. Х. были правы, когда говорили, направляясь въ Александрію, что они выходятъ изъ Египта, такъ какъ не считали ее египетскимъ городомъ, и тѣмъ болѣе на то имѣли право, что она служила центромъ ненавистнаго имъ иноземнаго управленія.

Въ началѣ IV столѣтія по всему почти Египту распространилось христіанство, между тѣмъ какъ въ первыя три столѣтія оно укоренилось только въ Александріи и въ нѣкоторыхъ городахъ долины Нила, до Эрмента [2]).

Можно объяснить быстроту и легкость этого почти поголовнаго обращенія египтянъ въ христіанство тѣмъ, что въ 294 г. Діоклетіанъ, подавившій возстаніе Ахилла, расправился очень сурово съ жителями Египта, какъ язычниками, такъ и христіанами, участниками этого возстанія [3]). Масса христіанъ умирала мученическою смертію. Ихъ примѣръ воспламенялъ язычниковъ, которые цѣлыми селеніями, городами, принимали новую вѣру. Эта легкость обращенія египтянъ въ христіанство объясняется еще главнымъ образомъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что новая вѣра, казалось, не измѣняла въ существѣ старыхъ

---

[1]) Havet. Les origines du christianisme, I, p. 37, 181, 228 et suiv. II, p. 30, 90, 240.— Lafaye. Histoire du culte des divinités d'Alexandrie, 1884.

[2]) Amélineau. Les actes des Martyrs de l'Eglise Copte, 1890.

[3]) Sharpe. Geschichte Egyptens, II, p. 194, et suiv.—Amélineau. Les actes des Martyrs etc.

догматовъ египтянъ [1]). Новообращенные сохраняли прежнюю вѣру въ загробную жизнь, въ судъ, который наступитъ послѣ смерти, въ адъ, въ рай, съ той разницей, что они увѣровали въ Спасителя, признали догматъ Св. Троицы, напоминавшій имъ тройственность ихъ прежняго божества. Всѣ почти божества древней религіи оставались при своихъ прежнихъ атрибутахъ, только съ новыми наименованіями. Совершенно правъ Гайе [2]), говоря, что египтяне примѣняли христіанскую вѣру къ своей египетской. Кромѣ того, надо замѣтить, что идея монотеизма всегда была жива въ египетской религіи, несмотря на грубый антропоморфизмъ, развившійся при послѣднихъ династіяхъ [3]). Принципы этики египтяне находили въ своей „книгѣ мертвыхъ", въ своихъ гимнахъ [4]), принципы близко подходящіе къ новой вѣрѣ. Наконецъ и самый символъ вѣрованія въ будущую жизнь—крестъ, они имѣли у себя въ видѣ знака анхъ (crux ansata), бывшаго у нихъ символомъ будущей жизни. И копты его примѣняли безразлично вмѣстѣ съ крестомъ, или отдѣльно какъ крестъ [5]); самая форма коптскаго креста съ расширяющимися концами происходитъ отъ знака анхъ. Сохранили они также свое прежнее формальное отношеніе къ вѣрѣ, не входя въ анализъ догматовъ и самой идеи христіанства, на что они были мало способны и къ чему ихъ не подготовила вѣра ихъ предковъ [6]).

Копты сохранили вѣру въ чудеса, во все сверхъестественное; вся ихъ церковная литература пропитана этимъ сверхъестественнымъ, которое они принимали безъ критики и которое они издавна любили. Христіане Египта пользовались тоже своей прежней языческой литературой, для описанія дѣяній святыхъ и мучениковъ; сильное вліяніе этой языческой литературы встрѣчается въ христіанскихъ произведеніяхъ [7]).

Но если копты относились снисходительно къ прежней своей вѣрѣ,

---

[1]) Amélineau. Le christianisme chez les Coptes. Annales du Musée Guimet. XIV—XV, 1886, 1887.

[2]) Gayet. La sculpture Copte. loc. cit.

[3]) Amélineau. Les idées sur Dieu dans l'ancienne Egypte. Ligue contre l'athéisme 1892.

[4]) Amélineau. Le christianisme chez les Coptes.—Его-же. La morale Egyptienne, 1892.—Его-же. Les idées sur Dieu. loc. cit.

[5]) Unger. Quellen der Byzantin. Kunstgeschichte. Wien, 1888, s. 23.

[6]) И въ настоящее время копты, если съ ними разговориться о религіи, не отвѣтятъ вамъ на вопросы о существѣ ихъ монофизитства, но за то обрядовую сторону они знаютъ превосходно. — Amélineau. Le christianisme chez les Coptes. — Его-же. Etude historique sur St Pachôme Bulletin de l'institut Egyptien, 1886, № 7.

[7]) Amélineau. Contes et romans de l'Egypte chrétienne, 1888.

то они ненавидѣли и презирали римскую религію и римскихъ боговъ [1]). Принявъ христіанство и оставивъ поклоненіе своимъ богамъ, они старались пріурочить старыя свои вѣрованія къ новымъ. Такъ, въ изображеніяхъ Богоматери они подражали прежнимъ изображеніямъ Исиды, кормящей Горуса [2]); Архангела Михаила они изображали, какъ прежде Горуса [3]), верхомъ, пронзающимъ копьемъ Сета Тифона: какъ Горусъ побѣдилъ Сета, превратившагося въ крокодила, такъ и Архангелъ Михаилъ побѣдилъ діавола—дракона.

Такихъ аналогій между прежними египетскими богами и идеями съ одной стороны и представителями и догматами новой религіи съ другой можно усмотрѣть довольно много. Но я не могу въ предѣлахъ данной статьи входить въ бόльшія подробности, для доказательства консерватизма египтянъ, ихъ косности въ сохраненіи прежнихъ идей, ихъ безсознательной преданности духу прежней культуры.

Вліяніе древней египетской культуры мы можемъ прослѣдить и въ области коптскаго искусства. Въ памятникахъ коптской архитектуры мы встрѣчаемъ много остатковъ архитектуры древне-египетской. Между архитектурными памятниками, похожими на древне-египетскіе храмы, можно указать на слѣдующіе монастыри: Бѣлый и Красный около Сохага, св. Симеона около Ассуана, св. Аммонія около Эсне, на монастыри оазиса Эль-Харге и Эрментскій. Послѣдній монастырь былъ принятъ Пококомъ за языческій храмъ примѣненный къ христіанскому культу [4]).

Бѣлый и Красный монастыри являются самыми древними святынями коптовъ изъ всѣхъ сохранившихся до сихъ поръ церковныхъ памятниковъ.

Бѣлый монастырь, основанный въ 400 г. св. Шнуди [5]), представляетъ видъ египетскаго храма со стѣнами, идущими уклономъ и съ чисто египетскимъ карнизомъ; внутри два ряда колоннъ раздѣляли храмъ на три корабля, которые заканчивались большой 3-хъ-лепестковой абсидой; средняя часть ея служила главнымъ алтаремъ. Теперь самый храмъ, лишенный крыши, служитъ жильемъ для монаховъ, священниковъ съ

[1]) Renan. Marc Aurèle, p. 433.—Amélineau. Le christianisme chez les Coptes.

[2]) Gayet. Monuments Coptes au Musée de Boulaq.—Ebers. Die Koptische Kunst.

[3]) Clermont-Ganneau. Horus of St. Georges. Revue archéol. XXXII.—Ebers, loc. cit.—Amélineau. Les Actes des Martyrs.—Его-же. Le christianisme chez les Coptes.

[4]) Butler. The Ancient Coptic cherches of Egypt, II, p. 358.

[5]) Amélineau. Monuments pour servir à l'histoire de l'Egypte chrétienne. Vie de Schnoudi. Mémoires publiés par les membres de la Mission archéol. au Caire. IV, 1888.—Его-же. Vie de Schnoudi, 1889.

ихъ семьями; видны скульптурные остатки вдоль стѣнъ и на нѣкоторыхъ частяхъ абсиды. Собственно же церковью служитъ абсида, гдѣ находится масса художественныхъ деталей, могущихъ пролить яркій свѣтъ на начало коптскаго искусства. Красный монастырь, построенный немного позже, но тоже въ началѣ V столѣтія, представляетъ тоже много цѣнныхъ фрагментовъ, равно какъ и Ассуанскій монастырь [1]), возникшій въ V столѣтіи и разрушенный арабами въ 640 г., послѣ чего онъ больше не возобновлялся.

Въ Ассуанскомъ монастырѣ встрѣчаются, напримѣръ, стрѣльчатые своды и арки всѣхъ пропорцій и, кромѣ того, упомянутый выше древне-египетскій уклонъ стѣнъ и карнизъ.

Впрочемъ, древнѣйшіе памятники коптской архитектуры и орнаментики мало обслѣдованы, точно также какъ и живопись коптовъ еще совсѣмъ не изучена, хотя уже извѣстно не малое число церквей, монастырей и пещеръ, а именно, монастыри Бѣлый, Эрментскій, Эсне, Ассуанскій, Дейръ-Абу Хоннесъ, Накаде, Луксоръ, пещеры Ассасифа и Гурна, далѣе, въ Нубіи, Калабше, Спеосъ Аль-Фераигъ и другія мѣста, гдѣ сохранились остатки этой живописи. Болѣе успѣховъ сдѣлано по изученію коптской орнаментики, источникомъ которой служатъ коптскія ткани. Мы уже говорили, что ткани эти—произведеніе кустарной промышленности и, какъ таковыя, представляютъ нѣкоторое различіе по мѣсту производства въ техническомъ и художественномъ отношеніяхъ. Кромѣ этого, на коптскихъ тканяхъ въ выборѣ сюжетовъ и въ орнаментировкѣ можно усмотрѣть различія, позволяющія выдѣлить изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Въ изслѣдованныхъ тканяхъ нельзя замѣтить прямаго значительнаго вліянія древне-египетскаго искусства, но несомнѣнно сохранился въ основѣ ихъ, по крайней мѣрѣ, присущій египетскому искусству реализмъ въ трактованіи животныхъ и растеній, сохранились прежніе типы и символы. Вообще любовь къ символикѣ, т.-е. къ пластическому изображенію отвлеченныхъ идей и понятій, цѣликомъ перешла отъ египтянъ къ коптамъ. Эберсъ подробно разобралъ этотъ вопросъ въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи: „Die Koptische Kunst“ [2]). Чисто египетскіе элементы, на-

---

[1]) Gayet. Le Deir d'Assuan. loc. cit.—Catalogue des Monuments et des inscriptions de l'Egypte antique. 1-e Série 1893, p. 129.

[2]) C. Schmidt. Gottingische gelehrte Anzeiger, 1893, 1 oct. № 20 ueber Ebers.— A. Riegl. Zur Frage des nachlebens der Altägyptischer Kunst und der spät Antike Eranos Vindobonensis, 1893. — Его-же. Koptische Kunst. Byzant. Zeitschrift, 1893. — H. Goss. La Cathédrale de St. Pierre à Genève, 1893. — Его-же. Recherches sur quelques représentations du vase eucharistique. Genève, 1894.

примѣръ, солнечный дискъ, урей, знакъ анхъ, мы встрѣчаемъ только на нѣкоторыхъ тканяхъ [1]).

Кромѣ вліянія мѣстнаго, нельзя не замѣтить на тканяхъ и на другихъ памятникахъ вліяній и восточнаго искусства—персидскаго и сирійскаго [2]).

Торговыя и политическія сношенія съ малой и передней Азіею продолжались въ теченіи всей исторіи древняго Египта и сильно вліяли на египетское искусство; наконецъ, владычество персовъ надъ Египтомъ, длившееся почти два столѣтія (525—332), не могло не повліять на воспріятіе египтянами нѣкоторыхъ элементовъ восточнаго искусства.

Кромѣ вліянія прежней египетской культуры и азіатскаго искусства на многихъ коптскихъ памятникахъ, рѣзко выдѣляется преобладаніе классическаго стиля, по крайней мѣрѣ, на произведеніяхъ коптской художественной промышленности, какъ-то: на тканяхъ, на нѣкоторыхъ предметахъ домашней и церковной утвари, на небольшомъ числѣ орнаментированныхъ надгробныхъ плитъ. Наибольшій кругъ наблюденія представляютъ намъ находимыя въ большомъ количествѣ ткани, на которыхъ встрѣчаются орнаменты классическаго стиля и сюжеты, почерпнутые изъ классической миѳологіи.

На этихъ тканяхъ рисунокъ отличается правильностью и красотою, работа тканей очень тонкая, краски красиво расположены, иногда даже оттѣнены.

Самыя раннія кладбища, лежащія вокругъ коптскихъ монастырей, слѣдуетъ отнести къ срединѣ IV столѣтія [3]), слѣдовательно и ткани, отличающіяся классическимъ пошибомъ, относятся къ той же эпохѣ и къ болѣе ранней. Трудно опредѣлить, какъ долго продолжалось у коптовъ стремленіе подражать классическимъ образцамъ; можно лишь утверждать, что городъ Ахмимъ, въ некрополѣ котораго находятъ красивѣйшія ткани классическаго пошиба, сохранялъ греко-римскій культъ еще въ теченіи V столѣтія. Ахмимъ былъ важнымъ центромъ греческой торговли, отличался многолюднымъ населеніемъ, богатствомъ, и классическая культура процвѣтала въ немъ дольше, чѣмъ въ другихъ городахъ долины Нила. Еще въ V вѣкѣ св. Шнуди, основатель Бѣлаго монастыря, жившій въ городѣ Атрибисѣ, на противоположномъ берегу

---

[1]) Труды VIII археол. съѣзда, loc. cit.

[2]) Шелковыя ткани вывозились изъ Азіи и въ Египтѣ не приготовлялись.

[3]) Труды VIII археол. съѣзда, loc. cit.—Amélineau. Histoire de St. Pachôme.—Его-же. Etudes historiques sur St. Pachôme.—Его-же. Le christianisme chez les Coptes.—Его-же. Histoire des Monastère de la Basse Egypte. Annales du Musée Guimet, XXV, 1894.

Нила, дѣлалъ со своими монахами нападенія на языческія капища Ахмима [1]).

Другая, обширная группа коптскихъ тканей представляетъ изображенія, несомнѣнно христіанскія. На нихъ мы видимъ изображенія святыхъ, сюжеты изъ священной исторіи (исторія Іосифа, Самсона, Рождество Христово, св. Георгій и друг.). Но въ нихъ рисунокъ теряетъ правильность и изящество, которые замѣчались на тканяхъ классическаго пошиба; видна какая-то общая огрубѣлость контура и путаница въ трактованіи сюжета, иногда являющагося загадочнымъ. На этихъ тканяхъ часто встрѣчается изображеніе креста, или знака анхъ; реализмъ замѣняется стилизаціею; колоритъ сильный, но рѣзкій. То же самое мы усматриваемъ на памятникахъ коптской скульптуры, какъ это видно изъ описанія надгробныхъ плитъ, изданныхъ Гайе [2]); ихъ отличаетъ постепенно усиливающаяся стилизація фигуры, растительнаго и живописнаго орнамента, стремленіе замѣнить фигуры орнаментомъ, который заполняетъ фоны и вслѣдствіе этого является плоскимъ, проявляя первые шаги къ геометрическому расположенію линій.

Слѣдующія соображенія нѣсколько помогутъ намъ выяснить время возникновенія памятниковъ послѣдней категоріи.

Развитіе христіанскаго искусства въ Египтѣ началось собственно въ IV столѣтіи, когда христіанство быстро охватило долину Нила, когда пришлось строить храмы, украшать ихъ и снабжать утварью. Главнымъ центромъ христіанства были монастыри св. Пахомія, около Табенниси и св. Шнуди, около Атрибиса. Церкви строились повсюду; до сихъ поръ сохранились у коптовъ преданія о постройкѣ той или другой церкви царицей Еленой, напримѣръ, монастыря св. Аммонія у Эсне, церквей въ Дейръ-Абу-Гоннесъ и въ Эрментѣ. Со времени эдикта Ѳеодосія (381 г.) все языческое истреблялось, а если языческіе храмы и сохранялись, то ради приспособленія ихъ къ христіанскому культу (Луксоръ, Мединетъ-Абу, Эдфу и друг.). Правильное развитіе христіанскаго искусства продолжалось почти столѣтіе, до Халкидонскаго собора (451 г.), когда египтяне, принявши монофизитское ученіе своего патріарха Діоскора, отдѣлились отъ православной церкви и стали жить своей духовной жизнью, преисполненные еще

---

[1]) Amélineau. Vie de Schnoudi.

[2]) Gayet. Monuments Coptes au Musée de Boulaq. — Его-же. La Sculpture Copte. loc. cit.

бо́льшей ненавистью къ византійскому владычеству [1]), сильно тѣснившему ихъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Отдѣлившись духовно отъ Византіи, копты еще болѣе обособились, болѣе замкнулись въ кругу своихъ идей и не участвовали въ общемъ движеніи мысли, центромъ котораго была Византія. Этотъ моментъ и слѣдуетъ считать поворотнымъ пунктомъ для коптскаго искусства. При развитіи монофизитства, изображеніе фигуръ въ коптскомъ искусствѣ не подчинялось требованію реализма; все тѣлесное какъ бы игнорировалось. Вслѣдствіе новыхъ религіозныхъ требованій, человѣческая фигура являлась скорѣе символомъ, для котораго пропорція и рисунокъ не играли никакой роли, форма подчинялась идеѣ.

Многіе склонны видѣть въ развитіи коптскаго искусства прямое вліяніе Византіи; не отрицая вообще возможности такого вліянія, шедшаго черезъ Александрію, нужно все-таки соображаться, когда дѣло идетъ объ этомъ переходномъ времени въ теченіи IV — VIII столѣтій, съ тѣми факторами, о которыхъ мы говорили выше и значеніе которыхъ не должно ускользать отъ вниманія изслѣдователя. При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду того, что народный духъ, или темпераментъ, и какъ результатъ его—народное творчество, являются и развиваются независимо отъ этническихъ составныхъ частей народа, или отъ случайно измѣняемыхъ условій общественнаго строя и жизни. Главными причинами образованія народнаго духа являются физическій обликъ страны, который вырабатываетъ данный физіологическій и психическій типъ. Изъ этого типа вытекаютъ уже самостоятельно необходимыя условія, для физическаго и духовнаго развитія жителей, для ихъ потребностей, обычаевъ и всего строя ихъ жизни. Всѣ эти внѣшніе и внутренніе элементы, изъ которыхъ многіе не поддаются анализу, присущи народу въ теченіе многовѣковой его жизни, если не происходитъ какихъ-либо причинъ, разрушающихъ или уничтожающихъ его культурную самобытность.

Египетъ представлялъ всѣ данныя для того, чтобы въ немъ именно, народный духъ могъ проявляться особенно ярко и постоянно, такъ какъ Египетъ отличается географическимъ обособленіемъ отъ другихъ странъ [2]). Народный духъ или темпераментъ египтянъ можно прослѣдить въ теченіе всей ихъ многовѣковой исторіи и было бы непонятно, отчего при введеніи и распространеніи христіанства, столь

[1]) Makrizi. Geschichte der Copten, 1845, p. 49.

[2]) Maspéro. Histoire ancienne des peuples de l'Orient.

близко подходящаго къ древней египетской религіи, этотъ народный духъ исчезъ и замѣнился какимъ-либо другимъ, извнѣ принесеннымъ. Внѣшнія проявленія жизни могли, конечно, видоизмѣниться подъ давленіемъ побѣдителей, сильныхъ своимъ войскомъ и своей культурой, но темпераментъ націи и ея требованія этическія и художественныя не могли быть окончательно подавлены и должны были воспрянуть съ новой силой при измѣненіи внѣшнихъ условій страны, при первомъ ослабленіи внѣшняго давленія. Это мы и замѣчаемъ въ Египтѣ, когда, послѣ принятія монофизитства, египтяне обособились совершенно отъ остальнаго міра, замкнулись въ свой чисто національный кругъ, и могли освободиться отъ духовнаго вліянія грековъ.

Съ другой стороны, только-что возникшая въ IV столѣтіи Восточная Имперія не выработала еще того вида искусства, которое получило впослѣдствіи наименованіе византійскаго, и поэтому въ то отдаленное время оно не могло имѣть особеннаго вліянія на искусство народовъ, сосѣднихъ съ Византіей.

Въ то время, какъ въ Италіи, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, культура и искусство постепенно спускались почти до варварскаго уровня, въ Византіи, напротивъ, централизовалось все, что способствовало къ достиженію большаго совершенства. И тѣ провинціи восточной Имперіи, которыя были въ постоянномъ соприкосновеніи съ Византіей и пользовались относительнымъ спокойствіемъ, усвоивали себѣ художественное развитіе метрополіи и даже въ нѣкоторой степени содѣйствовали ему. Между этими провинціями одной изъ богатѣйшихъ, хотя и не пользовавшись спокойствіемъ, былъ Египетъ; слѣдовательно, и въ Египтѣ можно было бы прослѣдить это художественное развитіе, благодаря вліянію, идущему изъ Византіи и сосредоточившемуся въ Александріи. Но въ христіанскомъ Египтѣ мы замѣчаемъ явленіе совершенно противоположное; мы замѣчаемъ постепенный упадокъ искусства и обособленіе его отъ общаго развитія искусства византійскаго. При этихъ данныхъ трудно утверждать вліяніе Византіи на Египетъ.

Народное творчество, предоставленное самому себѣ, при условіяхъ угнетенной политической и экономической жизни, не могло правильно развиваться. Замѣчаемое огрубѣніе художественныхъ проявленій во всѣхъ отрасляхъ коптскаго искусства и литературы, низкій уровень умственнаго развитія страны служатъ доказательствомъ отсутствія прямого вліянія Византіи на ходъ жизни и развитіе христіанскаго Египта, предоставленнаго своимъ собственнымъ, но подавленнымъ народнымъ

силамъ. Наконецъ, Египетъ, жившій тысячелѣтія интензивной художественной жизнью, обладалъ и матеріаломъ и руками для выполненія потребностей новой религіи и не нуждался въ неутвердившихся еще художественныхъ нормахъ Византіи. Вѣрнѣе предположить, что каждая область восточной имперіи руководствовалась въ теченіе IV—VIII столѣтій своими типами и нормами при введеніи христіанскаго культа, причемъ основную роль играла, по крайней мѣрѣ вначалѣ, классическая культура, успѣвшая пустить глубокіе корни во всѣхъ провинціяхъ Римской имперіи.

При такихъ же точно условіяхъ находилась въ IV столѣтіи и сама Византія, когда, сдѣлавшись духовно-политическимъ центромъ громадной Восточной Имперіи и вошедши въ соприкосновеніе съ сѣверными варварами и со всѣмъ азіатскимъ востокомъ, она стала вырабатывать въ нѣчто обособленное свое искусство изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ теченій и элементовъ. Несомнѣнно, что въ этотъ періодъ образованія и выработки своего искусства, длившійся съ IV—VIII вѣка, Византія не могла особенно сильно вліять на тѣ области, гдѣ были свои, глубоко укоренившіеся народные художественные типы и нормы. Въ этомъ отношеніи Египетъ представлялъ всѣ данныя для того, чтобы примѣнять свою творческую силу на разработку и развитіе вполнѣ самостоятельнаго народнаго искусства, пользуясь нѣкоторыми внѣшними пришлыми элементами, но не подчиняясь имъ. И дѣйствительно, всѣ памятники христіанскаго періода Египта представляютъ своеобразный отпечатокъ, свой особенный стиль, не встрѣчающійся на художественныхъ произведеніяхъ другихъ христіанскихъ странъ: вотъ почему коптскіе памятники слѣдуетъ выдѣлить въ самостоятельную научную и художественную область и признать ихъ образцами коптскаго искусства.

Охарактеризовавъ общее развитіе и направленіе коптскаго искусства, я обращусь теперь къ описанію вышеупомянутаго коптскаго сосуда. Онъ сдѣланъ изъ бронзы; по формѣ и размѣрамъ, онъ очень похожъ на сосудъ для вина, найденный Фортнумомъ[1]). Вышина сосуда съ крышкой 0,23; онъ имѣетъ форму амфоры, или сосуда для фильтрованія[2]), и покоится на треножной подставкѣ, совершенно сходной съ древними египетскими подставками для вазъ. Ручками сосуда служатъ изображенія барсовъ или львовъ; крышка его представляетъ

---

[1]) Bock, loc. cit.

[2]) Такіе сосуды (виръ) еще до сихъ поръ въ употребленіи въ Египтѣ.

орла, опирающагося лапами на дельфина. Сосудъ покрытъ гравированными и пунктирными орнаментами. Сосудъ и всѣ составныя части его, а именно, подставка, ручки и крышка—литыя.

На подставкѣ, между каждой парой горизонтальныхъ перекладинъ, связывающихъ ножки, находится по одному диску, на которомъ вырѣзанъ крестъ. Сосудъ совершенно гладкій, украшенъ пятью орнаментированными гравировкою поясами, и только на соединеніи шейки съ брюшкомъ опоясанъ жгутомъ.

Львы (или барсы), служащіе ручками, упираются задними лапами на расширенную часть сосуда, а передними—на край горлышка; шея ихъ вытянута и головы обращены къ орлу, сидящему на крышкѣ; хвосты обвиты вокругъ правой задней ноги, образуя отверстіе.

Поза орла спокойная, крылья сложенныя, на головѣ выдѣляется придѣланный крестъ; на груди изображено ожерелье, въ хвостѣ пробуравлены двѣ дирочки, отъ которыхъ къ переднимъ лапамъ львовъ протянуты двѣ цѣпочки.

Орнаментація сосуда состоитъ, какъ мы видѣли, изъ пяти поясовъ. Первый поясъ (нижній) представляетъ рядъ сердцевидныхъ листьевъ, изъ которыхъ каждый входитъ своимъ концомъ въ переднюю часть слѣдующаго за нимъ листа. Орнаментъ этотъ встрѣчается весьма часто на коптскихъ тканяхъ и на шелковыхъ тканяхъ, привозимыхъ въ то время въ Египетъ изъ Сиріи и Персіи.

Второй поясъ представляетъ рядъ удлиненныхъ прямоугольниковъ, въ коихъ вписаны ромбы съ точкою по серединѣ; остающіеся въ прямоугольникахъ углы заполнены пунктиромъ. Ромбы, входящіе въ составъ орнаментаціи бордюръ, также встрѣчаются часто на коптскихъ тканяхъ.

Третій поясъ представляетъ извивающуюся виноградную лозу; лоза исполнена гравировкою, листья — пунктиромъ. Виноградная лоза встрѣчается постоянно какъ на коптскихъ тканяхъ классическаго стиля, такъ и на позднѣйшихъ. Кромѣ того, виноградная лоза примѣняется часто для орнаментаціи надгробныхъ плитъ и другихъ скульптурныхъ украшеній. Орнаментъ этотъ — наслѣдіе древне-египетской культуры — перешелъ и въ христіанскую эпоху, какъ символъ Церкви и Христа или какъ символъ пролитой Христомъ крови.

Четвертый поясъ, окаймленный по верху жгутомъ, украшенъ треугольниками, образованными двойной гравированной линіей; въ центрѣ каждаго изъ нихъ кружокъ пунктиромъ.

Наконецъ, пятый поясъ, верхній, на самой шейкѣ сосуда, состоитъ изъ плетенія (пунктиромъ), вертикально развивающагося вокругъ горлышка. Плетеніе играетъ выдающуюся роль въ узорчатыхъ коптскихъ тканяхъ всѣхъ періодовъ; разработка этого орнамента производилась коптами съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ. Трудно указать, откуда идея плетенія явилась вообще, но, во всякомъ случаѣ, можно утверждать положительно, что по отношенію къ Египту плетеніе является туземною темою, такъ какъ мы его встрѣчаемъ въ орнаментаціи нѣкоторыхъ памятниковъ XI и XII династій.

Львы или барсы, служащіе ручками сосуда, очень грубой работы; кажется, что послѣ литья сосудъ проходили не чеканомъ, а напилкомъ; не смотря, однако, на всю грубость моделировки въ изображеніи животныхъ и на значительное отклоненіе ихъ отъ тонкихъ и реальныхъ какъ типовъ животныхъ, такъ и особенно льва въ искусствѣ языческаго періода, левъ на нашемъ сосудѣ все-таки имѣетъ много силы и движенія.

То же самое можно сказать объ орлѣ и о дельфинѣ, на котораго орелъ упирается. Грубая и немного стилизированная моделировка не отнимаютъ у нихъ впечатлѣнія силы и нѣкотораго изящества. Дельфина можно узнать по загнутому кверху носу и по хребту, тянущемуся вдоль спины.

Орелъ, спокойно сидящій со сложенными крыльями и безъ добычи въ когтяхъ, встрѣчается постоянно съ самаго древняго времени въ Египтѣ, какъ въ іероглифахъ, такъ въ произведеніяхъ изъ бронзы и камня.

Но орелъ, держащій дельфина, насколько мнѣ извѣстно, въ Египтѣ

XII.

Археологическая находка конца X вѣка въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губ.

Чл.-сотр. **А. А. Спицына.**

Для археологическихъ работъ представляетъ такую важность возможно точное опредѣленіе времени находимыхъ предметовъ древности, что изслѣдователь обязанъ пользоваться всякимъ случаемъ, дающимъ ему возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи шагъ впередъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ 1883 г. крестьяниномъ дер. Рябиновской, Порѣзской волости, Глазовскаго у., Вятской губ., Т. М. Обуховымъ выпаханы были въ полѣ слѣдующія вещи:

1) Сломанная пополамъ серебряная шейная гривна обычнаго типа (съ гранчатой колбочкой и петлей на концахъ) и обычнаго вѣса (48 зол.).

2) Большая серебряная бляха съ изображеніемъ сцены охоты (табл. XXXII, 4).

3) Два прорѣзныя изображенія всадниковъ, одно изъ бѣлой, другое изъ темной мѣди (табл. XXXII, 1).

4) Три серебряныя сережки характернаго типа (табл. XXXII, 2).

5) Простой серебряный перстень съ широкой круглой наставкой, заключающей въ себѣ бѣлое стекло (табл. XXXII, 3).

6) Двѣ большія выпуклыя серебряныя бляхи (табл. XXXII, 5 и 6).

7) Семь цѣльныхъ и четыре обломка диргемовъ второй половины X в., именно саманидская 950 г., чеканенная въ Самаркандѣ, зіяридскія 968 и 978 г., чеканенныя въ Амолѣ, и обломки саманидскихъ и подражанія имъ.

Ближайшія обстоятельства находки остались неизвѣстными и раскопокъ на ея мѣстѣ не было произведено [1]).

[1]) См. Дѣло Императорской Археологической Коммиссіи 1883 г., № 15.

Безъ помощи монетъ изъ всѣхъ перечисленныхъ вещей могло бы быть опредѣлено лишь изображенiе всадниковъ, которое, по аналогiи съ пермскими древностями, должно быть относимо также къ концу X в. Время остальныхъ вещей Рябиновской находки монетами опредѣляется впервые.

Какъ ни незначительно количество вещей, составляющихъ Рябиновскiй кладъ, благодаря точности своей даты, онѣ немедленно прiобрѣтаютъ значенiе для опредѣленiя различныхъ памятниковъ древности, еще не датированныхъ. Во-первыхъ, онѣ точнѣе опредѣляютъ время извѣстной Сиротининской коллекцiи серебряныхъ пермскихъ вещей [1]), такъ какъ въ одномъ недавнемъ кладѣ изъ Глазовскаго уѣзда оказались вмѣстѣ и сережки типа табл. XXXII, 2, и массивныя серебряныя сережки типа Сиротининскихъ. Во-вторыхъ, Рябиновская находка нѣсколько приближаетъ насъ къ опредѣленiю времени юмскихъ вещей, найденныхъ мною въ 1891 г. на притокѣ впадающей въ Вятку рѣки Пижмы и представляющихъ большой интересъ по характеру своему и мѣсту своего нахожденiя [2]). Именно, среди юмскихъ вещей найдена серебряная выпуклая тонкая, орнаментированная точками бляха, хотя не тожественная, но весьма близкая къ подобной бляхѣ Рябиновской находки, и той же величины.

Представленные на таблицѣ рисунки настолько понятны сами по себѣ, что приходится остановиться лишь на изображенiи сцены охоты. Оно представляетъ собою варварское подражанiе сценѣ, нѣсколько разъ встрѣченной на сассанидскихъ блюдахъ и изображающей, надо полагать, Хозроя II [3]). Фигуры звѣрей должны представить собою, кажется, медвѣдя, барса и собаку. Фонъ густо вызолоченъ.

---

[1]) Aspelin № 738—763. Эта коллекцiя можетъ быть отнесена къ X в. и по другимъ соображенiямъ.

[2]) Отчетъ о дѣйствiяхъ Императорской Археологической Коммиссiи за 1891 г. стр. 103.

[3]) Aspelin вып. II, № 610. «Русскiя Древности», издаваемыя гр. Толстымъ и Кондаковымъ, вып. III, стр. 86. Kuhn. Allgemeine Kunstgeschichte вып. IV, стр. 16.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя Г. Почетнымъ Членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ-либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ къ 1-му января 1896 года и послѣдующихъ годовъ до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда или самая тема не будетъ снята съ очереди (§ 5), при девизѣ и съ указаніемъ имени автора въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля соотвѣтствующаго года.

Пользуясь правомъ, предоставленнымъ жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія четыре темы (изъ нихъ первыя двѣ оставлены отъ минувшаго года на конкурсъ).

1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

3) Торговыя сношенія колоній на сѣверномъ побережьи Чернаго моря въ эпоху древняго міра.

4) Южная Русь и Византія въ ихъ сношеніяхъ въ XI столѣтіи.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, причемъ автору выдаются оттиски.

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся еще двѣ преміи: первая, имени Дмитрія Максимовича Княжевича, на проценты съ капиталомъ въ 2.000 р. въ теченіи 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1899 года за выдающійся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая—Одесской Городской Думы—безсрочная въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1893 г.

Общее Собраніе 18-го января.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, присутствовали: Г. П. Алексѣевъ, графъ А. А. Бобринской, В. Г. Бокъ, Ѳ. А. Браунъ, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, Я. К. Гротъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, И. К. Зинченко, Д. Ѳ. Кобеко, баронъ С. П. Корфъ, А. К. Марковъ, Л. Н. Майковъ, А. Н. Неустроевъ, о. К. Т. Никольскій, А. А. Павловскій, Паподопуло-Керамевсъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Покровскій, А. И. Покровскій, А. В. Половцовъ, князь П. А. Путятинъ, В. В. Радловъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. И. Савельевъ, В. Д. Смирновъ, С. Л. Степановъ, Н. И. Стояновскій, В. В. Сусловъ, П. А. Сырку, графъ И. И. Толстой, Г. В. Форстенъ, Э. В. Фришъ, И. П. Хрущовъ, А. А. Цагарели, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Чистовичъ; гости, гг. Беренштамъ, Кремневъ, Половцова.

I.

Г. Помощникъ Предсѣдателя обратился къ Августѣйшему Предсѣдателю Общества съ слѣдующими словами:

„Считаю себя счастливымъ привѣтствовать Ваше Императорское Высочество отъ лица Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества какъ его Предсѣдателя. Единогласное избраніе Васъ главою нашего

Общества, въ теченіе 47 лѣтъ не мало потрудившагося для науки и всегда пользовавшагося благоволительнымъ вниманіемъ своихъ предсѣдателей, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и покойнаго Вашего родителя, Великаго Князя Константина Николаевича, служитъ доказательствомъ и глубокаго уваженія къ Вашей просвѣщенной дѣятельности, и полной увѣренности, что подъ высокимъ Вашимъ покровительствомъ и при Вашемъ содѣйствіи Общество будетъ продолжать съ неослабнымъ рвеніемъ свои занятія надъ разъясненіемъ древностей, какъ нашего отечѣства и близкой ему Византіи, такъ и классическаго Запада и странъ Востока".

Въ отвѣтъ на привѣтствіе г. Помошника Предсѣдателя, Великій Князь благодарилъ Общество за избраніе, которое дорого ему вдвойнѣ, какъ вниманіе со стороны ученаго учрежденія и какъ память объ отцѣ, какъ бы передающемъ по наслѣдству своему сыну званіе предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. При этомъ Его Высочество выразилъ опасеніе, что, не имѣя тѣхъ знаній въ области изученія древностей, какими располагалъ его покойный родитель, и притомъ обремененный многосложными занятіями, онъ не будетъ въ силахъ посвятить Обществу количество времени, соотвѣтствующее своимъ желаніямъ, но по мѣрѣ возможности будетъ содѣйствовать развитію дѣятельности Общества.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго Общаго Собранія, 30-го декабря 1892 г.

III.

Доложено Общему Собранію письмо Я. К. Грота съ изъявленіемъ благодарности за избраніе въ почетные члены.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IV.

Ходатайство Тверской ученой Архивной Коммиссіи отъ 9-го января о высылкѣ ей изданій Общества въ обмѣнъ на препровожденныя при ходатайствѣ изданія.

Постановлено: выслать изданія, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ и высылать впредь изданія Общества.

V.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ близь Симферополя, произведенныхъ имъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи лѣтомъ 1892 года.

VI.

Произведена баллотировка: въ дѣйствительные члены М. С. Куторги и А. Ѳ. Семенова; въ члены-сотрудники С. К. Булича, О. Е. Клера, А. И. Покровскаго и С. Л. Пташицкаго.

Избранными оказались: единогласно А. Ѳ. Семеновъ, остальные— большинствомъ голосовъ.

Годовое Общее Собраніе 20-го апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Н. И. Веселовскій, о. А. Н. Виноградовъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, В. А. Жуковскій, Д. Ѳ. Кобеко, М. С. Куторга, Л. Н. Майковъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, В. П. Мордвиновъ, Попадопуло-Керамевсъ, С. Ѳ. Платоновъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. Ѳ. Семеновъ, С. М. Середонинъ, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, Н. И. Стояновскій, В. В. Сусловъ, П. А. Сырку, П. С. Толстой, А. А. Цагарели, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Г. Помощникъ Предсѣдателя обратился къ Собранію съ слѣдующими словами:

„18-го января настоящаго года скончался во Франціи, въ Шательро, 82-хъ лѣтъ отъ роду, почетный членъ нашего Общества князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ. Получивъ прекрасное, многостороннее образованіе заграницею, гдѣ отецъ его занималъ въ Римѣ постъ посланника, онъ въ свободное отъ занятій время съ любовью изучалъ живопись и архитектуру. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя по этой части, онъ

*

имѣлъ возможность въ скоромъ времени расширить, бывъ назначенъ состоять при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ. Пребываніе на берегахъ Босфора и поѣздки, совершенныя въ Малую Азію, познакомили князя Г. Г. съ великолѣпными памятниками византійскаго искусства. Онъ сталъ страстнымъ его поклонникомъ и впослѣдствіи сдѣлался неутомимымъ глашатаемъ о важности и необходимости изученія этого искусства для русскихъ художниковъ. По возвращеніи изъ Константинополя въ Петербургъ, князь Гагаринъ трижды, по обязанностямъ службы, посѣщалъ Кавказъ, и послѣднее пребываніе его тамъ продолжалось 17 лѣтъ. И здѣсь не покидалъ онъ излюбленныхъ занятій, результатомъ которыхъ въ 1857 году явился: „Le Caucase pittoresque". Введеніе къ этому труду и текстъ къ рисункамъ принадлежатъ перу графа Эрнста Стакельберга, а приложенія, то-есть рисунки, исполнены княземъ Гагаринымъ. Между ними находится нѣсколько листовъ, на которыхъ нашъ покойный сочленъ изобразилъ сохранившіеся въ Грузіи памятники церковнаго зодчества, созданные подъ вліяніемъ Византіи, фрески, мозаики и пр. Теперь все это имѣетъ еще большую цѣну, такъ какъ многихъ памятниковъ уже не существуетъ. Годомъ ранѣе появленія въ Парижѣ Живописнаго Кавказа, именно въ 1856 году, князь Гагаринъ напечаталъ въ Тифлисѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Краткая хронологическая таблица въ пособіе исторіи византійскаго искусства". Здѣсь онъ впервые высказалъ желаніе, чтобы искусство у насъ, по крайней мѣрѣ церковное зодчество и церковная живопись, приняло національный характеръ, прочно основавшись на изученіи византійскаго искусства, такъ какъ его онъ считалъ богатымъ родникомъ русскаго искусства. Мысль эту онъ настойчиво проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, какъ напр.: въ Сборникѣ византійскихъ и древнерусскихъ орнаментовъ, въ брошюрѣ, написанной къ первому съѣзду зодчихъ: „Русскимъ строителямъ" и др. Свою завѣтную мысль ему удалось, впрочемъ отчасти, приводить въ исполненіе съ того времени, когда ему было Высочайше повелѣно состоять при президентѣ Академіи Художествъ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, а затѣмъ, когда онъ былъ назначенъ вице-президентомъ Академіи. Не безъ его участія былъ учрежденъ при Академіи спеціальный классъ для образованія живописцевъ, которые, на основаніи изученія древняго византійскаго иконописанія, улучшили бы у насъ эту отрасль искусства. По его, можно сказать, почину состоялись командировки для собиранія художественныхъ предметовъ А. М. Горностаева въ разныя губерніи Россіи, а П. И. Севастьянова на Аѳонъ, обѣ командировки, увѣнчав-

шіяся полнымъ успѣхомъ. Несомнѣнную заслугу князя въ области археологіи составляетъ учрежденіе при Академіи Художествъ музея древнерусскаго искусства завѣдываніе которымъ онъ возложилъ на знатока дѣла, покойнаго нашего сочлена—Василья Александровича Прохорова. Императорское Археологическое Общество, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдившее за археологическою дѣятельностью князя Г. Г. Гагарина, 5 декабря 1862 г. избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а черезъ пять лѣтъ, въ 1867 году, помощникомъ предсѣдателя. Въ этой должности онъ оставался до 1876 года, когда по случаю разстроеннаго здоровья, требовавшаго продолжительнаго пребыванія заграницею, онъ сложилъ это званіе, и Общество, въ знакъ своей признательности и уваженія, выбрало его почетнымъ членомъ. Своими знаніями и совѣтами, какъ членъ Общества, князь Гагаринъ принималъ живое участіе въ его дѣлахъ и нерѣдко содѣйствовалъ къ разрѣшенію вопросовъ, въ немъ подымавшихся. Въ качествѣ помощника предсѣдателя, когда на немъ фактически лежали обязанности предсѣдателя, имъ была организована поѣздка въ Кіевъ И. И. Срезневскаго и Ѳ. Г. Солнцева для провѣрки чертежей и рисунковъ фресокъ и мозаики Кіево-Софійскаго собора, переданныхъ по Высочайшему повелѣнію Обществу для изданія. Подъ его наблюденіемъ со стороны художественной въ 1870 году издано описаніе Констанцскаго собора, со множествомъ рисунковъ по рукописи, найденной въ библіотекѣ Академіи Художествъ. Имъ въ 1871 году было предложено составить руководство къ изученію древней архитектуры византійскихъ храмовъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ Европы и Азіи. Портфель князя заключалъ для этого богатые матеріалы. Это предложеніе было принято Обществомъ весьма сочувственно; подъ предсѣдательствомъ князя была образована изъ членовъ особая коммиссія, которая выработала программу этого руководства, къ сожалѣнію, неосуществившагося по недостатку средствъ. Оставивъ Академію Художествъ и Археологическое Общество, князь не покидалъ карандаша и кисти и такимъ образомъ до послѣднихъ дней своей жизни оставался вѣренъ избранному имъ искусству. Недавно мы читали въ газетахъ о принесенныхъ въ даръ братскому храму Покрова въ Петербургѣ двухъ иконахъ его кисти. Помянемъ же память нашего бывшаго помощника предсѣдателя князя Г. Г. Гагарина, болѣе полувѣка старавшагося проводить въ общественное сознаніе мысль о созданіи у насъ своего искусства, очищеннаго отъ позднѣйшихъ вліяній, и старавшагося собирать памятники нашей прошлой жизни на пользу будущихъ археологовъ и художниковъ“.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго собранія 18-го января 1893 года.

III.

Секретарь Общества прочелъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1892 году.

Ваше Императорское Высочество и милостивые государи.

Я начну нашу лѣтопись за 1892 годъ напоминаніемъ о нашихъ сочленахъ, отшедшихъ отъ насъ въ теченіи минувшаго года.

Въ январѣ скончался Августѣйшій Предсѣдатель Общества Великій Князь Константинъ Николаевичъ, 47 лѣтъ стоявшій во главѣ Общества и столько для него сдѣлавшій до того времени, когда тяжкій недугъ лишилъ Великаго Князя возможности по прежнему принимать участіе въ дѣлахъ Общества. Память о почившемъ въ Бозѣ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ будетъ всегда соединена съ чувствомъ признательности за то, что онъ совершилъ на пользу, процвѣтаніе и расширеніе дѣятельности нашего Общества.

Въ томъ же году скончались почетные члены: Н. М. Благовѣщенскій, М-тъ Исидоръ, Ѳ. Г. Солнцевъ; дѣйствительные члены Л. К. Ивановскій, М. И. Семевскій; члены-сотрудники Авг. Мюллеръ и Ренанъ.

Лишившись въ лицѣ Великаго Князя Константина Николаевича своего Августѣйшаго Предсѣдателя и высоко цѣня память о заботахъ Великаго Князя о преуспѣніи Общества, Общество наше, въ Собраніи 1-го декабря, единогласно постановило ходатайствовать передъ сыномъ Великаго Князя, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ о принятіи на себя званія, которое такъ долго носилъ Родитель Его Императорскаго Высочества. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ выразилъ милостивое согласіе на предложеніе Общества, и утвержденъ въ семъ званіи Высочайшимъ повелѣніемъ 19-го декабря 1892 года.

Въ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны. Избраны въ почетные члены: Я. К. Гротъ, И. Е. Забѣлинъ, Макарій, архіепископъ Донской и Новочеркасскій, Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій, графиня П. С. Уварова; въ дѣйствительные члены: Ѳ. А. Браунъ, М. С. Дриновъ, В. К.

Ерштедтъ, баронъ С. П. Корфъ, К. Н. Лишинъ, А. В. Половцовъ, С. Л. Степановъ, Г. В. Форстенъ, Г. О. Челищевъ; въ члены-сотрудники: Э. А. Вольтеръ, С. А. Жебелевъ, П. Н. Милюковъ, А. Ѳ. Энниманъ, И. С. Ястребовъ; въ иностранные члены-сотрудники: Эпаминондъ Стауматіадисъ, канцлеръ Самосскаго Княжества.

Такимъ образомъ къ 1 января 1893 года Общество состояло изъ 28 почетныхъ членовъ, 116 дѣйствительныхъ членовъ, 78 членовъ-сотрудниковъ и 30 иностранныхъ членовъ-сотрудниковъ.

Дѣятельность Общества въ теченіи минувшаго года выразилась въ слѣдующемъ:

Общихъ Собраній было 4; кромѣ текущихъ дѣлъ, въ нихъ были сдѣланы ученыя сообщенія. Ѳ. А. Браунъ прочелъ о теоріяхъ бронзовой и желѣзной культуръ съ точки зрѣнія лингвистики; Н. И. Веселовскій—о раскопкѣ кургановъ въ Таврической губерніи лѣтомъ 1892 года; К. Н. Лишинъ—о мѣстонахожденіи нѣкоторыхъ Ѳракійскихъ городовъ; А. В. Половцовъ—о фрескахъ XII вѣка въ Юрьевской божницѣ близь г. Остра, Черниговской губерніи.

Отдѣленіе Археологіи Славянской и Русской имѣло 3 засѣданія, изъ коихъ одно было посвящено обозрѣнію выставки предметовъ древности, собранныхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею. Въ двухъ другихъ прочли сообщенія: В. Г. Дружининъ—о произведенной имъ раскопкѣ костяноснаго городища, находящагося близь Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи; кн. П. А. Путятинъ—о нѣкоторыхъ указахъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей касательно переписи 1684 года; А. И. Соболевскій—о вновь открытомъ памятникѣ русскаго письма XI вѣка: О похвалѣ царю Симеону въ Святославовомъ изборникѣ 1073 года.

Отдѣленіе Археологіи Древне-Классической и Западно-Европейской имѣло 5 засѣданій; сообщенія читали: В. К. Ернштедтъ—къ вопросу о львахъ въ древней Греціи; С. А. Жебелевъ—объ Амиклахъ и святилищѣ Аполлона Амиклейскаго; о религіозномъ врачеваніи въ древней Греціи; В. В. Латышевъ—о храмѣ Дѣвы на мысѣ Парѳеніи; В. К. Мальмбергъ—о метопахъ греческихъ храмовъ; И. В. Помяловскій—о вновь открытомъ сочиненіи Присцилліана; В. Э. Регель—о неизданныхъ произведеніяхъ византійскихъ ораторовъ XII вѣка; Ѳ. Ѳ. Соколовъ—дань союзныхъ городовъ лакедемонянамъ; замѣчанія на Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля.

Переходя къ изложенію дѣятельности Восточнаго Отдѣленія, считаю долгомъ отмѣтить, что отдѣленію этому, благодаря энергіи нашего консула въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскаго, принадлежитъ честь расширенія новаго поля изслѣдованій для филологовъ, занимающихся индійскимъ языкомъ и исторіей средней Азіи. Н. Ѳ. Петровскому удалось напасть на слѣдъ того источника, изъ котораго англійскій поручикъ Браунъ почерпнулъ рукопись, заинтересовавшую всѣхъ ученыхъ индіанистовъ своимъ загадочнымъ, неизвѣстнымъ доселѣ письмомъ. Изъ этого источника г. Петровскій добылъ болѣе ста подобныхъ отрывковъ изъ рукописей, писанныхъ на березовой корѣ, на кожѣ и на бумагѣ. Эти драгоцѣнные отрывки обрабатываются въ настоящее время нашимъ сочленомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ. Такимъ образомъ, Восточное Отдѣленіе явилось у насъ проводникомъ въ науку этого совершенно новаго матеріала и обнародованія его въ органѣ Отдѣленія ждутъ съ нетерпѣніемъ русскіе и иностранные ученые.

Отдѣленіе имѣло 6 засѣданій; въ нихъ читаны сообщенія: В. А. Жуковскаго — персидская версія сказанія объ Іисусѣ и черепѣ; Н. Я. Марра—объ его экспедиціи въ Арменію, совершенной по порученію Императорской Археологической Коммиссіи въ 1892 году; С. Ѳ. Ольденбурга—о фрагментахъ, присланныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ; Н. Ѳ. Петровскаго—о будійскомъ памятникѣ близь Кашгара; В. В. Радлова—о совершенной имъ лѣтомъ 1891 года ученой экспедиціи въ мѣстонахожденія развалинъ города Каракорума; бар. В. Р. Розена—о бабидахъ на основаніи книги Browne'a подъ заглавіемъ: a Travellar's Narrative written to illustrate the episode of Bab; о новомъ бабидскомъ откровеніи и о сочиненіи бабида Абу-ль-Фазля по дѣлу объ убійствѣ бабида Ризы шіитами въ Асхабадѣ въ 1889 году; В. Д. Смирнова—о современной турецкой лубочной литературѣ; А. Г. Туманскаго—послѣднее слово Беха Уллы.

Текущими и хозяйственными дѣлами занимался Совѣтъ Общества и имѣлъ 5 засѣданій. Кромѣ должностныхъ лицъ, въ его засѣданіяхъ принимали участіе представители отдѣленій: Н. И. Веселовскій, Д. Ѳ. Кобеко и И. В. Помяловскій.

Въ Обществѣ работали также слѣдующія Коммиссіи.

1) Редакціонная, по изданію записокъ Общества, въ которомъ участвовали, кромѣ секретаря, редактировавшаго это изданіе, члены Общества: Н. П. Кондаковъ, С. Ѳ. Платоновъ, И. В. Помяловскій и гр. И. И. Толстой.

2) Коммиссія для изученія историко - археологическаго описанія

Старо-Ладожской крѣпости, въ лицѣ А. А. Куника, гр. И. И. Толстого при участіи Н. Е. Бранденбурга, котораго Общество просило принять на себя составленіе такого описанія.

3) Библіотечная, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго и членовъ В. К. Ернштедта и Ю. Б. Иверсена и при участіи библіотекаря Общества А. Н. Щукарева. Подъ наблюденіемъ ея, библіотека приведена въ порядокъ приглашеннымъ для этого лицомъ, инвентарь свѣренъ съ наличностью и сдѣланъ новый карточный каталогъ, а также выработаны правила для пользованія книгами и рукописями, принадлежащими Обществу.

4) Въ Ревизіонной Коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, принимали участіе Ю. Б. Иверсенъ и С. Ѳ. Платоновъ.

5) Въ медальной Коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Л. Н. Майкова, участвовали В. Г. Васильевскій, Н. П. Кондаковъ, И. В. Помяловскій и баронъ В. Р. Розенъ; медалей присуждено не было.

Кромѣ собраній Отдѣленій, ученая дѣятельность Общества выразилась также въ изданіяхъ. Выпущены въ свѣтъ 3 и 4 вып. V т. и 1—2 вып. VI-го тома Записокъ Общества; VII т. Записокъ Восточнаго Отдѣленія и XXI т. Трудовъ того - же Отдѣленія. Печатались 3—4 вып. VI тома Записокъ Общества, VIII т. Записокъ Восточнаго Отдѣленія, XXII т. Трудовъ этого Отдѣленія. Собирались матеріалы для III т. Inscriptiones В. В. Латышева: А. Н. Щукаревъ извлекалъ матеріалъ изъ Собранія гр. А. А. Бобринскаго и Императорской Археологической Коммиссіи, а Г. Сысоевъ — изъ Императорскаго Историческаго Музея и Музея И. К. Сручана.

Библіотека Общества продолжала обогащаться частыми пожертвованіями и изданіями, поступающими въ обмѣнъ на изданія Общества; вновь вступили въ обмѣнъ изданіями университетъ въ Христіаніи, Феллинское ученое общество.

Въ Музей Общества поступили пожертвованія отъ о. Архимандрита Антонина и А. Т. Соловьева.

По ходатайству нижеслѣдующихъ учрежденій Общество пожертвовало серіи своихъ изданій: 1) Императорскому Историческому Музею; 2) Средне-вѣковому Отдѣленію Императорскаго Эрмитажа и 3) Библіотекѣ Его Высочества Хедива.

Общество приняло участіе въ I-мъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ, поручивъ представительство Н. В. Султанову и В. В. Суслову.

Таковы были событія въ жизни нашего Общества въ теченіи 46-го года его существованія.

IV.

Предсѣдатель Коммиссіи по присужденію медалей Общества прочелъ нижеслѣдующее ея постановленіе:

1) Коммиссія заслушала отзывы В. В. Суслова о сочиненіи М. Т. Преображенскаго подъ заглавіемъ: „Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи“, и А. Н. Щукарева о сочиненіи В. К. Мальмберга подъ заглавіемъ: „Метопы древне-греческихъ храмовъ“, составленные ими по порученію Коммиссіи и къ сему протоколу приложенные, и опредѣлила представить Общему Собранію о присужденіи авторамъ поименованныхъ сочиненій серебряныхъ медалей Общества.

2) Доложено письмо отъ 14-го марта 1893 года лица, къ которому Коммиссія обратилась за отзывомъ для третьяго сочиненія, съ заявленіемъ о томъ, что оно хотя и намѣревалось составить отзывъ о представленномъ ему сочиненіи, но при ближайшемъ ознакомленіи убѣдилось въ невозможности для себя составить оцѣнку этого труда достаточно полно и всесторонне.

Въ виду сего Коммиссія постановила ходатайствовать передъ Общимъ Собраніемъ о продленіи ея полномочій до полученія новаго отзыва о томъ же сочиненіи и о представленіи этого отзыва Общему Собранію съ замѣчаніями Коммиссіи по окончаніи вакаціоннаго времени, такъ какъ Коммиссія имѣетъ въ виду предложить составленіе этого отзыва другому лицу, живущему внѣ Петербурга.

А. Н. Щукаревъ прочелъ составленный имъ отзывъ о сочиненіи В. К. Мальмберга: Метопы древне-греческихъ храмовъ [1]).

В. В. Сусловъ прочелъ составленный имъ отзывъ о сочиненіи М. Т. Преображенскаго: Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи [2]).

Общее Собраніе, выслушавъ протоколъ Коммиссіи и отзывы гг. Щукарева и Суслова, постановило продолжить полномочіе Коммиссіи до полученія отзыва о третьемъ намѣченномъ ею сочиненіи и отложить присужденіе медалей Общества до новаго представленія Коммиссіи.

---

[1]) Первое Приложеніе къ протоколамъ.
[2]) Второе Приложеніе къ протоколамъ.

V.

Произведены выборы секретаря Общества, по § 55 Устава; избраннымъ оказался В. Г. Дружининъ.

VI.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта, бывшаго 3-го марта, причемъ предсѣдатель ревизіонной Коммиссіи Л. Н. Майковъ довелъ до свѣдѣнія Собранія замѣчанія сей Коммиссіи на отчетъ Совѣта за минувшій годъ.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Совѣта 15-го декабря 1892 года.

Доложны слѣдующія текущія дѣла:

2) Ходатайство Калужскаго Статистическаго Комитета отъ 29-го декабря 1892 года, за № 289, о возвращеніи каменныхъ орудій, посланныхъ Обществу для опредѣленія.

Постановлено: Орудія возвратить.

3) Циркуляръ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 21-го февраля, за № 283, объ открытіи при Обществѣ Славянской Коммиссіи.

Постановлено: Довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

4) Циркуляръ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества объ изданіи имъ съ 1893 года новаго журнала, подъ заглавіемъ: „Археологическія извѣстія и замѣтки“.

Постановлено: Довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

5) Письма: Макарія, архіепископа Донского и Новочеркасскаго, и П. Н. Милюкова съ выраженіемъ благодарности за избраніе перваго въ почетные члены, а второго въ члены-сотрудники.

Постановлено: Довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

6) Ходатайство Балліоновской публичной библіотеки въ г. Новороссійскѣ, отъ 9-го января за № 13, о безплатной высылкѣ изданій Общества.

Постановлено: Выслать изданія, коихъ имѣется въ складѣ большое количество и впредь посылать изданія Общества.

7) Ходатайство Государственнаго Секретаря отъ 14-го февраля, за № 754, о высылкѣ изданій Общества для библіотеки, состоящей при Государственной Канцеляріи.

Постановлено: Выслать послѣдніе томы Записокъ Общества и Восточнаго Отдѣленія съ просьбою увѣдомить Общество объ имѣющихся въ библіотекѣ изданіяхъ Общества, во избѣжаніе посылки дублетовъ, и

по полученіи отвѣта, выслать изданія Общества, имѣющіяся въ доста точномъ количествѣ экземпляровъ.

8) Ходатайство члена-сотрудника С. Л. Пташицкаго о разрѣшеніи ему пользоваться одною рукописью изъ библіотеки Общества.

Постановлено: передать С. Л. Пташицкому рукопись на три мѣсяца, т.-е. по 1 мая сего года.

9) Письмо г. Добберта изъ Берлина отъ 21-го февраля, съ препровожденіемъ его сочиненія о тайной вечери для бибіотеки Общества.

Постановлено: Благодарить г. Добберта.

10) Предъявлены слѣдующіе счета: художника Вильборга за отпечатаніе имъ двухъ таблицъ снимковъ съ рукописей на 85 р., 2) фотоцинкографа Кройса за изготовленіе 6-ти клише на 62 р. 81 к., и 3) типографіи Императорской Академіи Наукъ за напечатаніе VII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія и за бумагу на 313 р. 77 коп.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

11) Предложено Казначею Общества обратить остатокъ отъ смѣты 1892 г., за уплатой всѣхъ счетовъ, въ $^0/_0$ бумаги по его усмотрѣнію, а полученную субсидію, послѣ уплаты предъявленныхъ счетовъ, обратить въ серіи.

12) Секретарь Общества представилъ Совѣту экземпляръ Извѣстій Восточнаго Отдѣленія т. I (единственный), издававшихся въ 1858—1860 г., съ просьбой назначить этому тому продажную цѣну, въ виду того, что имѣется въ складѣ до ста экземпляровъ.

Постановлено: назначить цѣну въ 60 коп.

13) Секретарь Общества представилъ списокъ изданій Общества, составленный завѣдующимъ библіотекою Археографической Коммиссіи, коихъ нѣтъ въ означенной библіотекѣ, съ ходатайствомъ о пополненіи.

Постановлено: выслать въ библіотеку Археографической Коммиссіи недостающія въ ней изданія Общества.

14) Нижеслѣдующій протоколъ ревизіонной Коммиссіи:

Ревизіонная Коммиссія, избранная Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Общемъ Собраніи 30-го декабря 1892 года, исполнила въ лицѣ предсѣдателя Н. В. Покровскаго и членовъ Ю. Б. Иверсена и Л. Н. Майкова, возложенное на нее порученіе въ слѣдующемъ видѣ: Коммиссія заслушала отчетъ Совѣта Общества, сообщенный ей секретаремъ его В. Г. Дружининымъ; провѣрила денежные счета и капиталы Общества по документамъ, предъявленнымъ казначеемъ А. К. Марковымъ; осмотрѣла библіотеку Общества при содѣйствіи библіотекаря А. Н. Щукарева, музей при со-

дѣйствіи его хранителя В. Г. Бока и складъ изданій Общества при содѣйствіи В. Г. Дружинина.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта найденъ Коммиссіей вполнѣ удовлетворительнымъ; состояніе денежныхъ счетовъ и капиталовъ Общества, а равно склада его изданій Коммиссія признала находящимися въ полномъ порядкѣ; что же касается библіотеки и музея Общества, то Коммиссія считаетъ долгомъ относительно ихъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

а) *По библіотекѣ:*

Коммиссія съ удовольствіемъ замѣтила, что отдѣлъ печатныхъ книгъ библіотеки приводится нынѣ въ большій противъ прежняго порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія усмотрѣла, что въ этомъ отдѣлѣ находятся: 1) сочиненія, не имѣющія, по своему содержанію, никакого отношенія къ кругу дѣятельности Общества; 2) дублеты и 3) сочиненія и особенно серіи періодическихъ изданій въ дефектномъ видѣ.

Коммиссія полагаетъ, что первый разрядъ сочиненій могъ бы быть вовсе изъятъ изъ библіотеки и обращенъ въ продажу, притомъ на усиленіе собственныхъ библіотечныхъ средствъ. Тоже, еще съ большимъ правомъ, должно быть сказано относительно дублетовъ. Что же касается изданій дефектныхъ, то, по мнѣнію Коммиссіи, было бы желательно по возможности пополнить ихъ, и это можетъ быть произведено, по крайней мѣрѣ отчасти, даже безъ денежныхъ расходовъ: недостающіе томы разныхъ изданій можно было бы безмездно получить отъ разныхъ ученыхъ учрежденій чрезъ сношеніе съ ними. Рукописный отдѣлъ библіотеки найденъ Коммиссіей въ менѣе удовлетворительномъ порядкѣ. Хотя существуетъ печатная опись большей части рукописнаго отдѣла, но далеко не всѣ нумера этого каталога соотвѣтсвуютъ нумерамъ, выставленнымъ на самыхъ рукописяхъ,—слѣдовательно, опись эта требуетъ тщательной провѣрки; рукописи же, поступившія послѣ составленія печатной описи, остаются вовсе не каталогизованными, ибо дѣло это, по собственному заявленію г. библіотекаря, оказывается затруднительнымъ для него.

б) *По музею Общества*:

Собраніе вещественныхъ памятниковъ, хранящихся при Обществѣ (кромѣ монетъ), отчасти каталогизовано въ печатной описи, но весьма часто нумера ея не соотвѣтствуютъ наличности предметовъ; вещи же, поступившія въ музей послѣ составленія описи, вовсе не описаны и даже не внесены въ инвентарь; равнымъ образомъ не имѣется описи минцъ-кабинета, тогда какъ для сего послѣдняго былъ бы необходимъ даже особый хранитель-спеціалистъ.

Таковое состояніе музея съ минцъ-кабинетомъ, а равно и рукописнаго отдѣла библіотеки, Коммиссія не могла не признать прискорбнымъ, а потому полагаетъ, что найти изъ него выходъ есть дѣло необходимости, если Общество не желаетъ смотрѣть на означенныя свои коллекціи, какъ на складъ старинныхъ вещей, никому недоступный. Въ виду сего Коммиссія позволяетъ себѣ предложить Обществу передать означенныя коллекціи, если не въ полную собственность, то по крайней мѣрѣ на храненіе въ такія научныя учрежденія, гдѣ эти коллекціи не только были бы обстоятельно описаны, но и сдѣлались бы вполнѣ доступными для разсмотрѣнія и изученія.

Коммиссія вполнѣ сознаетъ, что высказывая таковое предложеніе, она выражаетъ мысль смѣлую. Но Общество, само нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже подало примѣръ такого рѣшенія, предоставивъ богатую коллекцію, добытую на его средства раскопками покойнаго Л. К. Ивановскаго, въ распоряженіе Россійскаго Историческаго Музея и Императорской Археологической Коммиссіи. Причины, побудившія къ тому Общество, остаются въ полной силѣ и въ настоящее время.

Общество до сихъ поръ не имѣетъ своего собственнаго удобнаго помѣщенія для библіотеки и музея, а равно оно лишено матеріальныхъ средствъ для ихъ содержанія въ полномъ научномъ порядкѣ. При такихъ условіяхъ, передача рукописнаго отдѣла библіотеки и музея Общества въ распоряженіе другихъ учрежденій представляется Коммиссіи мѣрою, которая не только вызывается матеріальною необходимостью, но и обѣщаетъ принести дѣйствительную пользу наукѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти коллекціи имѣютъ характеръ слишкомъ фрагментарный, вслѣдствіе чего самое изслѣдованіе хранящихся здѣсь памятниковъ оказывается и затруднительнымъ, и мало заманчивымъ для изыскателей. Но тѣ же предметы, будучи включены въ составъ болѣе обширныхъ собраній, получатъ новое значаніе и, безъ сомнѣнія, вскорѣ привлекутъ къ себѣ большое вниманіе научныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и изъ среды нашего Общества. Помимо составленія рукописной коллекціи и музея, Общество имѣетъ передъ собою важныя научныя задачи; а потому осуществленіе предложенія Коммиссіи можетъ только возвысить неоспоримый авторитетъ Русскаго Археологическаго Общества.

О всемъ вышеизложенномъ Ревизіонная Коммиссія имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Общества.

Совѣтъ Общества, разсмотрѣвъ замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи, имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Общаго Собранія нижеслѣдующія объясненія:

а) *По библіотекѣ Общества:*

Вполнѣ соглашаясь съ предложеніями Коммиссіи, Совѣтъ полагалъ бы просить Общее Собраніе разрѣшить изъять изъ состава библіотеки сочиненія, неимѣющія, по своему содержанію, никакого отношенія къ задачамъ Общества, а равно и дублеты и обратить ихъ въ продажу, причемъ возложить на Совѣтъ ихъ оцѣнку, а вырученныя деньги разрѣшить употребить на пополненіе библіетоки.

Относительно пополненія дефектныхъ экземпляровъ изданій разныхъ ученыхъ учрежденій и Обществъ, Совѣтъ сдѣлаетъ съ ними надлежащія сношенія.

Признавая съ своей стороны, что рукописный отдѣлъ библіотеки находится въ не совсѣмъ удовлетворительномъ и желательномъ порядкѣ и въ виду заявленія библіотекаря, что онъ никогда не занимался рукописями, Совѣтъ полагалъ бы предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи гг. членамъ Общества, не пожелаетъ-ли кто-либо изъ нихъ принять на себя трудъ разставить рукописи соотвѣтственно нумерамъ печатнаго каталога и описать тѣ рукописи, которыя поступили въ Общество послѣ печатанія каталога.

б) *По музею Общества:*

Передача коллекцій Общества въ другія учрежденія, хотя бы съ сохраненіемъ ихъ во владѣніи Общества, лишь для болѣе удобнаго пользованія ими, не представляется Совѣту желательной, такъ какъ собранія эти составлялись преимущественно путемъ пожертвованій, и передача ихъ повела бы за собой нарушеніе исполненія воли всѣхъ жертвователей и, кромѣ того, лишило бы Общество на будущее время поступленія новыхъ предметовъ, ибо лица, которыя пожелали бы подарить что-либо Обществу, оставили бы такое желаніе, узнавъ, что Общество какъ бы не дорожитъ такими предметами и передаетъ ихъ въ другія учрежденія. Съ другой стороны, въ такой передачѣ коллекцій нѣтъ въ настоящее время настоятельной необходимости, такъ какъ пользованіе ими можетъ быть, по мнѣнію Совѣта, значительно облегчено. Передача собранія Л. К. Ивановскаго врядъ-ли можетъ служить прецедентомъ для указанной передачи, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Общество распоряжалось предметами, добытыми на свои собственныя деньги, и, кромѣ того, не располагало бы достаточными средствами для надлежащаго изданія этой коллекціи.

Тѣмъ не менѣе, соглашаясь вполнѣ съ доводами Ревизіонной Коммиссіи о необходимости привести коллекціи Общества въ надлежащій порядокъ, Совѣтъ полагалъ бы предложить гг. членамъ Общества, не

пожелаетъ-ли кто-либо изъ нихъ, при содѣйствіи г. хранителя музея, составить охранный инвентарь минцъ-кабинета, и музея Общества и привести въ соотвѣтствіе нумера печатной описи музея съ нумерами предметовъ, и предложить затѣмъ г. хранителю музея продолжать веденіе такихъ инвентарей, занося въ нихъ вновь поступающіе предметы, причемъ опредѣленіе вновь поступающихъ монетъ могъ бы принять на себя кто-либо изъ членовъ Общества. Если же не оказалось бы лицъ, желающихъ произвести означенныя работы безвозмездно, то ассигновать сумму и предложить г. хранителю музея найти лицо, которое исполнило бы эту работу подъ его ближайшемъ руководствомъ.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

15) Баронъ В. Р. Розенъ довелъ до свѣдѣнія Совѣта представленіе Восточнаго Отдѣленія объ избраніи Н. Ѳ. Петровскаго въ члены-сотрудники Общества.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

16) Баронъ В. Р. Розенъ заявилъ о желаніи члена-сотрудника В. А. Жуковскаго быть переведенныхъ въ дѣйствительные члены Общества.

Постановлено: считать, на основаніи § 24 Устава, В. А. Жуковскаго дѣйствительнымъ членомъ Общества.

17) Предложены въ члены-сотрудники В. В. Бартольдъ и П. М. Меліоранскій.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта. По поводу замѣчаній Ревизіонной Коммиссіи и объясненія на нихъ Совѣта, Общее Собраніе постановило исключить изъ состава библіотеки изданія, не соотвѣтствующія по своему содержвнію кругу дѣятельности Общества, кромѣ книгъ, поступившихъ на основаніи § 25 Устава, и разрѣшило продажу какъ исключенныхъ изданій, такъ и дублетовъ для усиленія суммъ на пополненіе библіотеки. Для приведенія-же принадлежащихъ Обществу рукописей и столбцевъ въ порядокъ Собраніе предложило находящимся на лицо членамъ Общества, не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ принять на себя этотъ трудъ. В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій (по словамъ Секретаря Общества) и Н. Д. Чечулинъ изъявили готовность заняться разборомъ и описаніемъ столбцевъ и рукописей. Что же касается предложенія Ревизіонной Коммиссіи о передачѣ Музея Общества въ другое учрежденіе, то Общее Собраніе, раздѣляя возраженія Совѣта, отклонило его по существу и постановило предложить Совѣту найти лицо, которое бы привело Музей въ поря-

докъ и завело инвентарь, на что разрѣшить Совѣту сдѣлать особое ассигнованіе.

VII.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта 7-го апрѣля 1893 г.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія 3-го марта 1893 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла.

2) Отношеніе Секретаря Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича отъ 22-го марта, за № 468, съ препровожденіемъ одного экземпляра труда Его Императорскаго Высочества, предназначеннаго Великимъ Княземъ для библіотеки Общества.

Постановлено: просить Секретаря Его Высочества передать Великому Князю признательность Общества за пожертвованіе и довести объ этомъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

3) Ходатайство Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ отъ 8-го марта, за № 113, о высылкѣ недостающихъ въ библіотекѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, при каковомъ Архивѣ означенная Коммиссія состоитъ,—изданій Общества, въ обмѣнъ на изданія Коммиссіи.

Постановлено: вступить въ обмѣнъ изданіями и выслать экземпляры изданій Общества, коихъ имѣется достаточное количесто экземпляровъ.

4) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 9-го марта, за № 1053, съ запросомъ о томъ, не пожелаетъ-ли Императорское Русское Археологическое Общество соединить празднованіе пятидесятилѣтія своего существованія съ очереднымъ Археологическимъ Съѣздомъ и созвать этотъ съѣздъ въ С.-Петербургѣ, и если бы Общество не пожелало такого соединенія, то въ какое время года оно намѣрено праздновать указанный юбилей.

Постановлено: представить предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на усмотрѣніе Общаго Собранія, причемъ довести до свѣдѣнія Собранія, что Совѣтъ полагалъ бы съ своей стороны не соединять празднованія юбилея Общества съ созваніемъ Съѣзда въ С.-Петербургѣ, такъ какъ, по мнѣнію Общества, археологическіе съѣзды имѣютъ преимущественное значеніе для провинціальнаго Общества, насажденіемъ въ его средѣ интереса къ занятіямъ архео-

логіей, и что посему Совѣтъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ созвать предстоящій очередный съѣздъ внѣ Петербурга, напр., въ Твери или въ Новгородѣ. О рѣшеніи, принятомъ Общимъ Собраніемъ, увѣдомить Императорское Московское Археологическое Общество. Кромѣ того, Совѣтъ предлагаетъ Общему Собранію избрать Коммиссію для сообщенія способа празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Общества.

5) Казначей Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что объявлена конверсія $5^1/_2\%$ бумагъ, въ коихъ находятся капиталы Общества.

Постановлено: принять предлагаемыя правительствомъ условія конверсіи и обратить бумаги въ $4^1/_2\%$ облигаціи.

6) Предложены въ дѣйствительные члены Л. Н. Бенуа, Е. А. Сабанѣевъ и И. Г. Троицкій; въ члены-сотрудники В. Дерпфельдъ, Г. И. Котовъ, М. Т. Преображенскій и Я. И. Смирновъ.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ Ощемъ Собраніи.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта; касательно п. 4 постановило довести до свѣдѣнія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, что Императорское Русское Археологическое Общество предполагаетъ праздновать свой юбилей, если на то послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, отдѣльно отъ очередного съѣзда, въ виду того, что Императорское Московское Археологическое Общество созывало съѣзды большею частью въ провинціальныхъ городахъ и такимъ образомъ содѣйствовало не только пробужденію въ мѣстномъ обществѣ интереса къ мѣстнымъ древностямъ и археологіи вообще, но и возникновенію мѣстныхъ археологическихъ обществъ и архивныхъ коммиссій, которыя, благодаря инидіативѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, продолжаютъ свою полезную дѣятельность и по настоящее время. По рѣшеніи же вопроса о празднованіи пятидесятилѣтія своего существованія увѣдомить своевременно Общество.

VIII.

В. В. Сусловъ, бывшій представителемъ Общества на первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ, познакомилъ Общее Собраніе съ трудами съѣзда по археологіи.

Общее Собраніе постановило благодарить В. В. Суслова за представительство и сообщеніе.

IX.

Н. И. Веселовскій представилъ Общему Собранію предметы, приносимые Обществу въ даръ содержателемъ вольной аптеки въ г. Ташкентѣ, Іерониномъ Ивановичемъ Краузе.

Постановлено: выразить г. Краузе признательностъ Общества.

X.

Предложены въ дѣйствительные члены и члены-сотрудники лица, поименованныя въ §§ 6 и 17 протоколовъ Совѣта.

Постановлено: произвести ихъ баллотировку въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе 18-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Бычкова, присутствовали: В. Г. Боккъ, В. К. Буличъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, Д. Θ. Кобеко, М. С. Куторга, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, С. Θ. Платоновъ, князь П. А. Путятинъ, А. И. Савельевъ, А. И. Соболевскій, Н. И. Стояновскій, К. А. Сырку, П. С. Толстой, А. А. Цагарели, А. Н. Щукаревъ; гости: гг. Саккетти, Тупиковъ, Шефферъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго Общаго Собранія 20-го апрѣля.

II.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта 12-го мая 1893 г.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 7-го апрѣля 1893 года.

Доложены слѣдующія дѣла:

2) Отношеніе Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея отъ 12-го апрѣля за № 308 съ изъявленіемъ признательности за присланныя изданія Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

3) Ходатайство Московскаго Нумизматическаго Общества отъ 30-го апрѣля за № 82, объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено: войти въ обмѣнъ изданіями и выслать прежнія изданія Общества, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ.

4) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества о назначеніи депутатовъ на Виленскій Археологическій Съѣздъ.

Постановлено: предложить Общему Собранію произвести выборъ депутатовъ.

5) Ходатайство Шведской Академіи Наукъ (Kongl. Witterhets Historie och Antiquitets Akademien) о высылкѣ изданій Общества въ обмѣнъ на посылаемыя изданія Академіи.

Постановлено: выслать изданія, имѣющіяся въ достаточномъ количествѣ экземляровъ.

6) Протоколъ засѣданія Коммиссіи по изданію историко-археологическаго описанія Старо-Ладожской крѣпости 23 апрѣля 1893 года. Коммиссія занималась разсмотрѣніемъ альбома рисунковъ и плановъ Старо-Ладожской крѣпости, составленнаго Д. А. Сабанѣевымъ, и составленіемъ приблизительной смѣты по изданію описанія.

Постановлено:

1) Рисунки, изображающіе реставрированную Старо-Ладожскую крѣпость, во избѣжаніе недоразумѣній, не издавать.

2) Составить вновь планъ Старо-Ладожской крѣпости и ея деталей, по указаніямъ Н. Е. Бранденбурга.

3) Произвести снова нивеллировку полуострова, на которомъ построена крѣпость.

4) Просить Н. Е. Бранденбурга сдѣлать выборъ рисунковъ и таблицъ, подлежащихъ, по его мнѣнію, изданію и представить ихъ на утвержденіе Коммиссіи.

5) Включить въ издаваемое описаніе крѣпости также и описаніе церкви св. Георгія и просить Н. В. Покровскаго принять на себя это описаніе. Н. В. Покровскій изъявилъ на это согласіе.

6) Въ видахъ сохраненія возможно полныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи Старо-Ладожской крѣпости и церкви св. Георгія, вновь сдѣлать фотографическіе снимки съ обоихъ памятниковъ въ потребномъ количествѣ и снять кальки съ находящихся въ церкви фресокъ.

7) Просить В. В. Суслова иринять на себя надзоръ какъ за снятіемъ плановъ и нивеллировки, такъ и за работами по калькированію фресокъ и снятію фотографій. В. В. Сусловъ выразилъ свое согласіе на предложеніе Коммиссіи.

8) Составлены смѣты:

a) по подготовительнымъ къ изданію работамъ, и

b) по изданію описанія.

a) По подготовительнымъ работамъ:

1) В. В. Суслову и его помощнику за снятіе плановъ, нивеллировку и фотографію чертежа . .	1.200	р.
2) Лѣса для снятія кальки съ фресокъ	300	„
3) За снятіе кальки	350	„
	1.850	р

b) По изданію описанія.

1) Наборъ, печать 20 л. текста съ бумагой. . .	1.000	р.
2) Три таблицы фресокъ въ краскахъ	900	„
3) Двадцать фототипій	1.200	„
4) Двадцать цинкографій	600	„
5) Бумаги для таблицъ	300	„
	4.000	р.
Всего . . .	5.850	р.

Описаніе печатать въ форматѣ in 4°.

9) Выдать В. В. Суслову авансъ въ 500 р. на начало работъ.

„Подписывая настоящій протоколъ, считаю необходимымъ пояснить § 2, что, не имѣя возможности лично участвовать въ предстоящей нынѣ лѣтомъ В. В. Суслову работѣ по составленію новыхъ чертежей Старо-Ладожскаго городища, мои указанія въ данномъ случаѣ могутъ ограничиться только лишь выраженіемъ желанія, чтобы въ общихъ чертахъ составленіе новыхъ чертежей велось бы примѣнительно къ существующему атласу г. Сабанѣева, что, конечно, не исключаетъ какихъ-либо новыхъ добавленій и измѣненій, которыя затѣмъ можно будетъ ввести въ текстъ изготовляемаго мною описанія. Какъ на частность, могу указать, напр., на существенно необходимое выясненіе вышины сохранившихся развалинъ городища, именно отъ ихъ фундамента и точное нанесеніе самихъ контуровъ развалинъ (или ихъ гребней); во всемъ остальномъ дѣло придется предоставить личной опытности В. В. Суслова. Н. Бранденбургъ“.

Постановлено: Довести протоколъ до свѣдѣнія Общаго Собранія, выдать В. В. Суслову на производство работъ *пятьсотъ рублей* и на постройку лѣсовъ *триста рублей* и снестись съ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ и съ Императорскою Археологическою Коммиссіею для безпрепятственнаго производства работъ.

7) Доведено до свѣдѣнія Совѣта, что г. Помощникъ Предсѣдателя, согласно представленію В. В. Латышева, разрѣшилъ выслать г. Сысоеву дополнительную плату за собраніе эпиграфическаго матеріала изъ коллекцій И. К. Сучручана въ размѣрѣ *тридцати рублей*.

8) Представлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: Типографіи Скороходова отъ 5 мая за № 1532, за печатаніе вып. 3 и 4, тома VI Записокъ Общества на 778 р. 60 к., фототипіи Вильборга отъ 4 мая за таблицы для т. VIII Записокъ Восточнаго Отдѣленія на 145 р., г. Семевскаго на 38 р. 50 к. за составленіе Указателя къ VI тому Записокъ Общества и г. Ивановскаго за составленіе указателя къ VIII тому Трудовъ Восточнаго Отдѣленія 50 р.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

9) Согласно постановленію Общаго Собранія 20-го апрѣля, Совѣтъ ассигновалъ пятьдесятъ рублей на уплату лицу, которое приметъ на себя трудъ привести музей Общества въ порядокъ и составить инвентарь предметовъ, поступившихъ послѣ печатанія каталога.

10) Баронъ В. Р. Розенъ представилъ ходатайство члена-сотрудника Общества С. Ѳ. Ольденбурга о сношеніи Общества съ начальствомъ Императорскаго Эрмитажа для допущенія его къ занятію индо-скиѳскими монетами.

Постановлено: Просить начальство Императорскаго Эрмитажа о допущеніи С. Ѳ. Ольденбурга къ занятіямъ.

11) Произведена провѣрка книгъ казначея Общества. Книги найдены въ полномъ порядкѣ.

Протоколы Совѣта и Коммиссіи по изданію Историко-археологическаго описанія Старо-Ладожской крѣпости утверждены Общимъ Собраніемъ.

III.

Постановлено просить В. Г. Бока, Н. И. Веселовскаго и Д. Ѳ. Кобеко быть делегатами Общества на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ и въ виду выраженнаго ими согласія, увѣдомить о выборѣ ихъ Предварительный Комитетъ по устройству Виленскаго археологическаго съѣзда.

IV.

Доложено ходатайство Императорскаго Юрьевскаго университета отъ 3-го мая за № 857 о высылкѣ въ названный университетъ ру-

кописи, Обществу принадлежащей: „Краткое сказаніе и описаніе о градѣ Римѣ“, для профессора Е. Ф. Шмурло.

Постановлено: рукопись выслать.

V.

Произведены выборы въ дѣйствительные члены: Л. Н. Бенуа, Е. А. Сабанѣева, И. Г. Троицкаго; въ члены-сотрудники: В. В. Бартольда, В. Дёрпфельда, Г. И. Котова, П. М. Меліоранскаго, М. Т. Преображенскаго и Я. И. Смирнова.

Всѣ избраны единогласно.

VI.

Л. А. Саккетти прочелъ сообщеніе о музыкальной художественности древнихъ грековъ. Въ преніяхъ по поводу реферата приняли участіе А. Ѳ. Бычковъ, князь П. А. Путятинъ и П. С. Толстой.

Общее Собраніе 3-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, присутствовали: В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, баронъ С. П. Корфъ, М. С. Куторга, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Латышевъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Л. Н. Майковъ, о. К. Т. Никольскій, А. И. Покровскій, И. В. Помяловскій, С. Л. Пташицкій, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, А. А. Спицынъ, Н. И. Стояновскій, П. А. Сырку, И. Г. Троицкій, И. П. Хрущевъ, А. А. Цагарели, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ; гости гг. Крыжановскій, Миккола, Шефферъ.

I.

Секретарь Общества напомнилъ Собранію о кончинѣ Почетнаго члена Я. К. Грота и члена-сотрудника Амфилохія, епископа Углицкаго.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго Общаго Собранія 18-го мая.

III.

Доложенъ Собранію слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта 15-го сентября 1893 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 12-го мая 1893 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношеніе дѣйствительнаго члена И. Остроумова отъ 26-го марта, за № 826, съ препровожденіемъ статьи его подъ заглавіемъ „Мамаевка".

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

3) Отношеніе Архангельской Духовной Консисторіи отъ 14-го августа за № 6480, по ходатайству о. І. Сергіева, о дозволеніи разобрать ветхую деревянную церковь, находящуюся въ Сурскомъ приходѣ, Пинежскаго уѣзда, и воздвигнуть на ея мѣстѣ каменное зданіе, для церковно-приходской библіотеки.

Постановлено: на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го марта 1889 года, передать, по принадлежности, въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

4) Ходатайство крестьянина Ивана Морозова о разрѣшеніи ему продолжать начатую раскопку кургана на землѣ крестьянъ Брянскаго уѣзда, близъ села Городища, для отысканія клада, прерванную по приказанію пристава, и о возмѣщеніи понесенныхъ убытковъ.

Постановлено: на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го марта 1889 года, передать въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по принадлежности.

5) Отношеніе Императорскаго Юрьевскаго Университета отъ 8-го іюня с. г., за № 1188, съ возвращеніемъ рукописи, которая была послана по ходатайству того же Университета.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

6) Предложеніе Г. Соколова изъ города Тотьмы, отъ 20-го августа, на покупку израсцовой лежанки отъ крестьянина того же уѣзда.

Постановлено: просить свѣдѣній о цѣнѣ лежанки.

7) Предложеніе крестьянина Кильдишева изъ деревни Никитиной, Тамбовской губерніи, отъ 4-го сентября, о пріобрѣтеніи отъ него зуба мамонта.

Постановлено: предложить обратиться въ мѣстную Архивную Коммиссію.

8) Предложенія гг. Прокопенко и Георгіади на пріобрѣтеніе отъ нихъ монетъ.

Постановлено: просить выслать монеты съ указаніемъ ихъ цѣнъ.

9) Отношенія: Тверской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 11-го іюня с. г., Московскаго Нумизматическаго Общества отъ 7-го іюля, за № 90, и Балліоновской Публичной библіотеки отъ 29-го іюля, за № 96, съ изъявленіемъ благодарности за высланныя имъ изданія Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

10) Ходатайство Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 7-го мая с. г., за № 26, объ обмѣнѣ изданіями съ Обществомъ.

Постановлено: выслать послѣдній томъ Записокъ Общества и Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

11) Высочайшее повелѣніе 12-го іюля с. г., воспослѣдовавшее по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшенія Обществу употребить Высочайше дарованные 6.000 руб. для поддержанія Старо-Ладожской крѣпости на изданіе историко-археологическаго ея описанія, коимъ Государю Императору благоугодно было приказать поддержать на указанныя средства крѣпость въ настоящемъ ея видѣ.

Постановлено: передать въ Коммиссію по изданію историко-археологическаго описанія Старо-Ладожской крѣпости и довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

12) Ходатайство члена-сотрудника С. Л. Пташицкаго о разрѣшеніи ему взять изъ библіотеки рукописи за № 43, для занятій, на одинъ мѣсяцъ.

Поставлено: ходатайство уважить.

13) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета фототипіи Вильборга на 122 руб. за изготовленіе таблицъ для VII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія, и Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ на 804 р. за исполненныя въ 1892 г. таблицы для Записокъ Общества и Восточнаго Отдѣленія.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

Общее Собраніе утвердило протоколъ засѣданія Совѣта.

IV.

Предсѣдатель Медальной Коммиссіи дѣйствительный членъ Л. Н. Майковъ прочелъ выдержку изъ отзыва профессора Новороссійскаго

Университета А. И. Кирпичникова о сочинении Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ патятникахъ иконографіи“, составленнаго имъ по порученію Коммиссіи, и слѣдующій протоколъ засѣданія Медальной Коммиссіи 25-го октября 1893 года.

„Коммиссія заслушала отзывъ профессора А. И. Кирпичникова о сочиненіи Н. В. Покровскаго: „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“ и соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ рецензента, постановила: ходатайствовать передъ Общимъ Собраніемъ о присужденіи Н. В. Покровскому золотой медали“ *).

Общее Собраніе присудило закрытою баллотировкою большую золотую медаль единогласно Н. В. Покровскому за сочиненіе подъ заглавіемъ „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“ и серебряныя медали: М. Т. Преображенскому за сочиненіе подъ заглавіемъ „Памятники древне-русскаго церковнаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи“ и В. К. Мальмбергу за сочиненіе „Метопы древне-греческихъ храмовъ“—большинствомъ голосовъ.

V.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о девятомъ Виленскомъ археологичаскомъ съѣздѣ.

VI.

И. П. Хрущевъ сдѣлалъ сообщеніе о перстнѣ, найденномъ близъ Кіева.

VII.

На основаніи § 78 Устава приступлено было къ избранію пяти членовъ Коммиссіи для присужденія медалей Общества.

Избранными оказались: Н. И. Веселевскій, какъ получившій большее число голосовъ—предсѣдателемъ ея; членами: В. Г. Васильевскій, В. В. Латышевъ, Л. Н. Майковъ и баронъ В. Р. Розенъ.

VIII.

Предложены въ дѣйствительные члены: Директоръ Музея въ Спалато Францискъ Буличъ и профессоръ Новороссійскаго Университета А. И. Кирпичниковъ, оба съ освобожденіемъ отъ членскихъ взносовъ по § 22 Устава; въ члены-сотрудники: русскіе—А. Г. Туманскій; въ иностранные—Лука Еличъ, Помощникъ Директора Музея въ Спалато.

Постановлено: произвести выборы въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи.

*) Третье приложеніе къ протоколамъ.

Общее Собраніе 21-го декабря.

Подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Константиновича, при Помощникѣ Предсѣдателя А. Ѳ. Бычковѣ, присутствовали: Н. И. Барсовъ, Ѳ. А. Браунъ, В. Г. Васильевскій, В. А. Жуковскій, Е. Е. Замысловскій, Баронъ С. П. Корфъ, Г. И. Котовъ, М. С. Куторга, В. В. Латышевъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, С. Ѳ. Платоновъ, А. В. Половцевъ, князь П. А. Путятинъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, В. В. Сусловъ, П. А. Сырку; гости: А. А. Кочубинскій, А. Н. Новоскольцевъ.

I.

С. Ѳ. Платоновъ прочелъ составленный Н. И. Барсовымъ некрологъ скончавшагося дѣйствительнаго члена Общества И. А. Чистовича.

„3-го сего ноября скончался нашъ сочленъ И. А. Чистовичъ. Покойный былъ сынъ дьякона Калужской губерніи, родился въ 1828 г. и первоначальное образованье получилъ въ Калужской Духовной Семинаріи. Не менѣе даровитый, чѣмъ его старшій братъ, Яковъ Алексѣевичъ (извѣстный авторъ „Исторіи медицины въ Россіи“), Иларіонъ Алексѣевичъ, по назначенію семинарскаго начальства, поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, по окончаніи курса въ которой, въ 1851 году, вторымъ магистромъ, былъ оставленъ при Академіи въ должности баккалавра по каѳедрѣ русской исторіи. Въ 1853 г. онъ былъ перемѣщенъ на вторую каѳедру философіи въ Академіи, замѣнивъ извѣстнаго А. А. Фишера, который былъ профессоромъ философіи одновременно въ Академіи и въ Университетѣ; эту каѳедру И. А. занималъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, до 1873 года. Иларіонъ Алексѣевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ Академіи, и его лекціи всегда усердно посѣщались студентами. Предметомъ его чтеній были главнымъ образомъ „Опытная психологія“ и „Исторія новой философіи“, при чемъ И. А. всегда старался держаться на современномъ уровнѣ науки. Такъ, напримѣръ, въ 1859—1863 годахъ онъ читалъ психологію по Бенеке, а исторію философіи по Куно-Фишеру. Съ 1866 года по 1882 г. И. А. преподавалъ логику и психологію въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Оставивъ въ 1873 г. долж-

ность профессора Духовной Академіи, И. А. перешелъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ занялъ должность управляющаго канцеляріей Министерства по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія. Въ 1875 г. онъ снова возвратился на службу въ вѣдомство Синода, занявъ должность вице-директора канцеляріи Оберъ-Прокурора. Въ 1881 г. И. А. состоялъ членомъ учрежденной при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Коммиссіи для обсужденія вопросовъ о воспитаніи славянскихъ уроженцевъ въ Россіи; въ 1883 г. былъ назначенъ членомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ на службѣ при Синодѣ; въ 1886 г. —делегатомъ въ особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве по вопросу о мѣрахъ огражденія бывшихъ уніатовъ Привислянскаго края. Въ 1888 г. И. А. занялъ отвѣтственный постъ управляющаго Контролемъ при Св. Синодѣ; съ 1866 г. И. А. состоялъ членомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

Несмотря на такое обиліе должностей, которыя занималъ И. А. во вторую половину своей жизни, главнымъ предметомъ его дѣятельности въ продолженіе всей его жизни были наука и литература, и послѣ своей смерти онъ оставилъ весьма почтенный итогъ ученыхъ работъ, которыя, соотвѣтственно двумъ его академическимъ спеціальностямъ, дѣлятся на двѣ группы: 1) сочиненія по философіи и 2) сочиненія и изслѣдованія по русской исторіи. По философіи заслуживаютъ полнаго вниманія слѣдующія его работы: 1) „Объ отношеніи между философіей и христіанствомъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г.); 2) „Объ отношеніи между философіей и христіанствомъ въ первые три вѣка“ (Хр. Чтеніе 1854 г.); 3) „Неоплатоническая философія и ея отношеніе къ христіанству“ (Хр. Чтеніе 1860 г.); 4) „Естественное богословіе“ (Хр. Чтеніе 1863 г.); 5) „Происхожденіе и безсмертіе души“ (Хр. Чтеніе 1864 г.); 6) „Древне-греческій міръ и христіанство“ (докторская диссертація, изданная отдѣльною книгою въ 1872 г.); 7) „Курсъ опытной психологіи“, доселѣ служащій учебникомъ для духовныхъ семинарій (удостоенъ полной преміи митрополита Макарія). По русской исторіи сочиненій И. А. больше и они болѣе извѣстны въ литературѣ. Причисленный къ Государственной Канцеляріи, И. А. работалъ много въ Государственномъ архивѣ и архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но главный матеріалъ для его историческихъ работъ далъ ему архивъ Синодальный, который былъ предоставленъ ему въ полное распоряженіе, неисключая и секретнаго отдѣленія, благодаря его близкимъ родственнымъ отношеніямъ съ членомъ Св. Си-

нода, протопресвитеромъ В. Б. Бажановымъ (И. А. былъ его зятемъ). На основанiи матерiаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ Синодальнаго и Государственнаго, составилась его обширная монографiя „Θеофанъ Прокоповичъ и его время"—громадный томъ, изданный въ 1868 г. Академiей Наукъ и увѣнчанный ею двумя премiями—Демидовской и Уваровской. Около этого капитальнаго труда группируются церковно-историческiя монографiи меньшей величины, напечатанныя въ „Православн. Обозрѣнiи", „Христiан. Чтенiи" и „Чтенiяхъ" Московскаго Общества исторiи и древностей, „Странникѣ", „Духѣ Христiанина" и др. Сюда относятся: 1) „Исторiя перевода Библiи на русскiй языкъ" (Хр. Чт.) „Исправленiе Библiи предъ изданiемъ 1751 г." (Прав: Обозр.), „Митрополитъ Iовъ и его переписка" (въ Странникѣ), „Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго" (Хр. Чт.), „Разборъ первыхъ томовъ исторiи русской церкви митрополита Макарiя" и „Обзора русской духовной литературы архiеп. Филарета" (въ Извѣстiяхъ II отд. Имп. Акад. Наукъ), „Труды Iакова Блонницкаго и Славянская грамматика Iустина Вишневскаго" (въ Извѣст. II отд.), „Арсенiй Мацѣевичъ и его дѣло"—первое по времени изслѣдованiе о знаменитомъ митрополитѣ Ростовскомъ, составленное на основанiи, между прочимъ, данныхъ секретнаго архива Св. Синода (въ „Днѣ" И. С. Аксакова): „Процессъ по дѣлу объ учрежденiи типографiи при Кiевской митрополiи", „Проектъ изданiя русскихъ лѣтописей 1734 г.", „Показанiя игумена Симона о прiѣздахъ царицы Евдокiи въ Кузьминъ монастырь", „Переписка малороссiйскаго полковника Новицкаго", „Матерiалы для бiографiи И. И. Бецкаго", „Iона Салникѣевъ", „Опроверженiе Θеофилактовыхъ примѣчанiй на Ансильона", „Монахъ Зварыкинъ", „Рѣтиловское дѣло", „Митрополитъ Амвросiй Подобѣдовъ" и др. Особо отъ этого ряда церковно-историческихъ монографiй стоятъ его „Исторiя С.-Петербургской Духовной Академiи" (1887 г.) и „С.-Петербургская Духовная Академiя за послѣднiя 30 лѣтъ" (1889 г.); оба эти сочиненiя удостоены премiй, Демидовской и Уваровской, Имп. Академiй Наукъ и цѣнны, какъ собранiе матерiала не только для духовнаго образованiя но, и для образованiя въ Россiи вообще. Заслуживаютъ упоминанiя нѣкоторыя его статьи по общей церковной исторiи: „Оригенъ и Кипрiанъ" (Хр. Чт. 1865 г.), „Иконоборство и римскiе папы", „Письма Василiя Великаго", „Первый вѣкъ христiанства въ писанiяхъ мужей апостольскихъ", „Благочестивыя матери христiанки" и др., а также статьи нравоучительнаго содержанiя: „Съ какими расположенiями должны мы встрѣчать перемѣну въ жизни", „О прямотѣ и искренности характера",

„О достоинствѣ труда и дѣятельной жизни“, „Обязанность трудиться для общаго блага и блага потомства“ и др. Кромѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, И. А. былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей, С.-Петербургскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета, Синодальной Архивной Коммиссіи, членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ и другихъ ученыхъ обществъ“.

Общее Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ съ своихъ мѣстъ.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго Общаго Собранія 3-го ноября 1893 г.

III.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта отъ 10-го декабря 1893 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 15-го сентября 1893 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношеніе Канцеляріи испанскаго консула въ С.-Петербургѣ отъ 15-го октября, съ увѣдомленіемъ о предстоящей международной выставкѣ въ Мадридѣ въ 1894 году.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

3) Ходатайство Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества отъ 27-го октября, за № 1354, о присылкѣ извѣщеній о публичныхъ засѣданіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Постановлено: увѣдомить Общество, что всѣ засѣданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества закрыты для публики.

4) Ходатайство Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 26-го октября, за № 298, о высылкѣ ему, въ обмѣнъ на изданія Комитета „Трудовъ 2-го Археологическаго Съѣзда“ и „Записокъ Общества“.

Постановлено: выслать труды Съѣзда, „Записки новой серіи“ съ 1-го тома и впредь высылать Записки.

5) Ходатайство Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 2-го декабря, за № 2367, о высылкѣ для библіотеки его экземпляра Трудовъ 2-го Археологическаго Съѣзда.

Постановлено выслать.

6) Ходатайство Севастопольской морской офицерской библіотеки отъ 2-го декабря, за № 454, о пополнении ея изданіями Общества.

Постановлено: выслать изданія, коихъ имѣется достаточное количество экземпляровъ.

7) Увѣдомленіе смотрителя Тотемскаго духовнаго училища отъ 20-го октября, за № 298, о томъ, что владѣлецъ израсцовой печи, крестьянинъ Летуновъ, готовъ уступить ее за 100 руб.

Постановлено: предложить Императорскому Обществу поощренія художествъ пріобрѣсти печь для Музея.

8) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 30-го ноября за № 2337, о командированіи делегатовъ на засѣданія предварительнаго Комитета X-го Археологическаго Съѣзда.

Постановлено: предложить Общему Собранію избрать делегатовъ.

9) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что, по распоряженію г. Помощника Предсѣдателя, для поздравленія Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ въ день исполнившагося 50-лѣтія со дня ея основанія, была послана слѣдующая телеграмма:

„Императорское Русское Археологическое Общество шлетъ свой сердечный привѣтъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ въ годовщину исполнившейся полувѣковой ея дѣятельности и желаетъ ей дальнѣйшаго преуспѣянія на пользу исторической науки“.

10) И. В. Помяловскій внесъ предложеніе печатать статьи по классической и византійской археологіи, кромѣ Записокъ, также и отдѣльными оттисками, которые пускать въ свѣтъ отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ „Труды Отдѣленія Археологіи Классической и Византійской“.

Постановлено: печатать триста экземпляровъ Трудовъ.

11) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: Типографіи Императорской Академіи Наукъ отъ 27-го октября, за № 152, на 668 р. 90 к. за печатаніе вв. 1 и 2 VIII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія и цинкографіи Кройса (два счета) за клише для Записокъ Общества на 111 р. 22 к.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

12) Секретарь представилъ алфавитный указатель дѣламъ Общества, составленный, по его порученію, П. Г. Григорьевымъ.

Постановлено: предложить Общему Собранію назначить П. Г. Григорьеву изъ остатковъ по исполненію смѣтъ 1893 г. сто двадцать пять руб. (125 р.).

13) Письмо Г. Булича отъ 13-го сентября съ препровожденіемъ изданій Археологическаго Музея въ Спалато.

Постановлено: выслать въ Музей изданія Общества, имѣющіяся въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

14) Составленъ проектъ смѣты на 1894 г.

А) По приходу:

		Руб.	К.
1.	Субсидіи Министерства Народнаго Просвѣщенія . . .	5.000	—
2.	% на капиталъ Общества	1.015	92
3,	Выручка отъ продажи изданій	205	—
4.	Членскихъ взносовъ	130	—
	Итого .	6.350	92

Б) По расходу:

1.	Секретарю на канцелярію	900	—
2.	Ему же на мелочные расходы	200	—
3.	Казначею на расходы по должности	75	—
4.	Вознагражденіе библіотекарю	240	—
5.	На медали	250	—
6.	На библіотеку	125	—
7.	На изданіе Трудовъ Восточнаго Отдѣленія	750	—
8,	На изданіе Записокъ Восточнаго Отдѣленія. . . .	1.400	—
9.	На изданіе Записокъ Общества.	1.900	—
10)	На изданіе описанія Старо-Ладожской крѣпости . .	510	—
	Итого .	6.350	—

Постановлено: представить на утвержденіе Общаго Собранія.

15) Предложены: въ дѣйствительные члены В. Б. Антоновичъ, съ освобожденіемъ отъ уплаты членскихъ взносовъ, и члены-сотрудники: Н. Ф. Катановъ, П. К. Коковцевъ, А. П. Сапуновъ и Е. С. Такай-Швили, въ иностранные члены Общества профессоръ Пичъ въ Прагѣ.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Вслѣдствіе заявленія г. казначея о томъ, что сумма процентныхъ денегъ была имъ неправильно исчислена (вмѣсто 1.015 руб. нужно 993 р. 92 к.), сумма эта и статья отъ продажи изданій замѣнены красными чернилами (ст. 2—993 р. 92 к.; ст. 3—227 р.).

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта и составленный Совѣтомъ проектъ смѣты на 1894 г.

IV.

Приступлено къ избранію трехъ членовъ Ревизіонной Коммиссіи; избранными оказались В. В. Латышевъ, С. Ѳ. Платоновъ, получившіе по 6 голосовъ, и Л. Н. Майковъ, получившій 5 голосовъ.

V.

Приступлено къ избранію семи членовъ Коммиссіи по присужденію медали графа А. С. Уварова. Избранными оказались баронъ В. Р. Розенъ—предсѣдателемъ ея, какъ получившій большее число голосовъ, членами: В. Г. Васильевскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Латышевъ, Л. Н. Майковъ, С. Ѳ. Платоновъ, И. В. Помяловскій.

VI.

Приступлено къ избранію депутатовъ Общества на засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. Избранными оказались: Н. И. Веселовскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, С. Ѳ Платоновъ.

VII.

Приступлено къ избранію лицъ, предложенныхъ въ послѣднемъ Общемъ Собраніи въ дѣйствительные члены и члены-сотрудники. Избранными оказались въ дѣйствительные члены: А. И. Кирпичниковъ единогласно и Г. Буличъ большинствомъ голосовъ, оба съ освобожденіемъ отъ уплаты членскихъ взносовъ на основаніи § 22 Устава; въ члены-сотрудники г. Еличъ и А. Г. Туманскій—большинствомъ голосовъ.

VIII.

В. В. Сусловъ сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ, по порученію Общества, въ теченіи лѣта 1893 г. изслѣдованіяхъ Старо-Ладожской крѣпости и церкви св. Георгія, причемъ представилъ Общему Собранію сдѣланныя подъ его наблюденіемъ копіи съ фресокъ, находящихся въ поименованной церкви.

IX.

Предложены въ дѣйствительные члены и члены-сотрудники лица, поименованныя въ § 15 протокола Совѣта.

Постановлено произвести выборы въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Засѣданіе Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи 5-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, присутствовали: Н. И. Барсовъ, В. Ю. Бокъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, баронъ С. П. Корфъ, В. И. Ламанскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Х. М. Лопаревъ, о. К. Т. Никольскій, А. В. Половцевъ, С. Л. Пташицкій, А. Н. Пыпинъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, А. И. Соболевскій, П. А. Сырку, А. А. Цагарели; гости: г-жа Половцева и гг. Волковъ и Константиновичъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

В. И. Ламанскій прочелъ рефератъ: Новый документъ о Константинѣ-Философѣ.

III.

А. В. Половцевъ прочелъ сообщеніе: Столица гетмановъ—Батуринъ, его прошлое и его памятники. По поводу сообщенія А. В. Половцева секретаремъ доложено заявленіе дѣйствительнаго члена Общества А. И. Савельева о томъ, что въ храмѣ Перваго Кадетскаго Корпуса находятся нѣсколько Евангелій XVII ст., принадлежавшихъ Мазепѣ. Одно изъ нихъ обложено серебромъ съ изображеніемъ сверху Распятія Спасителя и четырехъ Евангелистовъ, снизу—образъ Покрова Пресвятой Богородицы. Евангеліе напечатано во Львовѣ 1644 г. На этомъ Евангеліи стариннымъ почеркомъ написано, что пожертвовано оно Гавріиломъ Клеоповымъ въ храмъ Св. Василія, принадлежавшій польскому кн. Вишневецкому, что потомъ Евангеліе досталось Мазепѣ, было съ нимъ въ Полтавскомъ сраженіи и пріобрѣтено княземъ Меншиковымъ, какъ военная добыча, послѣ бѣгства Мазепы. Кромѣ этого Евангелія, въ томъ же храмѣ Перваго Кадетскаго Корпуса, другія Евангелія, тоже принадлежавшія Мазепѣ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщена весьма характерная надпись: „проклятію предается тотъ, кто похититъ сіе Евангеліе“. Наконецъ, въ числѣ старинной

утвари, тамъ же, находится серебряный Крестъ, на оборотѣ котораго надпись: „Сей Святый Крестъ сооруженъ до церкви запорожцевъ Покрова Пресв. Богородицы за душу покойнаго Григорія Сагайдашнаго товарища Куреня Роговскаго ... року Божьяго 1698 г., м. Іюля 1-го". По прочтеніи заявленія А. И. Савельева, А. С. Лаппо-Данилевскій замѣтилъ референту, что г. Батуринъ, судя по новымъ даннымъ, недавно собраннымъ г. Лазаревскимъ по исторіи этого города въ Чтеніяхъ Общества Нестора лѣтописца, основанъ былъ не Стефаномъ Баторіемъ, какъ это утверждалъ А. В. Половцовъ, а въ силу грамоты короля Сигизмунда III-го, данной въ 1625 г., распорядителю лѣвобережныхъ имѣній Александра Пясочинскаго Матвѣю Стахорскому.

Засѣданіе того же Отдѣленія 31-го марта.

(Въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммиссіи).

Подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, присутствовали: Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Г. П. Алексѣевъ, Н. И. Барсовъ, В. В. Бартольдъ, С. К. Буличъ, А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, К. Г. Залеманъ, И. К. Зинченко, Д. Ѳ. Кобеко, А. В. Комаровъ, И. П. Корниловъ, баронъ С. П. Корфъ, М. С. Куторга, А. С. Лаппо-Данилевскій, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Л. Н. Майковъ, А. В. Половцевъ, С. Л. Пташицкій, В. В. Радловъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, А. И. Савельевъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, С. П. Толстой, И. П. Хрущевъ, А. А. Цагарели, Н. Д. Чечулинъ, А. Ѳ. Энманнъ, В. К. Ернштедтъ; гость М. В. Никольскій.

I.

Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи, графъ А. А. Бобринской, привѣтствовалъ членовъ Общества, собравшихся въ помѣщеніи Археологической Коммиссіи для осмотра древностей, добытыхъ ею въ 1892 году.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

III.

А. А. Спицынъ ознакомилъ Собраніе съ результатами раскопокъ, произведенныхъ членами Коммиссіи и посторонними лицами по ея порученію въ губ.: Витебской, Кіевской, Пензенской, Пермской, Рязанской, С.-Петербургской и Тамбовской въ 1892 году.

IV.

Н. Я. Марръ далъ нѣсколько разъясненій касательно христіанскихъ древностей: стѣнописи XII вѣка, архитектурной орнаментики того же времени и надписей VII—XII в., добытыхъ Археологическою Коммиссіею въ 1892 г. въ Арменіи.

V.

В. В. Радловъ высказалъ нѣсколько замѣчаній о бронзовыхъ и костяныхъ предметахъ, найденныхъ въ Сибири въ 1892 году.

VI.

Н. И. Веселовскій далъ надлежащія объясненія греческихъ и варварскихъ древностей, найденныхъ имъ при раскопкѣ кургановъ подлѣ Керчи, Симферополя и Херсониса въ 1892 году, а также сообщилъ свѣдѣнія о предметахъ, найденныхъ случайно и доставленныхъ въ Коммиссію въ томъ же году.

Засѣданіе того же Отдѣленія 15-го апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, присутствовали: С. К. Буличъ, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, Е. Е. Замысловскій, М. С. Куторга, А. С. Лаппо-Данилевскій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. Ѳ. Семеновъ, П. А. Сырку, П. С. Толстой; гость: князь Э. Э. Ухтомскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Въ виду отсутствія А. А. Спицына, рефератъ его о „Мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в.“ прочитанъ былъ секретаремъ Отдѣленія, А. С. Лаппо-Данилевскимъ. По прочтеніи сообщенія А. А. Синицына, Е. Е. Замысловскій обратилъ вниманіе на положеніе костяковъ въ мордовскихъ и мерянскихъ могилахъ. А. С.

Лаппо-Данилевскій, возражая противъ нѣкоторыхъ изъ методологическихъ замѣчаній, высказанныхъ въ рефератѣ, попытался объяснить перемѣны, происходившія въ погребальной обстановкѣ мордовскихъ могилъ IX—XVII в.в. различными условіями, въ какія поставлена была жизнь мордовскихъ племенъ за означенный промежутокъ времени.

III.

Князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о „Пещерныхъ жителяхъ Южной Европы", причемъ иллюстрировалъ это сообщеніе многочисленными образчиками первобытныхъ каменныхъ издѣлій.

Засѣданіе того Отдѣленія 26-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, присутствовали: Ѳ. А. Браунъ, Э. А. Вольтеръ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Х. М. Лопаревъ, С. Ѳ. Платоновъ, А. И. Покровскій, князь П. А. Путятинъ, А. И. Савельевъ, А. Ѳ. Семеновъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, С. П. Толстой, П. А. Сырку, Н. Д. Чечулинъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

На основаніи § 56 Устава приступлено было къ избранію Секретаря Отдѣленія. Избраннымъ большинствомъ голосовъ оказался А. С. Лаппо-Данилевскій.

III.

На основаніи § 33 Устава приступлено было къ избранію члена Совѣта отъ Отдѣленія. Избраннымъ большинствомъ голосовъ оказался Н. И. Веселовскій.

IV.

С. М. Середонинъ прочиталъ сообщеніе: къ вопросу о прародинѣ славянъ (по поводу новаго сочиненія г. Пича). Сообщеніе С. М. Середонина вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны А. А.

Спицына, графа А. А. Бобринскаго и Ѳ. А. Брауна. А. А. Спицынъ указалъ на распространеніе „славянскихъ“ головныхъ украшеній въ восточной Пруссіи и западной Россіи, а также трупосожженія въ глиняныхъ сосудахъ вплоть до Днѣстра, ссылался на археологическія свидѣтельства въ пользу пребыванія готовъ у Азовскаго моря въ древнѣйшее время и настаивалъ на важномъ значеніи археологическихъ признаковъ для разрѣшенія этнологическихъ вопросовъ. Графъ Бобринской замѣтилъ, что трупосожженіе также встрѣчается по берегамъ Днѣпра и обратилъ вниманіе на извѣстную степень преемственности, какую можно наблюдать между культурами скиѳской и славянской. Ѳ. А. Браунъ вмѣстѣ съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ не считалъ возможнымъ приписывать рѣшающее значеніе археологическихъ данныхъ въ вопросахъ этнологическихъ и утверждать пребываніе готовъ въ древнѣйшее время (до начала III в. по Р. Х.) въ области Приазовья, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній по этой части. Теоріи Пича, по мнѣнію Ѳ. А. Брауна, противорѣчатъ многія соображенія, какъ, напримѣръ, германское происхожденіе географическихъ названій въ системахъ рр. Одера и Эльбы, географическая связь между языками населенія, обитавшаго въ предѣлахъ этихъ системъ и расположеніе славянскихъ народностей на востокѣ отъ германскихъ въ Европѣ.

V.

Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о греческой печати съ именемъ русской княгини.

VI.

По предложенію г. предсѣдателя Отдѣленія постановлено: представить г. Пича въ члены Общества отъ Русскаго Отдѣленія.

Засѣданіе Отдѣленія Археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской 29-го января.

Подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, присутствовали: С. К. Буличъ, А. Ѳ. Бычковъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, баронъ Корфъ, М. С. Куторга, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. М. Лисовскій, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, А. А. Павловскій, А. И. Покровскій, А. Ѳ. Се-

меновъ, А. Н. Щукаревъ и, въ качествѣ гостей, профессора Консерваторіи: Бернгардъ, Іогансенъ, Саккетти и Фанарка.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданіи 20-го ноября 1892 г.

II.

Дѣйствительный членъ А. С. Лаппо-Данилевскій прочелъ составленный имъ по порученію Отдѣленія отзывъ о сборникѣ статей и замѣтокъ, присланномъ г.г. Рѣдинымъ и Айналовымъ для напечатанія въ „Запискахъ“ Общества. Признавая большинство статей г.г. Рѣдина и Айналова къ помѣщенію въ „Запискахъ“ неудобнымъ, между прочимъ, въ виду довольно значительной стоимости воспроизведенія снимковъ, которые составляли бы наиболѣе важную часть труда, А. С. Лаппо-Данилевскій нашелъ однако возможнымъ рекомендовать Отдѣленію напечатать одну изъ статей, именно описаніе арабскаго Евангелія, хранящагося въ Миланѣ. Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній А. Ѳ. Бычкова, графа А. А. Бобринскаго и другихъ, Отдѣленіе, соглашаясь съ мнѣніемъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, постановило предложить г.г. Рѣдину и Айналову напечатаась описаніе помянутаго Евангелія, съ тѣмъ, чтобы авторы представили фотографическій снимокъ съ послѣдняго листа Евангелія.

III.

Членъ-сотрудникъ С. К. Буличъ сдѣлалъ докладъ о „Новооткрытыхъ памятникахъ аптичной музыки“.

Засѣданіе того же Отдѣленія 12-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, присутствовали: А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Бокъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. Ѳ. Семеновъ, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ, и гость: С. А. Селивановъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 29-го января 1893 г.

II.

Доложено слѣдующее заявленіе почетнаго члена И. В. Помяловскаго.

„Милостивый государь, Викторъ Карловичъ.

„Извѣстившись о томъ, что въ послѣднемъ засѣданіи западно-классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, засѣданіи, на которомъ я не имѣлъ возможности присутствовать, былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о печатаніи въ „Запискахъ“ Общества сборника замѣтокъ г.г. Рѣдина и Айналова о различныхъ памятникахъ искусства, видѣнныхъ и описанныхъ ими во время ихъ заграничнаго путешествія, не могу выразить моего глубокаго сожалѣнія о такомъ рѣшеніи: я, предварительно сообщенія замѣтокъ этихъ въ Отдѣленіе, имѣлъ случай ихъ просмотрѣть и убѣдиться, что онѣ заслуживаютъ вниманія и публикаціи, такъ какъ знакомятъ читателей съ рядомъ памятниковъ не изданныхъ, но заслуживающихъ вниманія археологовъ. Замѣтки эти не претендуютъ на исчерпывающее изъясненіе сюжетовъ, трактуемыхъ въ памятникахъ, но вполнѣ достаточны для того, чтобы указать на ихъ важность и дать возможность съ ними ознакомиться. Очень жалѣю, что Отдѣленіе лишило Общество возможности украсить „Записки“ рядомъ этихъ интересныхъ данныхъ, и потому рѣшаюсь усердно просить Васъ (самъ я быть въ засѣданіи не могу) доложить Отдѣленію эти строки, на случай, что оно, быть можетъ, измѣнитъ свой прежній суровый приговоръ и дозволитъ спеціалистамъ насладиться тѣми важными памятниками, которые представлены г.г. Рѣдинымъ и Айналовымъ и которые, съ удовольствіемъ и благодарностью были бы приняты въ любой западный археологическій сборникъ.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. И. Помяловскій“.

10 февраля 1893 г.

P. S. Смѣю надѣяться, что вы не откажете помѣстить настоящее мое заявленіе въ протоколъ засѣданія Отдѣленія.

По этому поводу Отдѣленіе, сожалѣя о томъ, что И. В. Помяловскій не присутствовалъ въ засѣданіи 29-го января и не представилъ своевременно данныхъ для рѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ вопроса о печатаніи въ „Запискахъ“ Общества труда г.г. Рѣдина и Айналова, постановило, согласно желанію И. В. Помяловскаго, помѣстить его заявленіе въ протоколѣ засѣданія 12-го сего февраля.

III.

Дѣйствительный членъ А. К. Марковъ сообщилъ „Нумизматическій комментарій на одно мѣсто Лукана (Bell. cio I 380)“.

IV.

Б. А. Тураевъ сдѣлалъ докладъ о народѣ Кефтъ въ египетскихъ памятникахъ.

Засѣданія того же Отдѣленія 26-го февраля.

Подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, присутствовали: В. Г. Бокъ, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, М. С. Куторга, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, А. И. Покровскій, А. Ѳ. Семеновъ, Я. И. Смирновъ, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 12-го февраля сего года.

II.

Заслушано слѣдующее заявленіе дѣйствительнаго члена графа И. И. Толстого, изложенное въ формѣ письма отъ 13-го февраля къ секретарю Отдѣленія.

„Милостивый государь Викторъ Карловичъ!

„Освѣдомившись о томъ, что И. В. Помяловскій нашелъ нужнымъ обратиться къ вамъ съ оффиціальнымъ письмомъ по поводу судьбы, постигшей статьи г.г. Айналова и Рѣдина, представленныя ими въ Императорское Русское Археологическое Общество для напечатанія, чувствую себя обязаннымъ высказаться по вопросу, къ которому я оказался, помимо своей воли, примѣшаннымъ.

„Дѣло въ томъ, что въ концѣ истекшаго года, ко мнѣ обратился одинъ изъ членовъ Общества съ просьбою высказать свое мнѣніе по вопросу о достоинствахъ упомянутыхъ статей. Въ виду того, что о статьяхъ г.г. Айналова и Рѣдина мною данъ былъ одобрительный отзывъ, нынѣ же оказывается, что онѣ возвращены въ рукописи авторамъ, я считаю нужнымъ возстановить хотя бы общій смыслъ моего словеснаго отзыва. Я выразилъ мнѣніе:

„1) что статьи касаются области археологіи, слишкомъ мало знакомой въ Россіи, хотя и представляющей глубокій интересъ именно для русской публики;

„2) что хотя статьи не представляютъ собою подробныхъ науч-

ныхъ изслѣдованій, имѣя скорѣе описательный характеръ, тѣмъ не менѣе имѣютъ крупныя научныя достоинства, въ виду точности описанія разсматриваемыхъ въ нихъ предметовъ древности, подкрѣпленнаго вполнѣ достаточно учеными ссылками и сопоставленіями, и

„3) что описанные авторомъ предметы отчасти не изданы, отчасти описаны подробнѣе, или въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ въ ученой литературѣ.

„Поэтому я полагалъ, что статьи слѣдуетъ напечатать, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ небольшихъ замѣтокъ о Сассанидскихъ блюдахъ, причемъ мною высказано было мнѣніе, что, въ случаѣ напечатанія ихъ подъ-рядъ, слѣдовало бы просить авторовъ написать небольшое къ нимъ введеніе, или же печатать ихъ, по мѣрѣ удобства для Общества отдѣльными статьями.

„Въ виду произнесеннаго Отдѣленіемъ приговора, имѣю честь просить васъ не отказать въ присоединеніи настоящаго моего письма къ заявленію И. В. Помяловскаго, въ качествѣ дополнительнаго къ этому заявленію документа.

„Прошу васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности. Графъ И. Толстой".

По этому поводу Отдѣленіе рѣшило, согласно изъявленному д. чл. гр. И. И. Толстымъ желанію, внести его заявленіе въ протоколъ настоящаго засѣданія.

III.

А. Ѳ. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о греческой надписи, представляющей собою формулу „присяги Херсонисцевъ" и изданной В. В. Латышевымъ въ 9-мъ выпускѣ „Матеріаловъ по Археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею". По этому поводу д. чл. В. К. Ернштедтъ сообщилъ поправку къ изданной тамъ же Херсонисской надписи 1183 года по Р. Х.

IV.

Членъ-сотрудникъ А. И. Покровскій прочелъ рефератъ объ „археологическихъ и топографическихъ данныхъ въ Ἀθηναίων Πολιτεαί Аристотеля".

Засѣданіе того же Отдѣленія 19-го марта.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, присутствовали: В. Г. Бокъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К.

Ерштедтъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, Г. Е. Кизерицкій, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, А. И. Покровскій, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ и гость С. Селивановъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 26-го февраля сего года.

II.

Дѣйствительный членъ Г. Е. Кизерицкій сдѣлалъ докладъ о „Сибирскихъ древностяхъ временъ Петра Великаго".

III.

Членъ-сотрудникъ А. Ѳ. Энманъ прочелъ рефератъ объ „именахъ „Эллины" и „Эллада".

Засѣданіе того же Отдѣленія 8-го апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, присутствовали: А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, С. А. Жебелевъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, В. К. Ернштедтъ, Ю. Б. Иверсенъ, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, о. К. Никольскій, А. И. Покровскій, И. В. Помяловскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, А. Ѳ. Семеновъ, А. А. Цагарели, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 19-го марта сего года.

II.

Почетный членъ И. В. Помяловскій прочелъ рефератъ о „Путешествіи въ Палестину св. Виллибальда (VIII в.)".

III.

Дѣйствительный членъ А. Н. Щукаревъ сдѣлалъ докладъ о „греческихъ надписяхъ, найденныхъ г. Лишинымъ на Ѳракійскомъ побережьи Эгейскаго моря".

Засѣданіе того же Отдѣленія 29-го апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, присутствовали: В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружи-

нинъ, В. К. Ерnштедтъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. П. Корниловъ, А. К. Марковъ, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, А. И. Соболевскій, П. А. Сырку, П. С. Толстой, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 8-го апрѣля сего года.

II.

Дѣйствительный членъ В. Г. Васильевскій сдѣлалъ докладъ о „севастократориссѣ Иринѣ“.

III.

Дѣйствительный членъ В. Г. Бокъ прочелъ рефератъ „объ одномъ коптскомъ сосудѣ, со введеніемъ о коптскомъ искусствѣ вообще“.

IV.

Дѣйствительный членъ А. К. Марковъ представилъ отзывъ о сочиненіи профессора Ричарда Шерцля „о римскомъ монетномъ дѣлѣ“.

Засѣданіе того же Отдѣленія 13-го мая.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, присутствовали: В. Г. Васильевскій, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, К. Г. Залеманъ, М. С. Куторга, А. К. Марковъ, князь П. А. Путятинъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 29-го апрѣля.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ Н. И. Стояновскій объявилъ, что слагаетъ съ себя званіе Управляющаго Отдѣленіемъ, находя, что множество другихъ, служебныхъ занятій не позволяютъ ему посвящать Обществу столько времени, сколько онъ самъ желалъ бы посвящать ему и сколько требуется по должности Управляющаго Отдѣленіемъ. При этомъ И. И. Стояновскій указалъ, какъ на прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ кандидата на этотъ постъ, на почетнаго члена И. В. Помяловскаго. Отдѣленіе, выразивъ свое сожалѣніе по поводу оставленія Н. И. Стояновскимъ поста, который онъ занималъ въ теченіи 19 лѣтъ, единогласно избрало управляющимъ своимъ И. В.

Помяловскаго, о чемъ постановлено довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

III.

Секретарь Отдѣленія обратилъ вниманіе Отдѣленія на то, что съ избраніемъ И. В. Помяловскаго управляющимъ Отдѣленіемъ становится вакантнымъ постъ члена Совѣта Общества отъ Отдѣленія, и что Н. И. Стояновскій, столь долгое время бывшій главнымъ представителемъ Отдѣленія въ Совѣтѣ Общества, быть можетъ, и теперь не откажется принимать участіе въ трудахъ Совѣта, въ качествѣ члена его отъ Отдѣленія. Вслѣдствіе сего, Отдѣленіе Археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской единогласно избрало Н. И. Стояновскаго членомъ Совѣта, вмѣсто И. В. Помяловскаго, о чемъ постановлено также довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Засѣданіе того же Отдѣленія 18-го октября.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, присутствовали: Н. И. Барсовъ, Е. В. Гаршинъ, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, А. В. Комаровъ, М. С. Куторга, В. В. Латышевъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, баронъ В. Р. Розенъ, А. Ѳ. Семеновъ, Я. И. Смирновъ, Н. И. Стояновскій, И. Г. Троицкій, Г. Ф. Челищевъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Вновь избранный Управляющій Отдѣленіемъ, И. В. Помяловскій, выразилъ своему предшественнику, Н. И. Стояновскому, отъ имени Отдѣленія и отъ своего имени признательность за долголѣтнее управленіе Отдѣленіемъ.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 13-го мая сего года.

III.

Членъ-сотрудникъ С. А. Жебелевъ прочелъ рефератъ „о раскопкахъ американцевъ въ Аргосѣ“.

IV.

Членъ-сотрудникъ Я. И. Смирновъ сдѣлалъ докладъ „о Зевсѣ Геліополя Сирійскаго“.

V.

Секретарь Отделенія сообщилъ, что дѣйствительный членъ Г. С. Дестунисъ проситъ принять въ Музей Общества двѣ мраморныя плитки съ нарѣзанными на нихъ надписями (отчасти монограммами) и изображеніями, о которыхъ Г. С. Дестунисъ въ засѣданіи Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи 16-го февраля 1863 г., прочиталъ записку, напечатанную вмѣстѣ съ возраженіями на нее И. И. Горностаева, В. А. Прохорова и В. В. Стасова, въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества", т. IV, вып. 6-й, стр. 542 и слѣд. Кромѣ помянутыхъ двухъ плитокъ, Г. С. Дестунисъ просилъ передать въ Музей Общества одинъ обломокъ мраморный, неизвѣстнаго происхожденія, съ отрывной греческой надписи.

Засѣданіе того же Отдѣленія 8-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, присутствовали: А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, В. В. Латышевъ, Н. Я. Марръ, о. К. Никольскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, А. Н. Щукаревъ, А. Ѳ. Энманъ, и гость г. Малеинъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18-го октября.

II.

Дѣйствительный членъ В. В. Латышевъ сдѣлалъ докладъ „о поддѣлкѣ греческихъ надписей въ Южной Россіи".

III.

Членъ-сотрудникъ Я. И. Смирновъ прочелъ рефератъ: „Храмы въ Баальбекѣ и вопросъ о ихъ постройкѣ".

IV.

Управляющій Отдѣленіемъ И. В. Помяловскій, сообщилъ свѣдѣнія объ одной греческой рукописи Аѳинской библіотеки, по присланнымъ проф. А. А. Павловскимъ фотографическимъ снимкамъ съ двухъ миніатюръ означенной рукописи.

Засѣданіе того же Отдѣленія 30-го ноября.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Константиновича; присутствовали: Управляющій Отдѣленіемъ И. В. Помяловскій, Н. И. Веселовскій, В. К. Ернштедтъ, С. А. Жебелевъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ, князь П. А. Путятинъ, В. Д. Смирновъ, Н. В. Султановъ, А. Н. Щукаревъ, и гости: Р. Х. Леперъ, М. И. Ростовцевъ и Г. Ф. Церетели.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 8-го ноября 1893 г.

II.

М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ „о новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ“.

Засѣданіе того же Отдѣленія 20-го декабря.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, присутствовали: С. А. Жебелевъ, Г. И. Котовъ, М. С. Куторга, баронъ В. Р. Розенъ, А. Ѳ. Семеновъ, Я. И. Смирновъ, П. А. Сырку, Г. Ѳ. Челищевъ, В. К. Ернштедтъ, и гость Р. Х. Леперъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 30-го ноября 1893 г.

II.

Членъ-сотрудникъ Я. И. Смирновъ прочелъ рефератъ „о Сидонскихъ саркофагахъ“.

III.

Р. Х. Леперъ сдѣлалъ докладъ объ одной „неизданной аттической надписи V-го в. до Р. Хр.“.

———

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отзывъ о сочиненіи В. К. Мальмберга: Метопы древне-греческихъ храмовъ.—Изслѣдованіе въ области декоративной скульптуры.

(Дѣйств. чл. А. Н. Щукарева).

Трудъ г. Мальмберга, заглавіе котораго приведено нами только-что, является серьезнымъ и самостоятельнымъ вкладомъ не только въ русскую, но и въ общую археологическую литературу. Достаточно сказать, что это первая попытка общаго обзора всего наличнаго матеріала въ избранной области и притомъ попытка, сдѣланная съ оригинальной и весьма важной точки зрѣнія. Метопы разсматриваются здѣсь не только съ эстетической стороны, или со стороны сюжетовъ и ихъ трактовки, но, по преимуществу, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ скульптурной декораціи греческаго храма. Такая постановка темы естественно влечетъ за собою на первыхъ же порахъ необходимость опредѣлить, что такое самая метопа, какъ архитектурная форма. Въ этомъ опредѣленіи авторъ является послѣдователемъ Дерпфельда, видящаго въ метопахъ, не отверстія между триглифами, а напротивъ, простѣнки между двумя отверстіями, или гнѣздами для балокъ. Мнѣніе это можетъ быть принято, однако, лишь съ нѣкоторыми оговорками. Во-1-хъ, во всѣхъ дошедшихъ до насъ греческихъ храмахъ дорійскій фризъ является элементомъ чисто декоративнымъ, структивное значеніе котораго позабыто. Во-2-хъ, надпись о Филоновской скевотекѣ, на которой основываетъ свое толкованіе Дерпфельдъ, надо вовсе устранить изъ числа свидѣтельствъ, говорящихъ за или противъ того или другого значенія метопы. Употребленный тамъ терминъ μέτωπον въ значеніи столба между двумя дверьми не имѣетъ ничего общаго съ словомъ μετόπη, а потому не можетъ быть привлекаемъ, какъ аналогія. Однако, главное въ мнѣніи Дерпфельда, а именно объясненіе мѣста Витрувія (IV, 2 — 4), кажется намъ вполнѣ убѣдительнымъ.

Сочиненіе г. Мальмберга расположено въ слѣдующемъ порядкѣ. Введеніе, въ которомъ дается упомянутое опредѣленіе метопы. Глава I. Памятники VI в. до Р. Хр. a) метопы храма въ Ассосѣ; b) метопы храма C въ Селинунтѣ; c) метопы храма F въ Селинунтѣ. Глава II. Памятники первой половины V в. до Р.

Хр. а) метопы храма Зевса въ Олимпіи; b) метопы храма Е въ Селинунтѣ. Глава III. Памятники второй половины V в. до Р. Хр. а) метопы Пареенона; b) метопы такъ называемаго храма Оесея; c) метопы храма Аполлона Эпикурія близъ Фигаліи. Глава IV. Памятники II в. до Р. Хр. Метопы храма Аоины въ новомъ Иліонѣ. Глава V. Памятники, извѣстные лишь изъ литературныхъ источниковъ: а) метопы храма Аполлона въ Дельфахъ; b) метопы храма Геры въ Аргосѣ; c) метопы храма Зевса въ Агригентѣ; d) метопы Гераклеона въ Оивахъ. Заключеніе (сводъ сюжетовъ). Небольшое добавленіе упоминаетъ о вновь найденныхъ метопахъ въ Селинунтѣ.

Авторъ изъ главы въ главу слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ дорійскаго фриза, какъ со стороны формы и мѣста, которое онъ занимаетъ въ храмѣ, такъ и со стороны сюжетовъ. Метопы, появляющіяся въ началѣ на двухъ короткихъ сторонахъ храма, или даже на одной изъ нихъ, съ введеніемъ фронтонныхъ группъ переносятся въ pronoos и posticum, съ появленіемъ же въ послѣднихъ іонійскаго фриза уступаютъ ему мѣсто и снова появляются снаружи, гдѣ до того времени были плиты безъ рельефныхъ украшеній. Въ отношеніи сюжетовъ, мы видимъ, какъ постепенно переходило греческое искусство отъ изображенія на метопахъ сценъ, вовсе не связанныхъ между собою (Ассосскій храмъ, храмы С и Е въ Селинунтѣ), къ изображенію цѣлыхъ цикловъ, напримѣръ, гигантомахіи, на которой, по мѣткому замѣчанію автора, росла и крѣпла юная декоративная скульптура эллиновъ. Изъ статистики памятниковъ дѣлается выводъ о бо́льшей или меньшей употребительности тѣхъ или другихъ сюжетовъ. Такъ, напримѣръ, Амазономахія и Кентавромахія оказываются сравнительно рѣдкими. Для дорійскаго фриза, въ которомъ, по необходимости, даже связное изображеніе разбивается на рядъ отдѣльныхъ сценъ, наиболѣе удобными являются сюжеты, связанные единствомъ дѣйствующаго лица, нежели единствомъ дѣйствія; такъ, напримѣръ, подвиги Иракла и Оесея являются болѣе удобнымъ сюжетомъ, чѣмъ взятіе Трои. Наиболѣе подробно разсмотрѣны метопы храма Зевса въ Олимпіи и метопы Пареенона. Изслѣдованіе послѣднихъ составляетъ центръ всего труда и, очевидно, часть наиболѣе цѣнную съ точки зрѣнія самого автора. Къ сожалѣнію, надо сознаться, что со многими изъ наиболѣе новыхъ и оригинальныхъ изъ числа приводимыхъ здѣсь результатовъ трудно согласиться. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ придаетъ слишкомъ важное и рѣшающее значеніе нѣкоторымъ своимъ чисто эмпирическимъ

выводамъ, сдѣланнымъ, притомъ, на основаніи скуднаго матеріала. (Таковы: изъ первой главы — выводъ, что „необходимость въ центрѣ чувствуется раньше, чѣмъ необходимость въ рамкѣ"; изъ второй—что „единство внѣшнее, т.-е. единство формы, предшествуетъ единству внутреннему, т.-е. единству содержанія". На стр. 69 читаемъ: „Единство композиціи, необходимое съ эстетической точки зрѣнія для метоповъ наружнаго фриза, не обязательно для метоповъ, находящихся за колоннами", далѣе на той же страницѣ: „Для метоповъ перистиля, какъ мы видѣли, болѣе подходяще единство содержанія, а для метоповъ pronoos'а и posticum'а единство дѣйствующаго лица". Подъ всѣ эти „единства", можетъ быть остроумныя въ смыслѣ эмпирическихъ выводовъ, не подходятъ метопы перистиля Парѳенона и, главнымъ образомъ, единственныя хорошо сохранившіяся метопы южной стороны, гдѣ кентавромахія, повидимому, была прервана рядомъ другихъ сценъ — и поэтому авторъ порицаетъ художниковъ, которымъ принадлежитъ композиція дорійскаго фриза этого храма, знаменитѣйшаго въ древности. Въ особенности композиція южной стороны, по его мнѣнію, „не только ниже композицій восточной и западной, но и сѣверной", которыя всѣ сохранились такъ плохо, что зачастую приходится гадать о значеніи изображенныхъ на нихъ сценъ—и все потому, что не выдержано мнимо-обязательное единство. Но было-ли оно также и на сѣверной сторонѣ? Авторъ старается доказать, что было. На первой и двадцать девятой метопахъ этой стороны онъ призналъ изображенія Геліоса и Селены и считаетъ ихъ замыкающими съ двухъ сторонъ циклъ изображеній, относящихся къ троянской войнѣ. Противъ этого довольно много можно возразить, но не въ предѣлахъ настоящей рецензіи. Замѣтимъ только, что изображеніе Селены, само по себѣ сомнительное, является не на крайней, какъ естественно было бы ожидать, а на четвертой отъ края метопѣ.

Мы не находимъ возможности перечислять здѣсь всѣ блестящія частности работы г. Мальмберга, которыми она такъ богата и изъ которыхъ многія останутся несомнѣнными пріобрѣтеніями науки. Укажемъ лишь для примѣра на реставрацію 4-й метопы селинунтскаго храма С и вполнѣ убѣдительныя аналогіи, показывающія его отношеніе къ извѣстной спартанской стелѣ столь же несомнѣнно, какъ несомнѣнна аналогія, напримѣръ, вазоваго рисунка, приводимаго Михаелисомъ для объясненія изображенія той же сцены въ двухъ сосѣднихъ метопахъ сѣверной стороны Парѳенона. Мужское божество на одной изъ двухъ половинъ метопъ селинунтскаго храма F, также совер-

шенно вѣрно, по нашему мнѣнію, названо Посидономъ, а не Діониссомъ, по примѣру Беннд орфа и Фридрихсъ-Вольтерса, а тѣмъ болѣе Аѳиной, по примѣру Овербека. Превосходно распредѣленіе колесницъ между богами на восточныхъ метопахъ Парѳенона.

Мы говорили до сихъ поръ отчасти о содержаніи, отчасти о крупныхъ достоинствахъ труда г. Мальмберга. Переходя къ недостаткамъ, остановимся лишь на одномъ, но зато крупномъ недостактѣ методологическаго характера, вліяющемъ на значеніе всей работы. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, которыя долго было бы приводить здѣсь, авторъ оставляетъ читателя въ невѣдѣніи, основаны-ли тѣ или другія утвержденія или отрицанія на изученіи оригиналовъ, гипсовъ или рисунковъ. Насколько мы знаемъ, г. Мальмбергъ не имѣлъ возможности видѣть въ оригиналахъ громаднаго большинства описываемыхъ имъ памятниковъ (за исключеніемъ метопъ иліонскихъ, находящихся въ Берлинѣ), но онъ зналъ роскошную берлинскую коллекцію гипсовъ и въ его распоряженіи находилась хорошая, какъ говорятъ, коллекція Юрьевскаго университета. Между тѣмъ, весьма часто приходится читать, что, „судя по рисунку“, можно сказать то-то, „рисунокъ не позволяетъ видѣть того-то“ и т. п. Даже при упоминаніи памятниковъ, видѣнныхъ имъ въ оригиналѣ, г. Мальмбергъ дѣлаетъ подобную же ссылку. На стр. 164 по поводу одной изъ иліонскихъ метопъ читаемъ: „какъ въ рисункѣ книги Шлиманна, такъ и на фототипіи, приложенной къ статьѣ Россбаха, эта фигура производитъ впечатлѣніе женщины, однако, Россбахъ утверждаетъ, что въ оригиналѣ признаки мужчины еще совершенно ясны“. Этотъ методологическій недостатокъ мы, не колеблясь, признаемъ самымъ важнымъ, такъ какъ рисунки и фотографіи не замѣнятъ гипса, не говоря уже объ оригиналахъ. Автору слѣдовало бы, прежде чѣмъ придавать окончательный видъ своей работѣ, еще разъ провѣрить на гипсахъ (если не на оригиналахъ) всѣ свои недоумѣнія, и мы не сомнѣваемся, что, при его даровитости, число блестящихъ точекъ работы удвоилось бы.

Изложеніе г. Мальмберга нѣсколько небрежно. Неточны многія цитаты и притомъ не только въ цифрахъ, но даже въ названіяхъ книгъ. Корректура могла бы быть также тщательнѣе.

Въ общемъ, какъ и сказано въ началѣ рецензіи, сочиненіе г. Мальмберга надо отнести къ числу весьма отрадныхъ явленій нашей научной литературы.

II.

Отзывъ о сочиненіи М. Т. Преображенскаго: Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи.

(Члена-сотр. В. В. Суслова).

Коммиссіи по присужденію медалей за выдающіеся научные труды по археологіи было угодно обратиться ко мнѣ съ просьбою дать письменный отзывъ о сочиненіи академика М. Т. Преображенскаго подъ заглавіемъ: „Памятники древне-русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи". Въ настоящее время я имѣю честь изложить коммиссіи слѣдующія мои соображенія о вышеупомянутомъ сочиненіи: Прежде всего нельзя не привѣтствовать новый спеціальный вкладъ въ исторію нашего древняго зодчества, ибо подобныхъ трудовъ мы имѣемъ еще чрезвычайно мало. Архитектора хотя и чувствуютъ настоятельную потребность въ результатахъ изученія древнихъ русскихъ построекъ, но, тѣмъ не менѣе, сами мало отдаются этому дѣлу. Поэтому исключительные труды архитекторовъ въ археологіи, какъ лицъ, наиболѣе чутко понимающихъ памятники зодчества, являясь всегда весьма обстоятельными, заслуживаютъ истинной оцѣнки и должныхъ поощреній. Это тѣмъ болѣе справедливо, что подобныя изслѣдованія сопровождаются утомительными путешествіями, сложной работой по измѣренію, рисованію и фотографированію памятниковъ, приведенію матеріала въ чистовые чертежи и собираніе различныхъ свѣдѣній.

Г. Преображенскій, какъ уроженецъ Калужской губ., изслѣдовалъ памятники зодчества, такъ сказать, родного края. Задавшись предѣлами Калужской губ., въ сочиненіи, конечно, отразились, съ одной стороны, любовь, тщательность и полнота работы, а съ другой—нѣкоторый недостатокъ въ разборѣ общихъ архитектурныхъ формъ. Система изслѣдованія нашихъ древнихъ зданій по губерніямъ не вполнѣ оправдывается, ибо существующее нынѣ раздѣленіе Россіи на губерніи, явленіе позднѣйшее и перемѣнчивое, такъ-что въ будущемъ, вѣроятно, было бы трудно оріентироваться въ памятникахъ по извѣстнымъ оффиціальнымъ районамъ. Кромѣ того, подобный путь изученія стѣсняетъ болѣе широкое обобщеніе взглядовъ на зодчество, такъ какъ въ этихъ случаяхъ приходится обращаться къ разнымъ періодамъ его и къ памятникамъ, находящимся въ разныхъ губерніяхъ. Цѣльнаго же и независимаго направленія архитектуры въ извѣстныхъ губерніяхъ выяснялось у насъ мало.

Приступая къ самому разбору сочиненія, можно прежде всего сдѣлать слѣдующія замѣчанія: подробности оглавленій, которыя снова встрѣчаются какъ въ текстѣ, такъ и на самыхъ рисункахъ, можно бы устранить. Отдѣльныя описанія построекъ желательно бы помѣстить въ началѣ сочиненія, а затѣмъ уже сдѣлать и общій обзоръ памятниковъ Калужской губ. При такой перестановкѣ текста выносилось бы болѣе цѣльное впечатлѣніе и устранились бы нѣкоторыя повторенія въ той и другой части текста. Затѣмъ, въ первомъ отдѣлѣ описанія, тѣ подробности, кои имѣютъ второстепенное значеніе, какъ, напримѣръ, описаніе укрѣпленій посада г. Лихвина (стр. 64), содержаніе строельной книги (стр. 21) и т. п. слѣдовало бы печатать мельче. Того же можно пожелать и относительно алфавитнаго указателя древнихъ церквей. Касаясь рисунковъ, можно, наоборотъ, сдѣлать упрекъ за мелкій масштабъ чертежей и за излишнюю сплоченность ихъ на листахъ. Все это, конечно, не уменьшаетъ достоинствъ труда по существу, но нѣсколько утомляетъ читателя.

Знакомя съ общимъ характеромъ древнихъ церквей, г. Преображенскій раздѣляетъ ихъ совершенно основательно на пять группъ, но пятая изъ нихъ уже не относится къ памятникамъ древностей. Вліяніе московской архитектуры на постройки Калужской губ. выразилось довольно ясно, но мало указывается на вліяніе новгородско-псковскаго зодчества. Между тѣмъ, оно не мало отразилось въ конструктивной сторонѣ памятниковъ калужскаго края, напримѣръ, въ устройствѣ сводовъ (системой арокъ) Ильинской церкви, листъ II. Въ покрытіи предѣла Рождественскаго собора въ Пафнутіевомъ монастырѣ. Въ устройствѣ приподнятыхъ подпружныхъ арокъ изъ-за прилегающихъ къ нимъ сводовъ (въ томъ же соборѣ и въ Троицкомъ соборѣ Лютинскаго монастыря). Такимъ образомъ, въ общемъ замѣтно, что декоративная сторона калужскихъ церквей подчинялась мотивамъ памятниковъ московскаго края, а конструктивная—новгородско-псковскому, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ періодъ XV—XVI ст. эта область давала мастеровъ на всю Россію.

Въ разборѣ Никольской церкви въ селѣ Каменскомъ обращается вниманіе на форму подпружныхъ арокъ безъ объясненія ихъ происхожденія. Судя по рисунку, паруса этой церкви коническіе. Въ пересѣченіи конуса съ вертикальными плоскостями (щеками арокъ), образовались пораболическія линіи надъ арками. Такая же форма придана и самымъ аркамъ.

Указаніе на сходство этихъ арокъ съ таковыми же арками Троиц-

каго собора въ Троице-Сергіевой лаврѣ неточно; тамъ арки завершаются острѣе (какъ готическія).

Предположеніе г. Преображенскаго, что болѣе раннія пятиглавыя церкви съ сомкнутыми сводами имѣли планъ удлиненнаго прямоугольника, а затѣмъ, съ развитіемъ строительной техники, переходятъ въ квадратъ, перекрытый сомкнутымъ сводомъ, не вполнѣ вѣрно, ибо продолговатыя церкви съ двумя, тремя шатрами или другими верхами относятся къ XVII ст., тогда какъ квадратныя съ сомкнутымъ сводомъ очень нерѣдко встрѣчаются въ XVI ст. Болѣе древнее происхожденіе послѣднихъ доказывается и другими данными.

Въ реставраціи Рождественскаго собора въ Пафнутіевскомъ монастырѣ (л. IV) кокошники должны болѣе согласоваться съ внутреннимъ очертаніемъ подпружныхъ арокъ.

Упомянувъ объ этомъ, надо замѣтить вообще, что г. Преображенскій недостаточно обратилъ вниманіе на довольно видную характерность памятниковъ,—это на соотвѣтствіе внутреннихъ и наружныхъ формъ церковныхъ перекрытій; напримѣръ, крыша Николо-Гостунскаго храма (листъ I), устроенная безъ стропильныхъ фермъ, вполнѣ согласовывается со сводомъ. Куполъ и покрытіе сводовъ съ подпружными арками въ Рождественскомъ соборѣ Пафнутіевскаго монастыря, въ первоначальномъ видѣ, совершенно отвѣчаютъ наружному перекрытію (также безъ стропильныхъ фермъ). То же можетъ относиться къ Казанской церкви въ с. Некрасовѣ (л. XII), къ Троицкому собору въ Лютиновомъ монастырѣ, а затѣмъ и къ шатровымъ церквамъ (Благовѣщенской, Преображенской церквей и Подкопаевской колокольни). Вѣроятно, та же особенность проходитъ и въ другихъ храмахъ. Эта раціональная сторона построекъ составляетъ одно изъ видныхъ достоинствъ нашихъ памятниковъ зодчества. Другіе недочеты сочиненія незначительны и останавливаться на нихъ считаю лишнимъ. Между прочимъ, желательно было видѣть среди чертежей разрѣзъ Успенской церкви въ г. Перемышлѣ, разрѣзъ церквей въ Спасъ-Загорьѣ, планъ и разрѣзъ настоятельскаго дома въ Добромъ монастырѣ и нѣкоторыхъ, видимо интересныхъ, рисунковъ, относящихся къ алфавитному указателю древнихъ церквей Калужской епархіи.

Если дѣлать дальнѣйшія замѣчанія по поводу разсматриваемаго труда г. Преображенскаго, то придется говорить, конечно, лишь о достоинствахъ его. Матеріалъ въ общемъ заслуживаетъ серьезнаго интереса и сгруппированъ съ большою послѣдовательностью. Въ общемъ обзорѣ памятниковъ можно бы нѣсколько подробнѣе сказать о главныхъ формахъ ихъ. Детальныя указанія довольно интересны.

Описаніе рисунковъ въ отдѣльности сдѣлано безъ излишествъ и весьма толково [1]).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ Ильинская церковь, гдѣ планъ совершенно сходенъ съ соборомъ въ Юрьевѣ-Польскомъ Владимірской губ. (XIII ст.), а перекрытіе съ новгородско-псковскими церквами. Затѣмъ весьма интересна Благовѣщенская церковь въ Лютиновомъ монастырѣ, сходная съ церковью въ селѣ Бесѣдахъ, Московской губ. Какъ рѣдкій типъ надвратной церкви и колокольни, представляетъ собою колокольня въ селѣ Подкопаевѣ (л. XI). Помимо самыхъ церквей, любопытны и нѣкоторыя детальныя указанія къ нимъ. Напримѣръ, про деревянную церковь о трехъ верхахъ на каменныхъ подклѣтяхъ (въ описи Лаврентьевскаго монастыря), объ облицовкѣ камнемъ цоколя, входовъ, нѣкоторыхъ детальныхъ украшеній и о спускныхъ плитахъ въ карнизахъ; все это встрѣчается очень рѣдко. Отъ облицовки камнемъ, вѣроятно, заимствовался и характеръ окраски многихъ русскихъ церквей въ два цвѣта: красный—гладь и бѣлый--украшенія. Далѣе упоминается о сферическомъ покрытіи башни Пафнутіевскаго монастыря горизонтальными свѣшивающимися рядами, о деревянныхъ связяхъ въ видѣ обвязокъ въ основаніи главъ (стр. 30), о подвалахъ подъ подцерковьемъ (стр. 36); такъ что церковь является трехъэтажной. Ново также, что въ закоморахъ Рождественскаго собора Пафнутіева монастыря устроены продолговатыя окна; обыкновенно ихъ не дѣлалось въ этихъ мѣстахъ, и если встрѣчаются, то круглыя. Особенно интересна еще лѣстница этого храма, проходящая въ двухъ стѣнахъ (стр. 46) къ потайному помѣщенію надъ алтаремъ. Наконецъ, само собою достойны полнаго вниманія и всѣ остальныя сооруженія съ ихъ деталями и чрезвычайно обстоятельными поясненіями въ чертежахъ. Жаль только, что многіе чертежи очень мелки и весьма густо сгруппированы.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что весь матеріалъ, заботливо собранный г. Преображенскимъ, оспеціализированъ настолько, что даетъ полное понятіе о разсматриваемыхъ имъ памятникахъ. При этомъ тщательное исполненіе рисунковъ и ихъ прекрасное воспроизведеніе въ печати ставитъ все сочиненіе на ряду съ видными научными изслѣдованіями. Внѣшняя сторона изданія (хорошая печать, бумага и форматъ) также заслуживаетъ полнаго одобренія.

---

[1]) Напрасно только авторъ употреблялъ слова «настоящая» (главное среднее помѣщеніе церкви); оно, во-1-хъ, позднѣйшее, а во-2-хъ, будучи поставлено безъ ковычекъ, сбиваетъ читателя на другое понятіе объ этомъ словѣ.

III.

Отзывъ о сочиненіи Н. В. Покровскаго: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Спб. 1892 г.

(Отзывъ профессора А. Кирпичникова).

Въ исторіи каждой науки можно различить три періода или, точнѣе, три важнѣйшія ступени развитія: наука основывается, когда при помощи небольшого количества матеріала, накоплявшагося постепенно, опредѣляются предѣлы и общія задачи ея и съ бо́льшей смѣлостью, чѣмъ опредѣленностью намѣчается рядъ частныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ ожидаютъ отъ ближайшаго будущаго. Затѣмъ слѣдуетъ подборъ матеріала, уже не случайный, но цѣлесообразный, направляемый по новымъ путямъ и выдвигающій новыя задачи, болѣе исполнимыя и плодотворныя. Когда матеріалу набрано достаточно, наступаетъ время для окончательнаго рѣшенія этихъ задачъ и подведенія итоговъ; новый матеріалъ, который продолжаетъ подбираться и въ этотъ періодъ, углубляетъ и расширяетъ задачи и видоизмѣняетъ ихъ рѣшеніе въ подробностяхъ; но методъ выработанъ настолько и факты собраны въ такомъ количествѣ, что существенное измѣненіе сдѣланныхъ выводовъ уже невозможно.

Иконографія, составляющая важнѣйшую часть христіанской археологіи, стала самостоятельной наукой въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего столѣтія, послѣ того, какъ умственное движеніе, извѣстное подъ именемъ романтизма, во всѣхъ странахъ западной Европы возбудило всеобщій и всесторонній интересъ къ изученію родной старины и послѣ того, какъ оказалось, что исторія средневѣковаго искусства требуетъ особыхъ пріемовъ и пособій и имѣетъ совершенно особыя задачи, чѣмъ исторія искусства древняго или эпохи возрожденія. Одинъ изъ высокоталантливыхъ основателей новой науки, стоявшій во главѣ цѣлой плодотворной школы, Дидронъ, поощренный Викторомъ Гюго къ занятію средневѣковымъ искусствомъ, съ первыхъ же шаговъ понялъ, что въ этой научной области нельзя сдѣлать почти ни шагу съ помощью одного западнаго матеріала; онъ поѣхалъ на востокъ, на святую гору—Аѳонъ и вернулся оттуда убѣжденнымъ византинистомъ. Къ тому же византійско-русскому востоку былъ привлеченъ чисто научными соображеніями и скромный, но вліятельный нѣмецкій ученый профессоръ Берлинскаго университета Пиперъ. Понятно, почему русскіе археологи, заинтересовавшіеся христіанскимъ искусствомъ и древ-

ностью, съ первыхъ же шаговъ почувствовали твердую почву подъ ногами и почему изданіе Московскаго Общества любителей древне-русскаго искусства древности Прохорова и др. сразу доставили такой цѣнный матеріалъ и такія блестящія, по глубинѣ и ясности идей, монографіи и общія обозрѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ на западѣ, такъ и у насъ въ христіанской иконографіи начинается второй періодъ — собиранія матеріала и изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, и эти скромныя работы во многомъ заставили измѣнить блестящія, но апріорныя положенія Дидрона и Буслаева („Общія понятія о русской иконописи“ и рядъ статей во II т. Очерковъ). Наука еще слишкомъ молода, а матеріалъ огроменъ, и намъ еще долго ждать наступленія третьяго періода—подведенія окончательныхъ общихъ итоговъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что появленіе сочиненій, концентрирующихъ въ себѣ матеріалъ собранный и подводящихъ итоги частные, преждевременно и мало полезно? По нашему мнѣнію, никоимъ образомъ: во-1-хъ, по самой молодости науки подобные труды, если они стоятъ на высотѣ задачи, непремѣнно представляютъ и массу матеріала новаго, до сихъ поръ необслѣдованнаго и даже неизвѣстнаго, а во-2-хъ, они приносятъ огромную пользу послѣдующимъ работникамъ, представляя для нихъ точку отправленія; безъ подобныхъ работъ молодые, начинающіе изслѣдователи не только подвергаются опасности открывать открытое, но и могутъ вступать на скользкій путь неосновательныхъ предположеній и домысловъ; безъ нихъ движеніе науки впередъ становится плохо задуманной экспедиціей, руководитель которой не можетъ дать себѣ яснаго отчета, откуда вышелъ онъ и куда стремится,

Къ такимъ высокополезнымъ, необходимымъ, но не подводящимъ, по невозможности, окончательныхъ итоговъ трудамъ принадлежитъ книга Н. В. Покровскаго. На первый взглядъ, она представляетъ такую же научную цѣнность, какъ 19 (по числу главъ книги) большихъ, прекрасно обработанныхъ по новымъ матеріаламъ монографій, но цѣнность эта увеличивается во много разъ тѣмъ обстоятельствомъ, что монографіи объединены тождествомъ метода, руководящихъ идей, и всѣ вмѣстѣ представляютъ полный циклъ евангельскихъ иконографическихъ сюжетовъ.

Въ краткомъ предисловіи авторъ заявляетъ, что, задумавъ изслѣдованіе памятниковъ евангельской иконографіи, онъ скоро убѣдился въ недостаточности и малой пригодности опубликованнаго матеріала и оказался вынужденнымъ „предпринять рядъ путешествій для изученія памятниковъ въ мѣстахъ ихъ нахожденія—въ Россіи, Греціи, Турціи

и западной Европѣ“. Такимъ образомъ книга его является собраніемъ новаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ опытомъ обслѣдованія послѣдняго; стало быть „относительная неполнота матеріала и недостатки въ методѣ изслѣдованія“ въ ней неизбѣжны. „Если нашъ трудъ,— скромно заключаетъ проф. Покровскій,—возбудитъ въ читателяхъ нѣкоторое уваженіе и любовь къ православной старинѣ, то мы съ спокойною совѣстью можемъ считать свою цѣль достигнутой“.

Въ обширномъ введеніи (LXI стр.) авторъ опредѣляетъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ своихъ исходныхъ пунктовъ и группируетъ матеріалъ (главнымъ образомъ библіотечный), которымъ располагалъ онъ. По его убѣжденію, самостоятельное христіанское искусство слагается уже въ VI столѣтіи (стр. I, ср. VIII), и оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ искусство византійское, такъ какъ въ немъ уже заключаются „элементы отвлеченнаго богословствованія, глубокой мысли, созерцанія“.

Древне-русская евангельская иконографія не имѣетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго и есть простое повтореніе заимствованнаго изъ Византіи; иное дѣло въ XVI — XVII вѣкахъ, когда наше искусство „начинаетъ обогащаться притокомъ формъ, ведущихъ свое родословіе отчасти отъ новогреческой, отъ западной иконографіи, отчасти созданныхъ самими русскими художниками“ (стр. II).

Что касается до отношенія между востокомъ и западомъ, проф. Покровскій признаетъ полную зависимость западнаго искусства отъ византійскаго до такъ-называемаго ранняго возрожденія (стр. II); но въ XIII в. „на западѣ уничтожена граница между иконографіею церковною и свѣтскою... икона, предназначенная для храма, трактуется, какъ любая картина, предназначенная для салона“ (стр. 5), тогда какъ въ Византіи, а слѣдовательно и у насъ, икона всегда остается предметомъ почитанія и средствомъ для поученія и не допускаетъ произвола артиста. Связь между памятниками искусства и памятниками письменности здѣсь самая тѣсная: „византійскіе художники были одушевлены тѣми же идеями, вращались въ кругѣ тѣхъ же мыслей и понятій, что и современные имъ религіозные мыслители“ (стр. VI); но авторъ убѣжденъ, что „всякая попытка дополнить памятниками иконографіи недостатокъ памятниковъ письменности не могла бы имѣть успѣха“ (ibid.). Относительно евангельской иконографіи въ частности проф. Покровскій главнымъ источникомъ ея, конечно, считаетъ евангеліе. Что касается до апокрифовъ, онъ допускаетъ ихъ вліяніе, но настойчиво предостерегаетъ отъ увлеченія въ эту сторону (стр. VI и ниже) и указываетъ на памятники, „не имѣющіе со стороны догмы

ничего общаго съ апокрифами", въ которыхъ встрѣчаются иконографическія подробности, считавшіяся происшедшими изъ апокрифовъ (стр. VII).

Авторъ уклоняется отъ практическихъ выводовъ изъ своего изслѣдованія (стр. III), но они напрашиваются сами собою; да и онъ не можетъ не указать на расшатанность нашей современной иконографіи и на рабское копированіе западныхъ образцовъ, которое „иногда прямо становится въ разладъ съ преданіями восточной церкви" (стр. V).

Главный рукописный матеріалъ автора составляютъ греческія лицевыя евангелія. Прежде всего онъ останавливается на знаменитомъ россанскомъ кодексѣ и разбираетъ мнѣнія его издателей: Гебгардта и Гарнака и русскаго археолога проф. Усова.

Остальные памятники этого рода г. Покровскій дѣлитъ на слѣдующія группы: 1) Кодексы, въ которыхъ число миніатюръ очень невелико (4—6), и иллюстраціи служатъ какъ бы заглавными листами евангелій; сюда относятся 10 рукописей; 2) „кодексы, въ которыхъ иллюстрируется подъ рядъ текстъ евангелія", гдѣ „миніатюры слились уже съ текстомъ и служатъ важнѣйшимъ подспорьемъ къ его усвоенію"; 8 рукописей; 3) полныя греческія, а также и славянскія, лицевыя евангелія, миніатюры которыхъ „исчерпываютъ не только важнѣйшія событія евангелія; но и подробности бесѣдъ, поученій, притчей и подобій»; 10 рукописей; 4) евангелія съ изображеніемъ однихъ только евангелистовъ; 5) сирійскія, коптскія и армянскія евангелія (на первомъ мѣстѣ, конечно, поставленъ кодексъ Раввулы 586 г.).

Далѣе въ особыя группы авторъ выдѣляетъ:

Б) Лицевой сборникъ библейскихъ повѣствованій XVII в. изъ библіотеки И. А. Вахрамѣева и лицевые списки страстей Господнихъ.

В) Лицевые кодексы греческихъ и славянскихъ псалтырей; слова Григорія Богослова, греческихъ менологіевъ и акаѳистовъ.

Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ нѣсколько очень цѣнныхъ замѣчаній о древнихъ стѣнописяхъ (Г), объ иконахъ (Д), о подлинникахъ (Е), о памятникахъ рѣзьбы, металлическаго производства и пр. (Ж) и, наконецъ, перечисляетъ западные кодексы евангелій и другія западныя же рукописи, которыми онъ пользовался.

Въ этомъ же введеніи, пользуясь случаемъ, проф. Покровскій поправляетъ въ частностяхъ гг. Усова, Бордье и Кондакова, даетъ оцѣнку и опредѣляетъ художниковъ Петропавловскаго евангелія 1678 г. (стр. XXXII) и дѣлаетъ интересные экскурсы о символахъ евангелистовъ, о художественномъ воспроизведеніи Страстей Господнихъ, о происхожденіи псалтырныхъ иллюстрацій, о времени проис-

хожденія подлинника, о подлинникѣ сійскомъ, принадлежащемъ Обществу любителей древне-русской письменности, о происхожденіи *библіи бѣдныхъ* и пр. и пр.

Само собою разумѣется, что какъ вышеупомянутыя общія положенія автора, такъ и его система дѣленія матеріала и многочисленные экскурсы могли бы вызвать замѣчанія и, можетъ быть, не безосновательныя возраженія; но книга г. Покровскаго такъ богата содержаніемъ, что если рецензентъ будетъ останавливаться на такихъ подробностяхъ, какъ группировка матеріала и случайные экскурсы, онъ утомитъ читателя прежде, чѣмъ дойдетъ до самой сути изслѣдованія; что же касается до общихъ положеній автора, мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ при ихъ примѣненіи къ отдѣльнымъ иконографическимъ сюжетамъ.

Первое евангельское событіе, которому проф. Покровскій посвящаетъ солидную монографію (стр. 1—40), есть Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ разбора вопроса объ изображеніяхъ Благовѣщенія въ катакомбахъ, точнѣе, съ вопроса о томъ, представляетъ-ли фреска въ катакомбѣ Прискиллы Благовѣщеніе, какъ полагаютъ археологи католическіе, или домашнюю сцену, какъ думаютъ ученые протестантскіе (стр. 1—5). Авторъ склоняется на сторону католиковъ. Потомъ, рядомъ характерныхъ фактовъ, онъ устанавливаетъ свой взглядъ на то, когда усилилось почитаніе Богоматери и когда былъ установленъ праздникъ Благовѣщенія (5—7). Затѣмъ онъ перечисляетъ и разбираетъ древнѣйшія какъ скульптурныя, такъ и живописныя изображенія Благовѣщенія съ рукодѣльемъ (7—20) и указываетъ ихъ литературныя параллели (20—22); далѣе, переходитъ ко второй композиціи—Благовѣщенію у кладезя (22—24), опредѣляетъ степень вліянія апокрифовъ на оба эти изображенія; затѣмъ, указываетъ примѣры другихъ формъ Благовѣщенія: по Евангелію Луки (29), съ младенцемъ, начертаннымъ во чревѣ (29—30), съ книгою (30—32; по убѣжденію автора, эта форма пришла съ Запада въ XVII столѣтіи), оригинальное изображеніе изографа Іоанна въ сійскомъ подлинникѣ (32—3), указываетъ изображенія другихъ событій, составленныя по схемѣ Благовѣщенія (33—4), и въ заключеніе приводитъ (мелкимъ шрифтомъ) довольно длинный рядъ изображеній Благовѣщенія въ западномъ искусствѣ (34—40), заявляя, впрочемъ, что „перечислять всѣ особыя композиціи въ памятникахъ западныхъ слишкомъ трудно, да и нѣтъ въ томъ необходимости“ (36).

Такимъ образомъ въ первой главѣ книги г. Покровскаго мы имѣемъ и собраніе интересныхъ фактовъ, въ значительной части неизвѣстныхъ предшествующимъ изслѣдователямъ, и рядъ параллелей и выводовъ, основанныхъ на этихъ фактахъ. Въ общихъ выводахъ своихъ авторъ замѣчательно осмотрителенъ и остороженъ, и поэтому важнѣйшіе изъ нихъ могутъ, по нашему мнѣнію, считаться несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ молодой науки.

Но именно въ виду этой молодости науки мы позволяемъ себѣ сдѣлать рядъ добавленій къ этому изслѣдованію и даже предложить нѣсколько поправокъ, въ полной увѣренности, что ничѣмъ другимъ мы не можемъ въ такой степени доказать своего уваженія къ прекрасному труду г. Покровскаго.

Мы раздѣляемъ мнѣніе автора, что знаменитая фреска въ катакомбѣ Прискиллы, вѣроятно, представляетъ Благовѣщеніе, но не можемъ не подчеркнуть того характернаго обстоятельства, что пока это единственный случай изображенія богородничнаго праздника въ древне-христіанскій періодъ[1]). Мы согласны съ проф. Покровскимъ, что „протестантскій взглядъ на установленіе почитанія Богоматери только со временъ эфесскаго собора, не можетъ быть признанъ вѣроятнымъ“ (стр. 5), но не можемъ признать за фактъ, что „церкви въ честь Богоматери появились ранѣе“ этого собора (стр. 6), и болѣе склоняемся къ мнѣнію проф. Кондакова, который существованіе такихъ церквей, по крайней мѣрѣ, въ Константинополѣ, считаетъ маловѣроятнымъ[2]). Вообще, хотя почитаніе Богоматери раньше сере-

[1]) Самъ Лилль (H. F. Ios. Liell: Die Darstellungen der allerselig. Jungfrau u. Gottesgebärin Maria etc. Freiburg in Breisgau 1887) при всемъ своемъ желаніи не можетъ найти ничего другого вѣрнаго и долженъ перейти непосредственно къ V вѣку.

[2]) Н. Кондаковъ: Византійскія церкви и памятники Константинополя (отд. и въ «Трудахъ» VI арх. съѣзда III, стр. 14). Что касается спорнаго вопроса объ эфесской «великой церкви», гдѣ происходили засѣданія 3-го вселенскаго собора, то мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей, во-1-хъ, на разницу временъ въ текстѣ у Манса (Покр. 6 прим. 11): ἡ ἁγία σύνοδος γέγονεν ἐν τῇ Ἐφέσῳ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ τῆς πόλεως, ἥτις καλεῖται Μαρία Θεοτόκος, а во-2-хъ, на то, что выше два раза церковь эта въ томъ же актѣ называется просто Μαρία и ἁγία Μαρία безъ эпитета Θεοτόκος, такъ же какъ и въ сирскомъ текстѣ. Весьма возможно, что до собора церковь эта была посвящена имени Пресвятой Дѣвы, но Богородичной стала она называться именно послѣ того, какъ въ ней былъ утвержденъ этотъ догматъ. А относительно знаменитой фразы св. Кирилла александрійскаго въ его Ἐγκώμιον εἰς τὴν ἁγίαν Μαρίαν τὴν Θεοτόκον (Migne LXXVII c. 1029 и слѣд.): δι' ἣν (Μαρίαν) καὶ ἐν πόλεσιν καὶ ἐν κώμαις καὶ ἐν νήσοις ἐκκλησίαι ὀρθοδόξων τεθεμελίωνταί, на которой Лилль строитъ свое опроверженіе мнѣнія Ленера, Эрхардъ (A. Ehrhard: Römische Quartalschrift 1889, S. 97 и слѣд.) и самую «Похвалу» заподозрѣлъ не безъ основанія и фразу растолковалъ болѣе согласно съ пріемами духовнаго краснорѣчія.

дины V столѣтія есть, по нашему убѣжденію, фактъ несомнѣнный; но сколь далеко идетъ это почитаніе въ глубь вѣковъ, иной вопросъ [1]). Самое вѣское доказательство въ пользу всеобщности этого почитанія, въ началѣ V в.—тотъ горячій протестъ народа и монаховъ, который вызвала ересь Несторія и въ Эфесѣ [2]), и въ самомъ Константинополѣ, и по всему христіанскому востоку (мѣстный римскій соборъ еще въ 430 г. осудилъ его ученіе) [3]) и всеобщая радость послѣ ея поспѣшнаго осужденія. Что въ христіанскомъ обществѣ давно уже назрѣла идея объ активномъ участіи Богоматери въ искупленіи и необходимости ея посредничества между Богомъ и христіанами, доказывается общеизвѣстнымъ фактомъ постройки во имя ея множества храмовъ немедленно послѣ собора и поразительнымъ распространеніемъ ея изображеній [4]).

Затѣмъ, почитаніе Богоматери усиливается, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, но далеко не въ равной степени, и въ интересахъ иконографіи мы должны обратить особое вниманіе на это различіе.

Сильный переломъ совершается въ духовной жизни Европы, въ концѣ перваго тысячелѣтія христіанской эры: до тѣхъ поръ западъ отличался крайнимъ консерватизмомъ и нерасположеніемъ къ новшествамъ; его ведетъ будто на буксирѣ вѣчно волнующійся, умственно-энергичный византійскій востокъ. Основы религіозныхъ вѣрованій и церковная практика запада, повидимому, установлены прочно и вполнѣ его удовлетворяютъ; въ случаѣ спора, борьбы двухъ партій, онъ высказывается за ту, которая держится традицій, или лавируетъ между крайностями [5]).

Послѣ перелома роли мѣняются: западъ, предоставленный вслѣд-

---

[1]) Лучшей и наиболѣе объективной попыткой рѣшить его въ послѣднее время (послѣ Ленера, von Lehner: Die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten. Stuttgart 1881), мы считаемъ рядъ статей извѣстнаго протестантскаго историка церкви Бенрата (Benraht: Zur Geschichte der Marienverehrung) въ журналѣ «Theolog. Studien u. Kritiken» 1886, I и слѣд. О раннемъ употребленіи эпитета θεοτόκος ср. Dr. Bratke: Zwei Fragmente aus Anianus etc. (N. Jahrbücher für die deutsche Theologie 1892, т. I, стр. 126). Несомнѣнно это употребленіе у Василія Великаго и несомнѣнно, повидимому, что Юліанъ упрекалъ въ этомъ христіанъ.

[2]) Извѣстно, что въ Эфесѣ архіепископу понадобился конвой, чтобы народъ не произвелъ надъ нимъ насилія.

[3]) Арх. Арсеній: Лѣтоп. церк. событій, изд. 1880, стр. 173.

[4]) До чего доходила ненависть къ несторіанству, видно, напримѣръ, изъ того, что антіохійцы истребили при Зенонѣ двухъ своихъ патріарховъ подъ рядъ, считавшихся несторіанами. Malalas ed. Bonn. 381. Тоже при Анастасіи въ Константинополѣ и опять въ Антіохіи, см. ibid. стр. 400.

[5]) Припомнимъ знаменитый капитулярій Карла Великаго de imaginibus: nec cum illis frangimus, nec cum istis adoramus.

ствіе раздѣленія церквей самому себѣ, быстро идетъ впередъ и, не стѣсняясь преданіями, формируетъ и новые догматы и роскошно развиваетъ церковную практику. А востокъ, заключивъ послѣднимъ вселенскимъ соборомъ циклъ своего догматическаго развитія, начинаетъ крѣпко держаться освѣщенной вѣками старины и становится крайне строгъ и остороженъ по отношенію къ новшествамъ.

Это, между прочимъ, осязательно замѣтно въ такомъ частномъ, но въ высшей степени интересномъ для иконографіи пунктѣ, какъ вліяніе и популярность новозавѣтныхъ апокрифовъ. Въ то время, какъ восточные отцы и учители церкви, съ оговорками, или безъ нихъ, допускаютъ апокрифическія распространенія и украшенія въ свои пересказы событій, западные поэты и ораторы первыхъ вѣковъ почти всегда строго держатся каноническихъ евангелій. Въ то время, какъ на христіанскомъ востокѣ народъ лучше зналъ апокрифы, нежели каноническія евангелія, какъ видно, напримѣръ, изъ тѣхъ разсказовъ о Богоматери и юномъ Христѣ, которые попали въ Коранъ [1]), на западѣ народъ распѣвалъ только псалмы и церковные гимны и столь же тщательно охранялся отъ продуктовъ благочестивой фантазіи, какъ и отъ остатковъ туземнаго язычества [2]).

Если не непосредственно отъ папы Геласія, то во всякомъ случаѣ изъ римскихъ правящихъ сферъ выходитъ знаменитый индексъ, и онъ несравненно сильнѣе вліяетъ на послушный (въ этомъ отношеніи) клиръ запада. Христіанскіе народные поэты, чуть не вчера вышедшіе изъ язычества, какъ Кедмонъ и его послѣдователи, держатся стараго эпическаго стиля, но облекаютъ имъ только содержаніе каноническихъ книгъ. Даже послѣ Карла Великаго авторъ Геліанда, а тѣмъ болѣе ученый Отфридъ [3]) держатся исключительно текста евангелій и распространеннѣйшихъ толкованій къ нимъ.

Но уже въ концѣ X в. эта строгость и осторожность исчезаютъ безъ слѣда. Уже высокообразованная монахиня аристократическаго монастыря Гросвита въ своемъ жизнеописаніи Богородицы слѣдуетъ

---

[1]) См. перев. Саблукова (Казань, 1877), гл. III, 30 и слѣд.; IV, 155; XIX, 18, 23, 28, 31; ср. Weil: Bibl. Legenden der Muselm. Frankf. a. M. 1845, стр. 280 и слѣд. Herbelot: Bibl. orient. passim.

[2]) Конечно, есть исключенія, и даже довольно раннія; въ родѣ, напримѣръ, Miraculorum libri Григорія Турскаго (Migne Patr. Lat. LXXI. 705 и слѣд.), гдѣ разсказывается и о виѳлеемской звѣздѣ въ колодцѣ (c. I), и о перенесеніи тѣла Богоматери въ рай (c. IV) и о многомъ подобномъ. Но все это—продукты востока, большею частью занесенные пилигримами и долго не проникавшіе въ народъ.

[3]) См. удобный сводъ въ книгѣ P. Piper: Die geistliche Dichtung des M. A. (J. Kurscher: Dentsche National Litteratur. Berl. u. Stuttgart) 1888.

тексту Псевдоматөея. Послѣ вышеуказаннаго перелома, апокрифы дѣлаются на западѣ чрезвычайно популярными; высокія и ученыя особы, какъ епископъ Фульбертъ (еп. съ 1017 г. † 1028 г.), открыто высказываютъ сожалѣніе, что признаны подложными и вредными такія интересныя книги, какъ первоевангеліе Іакова, и при самомъ твердомъ намѣреніи слѣдовать только каноническимъ книгамъ, сбиваются на апокрифы [1]). Продукты самой необузданной фантазіи востока, какъ арабское евангеліе „о дѣтствѣ“, пересказываются и прозой и стихами съ распространеніями и добавленіями, число которыхъ особенно увеличивается, когда священные сюжеты начинаютъ обрабатывать на языкахъ живыхъ, въ видѣ поэмъ, а потомъ и драматическихъ представленій. Въ этихъ поэмахъ создаются новые апокрифы, имѣвшіе, какъ мы увидимъ ниже, вліяніе и на иконографію и на церковные обряды, и дѣло, наконецъ, доходитъ до того, что евангельскія событія, столь пестро разукрашенныя, сливаются съ самыми смѣлыми произведеніями средневѣковой романтики (припомнимъ, напримѣръ, романъ о Фануэлѣ).

На почитаніе Богоматери этотъ переломъ выразился, если можно, еще нагляднѣе.

Отъ эфесскаго собора до иконоборства на византійскомъ востокѣ значеніе ея, какъ посредницы между Богомъ и людьми и защитницы православныхъ христіанъ, постоянно возрастаетъ; города украшаются храмами въ честь ея; даже въ бѣдныхъ кельяхъ отшельниковъ посвящаются ей часовни [2]). Гимны, ее прославляющіе, и ораторскія похвалы ей составляютъ видную часть духовной производительности. Реликвіи ея земной жизни становятся драгоцѣннѣйшими святынями [3]); ея предстательству приписывается одолѣніе православныхъ надъ невѣрными, и на ея покровительство болѣе, чѣмъ на крѣпкія стѣны свои, возлагаетъ упованіе столица имперіи [4]).

Извѣстно, что иконоборцы возстали противъ маріолатріи, но какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, нападенія меньшинства только усилили тенденцію большинства, и въ сочиненіяхъ Іоанна Дамаскина

---

1) Benrath. o. c. статья 2-я, стр. 212 и слѣд.

2) Метафрастъ (Migne CXVI, col. 956) разсказываетъ, что Амфилохій поселился въ Ликаоніи, при своей пещерѣ εὐχτήριον οἶχον τῇ ἀειπαρθένῳ τοῦ Θεοῦ λόνοῦ Μητρὶ ὡς οἷόν τε ἦν ἐν αὐτῷ σχεδιάσας. Амфилохій — другъ Василія Великаго, но здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣется въ виду обычай позднѣйшій IV вѣка.

3) Въ 473 г. перенесенъ въ Константинополь омофоръ Богородицы. Описаніе раки его см. у Амартола (ed. Muralt) 512—513. Ср. о немъ и о поясѣ Скарлата Византія: Ἡ. Κωνσταντινούπολις. I томъ, изд. 1890 г. стр. 587—8.

4) Объ осадѣ Аварской въ 625 г. и Акаөистѣ, см. К. Παπαρρηγοπούλου Ἱστορία (изд. 1886) т. III, 240 и слѣд.

православное ученіе о Богородицѣ достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Но — на этомъ дѣло и останавливается: догматъ закрѣпленъ на вѣки, и въ искусствѣ и поэзіи все дальнѣйшее есть только его естественныя послѣдствія.

Не то на западѣ. Всѣ объективные изслѣдователи согласны въ томъ, что въ началѣ среднихъ вѣковъ западъ относился къ Богородицѣ холоднѣе востока. Во время раздѣленія церквей византійцы обвиняли римлянъ, что они Богородицу „ἁπλῶς ἁγίαν Μαρίαν καλοῦσι“. Гергенрётеръ [1]) считаетъ это вздоромъ и даже не хочетъ возложить за него отвѣтственность на Фотія. Но развѣ неправда, что, напримѣръ, Григорій Турскій даже въ той главѣ De gloria Martyrum, гдѣ пересказываетъ успеніе Богородицы, не придаетъ ей другого эпитета, какъ beata, которымъ ниже (гл. XV) отличаетъ и Іоанна Крестителя? У византійцевъ Благовѣщеніе называется Εὐαγγελισμὸς τῆς ἁγίας или ὑπεραγίας Θεοτόκου, на западѣ оно большею частію Annunciatio Dominica или Domini Jesu [2]).

Такихъ мелкихъ, но характерныхъ фактовъ можно набрать длинный рядъ, не заглядывая даже въ область иконографіи; а изъ этой области приведемъ покамѣсть одинъ случай изъ середины IX вѣка: Эрмольдъ (Ermoldus Nigellus), описывая дворцовую церковь, построенную Карломъ Великимъ въ Ингельгеймѣ, при перечисленіи сюжетовъ изъ Новаго Завѣта, упоминаетъ Богоматерь всего одинъ разъ, въ изображеніи Благовѣщенія: „ангелъ приближается къ уху Маріи и привѣтствуетъ ее словами: вотъ дѣва Господа“ [3]).

Послѣ 1000-го г. мы видимъ совсѣмъ иное. Петръ Даміани (род. 1006 г.) называетъ Богоматерь Deificata, говоритъ о томъ, какъ Господь предъизбралъ ее для обновленія всего, имъ созданнаго. По Ансельму Кентерберійскому (род. 1033 г.): Deus est pater omnium creaturarum, Maria—mater rerum recreaturarum (подобнымъ же образомъ выражаются Бернаръ, Бонавентура и др.). Въ томъ же XI столѣтіи въ монастыряхъ совершаютъ въ честь ея особую службу и ей посвящаютъ субботу подобно тому, какъ Спасителю посвящено воскресенье. На Клермонскомъ соборѣ (1095 г.) папа Урбанъ II дѣлаетъ эту службу обязательной для всего клира. Къ концу вѣка ея имени посвящены цѣлыя сотни монастырей.

Въ томъ же XI столѣтіи начинаетъ развиваться особая полуна-

---

[1]) Hergenröther: Photius etc. Regensb. 1869, III, 196.

[2]) См. Morcelli Kalendarium Eccl. Constantinopolitanae. Romae. 1788 г. II, 76.

[3]) Didron: Annales archeologiques XVII, 9.

родная (предназначенная для простецовъ, но знающихъ по латыни) богородичная литература, памятники которой переполняютъ всѣ западныя хранилища рукописей. Вышеуказанному Ансельму приписывается Psalterium Mariae [1]) (подобные спеціальные псалтыри особенно многочисленны въ XIII в. [2]); въ XV в. появляются ихъ передѣлки на народный языкъ. Другіе сборники молитвъ къ Богоматери и восхваленій ея носятъ разнообразныя, часто вычурныя названія: Rosarium, Crinale, Annulus, Abecedaria и пр. Между рук. XIV в. часто встрѣчается Biblia Mariae (напримѣръ, Codex Monacensis № 5530, писана въ 1336 г. на пергам.); это реторическая похвала Богородицѣ, раздѣленная на такія главы, какъ Maria celum (къ тексту: In principio creavit Deus celum et terram), Maria lux, Maria terra fructificans (послѣдняя 30-я гл. назыв. Maria mater benedictionis) [3]). Именно въ XIV ст., когда религіозный экстазъ, какъ и всѣ другія чувства и мысли, выражался, по крайней мѣрѣ, столь же часто на живыхъ языкахъ, какъ и по латыни, культъ Мадонны переходитъ всякую мѣру: въ одной французской молитвѣ она называется матерью Святой Троицы [4]); въ ней обитали Отецъ, Сынъ и Св. Духъ [5]). На одной печати [6]) Богоматерь изображена между двумя святыми держащей крестъ съ распятымъ Христомъ, т.-е. является замѣной Бога-Отца въ извѣстной композиціи. Въ памятникахъ нѣмецкаго національнаго эпоса религіозная практика христіанства сводится прежде всего къ „Ave Maria“, такъ же какъ основа вѣроученія — къ тайнѣ рожденія Спасителя отъ Чистой Дѣвы [7]). Положимъ, въ томъ же XIV в. слышатся голоса, реаги-

---

[1]) См. Fabricius Bibl. lat s. nom. Ему же приписывается, но, безъ сомнѣнія, несправедливо Planctus b. Mariæ ad Anselmum (= Dialogus b. Mariæ virginis et Anselmi de passione Domini). Скромный эпитетъ beata удержался, какъ извѣстнаго рода переживаніе, но употребляется даже и въ XV в. греч. терминъ Theotocos.

[2]) Одинъ изъ нихъ составленъ Альбертомъ Великимъ. См. Mone Lat. Hymnen etc. II, 252. ср. 245.

[3]) Въ мюнх. же рукоп. № 5395 л. 122 безъ оглавленія: Incipit Biblia beate Marie virginis. In principio creavit Deus celum et terram. Gen. I, celum scilicet empireum, per quod intelligitur domina mundi Virgo Maria etc.

[4]) Пар. рукоп. Arcenal theol. lat. 319. O gentil pucelette meire a la Triniteit (выписка изъ бумагъ гр. Бастара въ Нац. библ. въ Парижѣ).

[5]) Ibid.

En toi se herburget li peire,
Li fis et li saint Esperis.

[6]) Heinececius: De veteribus sigillis etc. pl. XIII p. 150. Frankf. et Leipz, 1709, in F° (калька гр. Бастара, ibid. Depart. des Estampes).

[7]) Одинъ герой обращаетъ въ христіанство массу язычниковъ. (См. Поэмы Ломбардскаго цикла А. Кирпичникова. М. 1873, стр. 55 и 56) и научаетъ ихъ «вѣрѣ и Ave Maria»:

рующіе противъ такого чрезмѣрнаго усиленія культа [1]), но они, какъ когда-то протесты иконоборцевъ (только въ меньшей, конечно, степени), достигали лишь обратнаго результата. Раздавались изрѣдка протесты богослововъ противъ черезчуръ наивныхъ легендъ, въ которыхъ Мадонна ради своихъ поклонниковъ нарушаетъ всѣ божескіе и человѣческіе законы и прямую волю Господа; но общество не слушало и даже не слышало ихъ [2]). XV вѣкъ въ этомъ отношеніи есть прямое продолженіе XIV.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всѣ эти факты развитія почитанія Богоматери должны отразиться съ полною наглядностью въ иконографіи Благовѣщенія. Согласно вышеуказанному передѣлу, исторія этого сюжета должна бы распадаться на два большіе періода, которые вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и географическую основу дѣленія: періодъ византійско-восточный, приблизительно, до конца первой тысячи и полнаго раздѣленія церквей, и періодъ западный, приблизительно, отъ конца X вѣка до возрожденія. Но въ христіанской археологіи пока дѣленіе на періоды и географическія области часто представляетъ значительныя неудобства, а иногда и совсѣмъ бываетъ невозможно. Такъ и въ данномъ случаѣ. Во-1-хъ, изслѣдованію подлежатъ не всѣ произведенія извѣстнаго времени, а только незначительная часть ихъ, и изслѣдователь, не находя для извѣстнаго періода достаточно матеріала въ той области, гдѣ совершается развитіе сюжета, конечно, не пренебрежетъ памятниками западными, которые выражаютъ тѣ же идеи и въ тѣхъ же формахъ, а часто представляютъ даже наибольшій археологическій интересъ, именно по своей шаблонности и отсутствію личнаго художественнаго творчества. Во-2-хъ, въ архео-

---

Er lêrte si den glouben, der getriuwe Wolfdietrich,
und daz âvê Marjâ, daz geloubet sicherlich.

(впрочемъ, въ вар. вм. âvê Mariâ читается pater noster).

Немного выше тотъ же герой такъ разсказываетъ юной язычницѣ о христіанскомъ Богѣ: «Слушай: его родила на этотъ свѣтъ чистая Дѣва, по имени Марія, родомъ іудейка; ангелъ возвѣстилъ ей, что она родитъ намъ Спасителя».

Sich, den hât ein reiniu maget an dise welt getragen.
Diu ist geheizen Marjâ, daz wil ich dir sagen,
Und was auch ein judinne, daz sage ich dir für wâr.
Ir kunte ein engel daz si uns zeinem heile gebar.

[1]) Нѣсколько характерныхъ случаевъ указали Victor Le Clerc и Ern. Renan въ XXIV томѣ Histoire littéraire de France, стр. 6 и слѣд.

[2]) Характерный, именно свойственный второй половинѣ среднихъ вѣковъ, взглядъ выражается въ одной молитвѣ къ Богоматери, сохранившейся до сихъ поръ въ Исландіи (K. Maurer: Isländ. Volkssagen der Gegenwart. Leipz. 1860, стр. 194): «Моли Бога Отца, повелѣвай Сыну властію матери, ибо ты господствуешь надъ нимъ, безъ сомнѣнія. Разумъ и порядокъ оба требуютъ, чтобы мать стояла выше сына».

логіи мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, которое антропологи называютъ переживаніемъ, и позднѣйшіе по времени созданія византійскіе памятники часто представляли древнѣйшія идеи и формы; а съ другой стороны и въ позднихъ западныхъ памятникахъ мы можемъ и даже должны встрѣтить такія архаическія черты, которыя разъяснятъ намъ многое непонятное въ иконографіи византійской. Вотъ почему система распредѣленія матеріала, принятая Н. В. Покровскимъ, по основнымъ формамъ или композиціямъ, представляется намъ пока единственно удобной; но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что „нѣтъ необходимости перечислять всѣ особенности композицій въ памятникахъ западныхъ“; безличныя и болѣе или менѣе общепринятыя композиціи запада важны всѣ безъ исключенія, хотя бы уже по своему позднѣйшему вліянію на иконопись византійско-русскую,—вліянію, котораго, конечно, не отвергаетъ и проф. Покровскій.

Само собою разумѣется, что распредѣленіе матеріала по композиціямъ не исключаетъ необходимости заняться вопросомъ о появленіи первыхъ изображеній Благовѣщенія въ какой бы то ни было формѣ.

Первое изъ дошедшихъ до насъ описаніе изображенія Благовѣщенія пріурочивается ко времени до Эфесскаго собора. Оно приписывается западному поэ̀ту Пруденцію (ум. около 413), который въ своей поэмѣ „Диптихъ“ (Διττοχαῖον) [1], посвящаетъ этому сюжету слѣд. 4 стиха:

Adventante Deo descendit nuntius alto
Gabriel Patris ex solio, sedemque repente
Intrat virgineam. Sanctus te Spiritus, inquit,
Implebit, Maria, Christum paries, sacra virgo [2]).

Если повѣрить подлинности и полнотѣ этого описанія, надо признать, что изображенія Благовѣщенія встрѣчались довольно часто до Эфесскаго собора и были свободны отъ всякихъ апокрифическихъ чертъ, такъ же какъ изображеніе въ катакомбѣ Прискиллы. Но хотя мы и допустили вмѣстѣ съ проф. Покровскимъ катакомбное изображеніе, мы сдѣлали это потому, что предполагаемъ въ первые вѣка значительную свободу художника и возможность появленія сюжетовъ необычныхъ. Такой произволъ мало вѣроятенъ въ концѣ IV вѣка, и выводить заключеніе о распространенности и композиціи Благовѣщенія изъ вышеприведеннаго четверостишія, мы считаемъ невозможнымъ. Во-

---

[1]) Vielleicht an ein Monument anknüpfende Dichtung. Alzog Grundriss d. Patrologie. 4-te Aufl. Freib. 1888, стр. 550.

[2]) Migne Patr. lat. LX, c. 101.

1-хъ, подлинность Диптиха Пруденцiя сомнительна [1]). Во-2-хъ, какъ доказалъ Гахъ [2]), въ Диптихѣ описываются такiе сюжеты, которые навѣрно въ концѣ IV в. не изображались, и соединяются въ одну якобы картину такiе, которые требуютъ двухъ-трехъ. Въ-3-хъ, въ извѣстномъ письмѣ Дамаскина къ Ѳеофилу, при перечисленiи древнихъ иконописныхъ сюжетовъ Благовѣщенiе не упоминается [3]). Изъ всего этого, по нашему мнѣнiю, слѣдуетъ, что четверостишiе Диптиха такъ же мало доказываетъ обычность изображенiй Благовѣщенiя до Эфесскаго собора, какъ и обстоятельныя изложенiя этого событiя у проповѣдниковъ, напримѣръ, у св. Прокла (слово произнесено въ 429 г.): вѣдь тотъ же патрiархъ Проклъ съ такой же обстоятельностью и въ той же драматической формѣ излагаетъ и разговоръ Iосифа съ Богоматерью [4]).

И такъ, нельзя не согласиться съ Н. В. Покровскимъ, что „полную опредѣленность и ясность, хронологическую и художественную, представляетъ Благовѣщенiе въ мозаикахъ трiумфальной арки въ Марiи Великой въ Римѣ“ (стр. 8) и нельзя не признать, что это есть первое несомнѣнное изображенiе нашего сюжета; но слѣдуетъ, мы думаемъ, прибавить, что присутствiе двухъ ангеловъ-„хранителей“ и отсутствiе посоха въ рукѣ слетающаго и стоящаго ангела, также какъ и одежда Богоматери, указываютъ на то, что композицiя еще не успѣла въ это время выработаться [5]).

Къ раннимъ скульптурнымъ изображенiямъ Благовѣщенiя съ работой, описанной проф. Покровскимъ, мы считаемъ нужнымъ прибавить золотой энколпiй Оттоманскаго музея, относимый къ VII в. и описанный и воспроизведенный Стшиговскимъ [6]): на немъ Бого-

---

[1]) Alzog, l. c. Впрочемъ, мы должны прибавить, что Эбертъ (Ebert: Allg. geschichte der Literatur im Abendlande. 2-te Aufl. Lpz. 1889. I, 278—9), руководствуясь внѣшними данными, признаетъ его подлиннымъ.

[2]) D-r Theodor Hach: «Die Darstellungen der Verkündigung Maria in christlichen Alterthum» въ Zeitschr. für kirchl. Wissenschaft u. kirchl. Leben von D-r Luthardt. Leipz. 1885, стр. 379 и 425.

[3]) Migne XCV, 347, по словамъ Дамаскина, Константинъ Великiй ἐν ταῖς ἐκκλησίαις ἀνιστορεῖσθαι ἐνομοθέτησε καὶ ταῦτα ἐν ζωγραφικοῖς χρώμασι διαχαράττων, τὴν Βηθλεὲμ γέννησιν, τὴν τῶν ποιμένων αὐτοψίαν, τὴν τῶν μάγων δωρηφορίαν и т. д. и т. д. Проф. Бокъ (Bock въ Freiburger Diöcesan Archiv II Bd. 1866, стр. 412) вѣрно заключаетъ, что Дамаскинъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ виду, дѣйствительно, древнѣйшiя иконы, но die Richtigkeif der Zeitbestimmung haben wir allen Grund zu bezweifeln.

[4]) Migne LXV, col. 736 и слѣд.

[5]) Кстати по поводу посоха ангела считаемъ нужнымъ поправить педосмотръ Н. В. Покровскаго: на стр. 4 слова πήραν ἔχων ἐπὶ τῶν ὤμων καὶ ῥάβδον εἰς τὴν χεῖρα онъ переводитъ: пастырскiй жезлъ на плечѣ и лоза въ рукѣ». Слѣдуетъ перевести: котомка на плечѣ и жезлъ въ рукѣ.

[6]) D-r Jos. Strzygowski: Byzant. Denkmäler I. Wien 1891, Taf. VII; описанiе на стр. 101.

матерь изображена сидящей на тронѣ, правая рука ея передъ грудью, а лѣвая держитъ толстую нитку, конецъ которой опущенъ въ корзину; архангелъ изображенъ съ нимбомъ и крыльями. Расположеніе этихъ двухъ фигуръ и надпись: χερε χαιχαριτομενι ο κυριος μετα σου не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это Благовѣщеніе; но здѣсь есть и третья фигура, совсѣмъ необычная въ этотъ періодъ—женщина съ покрытой головой и въ длинной одеждѣ, съ скрещенными на груди руками, преклонившая колѣна передъ Богородицей. Правда, на окладѣ рукоп. національной библіотеки № 9393 (Рого-де-Флери относитъ этотъ окладъ къ VI в.) при Благовѣщеніи изображены, кромѣ Богородицы, еще двѣ женскія фигуры (одна съ покрытой головой, другая простоволосая) [1]; но тамъ онѣ ясно представляютъ прислужницъ (простоволосая отдергиваетъ занавѣсъ) и имѣютъ скорѣй орнаментное значеніе. Здѣсь же это, можетъ быть, заказчица энколпія или, вѣрнѣй, его оригинала.

Другой особенности этого изображенія энколпія, повидимому, не замѣтилъ г. Стшиговскій, но ее усмотрѣлъ г. Попадопуло-Керамевсъ, который былъ такъ любезенъ, что еще въ 1886 г. далъ мнѣ копію съ составленнаго имъ описанія этого памятника. По его словамъ, „между трономъ (Богоматери) и ангеломъ изображенъ горшокъ съ растеніемъ" [2]). Мы увидимъ эту подробность, не развившуюся на востокѣ, богато отразившейся черезъ много столѣтій на католическомъ западѣ.

Къ перечню византійско-восточныхъ миніатюръ, изображающихъ Благовѣщеніе съ рукодѣліемъ (Покр. 11—16), считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія поправки и дополненія.

1) Г. Покровскій говоритъ, что въ барбериновой псалтыри удержана композиція аѳонопандократорской псалтыри (съ Давидомъ), „но опущено рукодѣліе" (стр. 14). Въ барбериновой рукоп. Благовѣщеніе изображено два раза: на л. 74 и 114. Слова г. Покровскаго относятся къ первой миніатюрѣ; на второй Богоматерь работаетъ пурпуръ (оба раза она изображена сидящей на красной подушкѣ; архангелъ—стоящимъ).

2) Къ описанію миніатюръ въ словахъ Іакова коккиновафскаго, прежде всего надо добавить, что 5-му слову „на Благовѣщеніе" предшествуетъ миніатюра, изображающая исторію Гедеона, каковое прообразованіе въ псалтырныхъ Благовѣщеніяхъ указываетъ и самъ г. По-

---

[1]) Rohault de Fleury: S-te Vierge (Paris, 1878) I, Pl. VIII.

[2]) Ἀναμέσον τε τοῦ θρόνου καὶ τοῦ ἀγγέλου παρίσταται γάστρα μετὰ φύτον.

кровскій (ibid.); она довольно обстоятельно и почти вѣрно описана у Бордье [1]).

Была бы поразительна та настойчивость, съ какою церковное искусство на западѣ удерживало эту старинную параллель, еслибъ мы не знали, что и богослуженіе, и проповѣдь и поэзія постоянно напоминали объ ней. Не говоря уже о библіи бѣдныхъ, для которой параллели выискивались, она существуетъ на коврахъ XVI в., хранящихся въ Реймсскомъ соборѣ; при ней и стихотворная надпись:

Vipera vim perdit sine vi pariente puella,
Rore madet vellus, permansit arida tellus.

Въ 1562 г. въ маленькомъ городкѣ Béthune на Пятидесятницу представили 32 коротенькія мистеріи; это были сцены изъ Новаго Завѣта съ параллелями изъ Ветхаго. Вотъ совершенное описаніе первой изъ нихъ: „Premier hourt. L'Annonciation. La première figure: Eve et le serpent seulz. La seconde figure: Gédéon, armé, à genoux, l'Ange devant luy, vestu de blancq, et la peau d'ung agneau an mittant [2]).

Далѣе: описывая миніатюру на л. 157 Пар. рукоп. и 116 Ватик., стр. 15, г. Покровскій говоритъ: „изображены палаты, въ которыхъ сидитъ Богоматерь съ пряжею въ рукахъ; внизу съ лѣвой стороны служка мальчикъ выглядываетъ изъ-за драпировки" [3]).

Это положительная ошибка, которую, впрочемъ, съ Н. В. Покровскимъ раздѣляетъ и проф. Кондаковъ [4]) и Бордье (о. с. 165); это не служка-мальчикъ, а св. Іаковъ, младшій сынъ Іосифа, котораго умный художникъ изображаетъ на множествѣ миніатюръ, начиная съ л. 142-го по пар. кодексу, т.-е. со сцены водворенія Богоматери въ домѣ Іосифа [5]), гдѣ представлены всѣ 4 сына послѣдняго, и кончая послѣдней (пар. 254), гдѣ, послѣ суда надъ Богоматерью, ея новые родственники выражаютъ свою радость ея оправданію, а ребенокъ Іаковъ наивнѣе и живѣе всѣхъ. Св. Іаковъ изображенъ неотступно слѣдующимъ за Богоматерью, несомнѣнно, потому, что текстъ

---

[1]) H. Bordier. Description des peintures etc., contenus dans les Mss. grecs de la Bibl. Nat. Paris 1883, стр. 164—5. Бордье не отмѣтилъ, что 2-й, 3-й и 4-й круги зеленые; кромѣ того, въ 2-хъ кругахъ Гедеонъ не présente (le toison) à Dieu, а молится руно же лежитъ на землѣ.

[2]) Didron. Annales Archéol. X, 249 и слѣд.

[3]) Ср. «Мальчикъ съ рабочею корзинкою въ рукахъ», на стр. 42.

[4]) Исторія византійскаго искусства и пр. Одесса, 1876 г., стр. 227—228; но одинъ разъ этого слугу Кондаковъ называетъ «Іаковомъ Меньшимъ» (227). Ср. франц. переводъ, стр. 125 и 126.

[5]) Проф. Кондаковъ почему-то не усмотрѣлъ ея въ пар. кодексѣ l. c.; изображеніе неизвѣстныхъ слугъ съ нимбами было бы явленіемъ, до крайности необычнымъ.

Гомилій монаха коккиновафскаго слѣдуетъ Протоевангелію Іакова (хотя и не безъ вольностей и добавокъ). Что сыновья Іосифа были очевидцами и свидѣтелями всѣхъ обстоятельствъ домашней жизни Спасителя (а стало быть и его Матери), было общимъ убѣжденіемъ въ Византіи [1]).

Насколько въ рукоп. Гомилій тѣсно связана иллюстрація съ текстомъ, видно изъ послѣдней миніатюры этого Слова (пар. 177), гдѣ Богоматерь изображена смотрящей вq слѣдъ архангелу именно потому, что въ текстѣ сказано: архангелъ на ея глазахъ возлетаетъ на небо, чтобы тѣмъ сдѣлать ее болѣе увѣренною (βεβαιοτέραν) въ истинности его благовѣстія. Иное дѣло надписи надъ миніатюрами; тѣ могутъ находиться даже въ прямомъ противорѣчіи съ текстомъ, какъ, напр., на л. 159 пар. рукоп. (Благовѣщеніе у кладезя), гдѣ надпись гласитъ: *ὀπτασία τῆς θεοτόκου ὑδρευομένης*, а въ текстѣ прямо сказано, что ангелъ былъ невидимъ, да и въ изображеніи Богоматерь не оборачивается къ нему: очевидно, авторъ надписи слѣдовалъ болѣе распространенному преданію.

3. Очевидно, Н. В. Покровскій, говоря объ изображеніи Благовѣщенія въ аѳоноиверскомъ евангеліи (стр. 12), имѣлъ въ виду ту же миніатюру, которую описываетъ Брокгаузъ въ своей книгѣ объ аѳонскомъ искусствѣ (стр. 219) [2]); послѣдній прибавляетъ очень важную подробность: по его словамъ, сзади Богоматери, совсѣмъ направо, сидитъ маленькая фигура, также съ прялкой [3]). Очевидно, это та же служанка, которую Н. В. Покровскій указалъ въ греч. Евангеліи націон. библ. № 54 (по опредѣленію Омона XIV в.), и ниже (стр. 17 и слѣд.) въ нѣсколькихъ стѣнописяхъ и иконахъ. Выше мы упоминали двухъ служанокъ на окладѣ VI в. Жюльенъ Дюранъ [4]) описываетъ рельефъ изъ слоновой кости въ бодлейянской библ. въ Оксфордѣ съ изображеніемъ Благовѣщенія (VIII—X в.); Богоматерь изображена сидящей (безъ работы?); „она поднимаетъ руки въ знакъ

---

[1]) Напр., въ VII в. Chronik. Pasch. (Migne, 497 и слѣд.): Ἰάκωβος ὁ πρῶτος τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις κατακοσμήσας θρόνον, καὶ Ἰωσῆς καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας οὗτοι εἰσιν οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπερέται ἕως τοῦ τριακοστοῦ ἔτους τῆς κατὰ σάρκα ἐπιφανείας τοῦ μεγάλου Θεοῦ etc. Интересную параллель къ роли св. Іакова въ Гомиліяхъ представляетъ IV гл. апокрифа, извѣстнаго подъ именемъ Historia Josephi fabri lignarii (Tischendorf: Evang. Apocr., 2-е изд., 122 и слѣд.), гдѣ сказано: Et invenit (Maria) Jacobum minorem in domo patris ejus fractum animo atque moestum propter orbitatem (matris) et educavit illum. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о распространенности греческаго текста этой книги.

[2]) То различіе, что у Покр. «Богородица стоитъ спокойно... длань правой руки простерта», а у Брокг. die Jungfrau ist vom Sessel aufgestanden, mit abwehrender Geberde— не можетъ быть признано важнымъ.

[3]) Hinter ihr ganz rechts sitzt eine kleine Gestalt, gleichfalls mit Spindel.

[4]) Didron: Annales Arch., XX (1860 г.), стр. 118 и слѣд.

смущенія, которое испытываетъ". Около нея стоитъ женская фигура. Ж. Дюранъ находитъ ее безполезной, нарушающей единство сцены, и высказываетъ убѣжденіе, что она одолжена своимъ существованіемъ апокрифическимъ легендамъ [1]). Гр. Бастаръ скалькировалъ изображеніе Благовѣщенія въ церкви св. Михаила въ Павіи (XI в.); на которомъ Богоматерь изображена сидящей безъ рукодѣлья, а у ногъ ея сидитъ маленькая женская фигура, которая прядетъ, оглядываясь на ангела. Въ Веронѣ, въ церкви S. Giovanni in Fonte, на саркофагѣ 1130 г. Богоматерь только-что встала съ возвышеннаго сѣдалища; по сторонамъ ея двѣ служанки, старая и молодая, отдергивающія занавѣсъ. Рого де-Флери (о. с. I, 90) полагаетъ, что это фигуры символическія, изображающія синагогу и церковь. Ажинкуръ въ отдѣлѣ скульптуры (Pl. XXVI, № 5) воспроизводитъ падуанское Благовѣщеніе, по его словамъ, не позднѣе XIII в., гдѣ у ногъ Богоматери изображена сидящая дѣвочка. Отмѣтимъ еще пизанскую миніатюру XII в. (Rohault de Fl. I, 90), гдѣ вмѣсто служанки на полу сидитъ птица, въ которой видятъ пизанскій гербъ— орла, какъ бы отданнаго подъ покровительство Богоматери.

Къ тѣмъ стѣнописнымъ и иконнымъ Благовѣщеніямъ съ служанкою, которыя приводитъ Н. В. Покровскій, мы можемъ еще прибавить изображенія въ мироносицкой церкви въ Новгородѣ [2]) и въ ярославской церкви Николы Надѣинскаго; въ обоихъ случаяхъ служанка занята пряжею (но обращается лицомъ на голосъ архангела), а Богоматерь, вѣроятно, изображена безъ рукодѣлья (навѣрно безъ рукодѣлья на сорокинской иконѣ кіевскаго церковноарх. музея XV в., № 28). Изъ русскихъ миніатюръ такого состава можемъ указать рукопись Публичной библіотеки, I, Q, № 247 (пряха простоволосая) [3]).

---

[1]) Près d'elle est une femme debout, personnage inutile qui rompt l'unité de la scène et dont la presence est due sans doute aux légendes apocryphes.

[2]) См. арх. Макарія: Описаніе церковныхъ древностей Новгорода и пр. М. 1860, стр. 115—116.

[3]) Если повѣрить переводу Рого де-Флери, можно надѣяться найти литературное указаніе на эту женскую фигуру въ византійскомъ памятникѣ XII в. По его словамъ, у монаха Іоанна Фоки въ описаніи иконы Благовѣщенія, находившейся въ пещерѣ назаретской, говорится: Богородица «se retourne avec surprise, presque avec effroi, vers une amie qu'on aperçoit dans un coin de la pièce» (о. с. I, 90). Цитаты нѣтъ, но Іоанна Фоку найти не трудно у Миня въ 133 т., гдѣ на кол. 936 мы читаемъ: Богоматерь τοῦ θαλάμου ἐξιοῦσα σὺν φόβῳ γυναικὶ συγγενεῖ καὶ φίλῃ συναπαντᾷ καὶ ἀσπασμοῖς δεξιοῦται ταύτην φιλίοις (выходя изъ чертога со страхомъ, родственную и любезную женщину встрѣчаетъ и дружественно обнимаетъ). Что же это? еще новая композиція Благовѣщенія? Конечно, нѣтъ; это только доказательство того, что и въ тѣ отдаленныя и благочестивыя времена путешественники впадали въ такія же курьезныя ошибки, какъ иногда и современные архео-

Особнякомъ стоитъ миніатюра въ коаленевой рукоп. Назіанзена, № 239, л. 22 (XII—XIII в.), которую Н. В. Покровскій оставилъ безъ вниманія. Бордье (o. c. стр. 208) описываетъ ее такимъ образомъ: „Св. Дѣва стоитъ, закутавшись въ свое черное покрывало, которое некрасиво покрываетъ ея голову до самыхъ глазъ; ангелъ въ длинной голубой одеждѣ съ черными крыльями простираетъ къ ней правую руку. На нѣкоторомъ разстояніи, внѣ храма (передъ которымъ происходитъ Благовѣщеніе; Бордье считаетъ его храмомъ іерусалимскимъ) сзади ангела идетъ молодая женщина, болѣе красивая, чѣмъ св. Дѣва, и красивѣй ея одѣтая въ длинную свѣтлую одежду, съ діадемой на головѣ; въ правой рукѣ держитъ она маленькій домикъ, который, повидимому, подноситъ св. Дѣвѣ; надъ нею паритъ ангелъ „et semble la recommander". Въ этомъ изображеніи не мало необычнаго: во-1-хъ, Благовѣщеніе передъ храмомъ и безъ работы; во-2-хъ—на что Бордье не обратилъ вниманія—отсутствіе нимба у Богоматери, тогда какъ архангелъ имѣетъ таковой; въ-3-хъ, наконецъ, эта странная женщина въ діадемѣ съ „домикомъ". Но достаточно хотя бы прочесть описаніе другихъ миніатюръ этой рукописи у Бордье (стр. 205—214), чтобы убѣдиться, что иллюстраторъ рукописи человѣкъ изъ ряду вонъ: смѣлый до дерзости (см. изображеніе женщины и фаллоса на л. 121) и хорошій знатокъ „эллинской" миѳологіи и старины. Этимъ объясняются, думаемъ мы, первыя двѣ вольности. Что касается до загадочной царицы, мы полагаемъ, что ангелъ надъ нею не имѣетъ къ ней никакого отношенія: это тотъ же арх. Гавріилъ въ моментъ своего посланничества въ Назаретъ. Женщина въ діадемѣ, думаемъ мы, есть св. Елена. Бордье имѣлъ въ виду такое толкованіе, но отвергъ его на очень странномъ основаніи. Cette dame n'est pas sainte Hélène, car sa maisonnette est trop modeste pour représenter Sainte-Sophie de Constantinople etc.: во-1-хъ, въ миніатюрахъ, да еще такихъ мелкихъ, никакъ нельзя ожидать, чтобы подносимое зданіе соотвѣтствовало величію зданія дѣйствительнаго, а во-2-хъ, какое отношеніе имѣетъ св. Елена къ Софіи Константинопольской?!? Св. Елена, по преданію, построила храмъ въ Назаретѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ произошло Благовѣщеніе [1]), и преданіе же приписываетъ ей постройку первой

логи: на иконѣ рядомъ съ Благовѣщеніемъ было изображено цѣлованіе Маріи и Елисаветы. Подобнымъ же образомъ рядомъ съ Благовѣщеніемъ и безъ всякаго значка отдѣленія отъ него изображено Цѣлованіе и на вышеупомянутомъ энколпіи Оттоманскаго музея.

[1]) См., напр., Путешествіе игумена Даніила, подъ ред. Норова, Спб. 1864 г., стр. 132—133 (прим. 3).

церкви въ честь Богоматери въ Іерусалимѣ [1]); ей, на этомъ основаніи, вполнѣ прилично дѣлать такое подношеніе благовѣствуемой св. Дѣвѣ, какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ тексту Евангелія: ἰδοὺ γὰρ ἀπὸ τοῦ νῦν μακαριοῦσίν με πᾶσαι αἱ γενεαί.

Возвращаемся къ композиціи съ служанкою.

Отсутствіе этой фигуры въ Благовѣщеніяхъ французскихъ и нѣмецкихъ и присутствіе ея въ изображеніяхъ итальянскихъ и византійско-русскихъ—одно изъ многочисленныхъ доказательствъ того, что Италія въ средніе вѣка имѣла постоянныя художественныя связи съ Византіей и въ нѣкоторыхъ пунктахъ была ближе къ ней, чѣмъ къ германороманскому міру. Н. В. Покровскій не даетъ объясненія этой фигурѣ [2]); не можемъ дать вполнѣ удовлетворительнаго объясненія и мы [3]), хотя убѣждены, что таковое существуетъ въ какомъ-нибудь изъ литературныхъ (въ обширномъ смыслѣ слова) памятникахъ. Предположеніе Рого де-Флери, что двѣ женщины, присутствующія при Благовѣщеніи, представляютъ синагогу и церковь, во-1-хъ, пытается объяснить только тѣ немногія и выражающія изображенія, очевидно, еще неустановившійся типъ Благовѣщенія, гдѣ служанокъ двѣ, а во-2-хъ, противорѣчитъ художественной аксіомѣ, что всякій художникъ стремится быть понятымъ, для чего и употребляетъ пригодныя къ тому средства. Могъ-ли художникъ разсчитывать, что 2-хъ женщинъ, не имѣющихъ никакихъ характерныхъ признаковъ и съ одинаковымъ выраженіемъ созерцающихъ событіе, поймутъ, какъ синагогу и церковь только потому, что одна изъ нихъ старше другой [4])? Предположеніе Ж. Дюрана, что женская фигура обязана своимъ существованіемъ апокрифамъ, показываетъ, какъ плохо, даже въ 60-хъ годахъ, знали апокрифы и какъ наскоро работали въ юной наукѣ даже такіе почтенные люди, какъ ближайшіе сотрудники Дидрона. Отчего было не заглянуть въ Dictionnaire des Apocryphes Миня (1856—1858 г.) и не указать читателямъ этой „апокрифической легенды“? Мы не знаемъ такой легенды. Въ протоевангеліи поминаются 7 дѣвицъ, которыя

---

1) Кондаковъ. Византійскія церкви и пр., стр. 14, прим.

2) На стр. 21 онъ говоритъ только, что въ первый разъ встрѣтилъ ее въ рукописи Нац. библ., № 54.

3) Сравнительно позднее появленіе прядущей служанки и отсутствіе работы въ рукахъ у самой Богоматери въ иныхъ изъ Благовѣщеній съ служанкою не указываютъ-ли на стремленіе художника наглядно выразить земное величіе Богоматери не только трономъ и одеждою, но и тѣмъ, что ея работа переходитъ къ другому лицу? Параллели указать не трудно.

4) Рого де-Флери отмѣчаетъ еще, что la femme agée est chaussée; но это, конечно, не можетъ служить признакомъ синагоги.

вмѣстѣ съ Богоматерью бросали жребій о работѣ (гл. X), но онѣ не живутъ вмѣстѣ съ нею; что при Благовѣщеніи никто не присутствовалъ, ясно видно изъ гл. XII, гдѣ сказано, что Маріамъ забыла о тайнахъ (τῶν μυστηρίων), сказанныхъ ей Гавріиломъ; на то же указываетъ и судъ надъ Маріей („вода обличенія“), при которомъ она не могла привести свидѣтеля. Тотъ же судъ пересказанъ и у Псевдоматѳея; здѣсь Марія имѣетъ 5 сожительницъ (гл. VIII), но при Благовѣщеніи никто изъ нихъ, очевидно, не присутствуетъ (гл. IX). Не присутствуетъ, повидимому, никто изъ 7 спутницъ Маріи при Благовѣщеніи—здѣсь оно происходитъ въ Галлилеѣ въ домѣ родителей Маріи и безъ апокриѳическихъ подробностей—и по разсказу De nativitate Mariae (гл. IX). Въ Historia Josephi ничего не сказано о спутницахъ Маріи; за то у Іосифа, кромѣ сыновей, оказываются двѣ дочери Assia et Lydia (гл. II); но здѣсь Благовѣщеніе вовсе отсутствуетъ. Двѣ дочери Іосифа, которыхъ онъ поручилъ на воспитаніе Богоматери, поминаются и въ житіи ея, составленномъ монахомъ Епифаніемъ [1]), но относительно Благовѣщенія прямо сказано, что „никто изъ домашнихъ ея не узналъ объ этомъ событіи“ [2]). Нѣтъ ничего могущаго служить поводомъ къ появленію женской фигуры и въ латинскихъ житіяхъ св. Дѣвы, которыя большею частью пользуются всякимъ случаемъ для распространенія первоначальныхъ мотивовъ. Текстъ, изд. О. Шаде въ 1869 г. [3]) въ разсказѣ о Благовѣщеніи воспроизводитъ IX гл. Псевдоматѳея; текстъ, изд. имъ же въ 1870 г. по гиссенской рукописи [4]), прямо говоритъ, что Марія одна сидѣла внутри дома, когда явился ей ангелъ (cetere uero uirgines foris aute januam manebant et alia opera faciebant. Maria autem sola sedebat intus et inter labores psalmos ruminabat deuote). То же самое почти буквально повторено въ „Vita b. Virgi-

---

[1]) Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita cura A. Dressel. Parisiis et Lipsiae, 1843, стр. 20: παρέδωκεν αὐτῇ τὰς δύο θυγατέρας αὐτοῦ σοφίσαι καὶ συνετίσαι αὐτὰς ὡς ἑαυτῆς. Въ слав. переводѣ (по Торжественнику XVI в., см. Порфирьевъ, Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Спб. 1890, стр. 300) дочери эти называются Есѳира и Марѳа. Въ этомъ текстѣ есть любопытная вставка: «Се же все бысть воеже утаитися хытреца злобѣ діавола, древле назирающа Дѣвы, отнели же слыша Пророка глаголюща: се Дѣва» и пр. Ея нѣтъ въ Минеяхъ Макарія.

[2]) Καὶ οὐδεὶς ἔγνω τὸ γεγονὸς ἐκ τοῦ οἴκου αὐτῆς, l. c. 21. Слав.: никтоже увѣдѣ бывшаго отъ дому ея. Тоже у Кедрена, ed. Bonn. I, 326—327 Богоматерь διῆγε νηστεύουσα καὶ ἀπρόϊτος σὺν δυσὶ θυγατράσιν αὐτοῦ (Іосифа); но о Благовѣщеніи οὐδενὶ δὲ ἀπήγγειλεν.

[3]) Liber de infantia Mariae et Christi Salvatoris ex codice Stuttgartensi descripsit et enarravit Oscar Schade. Halle, стр. 22—23.

[4]) Narrationes de vita et conversatione b. Mariae virginis etc. ex codice Gissensi. Halle, стр. 10.

nes Marie et Salvatoris rhythmica“ [1]), которая встрѣчается въ большомъ количествѣ списковъ въ библіотекахъ всей Европы:

> Maria sola residens intus laborabat
> Ac inter labores suos psalmos ruminabat etc.

Вполнѣ естественно, что то же самое мы находимъ и въ передѣлкахъ этихъ „житій Богоматери“ на живые языки западной Европы [2]).

Въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ редакцій [3]) св. Дѣва немедленно послѣ Благовѣщенія сообщаетъ о событіи матери и дѣвамъ-спутницамъ; не то на православномъ востокѣ: у монаха Епифанія прямо сказано, что она никому не сообщала объ этомъ до вознесенія Господа на небеса [4]). Въ православной церкви рано и прочно утвердилось убѣжденіе, что тайну воплощенія Господь „пожелалъ скрыть не только отъ сатаны, но и отъ самыхъ небесныхъ силъ“ [5]); а между тѣмъ именно въ восточной иконографіи является не мотивированный свидѣтель Благовѣщенія [6])! Въ заключеніе нашихъ замѣчаній о композиціи съ рукодѣльемъ приведемъ нѣсколько литературныхъ свидѣтельствъ о ней. Вопервыхъ, для псалтырной его разновидности (Покр., стр. 13), въ которой „архангелъ представленъ шепчущимъ Богоматери на ухо“, небезъинтересенъ разсказъ Малалы (ed. Bonn, 362), буквально повторяющійся и въ Пасхальной хроникѣ (ed. Migne col. 809) и у Θеофана (ed. de Boar, I, 97) о нѣкоемъ патриціи Кирѣ (при Θеодосіи II, 408—450), который прямо изъ язычниковъ былъ сдѣланъ епископомъ Смирны; паства принудила его говорить проповѣдь на Рождество Христово. Онъ отдѣлался такой короткой рѣчью: „Братія! Рождество Господа и Спасителя нашего І. Х. должно быть почитаемо въ молчаніи, такъ какъ слышаніемъ однимъ Онъ былъ зачатъ въ св. Дѣвѣ (ὅτι ἀκοῇ μόνον συ-

---

1) Hsgb. v. D-r A. Vögtlin. Tübingen 1888 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, CLXXX, стр. 58.

2) У Филиппа 1618 Marjâ die maget aleine was | in ir kamern und dâ saz. У Вальтера, 50, 42, Marîa... vaz in einem gädemlîne alein и т. д. (Osc. Schade Liber de infantia l. c. примѣч.); что Alw. Schultz невѣрно передалъ Вернера, мною уже замѣчено въ Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXVIII, отд. 2, стр. 37.

3) Напр., Narrationes, гл. X, и Vita rhythmica, стр. 60.

4) Epiph. l. c. 21: οὐδὲ ἀπήγγειλέ τινι· οὔτε μὴν αὐτῷ τῷ Ἰωσήφ, ἕως οὗ εἶδεν εἰς οὐρανοὺς ἀνερχόμενον τὸν υἱὸν αὐτῆς.

5) Менологій Василія III, 27: Ἐπεὶ δὲ ἠθέλησεν οὐ μαθεῖν, οὐ μόνον τὸν σατανᾶν, ἀλλὰ καὶ αὐτὰς τὰς οὐρανίους δυνάμεις. Тоже см. въ Συναξαριστης των δωδεκα μηνων etc. Νικοδημου Αγιορειτου (εν Ζακυνθω, 1868), II, стр. 224, ср. примѣчанія. Ср. новѣйшій Μεγας Συγαξαριστης, III, 409.

6) Впрочемъ, мы должны указать на церковную пѣснь, которая если не мотивируетъ, то допускаетъ его появленіе: Σήμερον τῆς σωτηρίας ἡμῶν τὸ κεφάλαιον καὶ τοῦ ἀπ' αἰῶνος μυστιρίου ἡ φανέρωσις. Μεγας Συναξαριστης, 408.

νελήφθη ἐν τῇ ἁγίᾳ Παρθένῳ), ибо Онъ самъ былъ слово [1]). Ему же слава во вѣки вѣковъ".

Д-ръ Гахъ (о. с. 380 и слѣд.) цитируетъ паломника VI в., Антонія Мартира изъ Пьяченцы, по словамъ котораго Благовѣщеніе произошло не въ Назаретѣ, но въ 5 миляхъ отъ него, въ городкѣ Діоцезареѣ (по Тоблеру, нынѣ Siffiriah); тамъ находится корзинка (очевидно, для работы?) и возвышенное сѣдалище, на которомъ Богородица сидѣла, когда къ ней вошелъ ангелъ. Но послѣдующіе путешественники пріурочивали Благовѣщеніе къ Назарету, какъ видно, напр., изъ словъ Беды Достопочтеннаго (ed. Migne, XCII, 1038). „Въ Назаретѣ есть церковь въ томъ мѣстѣ, гдѣ ангелъ вошелъ къ бл. Маріи, чтобы благовѣствовать ей".

Къ VI же вѣку относится свидѣтельство Хориція [2]), который описываетъ икону Благовѣщенія такимъ образомъ: ангелъ, спустившись съ неба, приближается къ Дѣвѣ, занятой пряжею; Дѣва настолько поражена этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, что пурпуръ почти выпалъ изъ ея рукъ.

Этотъ пурпуръ патріархъ Германъ (VIII в.) въ своемъ словѣ на Благовѣщеніе ввводитъ въ діалогъ между Богоматерью и архангеломъ; „эта порфира, которую ты держишь, пожалуй, обозначаетъ царское достоинство" [3]).

Композиція Благовѣщенія съ рукодѣльемъ повліяла на народную поэзію: въ заговорѣ на кровотеченіе Богородица вышиваетъ краснымъ шелкомъ [4]); въ одной румынской пѣснѣ Богородица прядетъ золотыя нити на одежду своему сыну [5]). Въ позднѣйшихъ полународныхъ сказаніяхъ на евангельскія темы это та самая одежда, которая растетъ вмѣстѣ съ Христомъ (ср. König Orendel), тотъ самый нешвенный хитонъ, о которомъ при распятіи стражники метали жребій. Работа Богородицы осталась во владѣніи людей и творила многія чудеса.

Заканчивая съ этой композиціей Благовѣщенія, пользуемся случаемъ, чтобы познакомить публику съ одной изъ прекраснѣйшихъ ви-

---

[1]) Λόγος γαρ ἦν. Такъ Chr. Pasch.; у Малалы текстъ испорченъ.

[2]) Choricii Gazaei orationes, declamationes, fragmenta ed. Boissonade, стр. 91—98 (Ch. Bayet: Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiens en Orient avant la querelle des iconoclastes въ Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome, Fasc. X-me. Paris. Thorin. 1879, стр. 60—61).

[3]) Τάχα δὲ καὶ ἣν κατέχεις πορφύραν προμηνύει τὸ βασιλικὸν ἀξίωμα. Migne Patr. Gr. XCVIII, 320 и слѣд. Въ этомъ словѣ много подробностей изъ Протоевангелія.

[4]) Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр., I, 223.

[5]) А. Н. Веселовскій. Разысканія въ обл. дух. стиховъ, VI—X, стр. 225.

зантійскихъ миніатюръ XI в., взятой изъ рукописи Нац. библіотеки, № 75 (о ней Покровскій, стр. 12, Bordier, стр. 136—137). Не смотря на все, что писано въ послѣдніе годы, все же многіе убѣждены въ мертвенности и шаблонности византійскаго искусства; другіе, болѣе просвѣщенные, признавая въ немъ нѣкоторое движеніе и увѣрившись въ его огромномъ историческомъ значеніи, на основаніи немногихъ видѣнныхъ ими образцовъ, полагаютъ, что эстетическаго-то достоинства искать въ его памятникахъ совершенно напрасно, что въ художественномъ развитіи человѣчества произошелъ перерывъ, что оно даже шло назадъ почти цѣлое тысячелѣтіе и что если въ искусствѣ юстиніановой эпохи и даже позднѣе, до IX вѣка включительно, и встрѣ-

чается въ Византіи кое-что не совсѣмъ безобразное, то оно одолжено своимъ существованіемъ только рабскому копированію античныхъ образцовъ. Пусть и тѣ, и другіе всмотрятся въ этотъ изящный профиль архангела, въ выраженіе его прекраснаго лица (онъ и „жалѣетъ" Богородицу, какъ существо слабѣйшее, и благоговѣетъ передъ ней, какъ передъ будущей матерью своего Создателя), въ его полную движенія позу; пусть всмотрятся въ экспрессивную фигуру и прекрасно-строгое лицо Богоматери, и они должны будутъ согласиться и съ Стшиговскимъ, что византійское искусство есть прямое продолженіе античнаго (конечно, mutatis mutandis), и съ Крумбахеромъ, что византійская духовная жизнь есть, въ нѣкоторомъ родѣ, возрожденіе до возрожденія.

Переходимъ ко второй композиціи — Благовѣщенію „у кладезя". Н. В. Покровскій, съ свойственною ему осторожностью, подбираетъ

довольно длинный рядъ фактовъ (стр. 22—24) и воздерживается отъ всякихъ выводовъ объ отношеніи двухъ композицій между собою (кромѣ того, что Благовѣщеніе у кладезя „чаще можно видѣть на иконахъ въ составѣ цѣлаго ряда изображеній, относящихся къ акаѳисту Пресв. Богородицы"). Гораздо рѣшительнѣе его, при несравненно меньшемъ количествѣ данныхъ, высказывается г. Стшиговскій, одновременно съ нимъ занимавшійся этимъ вопросомъ [1]). Онъ утверждаетъ, что позднѣйшее византійское искусство остается при композиціи съ рукодѣльемъ (bleibt bei Spinn-Typus), что Благовѣщеніе у кладезя является только какъ исключеніе (ausnahmsweise), въ тѣхъ случаяхъ, когда Благовѣщеніе излагается во всей полнотѣ по апокрифамъ (слѣдуютъ указанія на монаха Іакова и на Кахріе Джами).

Но мы можемъ указать два факта, опровергающихъ категоричность этого утвержденія [2]). Въ армянской Missale монастыря св. Лазаря, № 904, XIV в., седьмая миніатюра изображаетъ Благовѣщеніе „у кладезя"; водоемъ имѣетъ оригинальную форму: онъ слегка расширяется книзу, а отверстіе состоитъ какъ бы изъ четырехъ незаконченныхъ и взаимно пересѣкающихся круговъ (какъ въ парижск. греч. рукоп. № 74, см. R. de Fleury, I, Pl. XV). Сзади водоема два дерева. Богоматерь и архангелъ стоятъ по обѣимъ сторонамъ его другъ противъ друга. Въ Евангеліи того же монастыря, 1586 г., та же композиція и то же положеніе дѣйствующихъ лицъ; но водоемъ имѣетъ видъ столба, по которому течетъ вода; идрія Богоматери у верха его, посерединѣ. Ни въ той, ни въ другой рукописи другого Благовѣщенія нѣтъ. Очевидно, оба иллюстратора эту форму считаютъ обычной и единственной законной [3]), но такъ какъ они, безъ сомнѣнія, видали и иконы, и миніатюры Благовѣщенія такой композиціи, гдѣ ангелъ и Богоматерь (съ рукодѣльемъ или безъ него) стоятъ одинъ противъ другого [4]), то они и составили форму, такъ сказать, промежуточную.

Тезисъ Стшиговскаго опровергается также и существованіемъ отдѣльныхъ иконъ Благовѣщенія у кладезя, на которыя указываетъ

---

[1]) Byz. Denkmäler, стр. 44.

[2]) Кстати, эти два изображенія не указаны у Н. В. Покровскаго.

[3]) Почему въ армянскихъ именно миніатюрахъ эта композиція получаетъ иногда преобладаніе, можетъ быть, опредѣлятъ арменологи.

[4]) Не говоря уже объ изображеніяхъ византійскихъ, безъ сомнѣнія, проникавшихъ въ Арменію, въ томъ же монастырѣ св. Лазаря мы имѣемъ: Евангеліе армянское X в. (№ 1, см. Strżygowski, o. c. 76—77), гдѣ Благовѣщеніе съ рукодѣльемъ, Евангеліе же 1331 г., гдѣ, повидимому, Благовѣщеніе тоже съ рукодѣльемъ, Евангеліе 1470 г., гдѣ Благовѣщеніе безъ рукодѣлья и безъ кладезя, тоже въ Евангеліи 1661 г. и т. д.

Н. В. Покровскій; противорѣчитъ ему также и то, что въ лубочныхъ изображеніяхъ Сивиллъ при Сивиллѣ Аѳригіи изображается Благовѣщеніе у кладезя, а текстъ не заключаетъ въ себѣ никакого указанія на апокрифъ [1]).

Благовѣщеніе у кладезя также отразилось въ народныхъ преданіяхъ и представленіяхъ. Въ одномъ изъ преданій оно связывается съ рождественской звѣздою [2]), которую благочестивые паломники могли видѣть, наклоняясь надъ колодеземъ виѳлеемскимъ. Виѳлеемскій колодезь, подъ вліяніемъ нашей композиціи, смѣшался съ назаретскимъ, и звѣзда, явившаяся надъ Богородицей при первомъ Благовѣщеніи, по народному преданію, оставалась надъ нею до Рождества Христова (опять-таки вліяніе иконографіи) [3]).

По представленію харьковскихъ крестьянъ „радуга есть труба, однимъ концомъ касающаяся неба, а другимъ опущенная въ какой-нибудь колодецъ, изъ котораго Богородица тянетъ воду“ [4]). Есть-ли это отраженіе нашей композиціи? Не утверждаемъ, но считаемъ возможнымъ.

Что касается до композиціи безъ кладезя и безъ рукодѣлья, которое Н. В. Покровскій называлъ Благовѣщеніемъ по Евангелію Луки (стр. 29), наиболѣе раннимъ изъ извѣстныхъ примѣровъ его, если не ошибаемся, слѣдуетъ считать изображеніе въ S. Maria ad praesepe (нач. VIII в.) [5]); къ русскимъ примѣрамъ, указаннымъ проф. Покровскимъ, мы можемъ прибавить угличскую Псалтырь 1485 г. (Публ. Библ.; въ витринѣ), рукоп. Публ. Библ. XVII в. Q, 1, 85; а также и изображеніе въ Строгановскомъ подлинникѣ.

Спорадичность его появленія (часто въ одной и той же рукоп. съ другой композиціей, напримѣръ, въ барбериновой Псалтыри, см. выше) и то обстоятельство, что „иконописные подлинники не усвояютъ ему самостоятельнаго значенія“ (Покр. l. c.), повидимому, доказываетъ, что это не есть особый иконописный типъ, а только ослабленіе типа съ рукодѣльемъ, часто безсознательное или полусознательное; при болѣе тщательномъ обслѣдованіи взаимнаго отношенія памят-

---

[1]) Ровинскій. Русск. нар. картинки III, 681—2.

[2]) См. проф. Сумцова: Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ, 1888, стр. 62—63.

[3]) Любопытно, что звѣзда, выходящая изъ какой-то урны, изображена на плохой гравюрѣ Благовѣщенія въ Μεγας Συναξαριστης. 1891 г. (т. III, стр. 408).

[4]) Аѳанасьевъ въ Поэт. Воззрѣнія I, 354.

[5]) Garucci, Storia dell'arte cristiana и пр. Prato. 1881. T. IV, стр. 97. Tav. 279. Это изображеніе западное по происхожденію, но въ началѣ VIII стол. итальянскій памятникъ такъ же мало можетъ считаться западнымъ по характеру, какъ и въ VI вѣкѣ.

никовъ, вѣроятно, окажутся случаи, когда художникъ, копируя Благовѣщеніе съ рукодѣльемъ, опускалъ послѣднюю подробность только потому, что не находилъ ей основанія въ Евангеліи или не понималъ ея.

Но, конечно, возможны и такіе случаи, что художникъ вполнѣ сознательно слѣдовалъ разсказу монаха Епифанія, по словамъ котораго Гавріилъ явился къ Богородицѣ въ время ея молитвы [1]; въ такомъ случаѣ она, разумѣется должна была изображаться безъ рукодѣлья и стоящею.

Мы совершенно согласны съ Н. В. Покровскимъ (стр. 30), что въ изображеніи Благовѣщенія съ младенцемъ, начертаннымъ во чревѣ Богоматери, нельзя предполагать никакой особой тенденціи, а только обычный пріемъ, служащій для усиленія наглядности изображаемаго событія; мы только убѣждены, что этотъ наивный пріемъ, гораздо болѣе свойствененъ католической, нежели нашей иконописи и склонны думать, что эта композиція явилась на Руси подъ вліяніемъ запада: Н. В. Покровскій, хотя и говоритъ о „греческихъ и русскихъ иконописцахъ“, но, перечисляя „сполна всѣ извѣстные“ ему памятники этого рода, не можетъ указать ни одной греческой иконы или миніатюры, а только русскія XVI и XVII в. Въ данномъ случаѣ, этотъ пріемъ имѣетъ свой raison d'être въ иконописной параллели „Цѣлованія Маріи и Елизаветы“, въ изображеніи котораго младенцы во чревѣ матерей занимали видное мѣсто. Извѣстно, что на западѣ сочинялись длинные діалоги, имѣвшіе мѣсто между Христомъ и Предтечею при „цѣлованіи“ матерей. Примѣръ барберинской Псалтыри (воспроизведеніе ея миніатюры см. у Покровскаго стр. 42) показываетъ, что обычай изображать въ этой евангельской сценѣ младенцевъ идетъ изъ Византіи (гдѣ „пріемъ“ однако же проявляется

[1]) Ed. Dressel pag. 21 προσευχομένης αὐτῆς ἀπεκαλύφθη αὐτῇ ὁ ἀρχάγγελος Γαβριὴλ ἀποσταλεὶς παρὰ τοῦ Θεοῦ. Подчеркнутыхъ словъ нѣтъ въ слав. переводѣ у Порфирьева о. с. стр. 300; но это чистая случайность, какъ это видно изъ того, что въ Бесѣдѣ трехъ святителей по солов. сборнику (Порф. о. с. стр. 378) отвѣтъ на вопросъ: «колько пребысть Марія у Іосифа въ дому» основанъ на переводѣ Епифанія и тамъ же сказано: «молящися еи (рукоп. і) явися архангелъ». Также въ изложеніи солов. хронографа (ibid. 404) сказано: «въ часъ девятый (Epiph. περὶ ὥραν ἐννάτην) молящися святой Богородицѣ предста ей архангелъ Гавріилъ». Бесѣда и хронографъ указываютъ на степень распространенности Епифанія.

[2]) Къ его списку мы можемъ прибавить указаніе арх. Макарія: Археол. описаніе церковн. древностей въ Новгородѣ и пр. М. 1860 г., стр. 15—16, по словамъ котораго «въ Городищенской церкви при персяхъ прядущей Богоматери есть изображеніе зачатаго младенца». Икона эта приписывается архим. Василію, который освящалъ храмъ въ 1345 г. Но можно-ли думать, чтобы икона не подвергалась реставраціи? Весьма возможно, что реставраторъ приписалъ младенца на Благовѣщеніи съ рукодѣліемъ.

въ гораздо болѣе сдержанной формѣ: младенца изображены не въ чревахъ, а надъ цѣлующимися). Воспоминаніе этой композиціи, надо думать, облегчило нашимъ предкамъ усвоеніе латинскаго типа Благовѣщенія съ младенцемъ.

Весьма возможно, что выраженіе духовнаго стиха (всѣ стихи на Благовѣщеніе—искусственные): „Дѣвая днесь во чревѣ вмѣщаетъ Творца" (Безсоновъ: Калѣки IV, стр. 9) вызвано этимъ иконописнымъ изображеніемъ [1]).

Н. В. Покровскій убѣжденъ, что типъ Благовѣщенія съ книгою „явился и окрѣпъ на западѣ... Отсюда онъ перешелъ въ Грецію и Россію" (стр. 20—31). Признаемся, что мы не раздѣляемъ его убѣжденія относительно области появленія типа (иное дѣло его закрѣпленіе и распространеніе), хотя въ настоящій моментъ и не можемъ привести достаточно вѣскихъ фактовъ для его опроверженія. Но мы считаемъ невѣроятнымъ, чтобы западъ въ такую раннюю пору—мы сейчасъ увидимъ, что Благовѣщеніе съ книгою было извѣстно тамъ уже въ первой половинѣ IX вѣка—могъ создать самостоятельный иконописный типъ. Съ другой стороны проповѣдники даже первыхъ вѣковъ столько говорятъ о начитанности Богоматери въ Св. Писаніи, что такой типъ Благовѣщенія является почти логической необходимостью.

Но ранній (сравнительно) византійскій памятникъ мы можемъ указать только одинъ, да и тотъ сомнителенъ; это рукоп. Евангелія Нац. библіотеки XII в., отмѣченная какъ Suppl. № 914; миніатюры въ ней чрезвычайно изящныя и съ нѣкоторыми архаическими чертами (Христосъ часто изображается со свиткомъ). Благовѣщеніе представлено на л. 158; Богоматерь стоитъ, и въ рукахъ у нея, повидимому, не работа, а золотая книга. Но эта миніатюра (какъ и большинство другихъ) такъ попорчена временемъ, что ручаться за это нѣтъ возможности.

Русскія Благовѣщенія съ книгою, безъ сомнѣнія, явились подъ западнымъ вліяніемъ; но едва-ли необходимо отодвигать всѣ таковыя къ XVII в., какъ это дѣлаетъ Н. В. Покровскій (стр. 31). Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки II, стр. 308 и 324) привелъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ, въ доказательство того, что въ Новгородской области западное вліяніе было сильно уже въ XV в. Икону Борисоглѣбскаго монастыря (гдѣ изображено Благовѣщеніе съ книгою, разогнутою на словахъ: Се Дѣва и пр.) арх. Амфилохій считаетъ не позже 1527 г.

[1]) Другая подробность: «Духъ святой сходитъ въ лицѣ голубинѣ», (Безсон. ibid. стр. 14) несомнѣнно, взята изъ иконы.

Весьма возможно, что соединенiе двухъ „переводовъ“ на иконѣ Грузинской Божьей Матери Симона Ушакова, вовсе не выражаетъ колебанія художника, какъ думаетъ Н. В. Покровскій (ibid.): мы уже видѣли, что западные литературные памятники мотивировали соединенiе работы и книги въ Благовѣщенiи; только книга, которую читаетъ Богоматерь, не пророчество Исаiи, а Псалтырь [1]).

Говоря о позднѣйшихъ византійско-русскихъ изображеніяхъ Благовѣщенія, на которыхъ уже отразилось вліяніе искусства западнаго, слѣдуетъ упомянуть о цвѣткѣ (иногда—цвѣтахъ); большею частію цвѣтокъ въ вазѣ помѣщается между Богоматерью и архангеломъ; иногда посохъ архангела обращается въ цвѣтокъ на длинномъ стеблѣ; иногда Богоматерь держитъ цвѣтокъ въ рукѣ [2]). Эта подробность настолько утвердилось у насъ въ XVII—XVIII вѣкахъ, что, напримѣръ, въ гравюрахъ и лубочныхъ картинахъ, сколько знаемъ, она неизбѣжна. Но и на византійской почвѣ она появилась довольно рано [3]) и укрѣпилась очень прочно. Она перешла и въ народныя представленія о Благовѣщеніи: по словамъ Каравелова [4]), въ Болгаріи дѣвушки 25 марта „собираютъ цвѣты, называемые лалета, за неимѣніемъ крема [5]) (онъ цвѣтетъ лѣтомъ), съ которымъ ангелъ Гавріилъ явился къ Богородицѣ“. По болгарскому же народному апокрифу самое зачатіе Спасителя приписывается тому, что Богоматерь понюхала цвѣтокъ, принесенный ей Гавріиломъ [6]).

Нѣтъ сомнѣнія, что время года, когда празднуется Благовѣщеніе, способствовало закрѣпленію этой подробности и вниманію къ ней народной массы [7]).

---

[1]) Въ ритм. житіи l. c.:

Sed cum illum legeret psalmum qui vocatur:
«Benedixisti domine terram» cum profatur
Hunc versum: «In me dominus audiam quid loquatur»
Tunc redemptionis nostre salus inchoatur.

[2]) Такъ, по словамъ Брокгауза, въ Ватопедскомъ монастырѣ (H. Brockhaus: Die Kunst in den Athos-Clöstern. Leipz. 1891, стр. 112—113. Н. В. Покровскій (стр. 30) упоминаетъ Благовѣщеніе въ Архангельскомъ соборѣ, но не говоритъ, что между Богоматерью и Архангеломъ изображенъ «цвѣтъ нетлѣнія, произростающій изъ сосуда, похожаго на кувшинъ» (А. Лебедевъ: Моск. Арханг. соборъ М. 1880, стр. 163).

[3]) Брокгаузъ указываетъ аѳонскую икону 1360 г., но живописецъ ея Phrangos Katellanos, т.-е. очевидно, изъ тѣхъ каталонцевъ, которые такъ безпокоили Византію въ эту пору. Двойное изображеніе цвѣтовъ (eine Vase mit Nelken neben ihr, т.-е. Богородицы und eine Vase mit anderen Blumen neben dem Engel), очевидно, принесены имъ съ запада.

[4]) Памятники народнаго быта болгаръ. М. 1861, стр. 195.

[5]) Т.-е. лиліи.

[6]) Веселовскій: Разысканія въ области русск. дух. стиха VI—X Спб. 1883, стр. 421.

[7]) По представленію малороссовъ «Богъ благословляетъ въ этотъ день всѣ растенія»; См. Чубинскій: Труды этногр. статист. экспедиціи III, стр. 11 (Спб. 1872). Любо-

Подъ вліяніемъ занесенныхъ съ запада „свободы искусства“ и реализма, въ концѣ до-петровскаго періода у насъ являются и такія изображенія Благовѣщенія, которыя нельзя пріурочить ни къ какому типу; такъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ, въ церкви Рождества Христова есть такая икона: Богоматерь и ангелъ изображены стоящими другъ противъ друга; между ними въ перспективѣ виденъ работающій топоромъ Іосифъ; въ лѣвомъ углу иконы изображенъ Богъ Отецъ, посылающій архангела.

Заканчивая свое изслѣдованіе византійско-русскихъ композицій Благовѣщенія, Н. В. Покровскій перечисляетъ тѣ иконописные сюжеты, на формированіе которыхъ повліяло изображеніе этого событія. По нашему убѣжденію, къ числу ихъ слѣдуетъ прибавить благовѣщеніе Іоакиму и Аннѣ о рождествѣ Богородицы. Благовѣщеніе Аннѣ, къ которой ангелъ большею частью слетаетъ сверху, въ длинномъ рядѣ памятникомъ напоминаетъ Благовѣщеніе у кладезя: благовѣщеніе Іоакиму изображается такъ же, какъ и явленіе ангела Захаріи.

Къ западнымъ памятникамъ (какъ мы замѣчали и выше) Н. В. Покровскій отнесся съ меньшимъ вниманіемъ, и потому пополнить этотъ отдѣлъ его изслѣдованія мы считаемъ особенно необходимымъ.

Прежде всего мы считаемъ полезнымъ сообщить рядъ чужихъ наблюденій надъ западными миніатюрами, наблюденій, не опубликованныхъ въ печати: это—замѣтки и кальки покойнаго графа Бастара, любезно предоставляемыя начальствомъ Парижской нац. библіотеки въ распоряженіе серьезно занимающихся читателей. Трудъ проф. Покровскаго много облегчился бы, если бы онъ, работая въ Парижѣ, могъ ими воспользоваться.

Въ этихъ калькахъ находится длинный рядъ изображеній Благовѣщенія X, XI, XII и XIII вѣковъ, по композиціи очень однообразныхъ: Богоматерь безъ рукодѣлья и безъ книги и ангелъ стоятъ другъ противъ друга; у ангела почти всегда посохъ вѣстника, изрѣдка оканчивающійся крестомъ; съ XIII в. верхній конецъ посоха часто имѣетъ видъ лиліи (6 случаевъ, всѣ изъ Франціи). Одинъ разъ (Evangeliaire

---

пытный отзвукъ благовѣщенскаго цвѣтка находимъ мы среди черкесовъ-магометанъ: см. сборникъ газеты «Кавказъ» годъ 1846. Тифлисъ 1847 (разборъ въ Библ. д. Чт.» 1847; № 8 Литер. лѣтопись). Эти черкесы (бывшіе еще въ прошломъ столѣтіи христіанами) 7 апрѣля празднуютъ надышатахъ, что значитъ: подарить свѣжими цвѣтами. Въ этотъ день женщины и дѣвушки собираютъ цвѣты и дарятъ другъ друга, какъ онѣ говорятъ, «въ ознаменованіе того, что ангелъ при Благовѣщеніи Святой Маріи принесъ цвѣтокъ».

de la bibliothéqûe du roi. Lavallière № 55 2-ой половины XII в.) у ангела въ рукахъ свитокъ.

Одинъ изъ первыхъ случаевъ Благовѣщенія съ книгою (Богоматерь стоитъ) встрѣчается во французской миніатюрѣ конца XII в. (Psautier Mss. franç. № 1132 bis).

Гр. Бастаръ имѣлъ въ своемъ владѣніи Bible allegorisée XIII ст., съ которой онъ снялъ 15 изображеній Благовѣщенія, всѣ съ отмѣнами одно отъ другого. Богоматерь иногда сидитъ (къ тексту: et cogitabat qualis esset istra salutatio), большею частію съ книгою, иногда стоитъ съ книгою же. Наверху иногда изображенъ Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ. Ангелъ то съ посохомъ, то безъ него. Иногда изображенъ летящій къ Богоматери голубь [1]). Нѣтъ ни разу летящаго младенца, но въ 3-хъ случаяхъ, ангелъ передаетъ Богоматери на руки младенца съ крестовымъ нимбомъ. Нѣтъ ни разу изображенія лиліи. Одинъ разъ илображены „слова» у Богоматери и у ангела.

Въ первый разъ (?) ангелъ изображенъ колѣнопреклоненнымъ на фасадѣ Орвіетскаго собора XIII вѣка.

Двѣ кальки съ монументальныхъ памятниковъ XIII же вѣка (фреска въ Кутансѣ 1284 г. и стекло въ Ліонѣ) представляютъ Богоматерь стоящею, съ книгою, а ангела на колѣняхъ.

Въ началѣ XIV в. Бастаръ можетъ указать въ латинской библіи, ему принадлежащей, Благовѣщеніе съ рукодѣльемъ (съ прялкою). Но рукопись писана въ Италіи, и стиль рисунковъ византійскій.

Старѣйшее, по мнѣнію Бастара, изображеніе Благовѣщенія съ цвѣтами въ сосудѣ находится въ Псалтыри королевы Бланки XIII в.; это условная лилія безъ вѣтвей и листьевъ; въ XIV в. въ Италіи (только въ Италіи?) лилія появляется въ рукѣ ангела.

Летящій младенецъ Христосъ появляется во Франціи въ аллегорическихъ библіяхъ съ конца XIII в.

Въ XIV в. часто изображается десница Господня, выходящая съ неба; постепенно къ XV ст. она замѣняется погруднымъ изображеніемъ Бога-Отца; онъ благословляетъ десницей и имѣетъ державу въ шуйцѣ; на главѣ его иногда корона, которая въ концѣ XV в. обращается въ тіару.

---

[1]) Относительно летящаго голубя, который изображенъ въ Maria Maggiore и существуетъ на Благовѣщеніяхъ X, XI и до конца XII в. (съ этихъ поръ онъ встрѣчается все чаще и чаще, съ конца XIII в. пріобрѣтаетъ нимбъ, въ XIV и XV в. становится обязательнымъ), Бастаръ дѣлаетъ смѣлое предположеніе: не придѣланъ-ли онъ реставраторомъ Маріи Великой?

Въ XIV в. большею частію Богоматерь и ангелъ изображаются стоящими; въ XV в. ангелъ, окончательно становится на колѣни [1]), но и Богоматерь изображается колѣнопреклоненною передъ аналоемъ, на которомъ лежитъ открытая книга.

Съ XIV в. въ Италіи (только въ ней одной?) комната, въ которой происходитъ Благовѣщеніе, есть жилая комната Богоматери; съ конца XV в. въ ней появляется кровать. Въ XV же в. она украшается царской роскошью.

Калька съ скульптурнаго изображенія Благовѣщенія отъ середины XV в. (1443—53, Франція) представляетъ особый случай: кромѣ колѣнопреклоненнаго Гавріила, здѣсь изображенъ другой ангелъ, который подноситъ Богоматери какой-то предметъ въ родѣ ящика (книга пророчествъ?).

Вотъ главнѣйшіе изъ результатовъ, добытыхъ Бастаромъ; такъ какъ это только черновой матеріалъ, то въ немъ, естественно, встрѣчаются и противорѣчія и недостаточно обоснованныя предположенія; на все же онъ не лишенъ значительной цѣнности.

Матеріалъ, нами собранный, мы попытаемся изложить въ хронологическомъ порядкѣ. Начинаемъ съ памятника литературнаго.

Отфридъ Вейсенбургскій (род. около 790) въ своей Книгѣ Евангелій пересказываетъ Благовѣщеніе въ выраженіяхъ, показывающихъ, что онъ (или его источникъ) зналъ „переводъ", соедипявшій рукодѣлье съ книгою:

Giang er (engil) in thia palinza, fand sia drûrênta,
mit psaltern in henti, then sang si unzi in enti,
Uuáchêro duacho nuerk uuirkendo,
diurêro garno, thaz deta siu io gerno [2]).

Т.-е. Пришелъ онъ (ангелъ) въ палаты, нашелъ ее печальной [3]), съ псалтырью въ рукахъ, она пѣла ее до конца, работая работу надъ великолѣпной матеріей, дорогой пряжей; это дѣлала она всегда охотно.

Бенратъ (о. с. статья 2-я стр. 77) относитъ къ IX ст. миланскій покровъ на алтарь, работы западнаго художника; на немъ Богоматерь изображена сидящей на возвышенномъ тронѣ и съ книгою. Рого-де-Флери воспроизводитъ это изображеніе (S. Vierge I, Pl. X), но предметъ, который держитъ Богоматерь, не книга, а скорѣе прялка, впрочемъ, очень странной формы.

---

[1]) Изображеніе ангела стоящаго и летящаго дѣлается исключеніемъ.

[2]) P. Piper: Die älteste deutsche Litteratur bis um Jahre 1050 (Deutsche National Litteratur v. Ios. Kürschner) Berl. u. Stnttg. стр. 209.

[3]) Вѣрнѣй: серьезной (букв. съ опущенными внизъ глазами).

Но отъ IX же вѣка мы имѣемъ два памятника, въ которыхъ нѣтъ ни работы, ни книги: 1) окладъ изъ слоновой кости Мюнхенскаго Евангелія (№ 17011, cum pict. 56), гдѣ Богоматерь и ангелъ изображены стоящими, а между ними доска, на которой надпись: Ecce ancilla dñi и т. д.; въ Нац. библ. рукоп. Евангелія же № 9386 in 4⁰ (изъ Шартра), гдѣ Богоматерь сидитъ на креслѣ, ангелъ же стоитъ передъ нею.

Къ X в. относится бенедикціонарій Этельвольда, еп. Винчестерскаго, въ Благовѣщеніи котораго два наблюдателя независимо другъ отъ друга видятъ именно соединенный „переводъ", описанный Отфридомъ. Рого-де-Флери воспроизводитъ его (о. с. Pl. XIV); что Богоматерь правую руку положила на книгу, видно всякому; предметъ, который она держитъ въ лѣвой рукѣ, ne peut être qu'une navette, говоритъ Рого-де-Флери (стр. 85). Ткацкій же челнокъ усматриваетъ здѣсь и гр. Бастаръ, какъ видно изъ его рукописной замѣтки.

Изображеній Благовѣщенія безъ работы и безъ книги (большею частію Богоматерь изображена стоящей; всегда она дѣлаетъ жестъ удивленія или сомнѣнія) мы имѣемъ очень много; перечислять ихъ нѣтъ надобности; отмѣтимъ только на особой калькѣ Бастара миніатюру въ Ахенскомъ Евангеліи (appartenu à M. le chanoine von Orsbach, гдѣ наверху изображена десница Господня въ крестовомъ сіяніи.

Фёге въ своемъ 2 года назадъ вышедшемъ изслѣдованіи [1]) собралъ довольно длинный рядъ рукоп. памятниковъ X—XI в., приблизительно, изъ одной мѣстности. Благовѣщеніе изображается въ нихъ однообразно: ангелъ стоитъ налѣво отъ зрителя, съ длиннымъ жезломъ; правую руку онъ поднялъ, какъ говорящій; Богоматерь стоитъ противъ него, жестомъ выражая удивленіе. Вдали виденъ городъ [2]). Исключеніе составляетъ брешіанская рукоп., относимая авторомъ къ той же школѣ (основанія намъ не кажутся безусловно убѣдительными); въ ней Богоматерь сидитъ на тронѣ налѣво отъ зрителя.

Отъ XI вѣка такихъ изображеній Благовѣщенія еще больше. Мы отмѣтимъ только рукоп. нац. библ. Missale Romanum (№ 819 in 8⁰ л. 70), гдѣ, въ противность, „типу" и Богоматерь, и ангелъ стоятъ лицомъ къ зрителямъ.

[1]) Wilh. Vöge: Eine deutsche Malerschule um die Wende des erstens Jahrtausends. Trier 1891. (Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte u. Kunst. Ergänzungsheft VII). О Благовѣщеніи см. стр. 55, 59, 203 и др.

[2]) Иногда, какъ напримѣръ, въ рукоп. Нац. библ. № 817 (л. 12) башни города изображены надъ сводомъ, подъ которымъ происходитъ Благовѣщеніе.

Къ XI—XII в. относится окладъ изъ слоновой кости на лекціонаріи Трирскаго собора № 144 съ Благовѣщеніемъ, которое Бастаръ описываетъ въ отдѣльной замѣткѣ такимъ образомъ: „обѣ фигуры очень вытянуты; нимбы золотые. Богоматерь стоитъ передъ сѣдалищемъ безъ спинки; въ лѣвой рукѣ она держитъ не прялку, а веретено; передъ ангеломъ на землѣ стоитъ маленькій сосудъ или корзинка, содержащая 3 небольшіе шара, которые я считаю тремя клубками нитокъ". Въ рѣзьбѣ старыя формы сохраняются дольше. Но, можетъ быть, это итальянская или даже прямо греческая работа? Мы не находимъ рукодѣлья въ памятникахъ даже съ такими слѣдами старины, какъ Мюнхенская рукоп. Евангелія апракосъ XI—XII в. № 15903 (c. pict. 52), въ которомъ Христосъ часто изображается со свиткомъ; одинъ разъ (л. 51) у ногъ Спасителя 9 барашковъ и пр.; Благовѣщеніе (л. 31) изображено здѣсь по общему типу.

„Типъ" разнообразится въ XII в. Въ Missale нац. библ. № 833 in F⁰ л. 184 ангелъ и Богоматерь стоятъ другъ противъ друга; у Богоматери въ рукахъ красная книга. Въ Мюнх. бревіаріи (c. pict. № 54 л. 56) книги нѣтъ, по сверху къ Богоматери летитъ голубь, а у ногъ ея молящійся человѣкъ съ выстриженнымъ гуменцемъ закащикъ—игуменъ?). Въ рукоп. св. Марціала въ Лиможѣ (вторая половина XII в.) Богоматерь не простираетъ десницы впередъ, но обѣ руки слагаетъ на груди въ знакъ благочестиваго удивленія (отдѣльная калька Бастара; въ этой рукоп. есть и другія любопытныя отступленія отъ типовъ XII в.: при Рождествѣ надъ головою Богоматери горитъ лампа; рѣютъ ангелы; при бѣгствѣ въ Египетъ изображены двѣ пальмы; при поклоненіи волхвовъ, старшій изъ нихъ лобзаетъ у Христа руку и т. д.).

Въ XII же вѣкѣ, надо думать, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, на западѣ возрождается „переводъ" съ рукодѣльемъ. Куглеръ [1]) воспроизводитъ миніатюру изъ рукоп. Виллерама (стало быть, невозможно думать объ итальянскомъ или греческомъ ея происхожденіи), хранящійся въ Берлинѣ (Theol. lat. Q. № 140): у ангела посохъ, на вершинѣ котораго нѣчто въ родѣ лиліи; у Богоматери (также стоящей), Куглеръ изобразилъ длинныя четки, оканчивающіяся крестомъ съ одной стороны, а съ другой—двумя шарами, которые лежатъ въ сосудѣ на землѣ. Не ясно-ли, по сравненію съ древнѣйшими изображеніями, что это есть рукодѣлье, не понятое художникомъ или

---

[1]) Fr. Kugler: Kleine Schriften und Studien zur Kunstgesch. I. Stuttg. 1853, стр. 7.

изслѣдователемъ? самъ Куглеръ находитъ здѣсь „византійскій стиль, какъ онъ развился въ концѣ XII вѣка“ [1]).

Бастаръ на отдѣльной калькѣ воспроизводитъ Благовѣщеніе изъ „кентерберійской“ библіи хранящейся въ библ. св. Женевьевы (XII—XIII в.). Ангелъ и Богоматерь стоятъ; правую руку Богоматерь подняла; въ лѣвой у нея, повидимому, прялка.

Два случая Благовѣщенія съ рукодѣльемъ мы можемъ указать изъ XIII вѣка. Въ мюнх. рукоп. Евангелія апракосъ (lat. 23339, c. pict. 62, л. 1) ангелъ стоитъ безъ посоха; одною рукой онъ дѣлаетъ жестъ говорящаго, другою поддерживаетъ свою одежду подъ локтемъ; Богоматерь стоитъ; въ правой ея рукѣ прялка, въ лѣвой клубокъ нитокъ, у ногъ—корзина; наверху видны остатки изображенія города. Другой случай описываетъ E. aus'm Weerth (фреска кельнской церкви второй половины XIII в.) [2]): „Богородица сидитъ подъ аркадою, держа веретено; слетающій сверху голубь касается ея головы [3]); она слушаетъ рѣчь ангела, который приближается къ ней съ почтеніемъ, держа скипетръ, оканчивающійся лиліей. Между Маріей и Гавріиломъ въ странномъ монументальномъ сосудѣ стоитъ лилія“ [4]).

Въ XIII же вѣкѣ встрѣчается и композиція съ колѣнопреклоненною Богоматерью; такъ, въ рукоп. Нац. библ. (lat. № 8846, л. 190), Богоматерь на колѣняхъ передъ книгою; ангелъ на одномъ колѣнѣ, держитъ лилію; въ двери домика сидитъ сѣдой старикъ.

Въ рукоп. св. Марка (lat. I, LXXVII л. 13, вѣроятно, французскаго происхожденія) ангелъ съ вѣтвью въ рукахъ, преклонилъ одно колѣно передъ стоящею Богоматерью.

Въ псалтыри Бамбергской библіотеки (A. I. 33, по отдѣльной калькѣ Бастара) Богородица и ангелъ изображены стоящими; у ангела въ рукѣ свитокъ.

Къ XIII же вѣку относится, кажется, мало затронутый, но очень любопытный по стилю мюнхенскій бревіарій № 2640 (c. pict. 75); на л. 4 Благовѣщеніе изображено такъ: Богоматерь стоитъ; ангелъ идетъ къ ней, держа въ лѣвой рукѣ посохъ, оканчивающійся золотой

---

[1]) ... wie er sich am Schlusse des XII Jahrh. entwickelte, стр. 10.

[2]) Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfr. im Rheinlande, Heft. LXIX. Bonn. 1880, стр. 63.

[3]) Une colombe blanche touche le front de Marie въ фрескѣ капеллы св. Михаила à Rocamodour, которую Дидронъ считаетъ anterieur au XIII s. (Ann. Arch. VIII, 278); здѣсь Богоматерь изображена сидящею.

[4]) Цвѣтокъ въ сосудѣ см. также въ Нац. библ. № 1023, л. 313 и № 1077, л. 8°, обѣ рукоп. XIII вѣка.

лиліей; волосы ангела рыжеватаго цвѣта; они нѣсколько разъ перевязаны.

Къ концу XIII в. относится рукоп. Нац. библіотеки (fr. 9561), о которой мы давали отчетъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1892, авг. (стр. 242 и слѣд.); въ ней, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка (съ л. 129), удивленіе Богоматери, выражено чрезвычайно рельефно; поза ангела (такъ же какъ и посохъ съ лиліей и спускающійся съ неба голубь, ярко-бѣлый въ оригиналѣ) можетъ служить выраженіемъ кульминаціоннаго пункта въ развитіи культа Мадонны. Но здѣсь еще нѣтъ налоя и книги и нѣтъ великолѣпныхъ палатъ; мѣсто дѣйствія— при входѣ въ довольно скромное зданіе съ любопытной надстройкой.

Заглянемъ въ нѣкоторые литературные памятники.

Вотъ какъ излагается Благовѣщеніе во французской поэмѣ по рукоп. конца XIII в.: „Дѣва въ это время была въ храмѣ; ей было всего тринадцать лѣтъ. На колѣнѣ она держала свою псалтырь, начала молиться Богу. Небо раздѣлилось, отверзлось; Гавріилъ спустился оттуда, освѣтилъ храмъ яркимъ блескомъ и принесъ ей такое привѣтствіе; онъ сказалъ ей: Господь привѣтствуетъ, Марія, тебя, исполненную Божьей милости, и да будешь ты высокоуважаема, почитаема выше всѣхъ женщинъ и да будетъ благословенъ твой плодъ, вмѣстѣ съ тобою Іисусъ Христосъ. Дѣва почувствовала большой страхъ, когда она увидала великій блескъ, произведенный ангеломъ, который принесъ привѣтствіе, чего никогда не бывало съ ней" [1]).

Авторъ этой поэмы слѣдуетъ евангельскому разсказу, избѣгая апокрифовъ; прибавки, которыя онъ дѣлаетъ (возрастъ Богородицы, чтенія псалтыря, свѣтъ и мѣсто дѣйствія), мы назвали бы произвольными, еслибъ онѣ не имѣли тѣсной связи съ иконографіей.

Въ другихъ старофранцузскихъ пересказахъ ясно видно вліяніе апокрифа de Nativitate (гл. IX neque angelica visione territa, neque luminis magnitudine stupefacla, sed in solo ejus sermone turbata est и т. д.

[1]) La Virge estoit a icest tans
Ou Temple, n'avoit que XIII ans,
Sor son genil tint son sautier,
Deu comançai a deprier,
Li ciel partit, li ciel ovrit,
Sainz Gabriel en descendit.
Ou Temple grant clarté geta
Et cest salut li aporta;
Se li dist: Deu te saut, Mariu,
De la Deu grace raemplie,
Et tu soies bien aürée,
Sor totes fames honorée
Et li tienz fruz soit benoïz,
Ensemble toi est Jhesu Criz»
La Virge ot moût grant paor,
Quant ele vit la graut luor
Que li sainz anges li geta
Qui lo salut li aporta
Que onques mais fait ne li fu.

(Romania XVI, 45, по рукописи Арсенала № 5201).

ср. Покровскій, стр. 26). Такъ, въ Гренобльской рукоп. романа о Фануэлѣ (Romania XVI P. Meyer Notice du Ms. 1137 de Grenoble) мы читаемъ:

La Vierge n'est pas esmeüe
Pour la clarté qu'el out veüe
Mès mout forment s'es merveilla
Qu'en tel guise la salua [1]).

То же самое, почти дословно, находимъ мы въ рукоп. Нац. библ. конца XIV в. [2]), но дальше [3]), имѣется любопытная прибавка:

Par le salu, que l'ange dist,
Par la destre oreille i entra
Jhesu, quant il s'i en ombra.

(Затѣмъ слѣдуетъ извѣстное сравненіе съ проходомъ солнечнаго луча черезъ стекло).

Это странное представленіе, обязанное, безъ всякаго сомнѣнія, своимъ происхожденіемъ реторической фигурѣ, которая намъ знакома уже изъ ранней Византіи (см. выше), попало во французскую поэзію изъ латинскаго гимна:

Gaude, pia mater Christi,
Quae per aurem concepisti.

Въ прозаическомъ респонзоріи второй половины XIII в. (Bréviaire Ms. de l'Arcenal, théol. lat. 128, fol. 67) мы читаемъ: Suscipe verbum, virgo Maria, quod tibi a Domino per angelum trausmissum est, concipies per aurem, Deum paries et hominem и пр.

Развиваясь далѣе, оно доходитъ до наивнаго кощунства: въ одной передѣлкѣ Метаморфозъ (Arcenal. Le Roman des fables d'Ovide. Belles Lettres fr. № 19 vol. 24, изъ отдѣльной замѣтки Бастара) la Vierge Marie conçut par l'oreille et enfanta par la bouche [4]).

Изъ миніатюръ XIV в., отмѣтимъ рукоп. итальянскаго происхожденія (Нац. библ. № 757, бревіарій прекрасно иллюстрированный л. 295), въ которой ангелъ преклонилъ одно колѣно передъ Богома-

---

[1]) Тоже въ Conception Baca (Rom. XVI, 237) и даже еще ближе къ тексту:

La dame n'est pas conmehue
De la clarté qu'ele ai vehne;
Asez avoit elle vaü
Angez dou ciel a li venu
Ma de ce se merveilla
Qu'au tiel guise la salua.

Ср. тоже по изд. Lusarche: La vie de la Vierge Marie. Tours. 1859.

[2]) Rob. Reinsch: Die Psendo-Evangelien von Jesu und Maria's Kindheit. Halle. 1879, стр. 79, стихъ 35.

[3]) Ibid. стр. 82, ст. 134 и слѣд.

[4]) Бастаръ въ отдѣльной замѣткѣ приводитъ (безъ ближайшаго указанія и объясненія) случай изъ XV в., гдѣ это кощунство уже нельзя назвать наивнымъ: франц. перифразъ вышеприведенныхъ стиховъ гимна оканчивается словами: Et de la peut être a-t-on dit faire des enfants par oreille.

терью, сидящей съ книгой; около Богородицы цѣлая библіотечка на невысокой этажеркѣ (живописный комментарій къ разсказу о ея начитанности въ св. Писаніи).

Вообще итальянскія миніатюры этого времени несравненно интереснѣе французскихъ и нѣмецкихъ; въ нихъ часто свободный замыслъ художника соединяется съ такой стариной, которая можетъ быть объяснена только долгой и близкой связью съ Византіей. Въ этомъ отношеніи очень любопытно изображеніе Благовѣщенія въ рукоп. Евангелія въ библіотекѣ св. Марка (riservo LV): Богоматерь сидитъ на престолѣ подъ навѣсомъ, имѣя на колѣняхъ раскрытую книгу; лѣвою рукою она обхватила столбъ, поддерживающій навѣсъ; очевидно, этимъ она выражаетъ страхъ и удивленіе. Ангелъ изображенъ шествующимъ; правую руку онъ простеръ впередъ, какъ говорящій; въ лѣвой держитъ посохъ съ лиліей; на ушахъ его изображены „слухи". Между ангеломъ и Богоматерью нѣчто въ родѣ столба, изъ-подъ котораго течетъ вода: ясный остатокъ Благовѣщенія у кладезя. Голова и плечи Богоматери украшены тремя звѣздами.

Въ мюнхенской библіи итальянскаго происхожденія (№ 21261 c. pict. 50), Благовѣщеніе изображено по старому типу: безъ колѣнопреклоненія, безъ книги и безъ лиліи. Эта композиція, въ силу своей простоты, сохраняется и во французскихъ рукоп. не только въ XIV, но даже и въ XV в., когда миніатюра помѣщается въ заглавной буквѣ.

Какъ примѣръ свободы и реализма итальянскихъ миніатюристовъ XIV в., отмѣтимъ мюнхенское Missale итальянской работы 1374 г. (№ 10072 cum pict. 17), гдѣ на 1-мъ листѣ изображено Благовѣщеніе: ангелъ преклонилъ колѣна; Богоматерь сидитъ, положивъ книгу въ сторону; голубь летитъ къ Богоматери. Между нею и ангеломъ, кромѣ лиліи въ сосудѣ, находится собака, поднявшая кверху морду; подъ кресломъ Богоматери сидитъ кошка.

Но въ той же рукоп. на л. 9-мъ изображено Благовѣщеніе въ той же композиціи, но безъ вышеупомянутыхъ ультрареалитическихъ подробностей.

И, наконецъ, въ той же рукоп. на л. 242 мы видимъ опять-таки Благовѣщеніе бо́льшаго размѣра, гдѣ ангелъ изображенъ спускающимся на землю и готовящимся стать на одно колѣно. Къ Богоматери, кромѣ голубя, летитъ нагой младенецъ съ крестомъ на плечѣ. Это слишкомъ наглядное выраженіе воплощенія, нѣсколько случаевъ котораго указано и Н. В. Покровскимъ (стр. 37), особенно часто встрѣчается въ XV вѣкѣ.

Лилія, по вполнѣ понятной причинѣ, играетъ особенно выдающуюся роль въ Благовѣщеніяхъ Франціи: не только ангелъ имѣетъ лилію на концѣ своего посоха, но и вторично та же лилія изображена въ сосудѣ; въ этомъ сосудѣ иногда три цвѣтка, по числу лицъ св. Троицы; иногда ангелъ подноситъ Богоматери (конечно, уже правой рукою) лилію съ тремя цвѣтками, иногда съ семью, по числу даровъ св. Духа.

Что въ XIV в. не былъ забытъ и такой переводъ Благовѣщенія, по которому ангелъ влеталъ черезъ окно, доказываетъ описаніе ризницы С. Омерской Богоматери [1]), гдѣ поминается пиксида изъ слоновой кости in qua quidem piccide est de flore, quem b. Virge tenuit ante filium et de fenestra, per quam Gabriel angelus intravit salutans b. Virginem Mariam.

XV вѣкъ на Западѣ особенно богатъ разнообразными „переводами“ Благовѣщенія, которые, впрочемъ и переводами назвать трудно: столько въ нихъ, повидимому, личнаго произволу; но на самомъ дѣлѣ произволъ выражается только въ такихъ деталяхъ, какъ кошка подъ кресломъ Богоматери, или въ томъ, что символическая лилія въ вазѣ превращается въ простое украшеніе комнаты [2]); для остального же не трудно найти параллели въ болѣе древнихъ изображеніяхъ и основанія въ церковной литературѣ.

Прежде всего укажемъ историческое изображеніе 1429—31 гг. на „значкѣ“ (le panon ou guidon) Іоанны д'Аркъ, „на которомъ было нарисовано какъ бы Благовѣщеніе, т.-е. фигура Богоматери, имѣющей передъ собою ангела, который подноситъ ей лилію“ [3]).

Въ этомъ столѣтіи сильно распространяется „переводъ“ съ летящимъ младенцемъ, примѣровъ котораго мы могли бы указать нѣсколько десятковъ; бо́льшею частью у младенца есть нимбъ и на плечѣ крестъ; обыкновенно онъ слѣдуетъ за бѣлымъ голубемъ; но въ латино-франц. рукоп. Нац. библіотеки № 9471 (по каталогу это livre d'Heures, но на самомъ дѣлѣ скорѣе Bible historiée или Biblia pauperum) на л. 212 младенецъ уже долетѣлъ до Богоматери и ручками касается ея шеи (Богоматерь держитъ здѣсь передъ собою не книгу, а развернутый свитокъ).

---

[1]) См. Vallet de Viriville: Essai sur les Archives historiques du chapitre de l'église cathédrale de N. Dame, S.-Omer. 1844, стр. XL.

[2]) См. то и другое на 1-й таблицѣ Ernst aus'm Weerth: Kunstdenkmäler des christl. Mittelalters in den Rheinlanden. 1 Abth. Bonn. 1857—66. Но и здѣсь корзинка съ клубкомъ, стоящая на полу, не есть-ли воспоминаніе о рукодѣльѣ?

[3]) «On quel estoit paincte comme une Annonciation, savoir l'image de Notre Dame ayant devant elle un ange lui présentant un lys». Annales arch. I, 92 (1844).

Изъ изображеній этого перевода, укажемъ еще Speculum humanae salvationis Нац. библ. № 511, гдѣ младенецъ помѣщенъ за голубемъ, Богоматерь держитъ передъ собою книгу, но оригинально то, что подъ столомъ ея видна цѣлая небольшая библіотека (ср. выше).

Бастаръ (въ особой замѣткѣ) увѣряетъ, что онъ видалъ изображеніе божественнаго младенца, котораго Господь посылаетъ въ отдѣльно находящееся сердце, разумѣется Богородицы; но въ XV в. мы не встрѣчали такихъ случаевъ (они возможны въ гравюрахъ XVI в.).

Но изображенія съ однимъ бѣлымъ голубемъ, спускающимся по лучамъ небеснымъ, безъ младенца, несравненно чаще; можно утверждать, что въ это время онъ становится безусловно необходимымъ въ Благовѣщеніи. Увѣреніе Н. В. Покровскаго, будто „иногда св. Духъ идетъ къ Богоматери по жердочкѣ, которую держатъ Богъ-Отецъ“ (стр. 36), основано, повидимому, единственно на снимкѣ съ неизвѣстной картины въ книгѣ м-ссъ Джемсонъ [1]), а этотъ снимокъ основанъ на недоразумѣніи: граверъ изобразилъ лучи, которые исходятъ обыкновенно изъ устъ Господа, а иногда изъ его груди, такъ, какъ будто они исходятъ изъ десницы Господней.

Изъ изображеній съ голубемъ отмѣтимъ оригинальный случай въ вышеупомянутой парижской рукоп. № 9471; на л. 45 Благовѣщеніе изображено такимъ образомъ: Богоматерь сидитъ на золотомъ престолѣ, благоговѣйно сложивъ руки; ангелъ передъ нею преклонилъ колѣно; въ рукахъ его „слова“; направо внизу пророкъ Исаія съ „словами“ (Ecce virgo etc.). Налѣво наверху Богъ-Отецъ съ державой и благословляющей десницей; отъ него къ Богоматери летятъ два ангела, а впереди ихъ по лучамъ бѣлый голубь.

Еще оригинальнѣе изображеніе здѣсь же на л. 60, которое, пожалуй, тоже можно считать особымъ „переводомъ Благовѣщенія“: Богоматерь сидитъ, держа на колѣняхъ нагого младенца-Христа; Богъ-Отецъ надѣваетъ на него золотую сорочку. Подпись гласитъ: „То, что Іаковъ одѣлъ своего сына Іосифа въ прекрасную одежду, озна-

---

[1]) Mrs. Jameson Legends of the Madonna. London 1864, стр. 165. Кстати замѣтимъ, что книга Экля (B. Eckl), которую Н. В. Покровскій цитируетъ (стр. 36), какъ самостоятельное сочиненіе, есть простой пересказъ книги м-ссъ Джемсонъ. Мы назвали бы ее недобросовѣстнымъ плагіатомъ (имя ученой англичанки не названо ни въ заглавіи, ни въ предисловіи), еслибъ здѣсь не было смягчающаго обстоятельства: д-ръ Экль, можетъ быть, и имѣлъ намѣреніе указать на несамостоятельность своей работы, но онъ умеръ, не совсѣмъ ее докончивши, а Карлъ Атцъ, кончавшій послѣдній листъ, можетъ быть, и не зналъ о существованіи книги: Legends of the Madonna.

чаетъ Отца небеснаго, который одѣлъ сына одеждою плоти во чревѣ Дѣвы Маріи [1]).

Вліяніе иконографіи Благовѣщенія на изображеніе „Мадонны съ младенцемъ" видно и въ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ (см. отдѣльныя кальки Бастара съ рукоп. XII, XIII и XIV в.), гдѣ Мадонна лѣвой рукой держитъ Христа, а въ правой—лилію [2]); эта лилія, иногда встрѣчается и при поклоненіи маговъ.

Къ двумъ случаямъ Благовѣщенія съ рукодѣльемъ въ XV в., указаннымъ у Н. В. Покровскаго (стр. 35), мы можемъ прибавить франц. рукоп. Нац. библ. (№ 181 in F⁰) превосходной, художественной работы. Въ ней два, сравнительно старые „перевода" Благовѣщенія находятся почти рядомъ: на л. 10 Богоматерь занята работой на ткацкомъ станкѣ; ангелъ изображенъ летящимъ; а на л. 15 Богоматерь молится, преклонивъ колѣна; ангелъ стоитъ сзади нея.

Conceptio per aurem рѣзко выражено во французской же Bible historiée Нац. библ. (№ 167 in F⁰), заключающей въ себѣ до 5.000 мелкихъ миніатюръ; на л. 29 Благовѣщеніе изображено такъ: ангелъ преклонилъ колѣно; Богоматерь стоитъ; между ними ваза съ лиліями; голубь (сравнительно, очень большихъ размѣровъ) слетаетъ съ неба, и клювъ его почти касается уха Богоматери. На л. 242 изображеніе повторено, только ангелъ нарисованъ стоящимъ.

Въ XV и нач. XVI в. указаны [3]) и такіе оригинальные „переводы" Благовѣщенія: Богоматерь изображена гуляющею въ цвѣтникѣ, ангелъ держитъ въ рукахъ книгу, или: Богоматерь сидитъ на тронѣ, ангелъ подноситъ ей оливковую вѣтвь. Въ Liber precum Нац. библ. (lat. № 923, л. 21), ангелъ, стоящій на колѣняхъ, указываетъ Богоматери на спускающагося голубя. Все это домыслы художниковъ, тѣсно связанные съ евангельскимъ текстомъ: ангелъ указываетъ на голубя, живописуя текстъ: Spiritus sanctus superveniet in te; оливковою вѣтвью предвозвѣщается pax in terra, который снизойдетъ послѣ рожденія Спасителя; книга въ рукахъ ангела, есть книга пророчествъ.

Но въ миніатюрахъ XV—XVI вв. на каждое изъ такихъ болѣе или менѣе оригинальныхъ изображеній Благовѣщенія приходится нѣсколько десятковъ изображеній типичныхъ, въ которыхъ творчество художника ограничивается большей или меньшей красотой фигуръ, вы-

---

[1]) Ce que Jacob vesti Joseph son filx la belle cote senefie le per du ciel qui vesti le filx de la cote de char ou ventre la Vierge Marie.

[2]) Позднѣе, подъ вліяніемъ натурализма, эта лилія замѣняется яблокомъ.

[3]) См. Ed. Laforge: La Vierge, type de l'art chretien etc. Lyon. 1864, стр. 124.

раженіемъ лицъ и незначительными деталями; въ нихъ Богоматерь стоитъ на колѣняхъ передъ аналоемъ съ раскрытой книгой; къ ней по золотымъ лучамъ слетаетъ голубь; ангелъ преклонилъ передъ нею колѣна. Это благоговѣйное положеніе ангела—характерная черта западнаго Благовѣщенія конца среднихъ вѣковъ. Вотъ какъ сильно подчеркнута она въ описаніи представленія Благовѣщенія, которое въ XVI в. въ Турнэ (Tournai) совершалось въ самой церкви, какъ часть праздничной обѣдни [1]): Angelus faciet tres ad Virginem salutationes. Primo ad illud verbum: ave humilitabit se tam capite, quam corpore... Ad illa verba: gratia plena faciet secundam humilitationem flectendo mediocriter genua sua... Ad illa verba: Dominus tecum tunc faciet tertiam humilitationem ponendo genua usque ad terram et finita clausula assurget, Virgine interim non movente.

Относительно аллегорической формы Благовѣщенія съ единорогомъ, которой Н. В. Покровскій посвящаетъ небольшой экскурсъ, мы, во-первыхъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать библіографическое добавленіе и указать на недавно вышедшую книгу Зальцера [2]), гдѣ собраны, по возможности, всѣ сравненія Спасителя съ единорогомъ въ латинскихъ гимнахъ и нѣмецкой поэзіи; а во-вторыхъ, хотя мы и не имѣемъ основанія не согласиться съ проф. Покровскимъ, что „примѣненіе сказаній физіологовъ (объ единорогѣ) къ изображенію Благовѣщенія составляетъ плодъ средневѣковой мысли запада" (стр. 40, въ самомъ концѣ главы), но мы не можемъ не указать, что основа для такого примѣненія дана еще въ первые вѣка христіанства: блаженный Іеронимъ (род., по изслѣдованію Данкó, 331 г., ум. 420 г.) въ толкованіи на евангеліе Матѳея (I, 2) примѣняетъ къ Спасителю пророчество Валаама (Числъ 23, 22 и 24, 8): Θεὸς ὡδήγησεν αὐτὸν ἐξ Αἰγύπτου, ὡς δόξα μονοκέρωτος αὐτῷ.

Разставаясь съ изслѣдованіемъ Н. В. Покровскаго о Благовѣщеніи, мы не можемъ не отмѣтить двухъ его общихъ положеній, по нашему мнѣнію, очень плодотворныхъ для будущности иконографіи: это, во-1-хъ, его убѣжденіе, что между иконой и церковной пѣснью существуетъ самая тѣсная связь, а во-2-хъ, его взглядъ на роль апокрифовъ въ иконописи (стр. 27—28) и демаркаціонная черта, кото-

---

[1]) Didron: Annales archéologiques XVII, 167 и слѣд.

[2]) D-r Anselm Salzer: Die Sinnbilder u. Beiworte Mariens in der deutschen Literatur u. lat. Hymnenpoesie des Mittelalters. Linz. 1888—90, стр. 44—50. Здѣсь же на стр. 162—170 приведены сравненія Богоматери съ лиліей (ср. у Покровскаго, стр. 40), между прочимъ, и съ такими деталями: 3 цвѣта лиліи означаютъ 3 основныя добродѣтели св. Дѣвы; viror significat humilitatem, candor castitatem, color aureus caritatem.

рую проводитъ онъ между „невиннымъ“ преданіемъ, которое могло быть древнѣе и самого апокрифа, и „вымысломъ еретической фантазіи“. Мысль о громадной важности богослуженія для объясненія памятниковъ церковной живописи высказана и Брокгаузомъ въ его вышеуказанномъ изслѣдованіи объ искусствѣ въ аѳонскихъ монастыряхъ (стр. 149—149), но высказана съ такою рѣзкостью и исключительностью, что въ этомъ видѣ едва-ли можетъ считаться прочнымъ научнымъ выводомъ. Брокгаузъ говоритъ: „Изъ двухъ источниковъ, которые даютъ содержаніе для иконъ, евангелія и преданія, иконы черпаютъ не непосредственно; мѣру, въ какой пользоваться ими, даетъ имъ богослуженіе... Гдѣ богослуженіе выходитъ за предѣлы евангелія, тамъ охотно выходитъ за эти предѣлы и икона... и наоборотъ... Вообще въ литературныхъ памятникахъ слѣдуетъ только тогда искать источниковъ (для иконописной композиціи), когда таковыхъ не оказывается въ правильномъ, живописцу безъ исканій предлагающемся богослуженіи“ [1]). Стало быть, если богослуженіе установлено прочно и незыблемо, то и иконопись должна оставаться неподвижной? Но на самомъ Аѳонѣ (не говоря уже о русской церковной живописи) изслѣдователь не можетъ не видѣть слѣдовъ вліянія католическаго запада, тогда какъ онъ не въ состояніи указать таковыхъ въ православномъ богослуженіи того же времени. Далѣе, развѣ можно отвергать существованіе спеціально иконописной традиціи и смотрѣть на каждаго художника, какъ на изобрѣтателя композиціи, независимаго отъ предшественниковъ? развѣ не дожило, напр., почти до нашихъ дней обмываніе Христа въ изображеніи Рождества, хотя въ богослуженіи нельзя указать ему поддержки? Наконецъ, страннымъ представляется выдѣленіе богослуженія изъ „литературы“; развѣ ранніе гимнографы не такіе же „литераторы“, какъ и авторы поученій, и развѣ можно не признать, что они сами вдохновлялись, между прочимъ, и иконописью? Между богослуженіемъ и иконографіей есть взаимодѣйствіе, сильная и прочная связь, но признавать вторую зависимымъ продуктомъ перваго несправедливо. Н. В. Покровскій несравненно осторожнѣе и потому научнѣе Брокгауза.

Что касается роли апокрифовъ въ иконописи, слѣдуетъ сознаться,

[1]) Aus beiden Quellen, welche den Inhalt den Bildern liefern, den Evangelien u. der Ueberlieferung, schöpfen die Bilder nicht unmittelbar. Für die Benutzung beider in der Malerei ist vielmehr das Verhältniss des Gottesdienstes zu ihnen massgebend .. Wo also der Gottesdienst ueber das Evangelium hinausgeht, geht auch das Bild gern darüber hinaus... Die Litteratur wird im allgemeinen da als Quelle zu betrachten sein, wo der regelmässige ungesucht dem Maler sich darbietende Gottesdienst selbst nicht bereits als solche erscheint.

что, дѣйствительно, предшественники г. Покровскаго часто не различали, гдѣ на иконопись вліяло извѣстное апокрифическое сочиненіе и гдѣ въ нее попадала черта или подробность, существующая, между прочимъ, и въ апокрифѣ; происходило это, безъ сомнѣнія, отъ молодости нашей науки и отъ поспѣшности при собираніи матеріала. Да и въ будущемъ трудно будетъ удержаться отъ подобныхъ неточностей, пока литературная исторія апокрифовъ не будетъ разработана вполнѣ научнымъ образомъ.

Проведеніе демаркаціонной линіи между „невиннымъ“ преданіемъ и продуктами „еретической фантазіи“ должно имѣть и благое, практическое послѣдствіе: хотя изслѣдователи съ спеціально-богословскимъ образованіемъ, какъ, напр., Вл. Сахаровъ [1]), давно уже твердятъ, что въ преданіяхъ, обыкновенно называемыхъ апокрифическими, есть „много такого, что служитъ полезнымъ дополненіемъ и разъясненіемъ евангельскаго сказанія“, все же находятся люди, склонные видѣть во всякомъ указаніи на неканоническій источникъ православной иконы или церковнаго пѣснопѣнія какъ бы нѣкоторую обиду для православія, забывая, что наша церковь если и не ставитъ преданія наравнѣ съ св. писаніемъ, все же придаетъ ему важное значеніе. Желательно, чтобы установившійся научный терминъ пересталъ внушать неосновательный страхъ и антипатію, и чтобы ему не придавали такого значенія, какого онъ не имѣетъ во множествѣ случаевъ.

Мы сочли нужнымъ остановиться съ такой подробностью на 1-ой главѣ труда Н. В. Покровскаго не потому, чтобы она занимала центральное или особо важное мѣсто—всѣ главы „Евангелія въ памятникахъ иконографіи“ одинаково важны,—но потому, что желали на одномъ примѣрѣ показать и положительныя стороны этого изслѣдованія, зависящія отъ огромной эрудиціи, здраваго метода и научной объективности автора, и стороны отрицательныя (главнымъ образомъ, недостатокъ полноты), зависящія отъ молодости науки. Мы знаемъ, что и послѣ нашихъ дополненій можно и должно дополнить изслѣдованіе объ иконографіи Благовѣщенія массою новыхъ и важнѣйшихъ фактовъ и интересныхъ общихъ выводовъ; но, съ другой стороны, мы твердо увѣрены, что эта глава книги г. Покровскаго ляжетъ въ основу всѣхъ будущихъ изслѣдованій о Благовѣщеніи въ искусствѣ и что послѣдующіе работники будутъ глубоко благодарны ему, такъ какъ будутъ начинать тамъ, гдѣ кончилъ онъ.

---

[1]) «Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресв. Дѣвѣ Маріи», отд. оттискъ изъ «Христ. Чтенія» за 1888 г., №№ 11 и 12, стр. 2.

Въ остальныхъ 18-ти главахъ книги г. Покровскаго мы отмѣтимъ только нѣкоторыя общія положенія и важнѣйшіе результаты его изслѣдованія. Глава II (стр. 41—47) говоритъ о посѣщеніи Богородицею прав. Елисаветы, о явленіи ангела Іосифу и о путешествіи въ Виѳлеемъ. Относительно перваго сюжета авторъ утверждаетъ, что на востокѣ „основныя черты византійской композиціи, опредѣлившись не позднѣе VI в., окаменѣли и удержались въ русской иконографіи до новѣйшаго времени (стр. 43), а западныя изображенія съ чреватыми Богородицей и Елисаветою онъ называетъ „исторически невѣрными и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ грубыми“. Два другіе сюжета изображаются обыкновенно рядомъ (46). Относительно путешествія въ Виѳлеемъ авторъ полагаетъ, что скульпторы, положившіе начало композиціи, „имѣли въ виду представить какой-то особенный моментъ путешествія“ (повидимому, моментъ остановки непосредственно передъ Рождествомъ Христовымъ). Всѣ подробности этого изображенія авторъ объясняетъ изъ Протоевангелія и Псевдоматѳея.

Очень обширная (стр. 48—98) III глава посвящена Рождеству Христову, въ изслѣдованіи иконографіи котораго авторъ имѣлъ многихъ предшественниковъ и въ томъ числѣ недавно вышедшій дѣльный трудъ Макса Шмида [1]). По убѣжденію Н. В. Покровскаго, памятники, изображающіе это событіе, не восходятъ ранѣе IV столѣтія, да и отъ этого времени ихъ немного. Празднованіе Р. Х. распространилось тогда же, но распространилось быстро, и къ концу IV в. отдѣлилось отъ Богоявленія. Причиной однообразія формъ древнѣйшихъ изображеній авторъ справедливо считаетъ не внѣшній контроль церкви, а подражаніе; допуская связь съ античнымъ искусствомъ въ частностяхъ, въ общемъ онъ признаетъ композицію самостоятельною. Слѣдуя Шмиду, онъ уже въ VI в. различаетъ западныя и византійскія формы, но онъ значительно осторожнѣе нѣмецкаго ученаго относительно количества признаковъ. Только въ Византіи проф. Покровскій находитъ „реформирующую и творческую силу идеи“, и съ этой точки зрѣнія объясняетъ подробности православной композиціи: пещеру (стр. 65), вола и осла (68), звѣзду (72), положеніе Богоматери (75), омовеніе (77), ангеловъ (81), пастырей (82), Іосифа (ibid.) и опредѣляетъ художественно-богословское значеніе позднѣйшей сложной иконы: „Что ти принесемъ“, зародышъ которой, по его убѣжденію, появляется не позднѣе XI—XII в.

---

[1]) D-r Max Schmid: Die Darstellung der Geburt Christi in der bildenden Kunst. Stuttg. 1890.

Глава IV (стр. 99—112) посвящена Обрѣзанію и Срѣтенію. Обрѣзаніе въ первый разъ встрѣчается въ ватиканскомъ менологіи X в., а на западѣ—въ зальцбургскомъ антифонаріи XI—XII в.; въ позднѣйшихъ памятникахъ авторъ отмѣчаетъ его уподобленіе Срѣтенію и смѣшеніе въ немъ ветхозавѣтныхъ формъ съ новозавѣтными (стр. 100). Древнѣйшее изображеніе Срѣтенія находится въ мозаикахъ Маріи Великой, но формы его со всею ясностью опредѣлились въ IX—X в. Первое по древности русское изображеніе въ Спасо-Нередицкой церкви представляетъ чистый византійскій типъ (106); позднѣе вырабатывается самобытная русская форма, напр., у Симона Ушакова (107). Старѣйшія западныя изображенія въ близкомъ родствѣ съ типомъ византійскимъ; позднѣйшія далеко отступаютъ отъ него по произволу художниковъ.

Поклоненіе волхвовъ (гл. V, стр. 113—136), какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ сюжетовъ христіанскаго искусства, часто встрѣчающійся въ катакомбахъ. По убѣжденію автора, онъ не получилъ въ средніе вѣка сильнаго расширенія ни на востокѣ, ни на западѣ; но „западные художники новаго времени развили идею сюжета и сообщили ему пышность и царское великолѣпіе. На востокѣ этого не могло случиться не только въ силу іератическаго характера, но также и потому, что поклоненіе волхвовъ, по отсутствію особаго празднованія въ честь этого событія, рѣдко имѣло въ иконографіи самостоятельную постановку“ (стр. 113; обыкновенно, оно сливалось съ изображеніемъ Р. X.). Сходство древнѣйшихъ изображеній съ поднесеніемъ даровъ императору служитъ признакомъ того, что композиція поклоненія волхвовъ „явилась подъ вліяніемъ живой дѣйствительности“ и передаетъ сцену придворнаго характера (118). Въ концѣ этой главы (132) авторъ констатируетъ сходство 3-хъ волхвовъ и 3-хъ халдейскихъ отроковъ, „какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдователей“.

Гл. VI (137—155), которой оканчивается 1-ая часть труда Н. В. Покровскаго, обнимаетъ три послѣднія композиціи дѣтства Спасителя: Бѣгство въ Египетъ, Избіеніе младенцевъ и 12-лѣтняго Христа во храмѣ. Подробности православнаго изображенія бѣгства въ Египетъ (древнѣйшій памятникъ—ватиканскій менологій) авторъ объясняетъ изъ евангелія, древнихъ преданій и гимновъ; памятники искусства западнаго отчасти повторяютъ схему византійскую, отчасти руководствуются апокрифами, а позднѣе—произволомъ художниковъ. Избіеніе младенцевъ встрѣчается и въ Маріи Великой, и въ евангеліи Раввулы; въ IX в. оно обставляется подробностями, общими апокрифамъ и др. па-

мятникамъ письменности; опредѣлить источникъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ котораго вошли они въ иконопись, авторъ отказывается (стр. 150). 12-лѣтняго Христа во храмѣ авторъ не находитъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ, и первое достовѣрное изображеніе его видитъ въ рукописи Нац. библ. № 510 (IX в.); позднѣе этотъ сюжетъ принимаетъ церемоніальный характеръ. Въ тѣхъ же самыхъ формахъ византійскіе и русскіе художники изображали преполовеніе (стр. 154); изображеніе того же типа и въ той же обстановкѣ означаетъ иногда проповѣдь Христа въ день новолѣтія.

2-ая часть книги г. Покровскаго изслѣдуетъ иконографію общественнаго служенія І. Х. Она начинается обширною (стр. 159—194) главою о крещеніи. Здѣсь г. Покровскій имѣлъ многихъ предшественниковъ и въ томъ числѣ многообѣщающаго знатока византійскаго искусства Стшиговскаго (Iconographie d. Taufe Christi). Съ нимъ соглашается нашъ авторъ какъ относительно знаменитой фрески Люцины, въ которой Стшиговскій видитъ первое по времени изображеніе Спасителя, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ; но часто ему приходится возражать противъ увлеченій молодого византиниста и исправлять его неточности и ошибки, зависѣвшія отъ недостатка художественнаго и литературнаго матеріала (напр., стр. 184). Здѣсь же г. Покровскій новыми данными и соображеніями подтверждаетъ положеніе о строгой законности и первобытности православной формы крещенія. Въ концѣ этой же главы авторъ говоритъ объ иконографіи искушенія І. Х., которая и на востокѣ, и на западѣ „лишь повторяетъ въ сжатыхъ чертахъ смыслъ евангельскаго повѣствованія“ (193).

Первымъ по времени изображеніемъ Преображенія г. Покровскій признаетъ мозаику св. Аполлинарія in classe, VI в., съ символическимъ характеромъ; но въ томъ же VI в. символическія формы были замѣнены прямыми (196), которыя на православномъ востокѣ сохранились безъ существенныхъ измѣненій до новаго времени. „Начиная съ XI—XII в. становится извѣстнымъ Преображеніе въ нѣсколькихъ моментахъ“, основанныхъ „на послѣдовательномъ теченіи евангельскаго разсказа“ (202).

Въ гл. III (205 — 221: иконографія ученія Іисуса Христа, въ томъ числѣ притчи и Страшный судъ) авторъ опредѣляетъ происхожденіе и значеніе „византійскаго шаблона“, особенно выдающагося при изображеніи событій Евангелія, происходившихъ при одинаковой обстановкѣ. Эти событія изображаются только въ лицевыхъ евангеліяхъ и въ позднѣйшихъ стѣнописяхъ, но господствующій въ нихъ типъ

Христа-учителя унаслѣдованъ отъ искусства древнехристіанскаго [1]). Относительно изображеній Страшнаго суда г. Покровскій, естественно, ссылается на свое изслѣдованіе, помѣщенное въ „Трудахъ VI археол. съѣзда“ (III, 285—381) и пополняетъ его только 2-мя миніатюрами изъ рукоп. Нац. библ. № 74, подтверждающими его заключеніе „о механическомъ ростѣ композиціи и объ устойчивости ея первыхъ византійскихъ основъ“.

Въ гл. IV (Чудеса Іисуса Христа) авторъ доказываетъ, что бракъ въ Канѣ въ древнехристіанскихъ памятникахъ имѣетъ характеръ символическій; а въ Византіи это уже историческій фактъ, выступающій съ подробностями (224); въ его русскихъ изображеніяхъ XVII в. замѣчаются значительныя уклоненія.

Относительно изцѣленія слѣпого г. Покровскій въ памятникахъ письменности и церковныхъ пѣсняхъ указываетъ символическій смыслъ, но въ памятникахъ вещественныхъ, какъ древнехристіанскихъ, такъ и византійско-русскихъ, не усматриваетъ яснаго выраженія этого взгляда (242). Также и въ древнихъ изображеніяхъ чуда о разслабленномъ онъ видитъ только историческую картину (229); напротивъ того, въ раннихъ изображеніяхъ чуда насыщенія признаетъ намекъ на эхваристію (243).

Третья часть (конечныя событія евангельской исторіи) начинается иконографіей воскрешенія Лазаря (гл. I, 243—257). „Въ этомъ изображеніи древнехристіанскіе художники остановились сперва лишь на самомъ существенномъ актѣ воскрешенія, устранивъ все остальное, а затѣмъ постепенно стали вводить въ композицію и др. подробности, пока, наконецъ, въ византійскихъ памятникахъ разсказъ Евангелія не получилъ полной законченности, а въ русскихъ позднѣйшихъ — превращенъ былъ въ калейдоскопъ съ яркими блестками апокрифическаго характера“ (стр. 250).

Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ (гл. II) появляется въ скульптурѣ саркофаговъ; византійская миніатюра значительно развиваетъ ихъ композицію. Авторъ не соглашается съ проф. Усовымъ относительно объясненія дѣтей въ этомъ изображеніи — изъ Евангелія Никодима (263—264) и не признаетъ также вліянія этого апокрифа на композицію очищенія храма (265): въ обоихъ случаяхъ онъ видитъ прямое воспроизведеніе евангельскаго разсказа.

[1]) Значительная часть матеріала, изложеннаго въ этой (и отчасти въ слѣдующей) главѣ нова и въ высшей степени интересна, но именно по новости своей она не вполнѣ разработана.

Въ изображеніяхъ Тайной Вечери [1]) авторъ различаетъ формы: историческую и идеальную (литургическую или эвхаристическую). Первые памятники, изображающіе ее, какъ фактъ историческій, относятся къ V—VI в. и представляютъ схему древнехристіанскихъ вечерей—агапъ (270). Уже въ россанскомъ кодексѣ это историческое изображеніе („открытіе предателя") отдѣляется отъ установленія эвхаристіи; устойчивость основной схемы такой Тайной Вечери не мѣшала художникамъ измѣнять ея детали, примѣнительно къ личному пониманію выражаемаго событія (276), и въ русскихъ памятникахъ XVII—XVIII вв. лишь изрѣдка проглядываетъ эхо древняго преданія. „Литургическая Вечеря становится намъ извѣстною впервые по памятникамъ VI в." (277); она также развивается постепенно въ сторону бо̀льшей полноты и церемоніальности. Мѣсто этой композиціи въ храмѣ—первоначально въ алтарной апсидѣ; затѣмъ она переходитъ въ иконостасъ и помѣщается надъ царскими вратами (283).

Въ тѣсной внутренней связи съ этимъ переводомъ Тайной Вечери стоитъ изображеніе „божественной литургіи", въ которой мѣсто дѣйствія перенесено съ земли на небо (289), и которая при дальнѣйшемъ своемъ развитіи становится въ близкое отношеніе къ изъясненію литургіи, приписываемому Григорію Богослову. „Съ полною вѣроятностью можно допустить, что особенный интересъ къ этимъ изображеніямъ и соотвѣтствующимъ имъ сказаніямъ былъ вызванъ крайностями протестантизма" (291). Символическія формы Тайной Вечери на западѣ еще разнообразнѣе; изображеніе въ видѣ точила явилось не безъ вліянія Византіи (293). Самая распространенная форма представленія эхваристіи—въ видѣ миссы Григорія Великаго, по мнѣнію автора, также находится въ связи съ борьбою противъ протестантскихъ идей (295).

Омовеніе ногъ (гл. VI, стр. 296) встрѣчается на саркофагахъ IV—V вв.; но окончательно устанавливаются формы изображенія Спасителя и ап. Петра въ этомъ сюжетѣ въ XI ст. (Пар. Еванг. № 74 л. 195). Любопытныя отклоненія отъ преданія, зависящія, безъ сомнѣнія, отъ текста памятника, оказываются въ русскихъ „Лицевыхъ Страстяхъ" (298); западные памятники отчасти повторяютъ византійскую композицію, отчасти вырабатываютъ собственную. Молитва Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ и Предатель-

[1]) Здѣсь въ лицѣ Добберта и Ригеля г. Покровскій также имѣлъ предшественниковъ, но далеко не такихъ сильныхъ, какъ Шмидъ и Стшиговскій.

ство Іуды (ib. 299) въ болѣе древнихъ памятникахъ слѣдуютъ евангельскому тексту, въ позднѣйшихъ обставляются новыми чертами [1]).

Судъ Пилата (ib. 301) часто встрѣчается на саркофагахъ; уже въ россанскомъ кодексѣ онъ принимаетъ церемоніальный и въ то же время реалистическій (взамѣнъ символическаго) характеръ; источникъ этой композиціи — Евангеліе, а не апокрифъ; позднѣйшіе памятники значительно разнообразятъ ее. Связанная съ нею русская картина: „Соборъ и суда изреченіе отъ невѣрныхъ іудей" и пр.—западнаго происхожденія.

Сцена поруганія Христа (ib. 306) на саркофагахъ не воспроизводится; она появляется только въ полныхъ и, сравнительно, позднихъ (XI в.) лицевыхъ евангеліяхъ. „Лицевыя Страсти" умышленно усиливаютъ ея ужасы. Бичеваніе у колонны на западѣ появляется въ X в., въ Византіи—въ XII, и притомъ рѣдко.

Появленію композиціи Отреченіе ап. Петра (ib. 308) предшествуетъ изображеніе предсказанія объ этомъ событіи, которое мы находимъ уже на саркофагахъ; въ греч. лицевыхъ евангеліяхъ XI в. Отреченіе воспроизводится во всѣхъ подробностяхъ, а на западѣ оно встрѣчается уже въ X в.

Раскаяніе и смерть Іуды (ib. 309) воспроизводится уже въ V — VI вв.; позднѣе сцена осложняется участіемъ дьявола. Но г. Покровскій не признаетъ вліянія апокрифовъ (310).

Несеніе креста встрѣчается рано, но первоначально не имѣетъ унизительныхъ подробностей (Христосъ идетъ свободно, несвязанный). Въ русскихъ „Лицевыхъ Страстяхъ" и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ фрескахъ въ этой сценѣ замѣчается отзвукъ позднихъ западныхъ сказаній о Вероникѣ.

Распятіе Іисуса Христа (гл. V, стр. 314) воспроизводится не ранѣе V в., такъ какъ „сила впечатлѣнія" могла въ этомъ случаѣ имѣть „нежелательныя послѣдствія"; оно замѣняется символическими изображеніями изъ ветхаго завѣта и крестомъ, который иногда соединялся съ символическою же фигурою агнца. Даже въ VI—VII вв. на крестѣ изображается „Спаситель, но еще не распятый" (320). Тѣмъ

---

[1]) Не можемъ удержаться, чтобы мимоходомъ не указать на любопытный фактъ, который можно наблюдать, между прочимъ, и въ изображеніи Предательства, воспроизведенномъ у Покровскаго на стр. 300 изъ Пар. Еванг. N. Suppl. 27, и который не разъ приводилъ въ смущеніе прежнихъ описателей миніатюръ (напримѣръ, Бордье): рабъ Малхъ, которому ап. Петръ урѣзалъ ухо, изображается колѣнопреклоненнымъ и со связанными назади руками, ап. Петръ простираетъ ножъ не къ уху его, а къ шеѣ. Не ясно-ли, что художникъ уподоблялъ умышленно эту сцену жертвоприношенію Авраама, и Малха — Исааку, чтобы придать всей композиціи кромѣ буквальнаго смысла и аллегорическій?

не менѣе, существованіе Распятія въ нарбоннской церкви несомнѣнно (323), да и отъ V в. сохранились два памятника (324); съ VI в. рядъ таковыхъ идетъ непрерывно, причемъ и на православномъ востокѣ формы Распятія отличаются большимъ разнообразіемъ (328).

Относительно этихъ формъ и подробностей г. Покровскій предложилъ такое содержательное изслѣдованіе (стр. 346—378), что даже привести главнѣйшіе его тезисы мы считаемъ здѣсь неудобнымъ. Но мы не можемъ не отмѣтить его побѣдоноснаго спора съ защитниками кардинала Гумберта, огульно обвинявшими византійское искусство въ неумѣстномъ натурализмѣ (358—9): Г. Покровскій блистательно доказалъ, что какъ въ памятникахъ византійскихъ, такъ и въ западныхъ Распятіе имѣетъ двѣ формы: идеальную и реальную; но натуралистическій типъ въ Византіи „получилъ лишь первое зачатіе“, а на западѣ былъ доведенъ „до послѣдней крайности“.

Сцены испрошенія у Пилата тѣла Іисусова (гл. VI, стр 386—390), снятія со креста и положенія во гробъ не выходятъ изъ предѣловъ евангельскаго разсказа, и развитіе сюжета выражается здѣсь только въ незначительныхъ деталяхъ.

Воскресеніе Христа (гл. VII) въ древнехристіанскомъ искусствѣ изображается только символически (чаще всего въ видѣ пророка Іоны). Въ раннихъ памятникахъ скульптуры мы видимъ отдѣльно гробницу и отдѣльно воскресшаго Спасителя (большею частью въ моментъ явленія Мѵроносицамъ). Противорѣчіе между изображеніемъ первой въ формѣ ротонды и разказомъ Евангелія, гдѣ говорится о гробѣ-пещерѣ, г. Покровскій объясняетъ тѣмъ, что художники „держали въ умѣ мысль о храмѣ, построенномъ Константиномъ В. на мѣстѣ Воскресенія Іисуса Христа“ (396). Форма Воскресенія съ отвалившимъ гробъ ангеломъ появляется въ памятникахъ скульптуры IX—XI вв. и въ византійскихъ миніатюрахъ (397). „Идея Воскресенія Христова въ примѣненіи къ спасенію людей, отлилась въ форму композиціи сошествія Іисуса Христа во адъ“ (298), которая явилась въ VIII—IX вв. или немного ранѣе (можетъ быть, первоначально въ лицевыхъ псалтыряхъ) и „прошла въ своемъ историческомъ развитіи нѣсколько стадій, отражая въ себѣ неоднократную смѣну религіозныхъ представленій о сошествіи Іисуса Христа во адъ и изведеніи оттуда ветхозавѣтныхъ праведниковъ“ (398—9), причемъ, однако же, православный востокъ сохранилъ первоначальное зерно до позднѣйшаго времени (413). На Руси это одна изъ наиболѣе любимыхъ и „живыхъ“ иконописныхъ темъ, въ воспроизведеніи которой художники проявляли и глубокомысліе, и свободу творчества (411—412).

Относительно Вознесенія (гл. VIII) г. Покровскій утверждаетъ, что установленіе праздника предшествовало художественному воспроизведенію событія, „такъ какъ и вообще въ обычномъ движеніи исторической мысли воплощеніе идеи въ культѣ предшествуетъ ея воплощенію въ искусствѣ, составляющемъ высшую форму проявленія идеала“ (428). Вознесеніе празднуется повсемѣстно въ IV в.; изображенія его встрѣчаются уже въ V ст. Единственный источникъ композиціи — св. Писаніе (Лук. XXIV, 51 — 52 и Дѣянія I, 9 — 11), но подробности, въ немъ обозначенныя, находятъ себѣ выраженіе не вдругъ, а постепенно. Глорія, въ которой изображается въ византійско-русскихъ памятникахъ возносящійся Спаситель, унаслѣдована отъ античнаго щита, но здѣсь этому мотиву „сообщена высшая идеализація“ (441). Отсюда идеальное изображеніе Христа перенесено въ картину второго пришествія (442). Слѣды ступней вознесшагося въ русскихъ памятникахъ авторъ склоненъ объяснять вліяніемъ запада (445).

Послѣдняя (IX) глава излагаетъ иконографію Сошествія св. Духа. Древнѣйшее изображеніе этого сюжета мы имѣемъ въ ев. Раввулы, которое страннымъ образомъ оказывается ближе къ западной композиціи, чѣмъ къ памятникамъ византійскимъ и русскимъ, передающимъ „событіе въ формахъ, болѣе близкихъ къ тексту Дѣяній“ (449): только на западѣ среди апостоловъ изображается неупомянутая въ Дѣяніяхъ Богоматерь и оттуда въ XVII в. она перенесена въ иконографію востока (457); съ запада же перешло къ намъ изображеніе св. Духа въ видѣ голубя, испускающаго на апостоловъ лучи (ib.). По поводу загадочной фигуры царя—космоса, помѣщаемаго внизу подъ аркою, авторъ удачно полемизируетъ съ проф. Усовымъ, который считаетъ ее за воспроизведеніе царя Давида (459 и слѣд.). По убѣжденію г. Покровскаго (464), царь замѣняетъ здѣсь толпу народа и является, какъ часть вмѣсто цѣлаго. Что избранъ для такого упрощенія именно царь, это вполнѣ согласно съ церемоніальнымъ характеромъ изображенія. 12 свитковъ на убрусѣ служатъ символами апостольской проповѣди (464—5).

Таковы нѣкоторые выводы г. Покровскаго, показавшіеся намъ изъ болѣе важныхъ важнѣйшими. Конечно, не всѣ они безспорны, но всѣ плодотворны и живительны для молодой науки. Еще живительнѣе для нея огромный матеріалъ, собранный авторомъ, строгій его методъ и умѣнье соединить полную научную объективность съ горячей любовью къ родной православной старинѣ. Эти высокія достоинства „Евангелія въ памятникахъ иконографіи“ не могутъ не передаться въ большей или меньшей степени всѣмъ спеціальнымъ изслѣ-

дованіямъ, которыя вызоветъ къ жизни многообъемлющій трудъ Н. В. Покровскаго; авторы этихъ изслѣдованій найдутъ новый матеріалъ, углубятъ и расширятъ, а въ частностяхъ и исправятъ общіе выводы; но, мы увѣрены, они никогда не забудутъ, чѣмъ они обязаны своему трудолюбивому и даровитому предшественнику.

Мы заканчиваемъ нашу рецензію выпиской изъ напечатаннаго письма отца русской иконографіи, академика Ѳ. И. Буслаева:

„Вы,—пишетъ онъ г. Покровскому,—своею книгою доказали, что это великое дѣло въ области народнаго просвѣщенія (водвореніе христіанской иконографіи въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ) оказало громадное вліяніе и на успѣхи самой науки, далеко двинувъ ее впередъ тѣми средствами, которыя дала вамъ духовная академія основательнымъ изученіемъ источниковъ и пособій самаго полнаго и обильнаго богословскаго матеріала. До сихъ поръ занимались у насъ древнехристіанскимъ и византійско-русскимъ искусствомъ только люди свѣтскіе и потому ограничивались болѣе художественною и техническою стороною предмета, а не прямымъ и непосредственнымъ отношеніемъ его къ ученію отцовъ церкви, къ текстамъ литургій, къ акаѳистамъ и вообще къ церковной службѣ. Вы первый возвели у насъ эти коренныя и незыблемыя основы въ стройную систему и вложили въ науку „душу живу". До сихъ поръ иконографія разрабатывалась только на западѣ, начиная отъ Бозіо и Аринги до Мартиньи, Пипера, де-Росси и многихъ другихъ, и разумѣется, въ предѣлахъ римскаго католичества и протестантства. Вы первый внесли въ эту науку обильные матеріалы православнаго восточнаго происхожденія и на ихъ прочной основѣ утвердили ея стройное зданіе. Потому сказанная односторонность западныхъ изслѣдователей должна быть восполнена цѣлою половиною матеріаловъ, которые до сихъ поръ были имъ недоступны. Отсюда само собою разумѣется, что для дальнѣйшихъ успѣховъ въ разработкѣ иконографіи ваша книга должна будетъ получить извѣстность между западными учеными, которымъ вмѣнится въ обязанность сосчитываться съ новыми для нихъ тезисами и доводами въ вашихъ изслѣдованіяхъ".

На основаніи всего вышесказаннаго, имѣю честь предложить Медальной Комиссіи присудить Н. В. Покровскому большую золотую медаль, такъ какъ трудъ его, признаю „особенно важнымъ въ научномъ отношеніи по добытымъ имъ результатамъ" (§ 76).

Одесса, 5 октября 1893 г.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

СОСТАВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

по 1-е января 1895 года.

Покровитель Общества, Его Императорское Величество, Государь Императоръ.

Предсѣдатель Общества, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Константинъ Константиновичъ**.

Помощникъ Предсѣдателя, Почетный членъ Аѳанасій Ѳедоровичъ **Бычковъ** (съ 28 апрѣля 1885 г.).

Секретарь, Василій Григорьевичъ **Дружининъ** (съ 15 апрѣля 1890 г.).

Казначей, Алексѣй Константиновичъ **Марковъ** (съ 15 марта 1888 г.).

Библіотекарь, Александръ Николаевичъ **Щукаревъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Хранитель музея, Владиміръ Георгіевичъ **Бокъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи, русской и славянской, Сергѣй Ѳедоровичъ **Платоновъ** (съ 6 апрѣля 1894 г.).

Секретарь Отдѣленія, Александръ Сергѣевичъ **Лаппо-Данилевскій** (съ 26 ноября 1893 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи восточной, баронъ Викторъ Романовичъ **Розенъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Секретарь Отдѣленія, Василій Дмитріевичъ **Смирновъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи древне-классической византійской и западно-европейской, Почетный членъ Иванъ Васильевичъ **Помяловскій** (съ 13 мая 1893 г.).

Секретарь Отдѣленія, Сергѣй Александровичъ **Жебелевъ** (съ 10 декабря 1894 г.).

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Владиміръ Александровичъ** (съ 25 ноября 1871 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Сергій Александровичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Петръ Николаевичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Георгій Михаиловичъ** (съ 16 ноября 1885 г.).

Березинъ, Илья Николаевичъ, избр. 28 декабря 1889 г., въ чл.-сотр. 13 декабря 1848 г.

***Бобринской**, графъ Алексѣй Александровичъ, избр. 18 ноября 1894 г., въ дѣйств. чл. 26 октября 1892 г.

***Буслаевъ**, Ѳедоръ Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 февраля 1861 г.

***Бычковъ**, Аѳанасій Ѳедоровичъ, избр. 15 сентября 1890 г., въ дѣйств. члены 9 декабря 1846 г.

***Васильевъ**, Василій Павловичъ, избр. 11 мая 1887 г., въ чл.-сотр. 11 февраля 1857 г.

***Вельяминовъ-Зерновъ**, Владиміръ Владиміровичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 января 1881 г., въ дѣйств. чл. 11 февраля 1857 г., въ чл.-корр. 30 декабря 1885 г.

Деляновъ, графъ Иванъ Давидовичъ, избр. 31 января 1873 г.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, избр. 28 апрѣля 1885 г., въ дѣйств. члены 25 ноября 1871 г.

***Савва**, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, избр. 27 марта 1892 г., въ чл.-сотр. 22 марта 1860 г.

***Савваитовъ**, Павелъ Ивановичъ, избр. 28 октября 1887 г., въ дѣйств. члены 21 февраля 1851 г., въ чл.-сотр. 14 февраля 1850 г.

***Стояновскій**, Николай Ивановичъ, избр. 7 іюня 1891 г., въ дѣйств. чл. 5 іюня 1871 г.

Тизенгаузенъ, баронъ Владиміръ Густавовичъ, избр. 29 декабря 1891 г.

Трубецкой, князь Сергѣй Никитичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, избр. 16 мая 1888 г.

Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ, въ Одессѣ, избр. 29 декабря 1891 г., въ дѣйств. чл. 4 января 1885 г.

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ, въ Вѣнѣ, избр. 13 декабря 1888 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

*****Абамеликъ-Лазаревъ**, князь Семенъ Семеновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

*****Алексѣевъ**, Георгій Петровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ, избр. 30 марта 1894 г.

*****Арсеньевъ**, Сергѣй Васильевичъ, въ Іерусалимѣ, избр. 26 мая 1882 г.

Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 15 марта 1888 г.

Барсовъ, Николай Ивановичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

Бенуа, Леонтій Николаевичъ, избр. 18 мая 1893 г.

*****Бертье-Делагардъ**, Александръ Львовичъ, въ Одессѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ, избр. 17 мая 1864 г.

Бобринской, графъ Андрей Александровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

******Бокъ**, Владиміръ Георгіевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

*****Боткинъ**, Михаилъ Петровичъ, избр. 31 марта 1881 г.

Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ, избр. 28 декабря 1878 г.

Браунъ, Ѳедоръ Александровичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

Буличъ, Францискъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.

Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1890 г.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, избр. 30 мая 1874 г.

*****Вахрамѣевъ**, Иванъ Александровичъ, въ Ярославлѣ, избр. 4 января 1885 г.

*****Веневитиновъ**, Михаилъ Алексѣевичъ, въ Воронежѣ, избр. 28 октября 1878 г.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ, избр. 13 декабря 1888 г.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-сотр. 9 ноября 1881 г.

*****Вешняковъ**, Владиміръ Ивановичъ, избр. 18 марта 1877 г.

******Властовъ**, Георгій Константиновичъ, избр. 9 января 1881 г.

*****Гаркави**, Авраамъ Яковлевичъ, избр. 30 мая 1874 г.

*****Гиль**, Христіанъ Христіановичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

*****Гинцбургъ**, баронъ Давидъ Гораціевичъ, избр. 18 мая 1894 г.

---

* Означаетъ единовременный взносъ въ кассу Общества, по § 20 Устава.

** Означаетъ членовъ не платящихъ, на основаніи §§ 21 и 22 Устава.

*Голенищевъ, Владиміръ Семеновичъ, избр. 26 марта 1886 г., въ чл.-сотр. 22 мая 1879 г.
*Готвальдъ, Осипъ Өедоровичъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
*Гриммъ, Давидъ Ивановичъ, избр. 29 ноября 1865 г.
Грубе, профессоръ въ Берлинѣ, избр. 16 мая 1888 г.
**Дестунисъ, Гавріилъ Спиридоновичъ, избр. 10 ноября 1867 г., въ чл.-корр. 6 апрѣля 1856 г.
**Дриновъ, Маринъ Степановичъ, избр. 27 марта 1892 г.
**Дружининъ, Василій Григорьевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Дубровинъ, Николай Өедоровичъ, избр. 18 мая 1894 г.
**Ернштедтъ, Викторъ Карловичъ, избр. 29 января 1892 г., въ чл.-сотр. 27 февраля 1885 г.
**Жебелевъ, Сергѣй Александровичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г.; избр. въ чл.-сотр. 27 марта 1892 г.
Жизневскій, Августъ Казиміровичъ, въ Твери, избр. 22 декабря 1878 г.
Жуковскій, Валентинъ Алексѣевичъ, перечисленъ 3 марта 1893 г.; избр. въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.
Залеманъ, Карлъ Германовичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, избр. 23 марта 1879 г.
*Звенигородскій, Александръ Викторовичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Зинченко, Игнатій Климентьевичъ, избр. 30 декабря 1886 г.
*Иверсенъ, Юлій Богдановичъ, избр. 11 октября 1865 г., въ чл.-корр. 5 декабря 1862 г.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1876 г.
*Кизерицкій, Гангольфъ Егоровичъ, избр. 11 февраля 1886 г.
Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, избр. 21 декабря 1893 г.
Клачковъ, Александръ Петровичъ, въ Москвѣ, избр. 11 октября 1865 г.
*Кобеко, Дмитрій Өомичъ, избр. 16 марта 1884 г.
Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ, избр. 16 мая 1888 г.
Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, избр. 26 марта 1886 г.
*Корниловъ, Иванъ Петровичъ, избр. 15 января 1865 г.
Корфъ, баронъ Сергѣй Павловичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
*Куникъ, Аристъ Аристовичъ, членъ-основатель.
Куторга, Михаилъ Степановичъ, избр. 18 января 1893 г.
*Латышевъ, Василій Васильевичъ, въ Казани, избр. 11 февраля 1886 г. въ чл.-сотр. 11 января 1883 г.

****Лаппо-Данилевскій**, Александръ Сергѣевичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-сотр. 21 октября 1888 г.

Лисовскій, Николай Михайловичъ, избр. 20 декабря 1890 г.

Лихачевъ, Николай Петровичъ, въ Казани, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 15 марта 1888 г.

Лишинъ, Константинъ Николаевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.

****Лобановъ-Ростовскій**, князь Алексѣй Борисовичъ, въ Вѣнѣ, избр. 28 декабря 1873 г.

Маевскій, Эразмъ Ипполитовичъ, въ Варшавѣ, избр. 18 мая 1894 г.

****Марковъ**, Алексѣй Константиновичъ, избр. 18 декабря 1885 г.

***Майковъ**, Леонидъ Николаевичъ, избр. 24 декабря 1874 г.

Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

***Мордвиновъ**, Владиміръ Павловичъ, избр. 31 марта 1878 г.

Небольсинъ, Григорій Павловичъ, избр. 8 марта 1882 г.

***Неустроевъ**, Александръ Николаевичъ, избр. 20 мая 1876 г., въ чл.-сотр. 28 декабря 1852 г.

Никольскій, о. Константинъ Тимоѳеевичъ, избр. 22 мая 1879 г., въ чл.-сотр. 27 мая 1877 г.

***Орѣшниковъ**, Алексѣй Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 26 марта 1886 г.

Остроумовъ, Николай Петровичъ, въ Ташкентѣ, избр. 20 декабря 1886 г.

Павлиновъ, Андрей Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 8 марта 1882 г.

Пановъ, Ѳедоръ Николаевичъ, избр. 8 іюня 1871 г.

Петровъ, Николай Ивановичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

****Платоновъ**, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

Позднѣевъ, Алексѣй Матвѣевичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г., избр. въ чл.-сотр. 31 марта 1881 г.

****Покровскій**, Николай Васильевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

Полевой, Петръ Николаевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

***Половцовъ**, Александръ Александровичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.

Половцовъ, Анатолій Викторовичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

Поповскій, Матвѣй Юліановичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 марта 1884 г.

****Праховъ**, Андріанъ Викторовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1875 г.

Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ, избр. 20 октября 1881 г., въ чл.-сотр. 28 декабря 1878 г.

Радловъ, Василій Васильевичъ, избр. 20 октября 1887 г.

***Раевскій**, Михаилъ Николаевичъ, избр. 18 декабря 1885 г.

Регель, Василій Эдуардовичъ, избр. 16 мая 1888 г.

***Ровинскій**, Дмитрій Александровичъ, избр. 25 ноября 1871 г.

**Розенъ, баронъ Викторъ Романовичъ, избр. 19 марта 1876 г.
Румянцевъ, Василій Егоровичъ, въ Москвѣ, избр. 28 декабря 1873 г.
Сабанѣевъ, Евгеній Александровичъ избр. 18 мая 1893 г.
Сабанѣевъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Савельевъ, Александръ Ивановичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, въ Москвѣ, избр. 17 марта 1877 г.
Семеновъ, Анатолій Өедоровичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 января 1893 г.
Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, избр. 17 января 1891 г.
**Смирновъ, Василій Дмитріевичъ, избр. 26 мая 1882 г.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Соколовъ, Өедоръ Өедоровичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Степановъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
*Султановъ, Николай Владиміровичъ, избр. 17 марта 1877 г.
Суручанъ, Иванъ Касьяновичъ, въ Кишиневѣ, избр. 26 марта 1886 г. въ чл.-сотр. 4 января 1885 г.
Тепловъ, Владиміръ Александровичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Толмачевъ, Николай Александровичъ, въ Казани, избр. 15 марта 1888 г.
**Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ, избр. 26 мая 1882 г.
*Толстой, графъ Дмитрій Ивановичъ, избр. 18 мая 1884 г.
Толстой, Павелъ Сергѣевичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Троицкій, Иванъ Гавриловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Троицкій, Иванъ Егоровичъ, избр. 31 марта 1881 г.
Форстенъ, Георгій Васильевичъ, избр. 27 марта 1892 г.
Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ, избр. 20 декабря 1868 г.
Хитрово, Василій Николаевичъ, избр. 28 мая 1880 г.
Хрущовъ. Иванъ Петровичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
*Цагарели, Александръ Антоновичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
*Чапскій, графъ Эмерикъ Карловичъ, избр. 12 марта 1851 г.
*Чарыковъ, Николай Валеріевичъ, избр. 4 января 1884 г.
Челищевъ, Григорій Өедоровичъ, избр. 22 апрѣля 1882 г.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ, избр. 17 января 1891 г.
Черневъ, Николай Павловичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
Шапошниковъ, Константинъ Алексѣевичъ, въ Омскѣ, избр. 26 мая 1882 г.
Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ, избр. 15 ноября 1869 г.
Шмурло, Евгеній Францевичъ, въ Дерптѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
Щегловъ, Дмитрій Өедоровичъ, избр. 24 декабря 1879 г.
**Щукаревъ, Александръ Николаевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, избр. 26 марта 1886 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

а) Русскіе:

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, въ Казани, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Алексій, іеромонахъ (Александръ Николаевичъ Виноградовъ), избр. 5 ноября 1876 г.
Алексѣевъ, Василій Владиміровичъ, избр. 1 ноября 1891 г.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 11 января 1883 г.
Барсуковъ, Александръ Платоновичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Бартольдъ, Василій Владиміровичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Батюшковъ, Өедоръ Дмитріевичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Богословскій, Николай Гавриловичъ, въ Новгородѣ, избр. 4 апрѣля 1875 г.
Борнгауптъ, въ Ригѣ, избр. 20 февраля 1871 г.
Буличъ, Сергѣй Константиновичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Вольтеръ, Эдуардъ Александровичъ, избр. 27 марта 1892 г.
Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Голстунскій, Константинъ Өедоровичъ, избр. 15 января 1865 г.
Голышевъ, Иванъ Александровичъ, въ с. Мстерѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Григоровъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 15 марта 1888 г.
Димитрій, епископъ Подольскій, избр. 26 марта 1886 г.
Діонисій, архимандритъ, въ Можайскѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
Долбежевъ, Василій Ивановичъ, въ Владикавказѣ, избр. 11 января 1883 г.
Друцкой-Соколинскій-Ромейко-Гурко, князь Василій Петровичъ, избр. 20 мая 1860 г.
Ермаковъ, Дмитрій Ивановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, избр. 15 марта 1889 г.
Зѣлинскій, Өаддей Францевичъ, избр. 4 мая 1890 г.
Ивановскій, Алексѣй Осиповичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Катановъ, Николай Өедоровичъ, въ Казани, избр. 30 марта 1894 г.
Клеръ, Онисимъ Егоровичъ, въ Екатеринбургѣ, избр. 18 января 1893 г.
Коковцевъ, Павелъ Константиновичъ, избр. 30 марта 1894 г.
Корсаковъ, Дмитрій Алексардровичъ, въ Казани, избр. 29 октября 1877 г.
Котовъ, Григорій Ивановичъ, избр. 18 мая 1883 г.
Крыловъ, Александръ Лукичъ, избр. 4 января 1885 г.
Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.

Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Лебединцевъ, Петръ Гавриловичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 апрѣля 1872 г.
Леммъ, Оскаръ Эдуардовичъ, избр. 11 мая 1887 г.
Леопольдовъ, Андрей Филипповичъ, въ Тамбовѣ, избр. 22 марта 1860 г.
Леперъ, Романъ Христіановичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Лопаревъ, Хрусанѳъ Меѳодіевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Любомудровъ, Николай Васильевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ, въ Рожнахъ, избр. 26 марта 1886 г.
Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, въ Дерптѣ, избр. 17 января 1891 г.
Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ, въ Москвѣ, избр. 14 февраля 1849 г.
Мартьяновъ, Николай Ивановичъ, въ Минусинскѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Марръ, Николай Яковлевичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Меліоранскій, Платонъ Михаиловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Мерцаловъ, Иванъ Михайловичъ, въ Тулѣ, избр. 10 мая 1852 г.
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 30 декабря 1892 г.
Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1886 г.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мѣдниковъ, Николай Александровичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
Никитинъ, Петръ Васильевичъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Ординъ, Николай Георгіевичъ, въ Сольвычегодскѣ, избр. 31 октября 1884 г.
Орловскій, Степанъ Филаретовичъ, избр. 4 января 1885 г.
Пантусовъ, Николай Николаевичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ, въ Одессѣ, избр. 4 мая 1889 г.
Петровскій, Николай Ѳедоровичъ, въ Кашгарѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Петровъ, Константинъ Михайловичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
Покровскій, Алексѣй Ивановичъ, въ Нѣжинѣ, избр. 18 января 1893 г.
Поярковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ, въ Вѣрномъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Преображенскій, Михаилъ Тимофѣевичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Пташицкій, Станиславъ Львовичъ, избр. 18 января 1893 года.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Роиновъ, въ Темирханшурѣ, избр. 26 марта 1886 г.
Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ, въ Харьковѣ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Сапуновъ, Алексѣй Парфеновичъ, въ Витебскѣ, избр. 30 марта 1894 г.

Сементовскій, Николай Максимовичъ, въ Кіевѣ, избр. 10 мая 1851 г.
Смирновъ, Яковъ Ивановичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, въ Казани, избр. 8 марта 1882 г.
Спицынъ, Александръ Андреевичъ, избр. 23 мая 1891 г.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Суворовъ, Николай Ивановичъ, въ Вологдѣ, избр. 2 марта 1860 г.
Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, избр. 11 мая 1887 г.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 12 декабря 1857 г.
Сырку, Полихроній Агапіевичъ, избр. 11 января 1883 г.
Такай-Швили, Ефимій Степановичъ, въ Тифлисѣ. избр. 30 марта 1894 г.
Титовъ, Андрей Александровичъ, въ Ростовѣ, избр. 13 мая 1881 г.
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1886 г.
Туманскій, Александръ Григорьевичъ, избр. 21 декабря 1893 г.
Успенскій, Владиміръ Михайловичъ, избр. 15 марта 1888 г.
Фелицынъ, Евгеній Дмитріевичъ, въ Екатеринодарѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Филимоновъ, Георгій Дмитріевичъ, въ Москвѣ, избр. 19 января 1862 г.
Шеборъ, Осипъ Антоновичъ, избр. 20 октября 1887 г.
Шебунинъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ Константинополѣ, избр. 1 ноября 1891 г.
Энманъ, Александръ Ѳедоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

б) Иностранные:

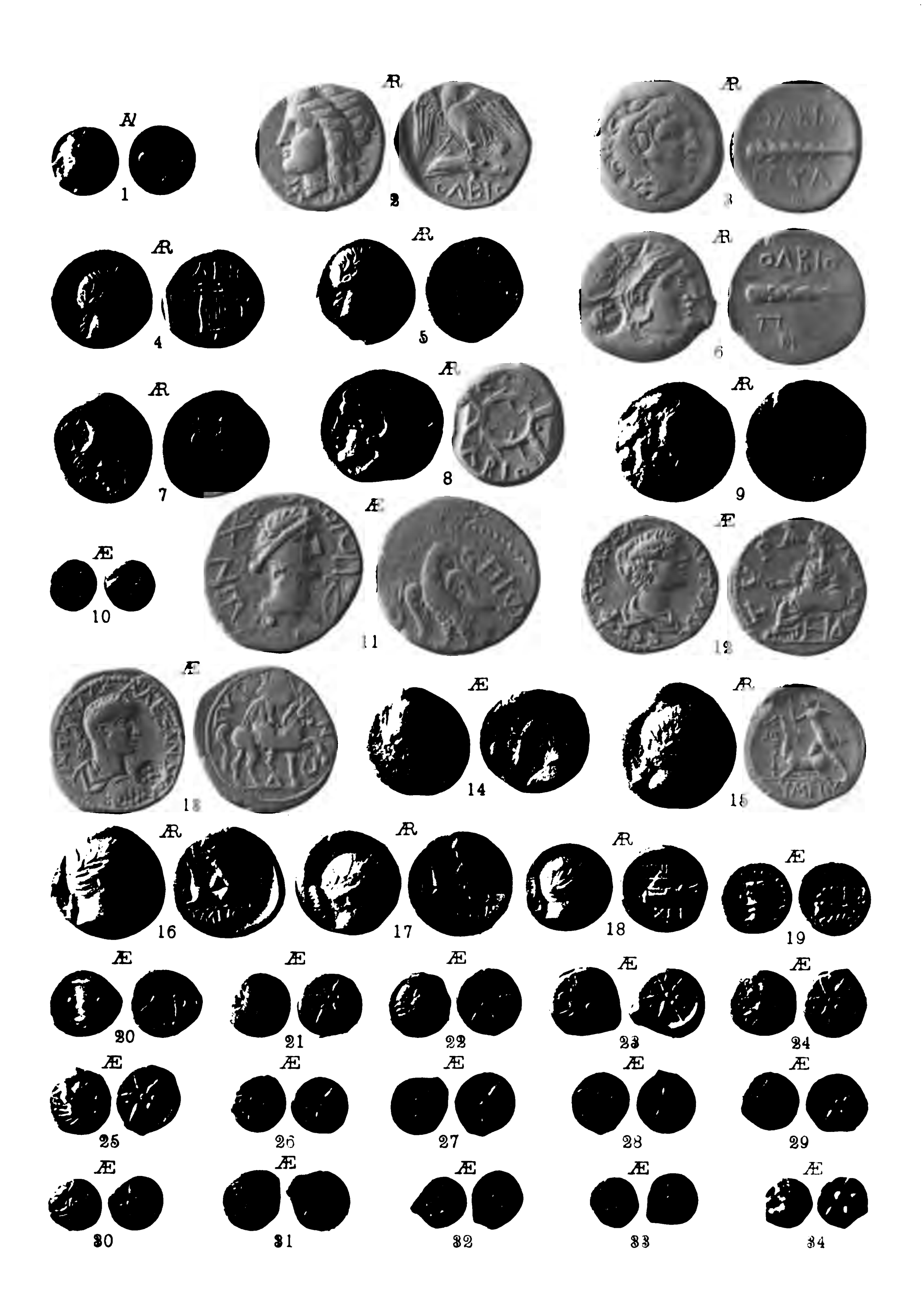
Боди, въ Спа, избр. 16 марта 1884 г.
Вогюе-де, въ Парижѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Гильдебрандъ, въ Стокгольмѣ, избр. 13 декабря 1878 г.
Гофманъ, въ Вашингтонѣ, избр. 4 января 1884 г.
Гюбнеръ, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Де-Бай, баронъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.
Делакруа, аббатъ, въ Пуатье, избр. 30 октября 1886 г.
Дерпфельдъ, въ Берлинѣ, избр. 17 мая 1893 г.
Дучичъ, Никифоръ, о. архимандритъ, въ Бѣлградѣ, избр. 11 сентября 1890 г.
Еличъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.
Картальякъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.
Кёлеръ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.

Кирхгофъ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Куманудисъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Ламбросъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Лэнъ-Пуль, въ Лондонѣ, избр. февраля 1887 г.
Маденокози, принцъ, въ Токіо, избр. 30 октября 1886 г.
Мельхиседекъ, епископъ романскій, избр. февраля 1887 г.
Моммзенъ, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Ньютонъ, въ Лондонѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Паппадапуло-Керамевсъ, избр. 4 января 1885 г.
Петричейку-Хышдеу, въ Букарестѣ, избр. февраля 1887 г.
Пичъ, въ Прагѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Роджерсъ, въ Лондонѣ, избр. 28 октября 1878 г.
Роза, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Стауматіадисъ, канцлеръ Самосскаго княжества, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Тардье, въ Клермонъ-Ферранъ, избр. 18 мая 1894 г.
Филиппсъ, въ Филадельфіи, избр. 8 марта 1882 г.
Фіорелли, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Фукаръ, въ Аѳинахъ, избр. 30 октября 1886 г.
Штида, Лудвигъ, въ Кенигсбергѣ, избр. 18 декабря 1885 г.
Якубъ-Артынъ, паша, въ Каирѣ, избр. 21 октября 1888 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ,

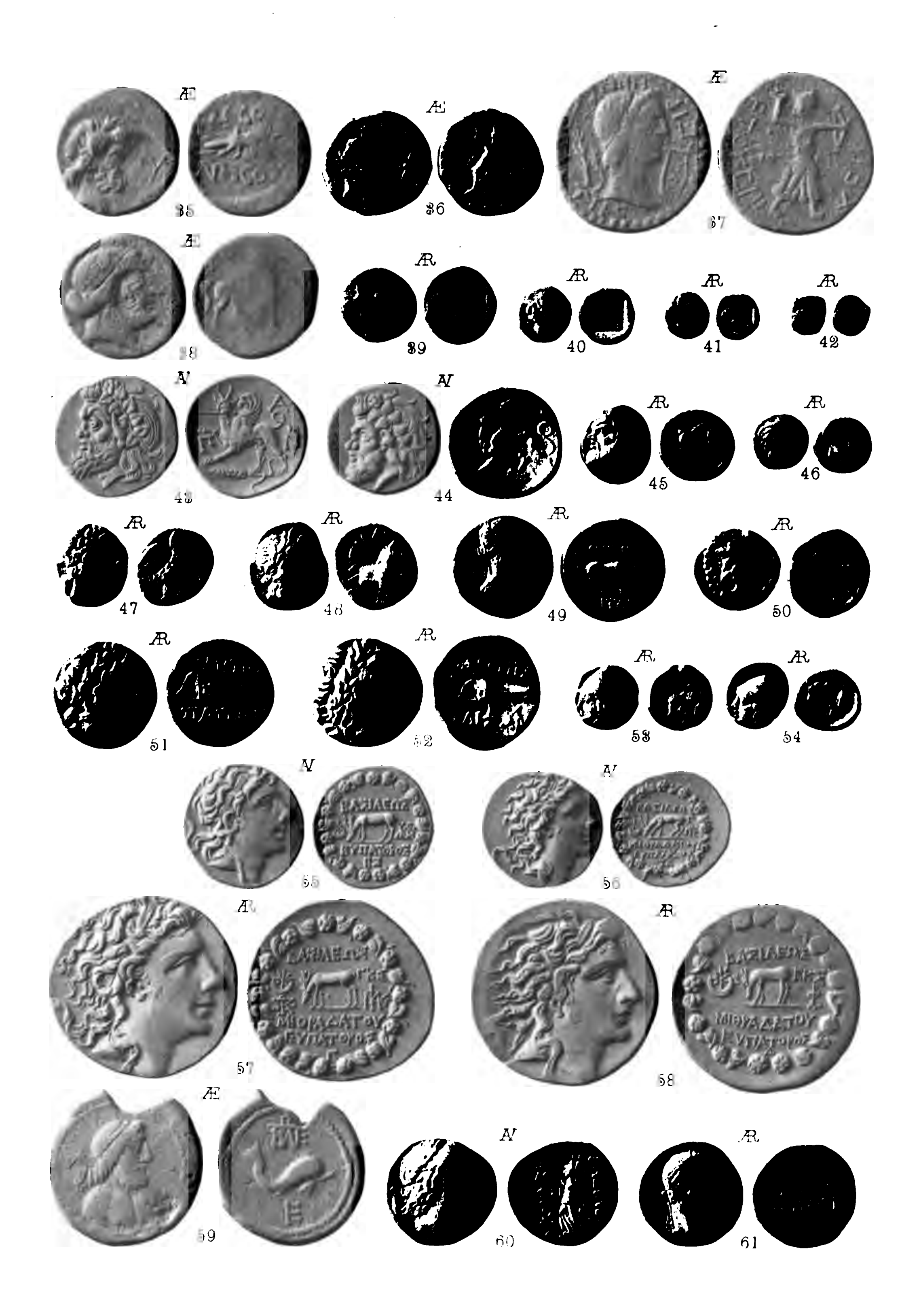
ИЗБРАННЫЕ ВЪ ПРЕЖНІЕ ГОДЫ, НА ОСНОВАНІИ УСТАВА 1849 ГОДА.

Мельниковъ, Степанъ Егоровичъ, въ Чистополѣ, избр. 12 декабря 1857 г.
Струковъ, Дмитрій Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 15 января 1865 г.

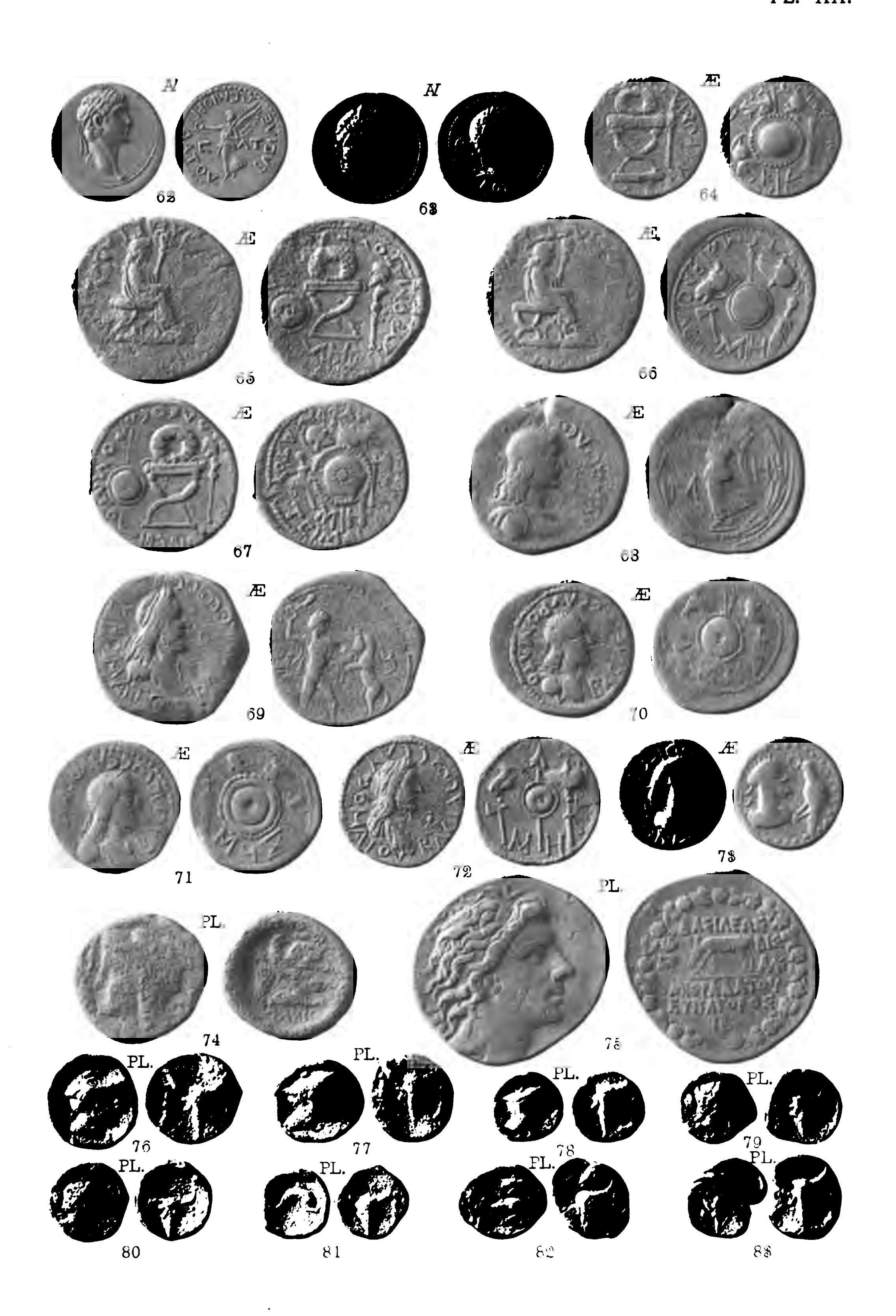

Photohyalotypie de l'Expédition pour la confection des papiers de l'État.

PL. XIX.

Photohyalotypie de l'Expédition pour la confection des papiers de l'État.

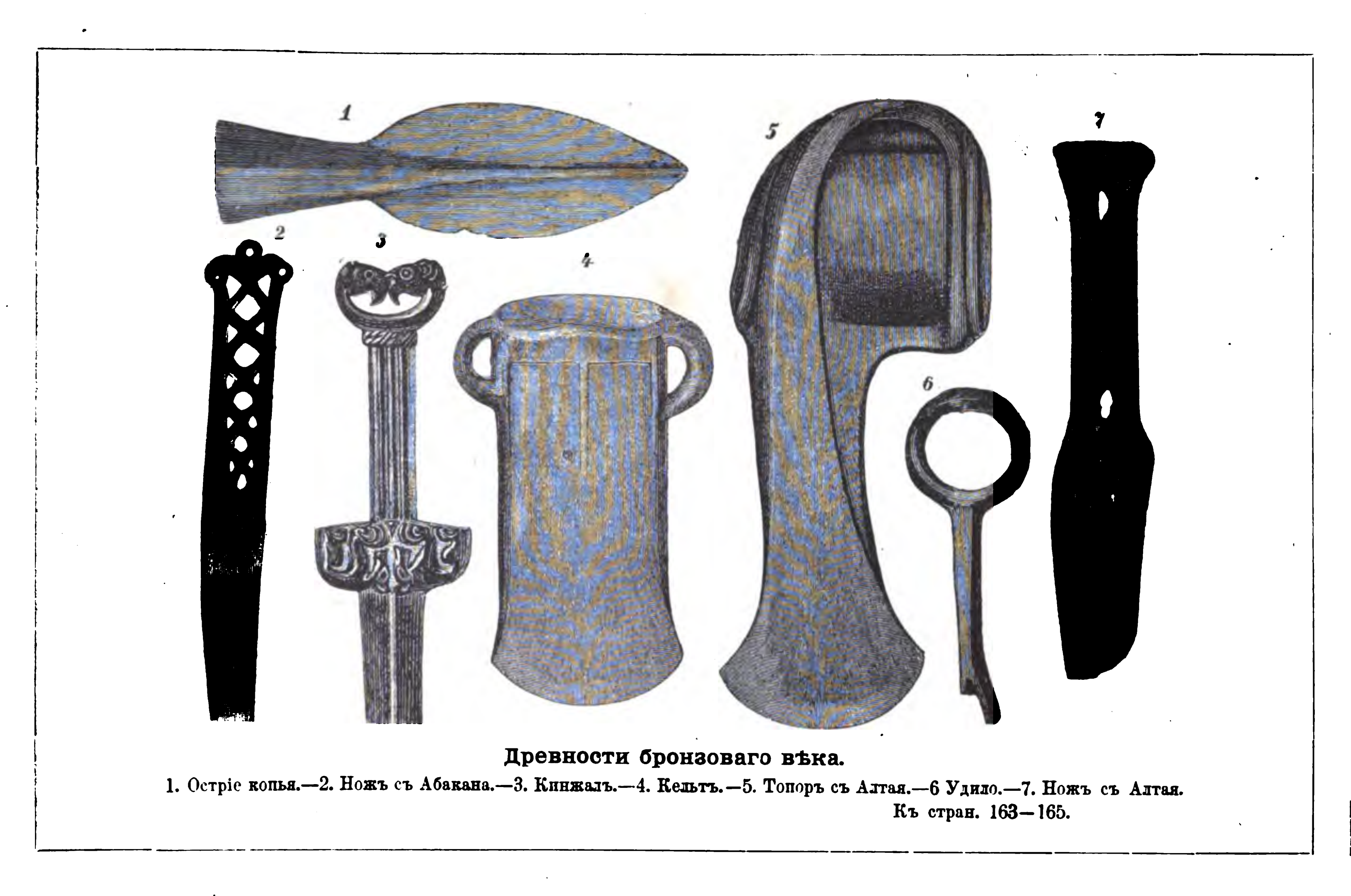
Photohyalotypie de l'Expédition pour la confection des papiers de l'État.

Каменныя могилы на Абаканѣ.

1. Могильникъ. — 2. Прямоугольныя плоскія могилы.—3. Большая прямоугольная могила.—4. Квадратная могила.—5 и 8. Разрѣзы.—6 и 7. Прямоугольныя могилы.

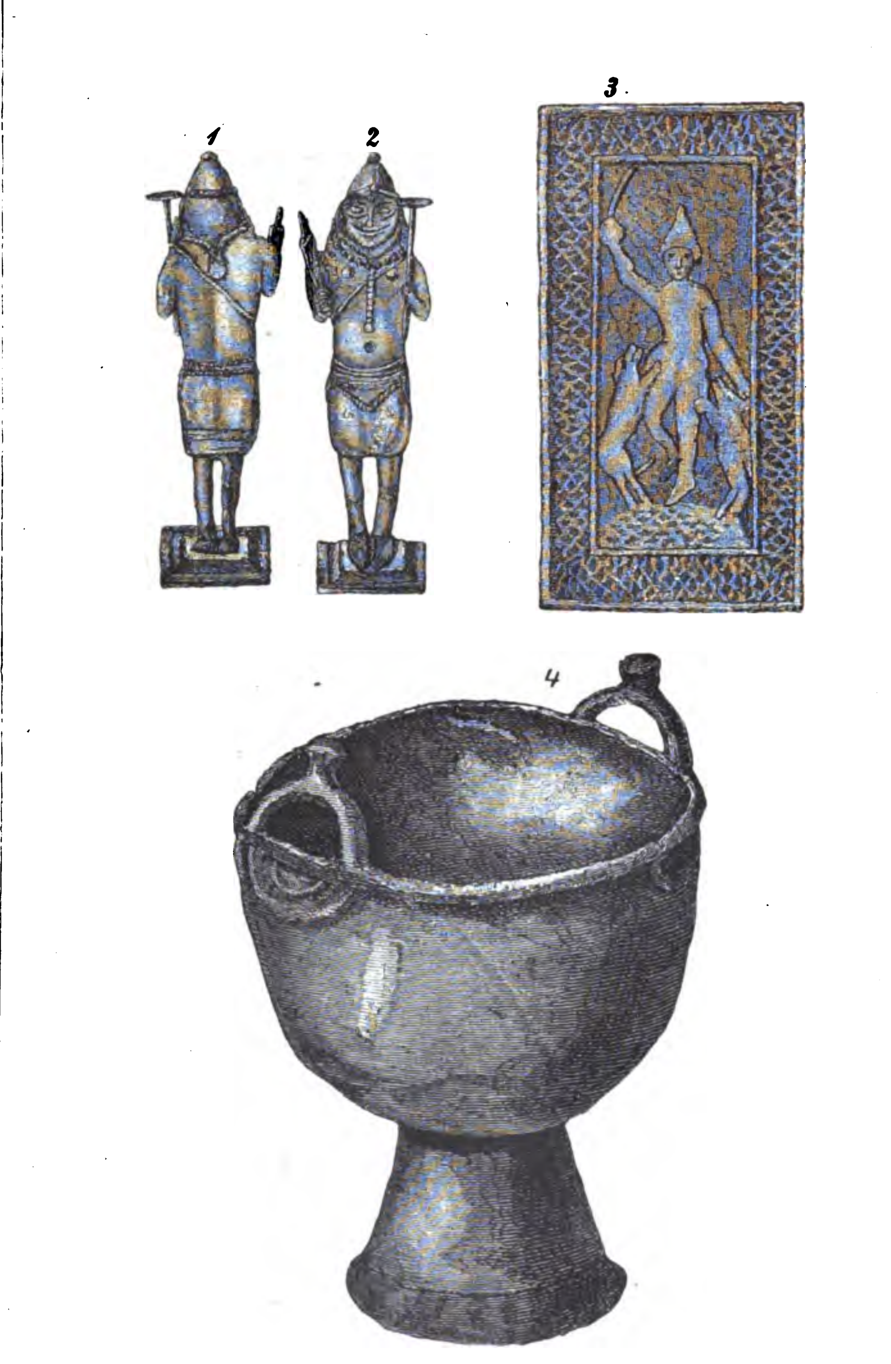
Къ стран. 148—150.

Древности бронзоваго вѣка.

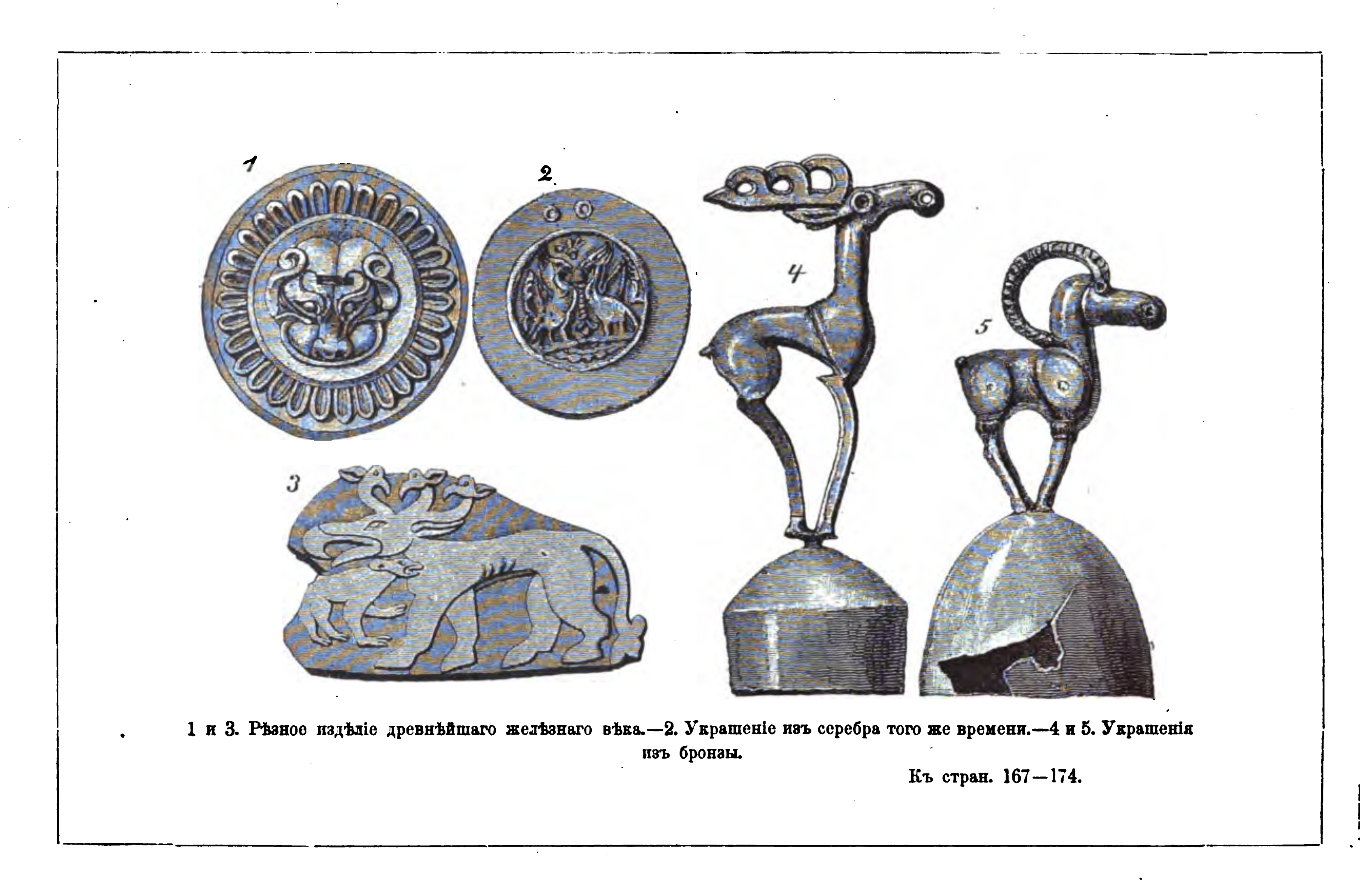
1. Остріе копья.—2. Ножъ съ Абакана.—3. Кинжалъ.—4. Кельтъ.—5. Топоръ съ Алтая.—6 Удило.—7. Ножъ съ Алтая.

Къ стран. 163—165.

1. 2. Бронзовая статуэтка (спереди и сзади).—3. Бронзовая пластинка.—4. Мѣдный котелъ.

Къ стран. 166 и 176.

1 и 3. Рѣзное издѣліе древнѣйшаго желѣзнаго вѣка.—2. Украшеніе изъ серебра того же времени.—4 и 5. Украшенія изъ бронзы.

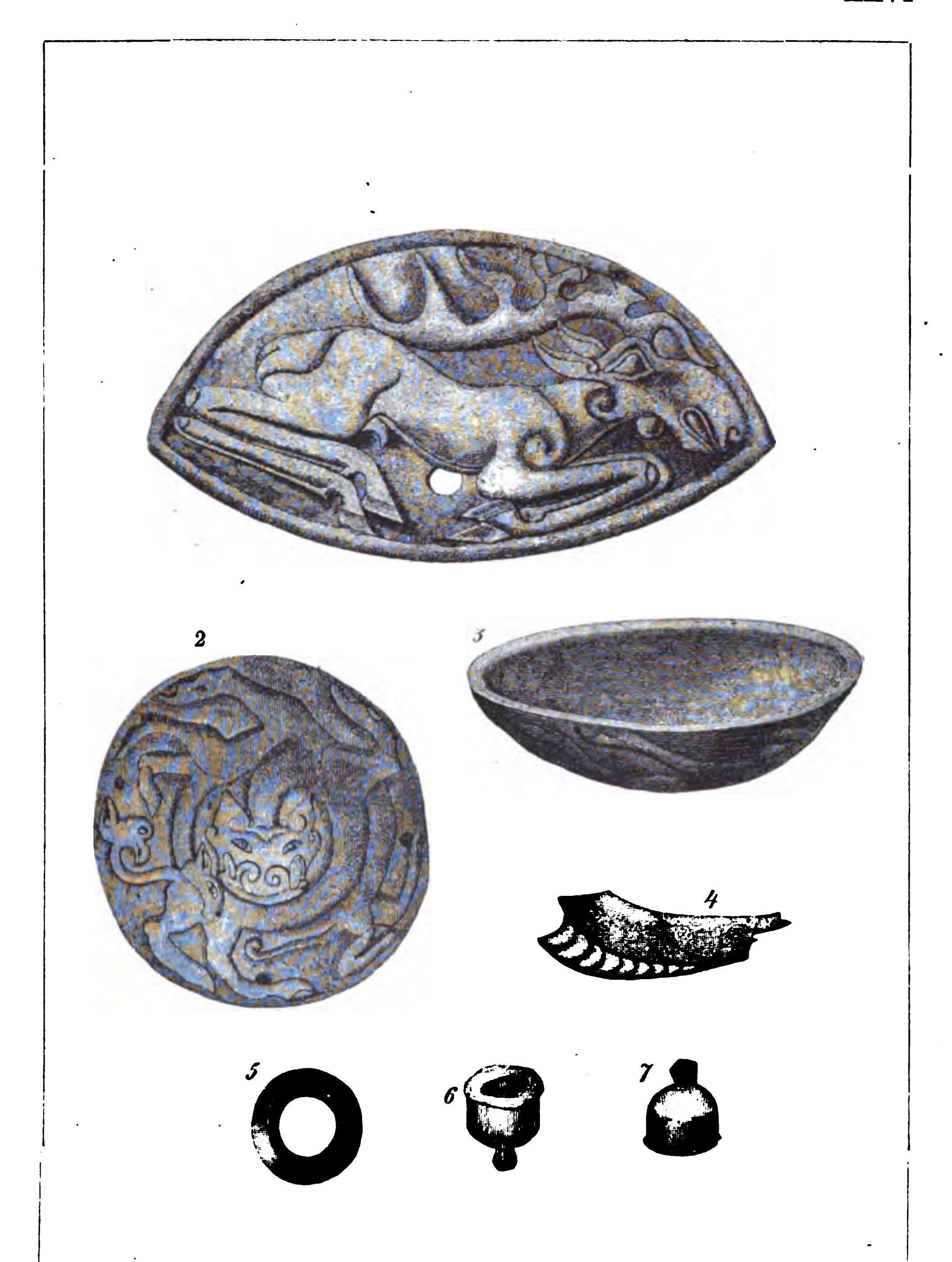
Къ стран. 167—174.

Древнѣйшій желѣзный вѣкъ. Могилы на Катандѣ.

1—3. Могилы въ первомъ могильникѣ: — 4—9. Большой могильный склепъ во второмъ могильникѣ: 4. Наружный видъ. — 5. Вертикальный разрѣзъ по направленію съ С. на Ю. — 6. Вертикальный разрѣзъ нижней части могильной ямы по направленію съ В. на З. — 7. Горизонтальный разрѣзъ В. — 8. Горизонтальный разрѣзъ С. — 9. Вертикальный разрѣзъ нижней части могильной ямы, по направленію съ С. на Ю.

Къ стран. 181—183.

Деревянныя рѣзныя издѣлія изъ большой могилы на Катаидѣ.

Къ стран. 185.

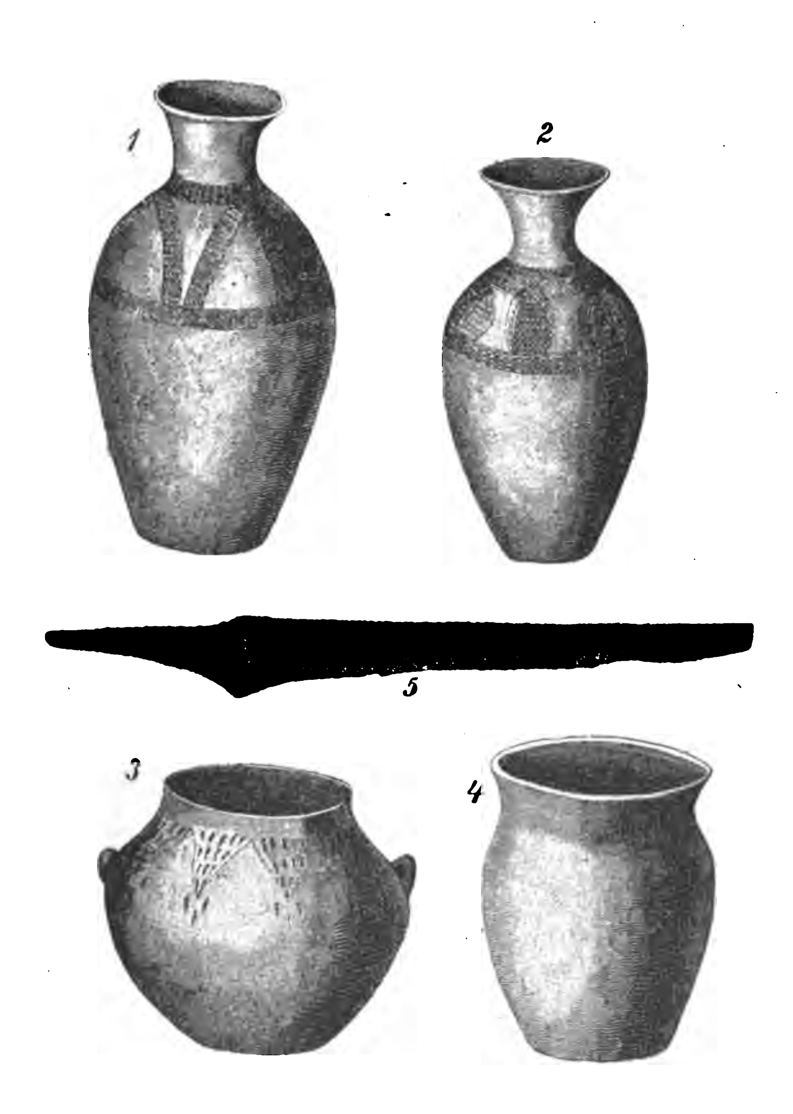

Новѣйшій желѣзный вѣкъ.

1, 2, 4 5. Киргизскія могилы на Абаканѣ: 1. Видъ могильника.—2. Могильный холмъ.—4. Разрѣзъ могильной ямы содержащей утварь покойника.—5. Разрѣзъ могильной ямы съ остовомъ.

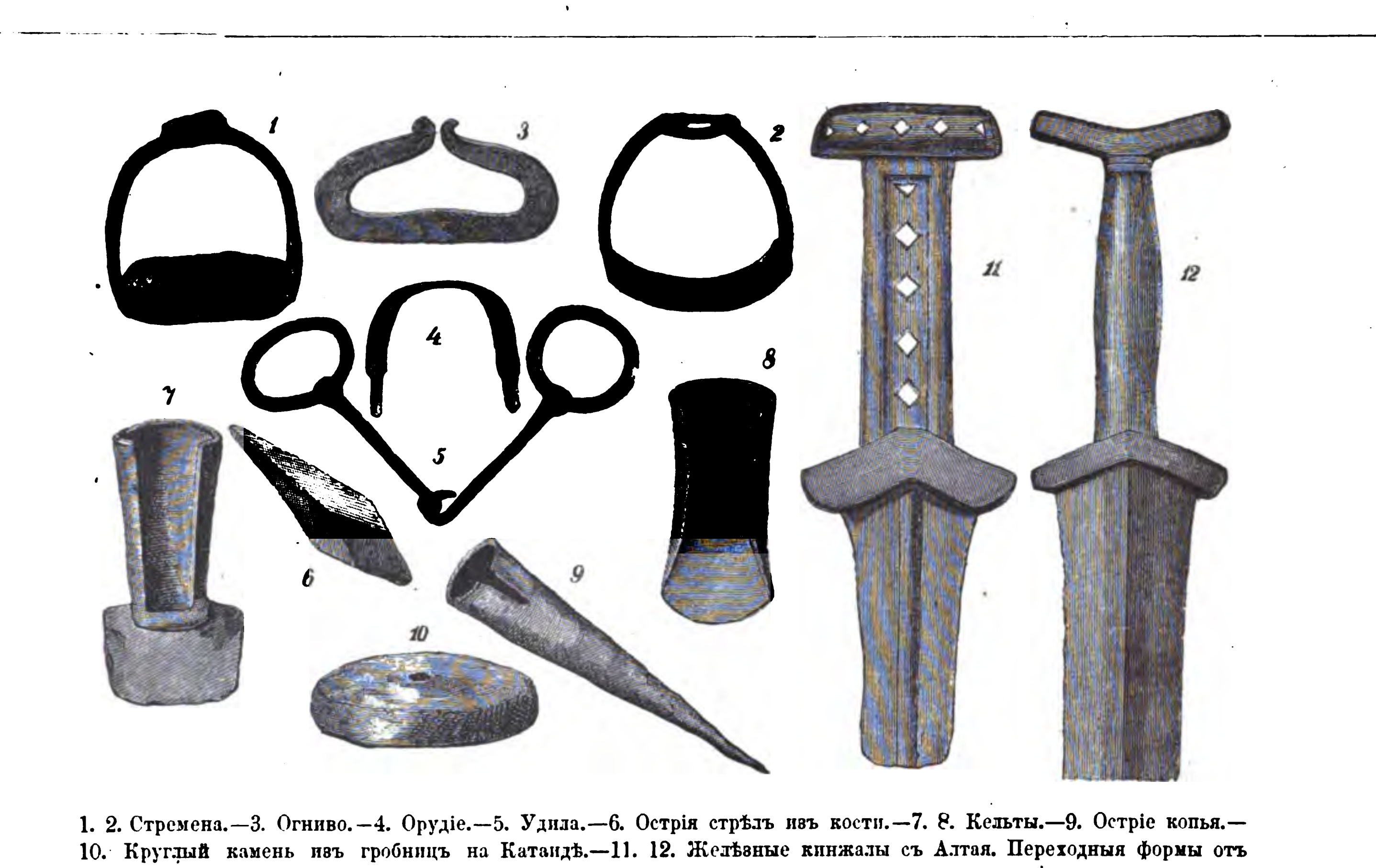
3 и 6. Могилы на Чолымѣ: 3. Могильникъ въ лѣсу.—6. Разрѣзъ вскрытой могилы.

Къ стран. 192.

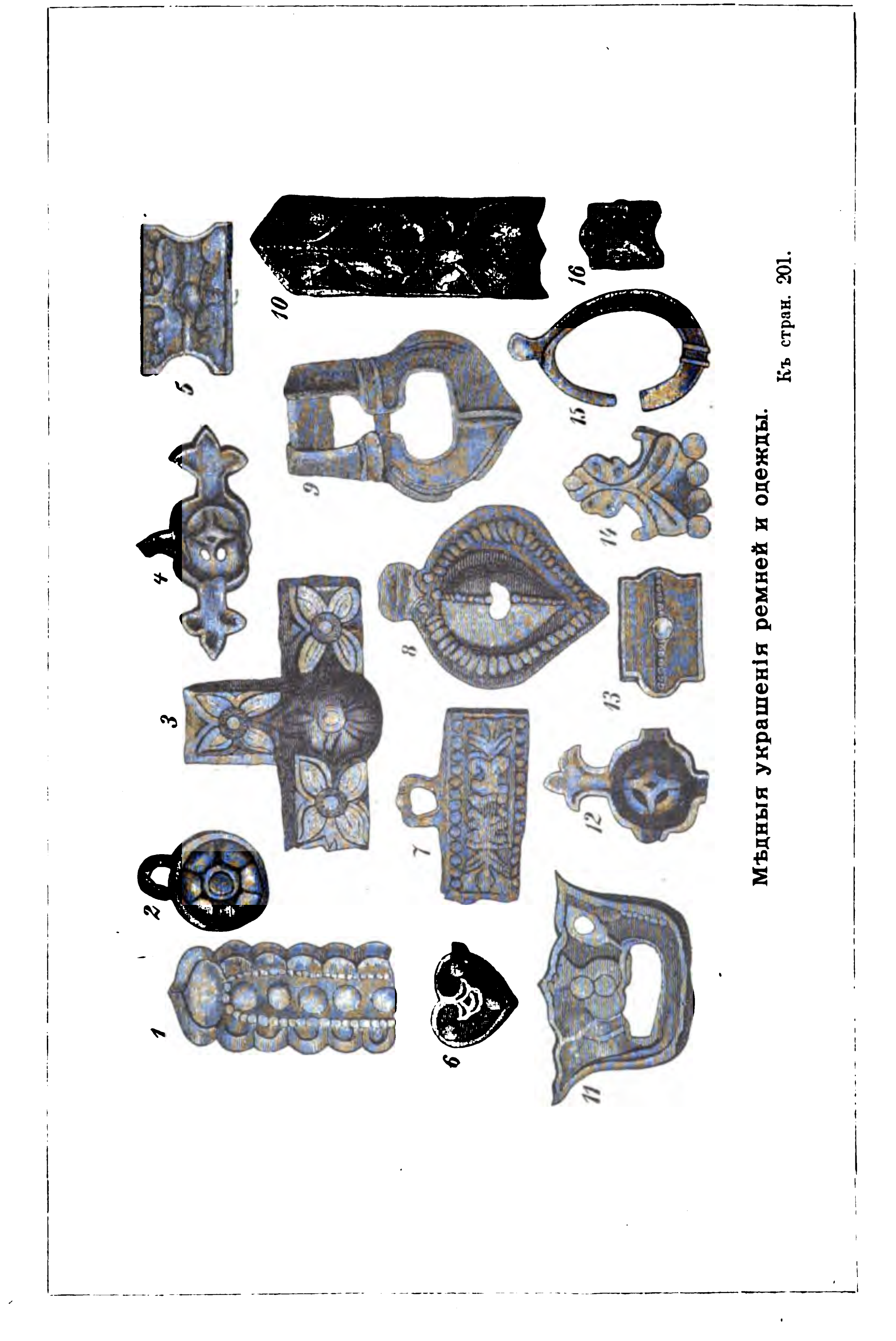
1. 2. Погребальныя урны изъ мужскихъ киргизскихъ гробницъ на Абаканѣ.—3. 4. Погребальныя урны изъ женскихъ киргизскихъ гробницъ на Абаканѣ.—5. Ножъ изъ Киргизской гробницы.

Къ стран. 193.

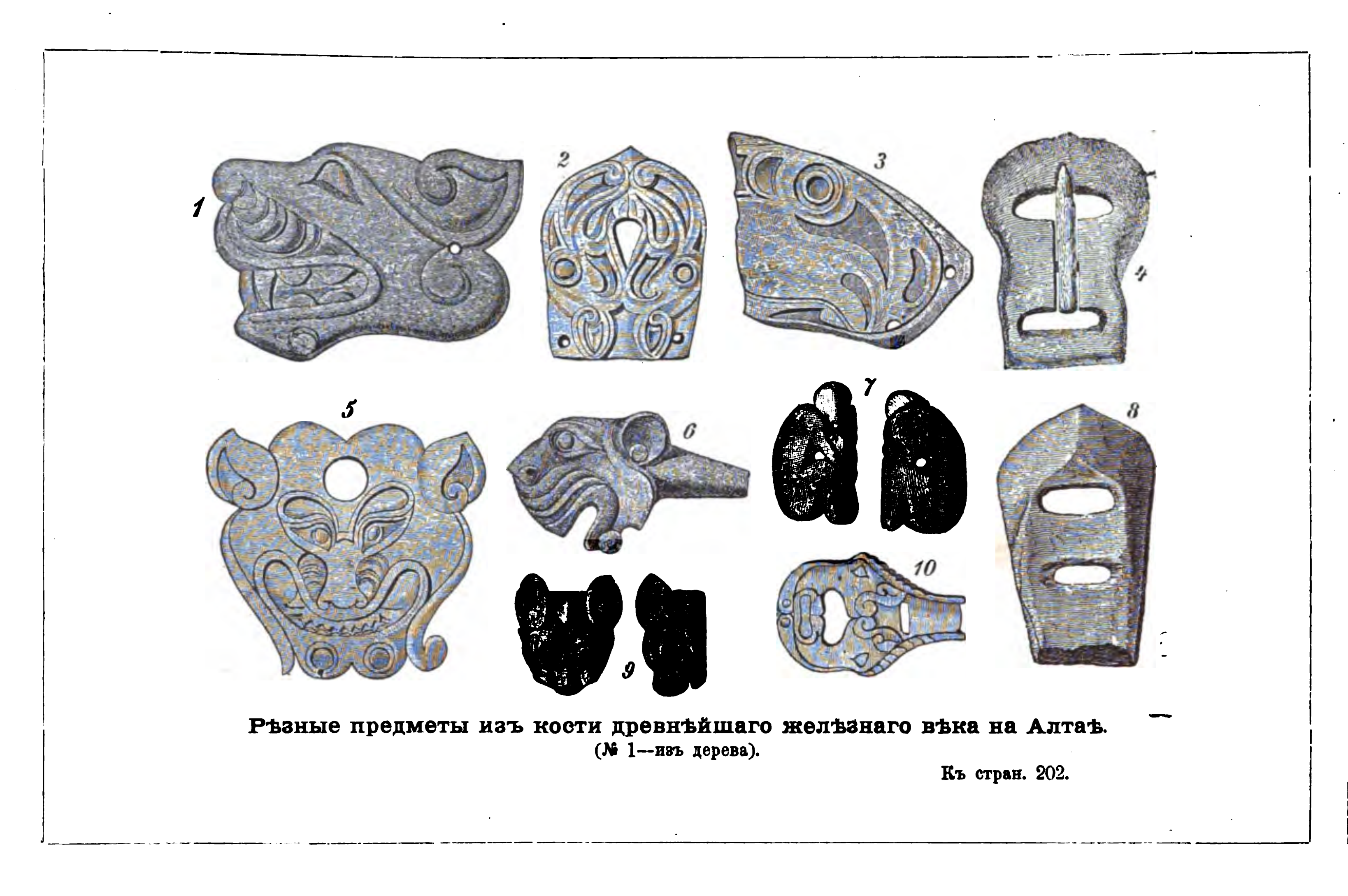
1. 2. Стремена.—3. Огниво.—4. Орудіе.—5. Удила.—6. Острія стрѣлъ изъ кости.—7. 8. Кельты.—9. Остріе копья.—10. Круглый камень изъ гробницъ на Катандѣ.—11. 12. Желѣзные кинжалы съ Алтая. Переходныя формы отъ бронзоваго вѣка.

Къ стран. 198.

Мѣдныя украшенія ремней и одежды.

Къ стран. 201.

Рѣзные предметы изъ кости древнѣйшаго желѣзнаго вѣка на Алтаѣ.
(№ 1—изъ дерева).

Къ стран. 202.

1. 2. 3. 4. 5. 6.

Худ. фотот. А. И. Вильборгъ. СПб.

T. XXXIII.

